И. Н. Черный

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ДАННЫЕ ДОСТОВЕРНЫ

ДАННЫЕ ДОСТОВЕРНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: «В августе сорок второго года по заданию Генерального штаба в районе Житковичей на Булевом болоте приземлился с парашютом капитан И. Н. Черный. Ему предстояло собрать информацию о противнике в Бресте, Барановичах, Пинске, Ровно, Ковеле, взять под контроль железнодорожные перевозки фашистов, определить расположение их крупнейших авиационных баз, следить за перемещением воинских частей. Советский офицер успешно выполнил задание. Его бойцы совершали дерзкие диверсионные акты, добывали ценнейшую информацию. Они обнаружили и описали вражеские танки и самоходные установки «тигр», «пантера» и «фердинанд», а весной сорок четвертого года проникли за Буг и с помощью польских патриотов начали разведку Варшавы, Люблина, Демблина. Обо всем этом и рассказывается в книге».

Приводится разметка страниц в соответствии с печатным оригиналом. Номер страницы указывается в квадратных скобках и ставится в конце страницы, которую обозначает. От следующей страницы номер отделяется пустой строкой.

- Черный Иван Николаевич
  - Предисловие
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28

- comments
  - 1

Черный Иван Николаевич
ДАННЫЕ ДОСТОВЕРНЫ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

4-49
Ч-795.11

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПОЛКОВНИК
И. Н. ЧЕРНЫЙ

ДАННЫЕ ДОСТОВЕРНЫ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1968

Предисловие

Шел грозный 1942 год.

Красная Армия непрерывно наращивала силу своих ударов. По призыву партии в глубоком тылу врага возникали партизанские отряды. Партизаны выходили на коммуникации противника, срывали военные перевозки фашистов, громили их гарнизоны.

На оккупированной врагом территории необходимо было создать разведывательные организации, взять под контроль перемещение воинских частей, все военные перевозки, проникнуть в гарнизоны и штабы тылов вермахта.

Благодаря беззаветному мужеству советских людей вскоре оказалась решенной и эта задача. Для разведки противника использовались, в частности, возможности уже действовавших партизанских отрядов и соединений.

О боевых буднях одного такого соединения и рассказывает автор книги «Данные достоверны» Герой Советского Союза полковник И. Н. Черный.

В августе 1942 года капитан Черный приземлился с парашютом в районе базы партизанского отряда Героя Советского Союза Г. М. Линькова. Капитан Черный имел приказ в кратчайший срок организовать сбор информации о противнике в крупнейших городах и железнодорожных узлах Белоруссии — Пинске, Житковичах, Бресте, Барановичах, Ковеле, Сарнах, Лунинце, Ганцевичах. Приняв впоследствии отряд Г. М. Линькова, молодой офицер выполнил приказ командования, создав организацию, нацеленную на планомерную и своевременную разведку противника.

Уже к весне 1943 года ни один воинский эшелон не проходил через район действий соединения Черного незамеченным, ни одна передислокация частей врага не оставалась тайной для советского командования. Разведчики Черного первыми сообщили в Центр о появлении у противника танков и самоходных установок «тигр», «пантера» и «фердинанд», передали их тактико-технические дан-

ные, проследили движение эшелонов с новой фашистской техникой на центральные участки фронта.

В дальнейшем соединение И. Н. Черного форсировало Западный Буг и, выполняя новый приказ, взяло под контроль вражеские соединения и части, дислоцированные на территории

оккупированной Польши. Разведчики проникли в Варшаву, Демблин, Луков, Любартов. В их сложной и ответственной работе в этот период большую помощь оказали польские патриоты.

Данные, которые добывали для Красной Армии партизаны и партизанки из отрядов И. Н. Черного, действительно всегда были достоверными.

Воспоминания полковника И. Н. Черного читаются с большим интересом. Автор правдиво рассказывает, как начинался сбор информации о противнике, раскрывает методы работы партизанских разведчиков, показывает приемы, которыми пользовались партизаны, чтобы привлечь на свою сторону нужных людей, не навлекая на них подозрений гестапо.

Значение книги, однако, не только в профессиональной добросовестности. Каждая строка ее воспитывает беспредельную любовь к Советской Родине, учит смелости, мужеству, отваге, верности товарищам и ненависти к врагу.

Л. БЕКРЕНЕВ

[4]

1

Светлой памяти боевых товарищей посвящается{1}

Вызов к полковнику Петру Никифоровичу Чекмазову, заместителю начальника штаба нашего Брянского фронта, не удивил, хотя и не обрадовал.

Не удивил, потому что вызова я ждал.

А не обрадовал, потому что похвастаться было нечем: нехорошо получилось третьего дня там, у Белёво...

Шла весна сорок второго года. Гитлеровцы, разгромленные под Москвой, подтянули резервы, стабилизировали фронт, готовились к новому наступлению. Судя по некоторым данным, наступление должно было развернуться на Южном фронте, скорее всего, в направлении Ростова. Однако эти данные требовали подтверждения и уточнения, и на всех фронтах усилилась деятельность разведчиков. То же было и на Брянском фронте. Командованию требовался «язык». Хорошо осведомленный «язык». Не какой-нибудь рядовой или ефрейтор, а офицер, и, желательно, штабной, знающий не только номер части и фамилию командира...

Задачу захвата пленного возложили третьего дня на специальный отряд разведки фронта, которым в то время пришлось мне командовать. Отряд был создан прошлой осенью из комсомольцев-добровольцев прифронтовых областей.

Днем нас перебросили на грузовиках из Ельца к штабу дивизии, в чьей полосе предстояло вести поиск «языка».

По приказу командира дивизии явились трое бойцов разведроты. Им поручили провести отряд под Белёво к переднему краю обороны немецкого соединения, к лесному завалу, сооруженному фашистами перед своими позициями.

Незаметно преодолев завал, отряд проник бы в расположение фашистской части, внезапным налетом разгромил ее штаб...

Месяц назад отряд обошелся бы и без дивизионных разведчиков: пока оборона с обеих сторон оставалась очаговой, мы не раз ходили за «языками» на рокадную дорогу противника под Белёво и Чернью.

Но то было месяц назад! А теперь линия фронта «устоялась», оборона противника опоясалась системой огневых точек и

различных препятствий, стала сплошной, а времени для ее обстоятельного изучения офицеры отряда не имели. Приходилось полагаться на дивизионную разведку.

Проводники повели нас.

Повели ночным, буйно распушившимся майским лесом, свежесть которого не могла заглушить даже война.

Странное это ощущение — вдыхать запахи молодой зелени, влажной земли и сырого прошлогоднего листа, не забывая о том, что вдыхаешь их, может, в последний раз...

Сначала мы шли лесной дорогой, потом свернули на одну тропу, на другую, на третью. Залегли. Поднялись, прошли метров сто и опять залегли. Поднялись и снова продвинулись на сотню метров...

Мне стало казаться, что дивизионные разведчики заблудились, как вдруг старший из них шепотом сказал:

— Все, товарищ капитан.

— Что — «все»?

— Наша оборона позади. Мы в ничейной зоне.

Различить что-либо в зыбкой темноте летней ночи, в глухом лесу — невозможно. Где-то справа и слева стреляли, да и то лениво. Каким-то чудом мы миновали линию собственной обороны, не натолкнувшись ни на одну огневую точку, ни на один пост боевого охранения. Это беспокоило, но, в конце концов, дивизионным разведчикам следовало верить. Они обязаны были знать, куда выводят!

— Нам идти, товарищ капитан? — прошептал старший.

— Идите...

Проводники исчезли.

Отряд продвинулся вперед.

Ходить наши разведчики умели. Народ был опытный, обстрелянный. И мой заместитель Хализов, и командир второго взвода Иван Хрусталев, и ординарец Демченко, и молодой, совсем мальчишечка, разведчик Иван Савельев, и наши санитарки Валя, Лиза, Маша — все уже побыва-

ли во вражеском тылу. Причем санитарками девушки были, так сказать, «по совместительству». Они тоже принимали участие в операциях. Сегодня им предстояло после захвата немецкого блиндажа быстро забрать необходимые документы.

Мы шли около получаса, а сооруженного немцами лесного завала достичь не могли.

Чувство тревоги нарастало.

«Может, нас неправильно информировали, завал у немцев не

сплошной, и теперь мы миновали его, углубляемся в расположение фашистских частей?» — думал я.

Передали, что обнаружен телефонный кабель. Я вздохнул посвободнее. Рано или поздно кабель выведет к землянке противника!

Взводы подтянулись. Мы двинулись вдоль кабеля, готовые к схватке.

Впереди возникли неясные очертания какого-то бугорка.

Залегли.

Неслышными тенями подползли к бугорку.

Так и есть — землянка!

И — смутный говор...

Вслушались, озадаченные. Речь была русской.

— Вот черт... — дохнул над ухом Хализов.

Я остановил его. Послушали еще. Сомнений не оставалось — разговаривали свои.

Мы поднялись. Тут же нас окликнул часовой. Назвали пароль. Получили отзыв.

В землянке приотворилась дверь, сквозь тьму проступил желтоватый прямоугольничек тусклого света.

— Харитонов, что там у тебя?!

Оказалось, мы вышли на командный пункт одной из наших стрелковых рот.

Объяснив командиру роты, в чем дело, я попросил связать меня с командиром дивизии.

Голос командира дивизии по телефону звучал глуховато, но был достаточно выразительным.

Он не пожалел крепких слов в адрес своих разведчиков.

— Чем могу помочь, капитан?

Я попросил дать указание артиллерии — в случае чего прикрыть нас огнем.

— Все сделаю! — пообещал комдив.

[7]

Командир роты сообщил, что до завала еще метров пятьсот, не меньше.

— Не поздновато, капитан? — спросил комроты. — Скоро начнет светать.

Мы вышли из землянки.

Тянуло холодом. Тьма словно бы редела. Можно было различить верхушки отдельных деревьев.

— Завал у них глубокий, — сказал командир роты. — Наворочали, гады! Деревья на полметра от корня подрубали, накрест валили. Может, и мин натыкали. Трудно будет, капитан.

Рассветет — увидят...

— Мы пойдем, — сказал я.

На завал выходили тремя взводами. Слева — Хализов, в центре — старшина Хрусталев, справа — младший лейтенант Гапоненко.

Я шел с Хрусталевым.

Завал оказался нешуточным, в точности таким, как рассказывал командир роты. Идти по нему нельзя — ногу сломаешь. Надо ползти. Но ползти по оседающим стволам, по сучьям не больно-то ловко. Нет-нет, да и брякнет чей-нибудь автомат, стукнет по дереву зачехленная лопата, кто-то сорвется и нашумит.

Стало развидняться, и мы отчетливо увидели сторожевые вышки немцев.

Но с вышек тоже увидели нас.

На отряд обрушился огонь автоматов, минометов и артиллерии. Нас пытались прижать к завалу, отсечь от своих.

Пули с визгом сбривали высоко торчащие сучья поваленных деревьев, в воздух взлетали фонтаны земли, дыма и обломков дерева. Скоро визг пуль потонул в общем гуле. Вздрагивала земля. Вздрагивал завал.

Ведя ответный огонь, мы начали отход.

Били из автоматов по ближней вышке, по кустам, по густым деревьям, в кроне которых могли укрыться фашистские «кукушки», и отходили.

Ударила наша артиллерия. Комдив сдержал слово, а дивизионные артиллеристы оказались на высоте. Мы увидели столбы дыма и огня в расположении врага, заметили, как прямым попаданием снесло одну из немецких вышек.

На душе стало легче, но вдруг я почувствовал, что остро щиплет в носу, а на губах пузырится, словно закипает, сладковатая слюна.

Газы! Я судорожно рванул противогаз.

[8]

Но тут же сообразил — это не газы, это едкий дым от сплошных разрывов и стрельбы плотно повис над сырым утренним лесом.

Наши накрыли немецкие орудия: отсечный огонь противника ослабел.

Минут через пятнадцать отряд уже стоял возле землянки знакомого командира роты, ожидая, когда подтянутся фланговые взводы.

По телефону я доложил командиру дивизии о случившемся.

— Возвращайтесь, — кашлянув, сказал комдив. — Вам звонили из большого хозяйства.

Под большим хозяйством подразумевался штаб фронта.

Я выстроил людей и повел в тыл... Да. нехорошо получилось там, под Белёво. Наверное, поэтому и вызывал меня Чекмазов. И конечно, его вызов не радовал.

* * *

Полковник Чекмазов, невысокий, худощавый, загорелый, стоял за столом, сбитым из выструганных сосновых досок.

Выслушал доклад, протянул жесткую ладонь:

— Садись!

Мы знали друг друга не первый день; я был моложе, и в отношении Чекмазова ко мне всегда сквозило нечто похожее на отношение отца к сыну или учителя к ученику.

Я сел на табурет.

— Догадываешься, зачем вызвал? — спросил Чекмазов.

— Догадываюсь. Насчет прошлой операции.

Щурясь, Чекмазов провел рукой по волосам:

— Значит, не догадываешься.

В его голосе слышалось странное удовлетворение. Впрочем, Чекмазов тут же помрачнел, придвинул ко мне лежавший на столе лист бумаги:

— Читай. Тебя вызывают в Москву.

Я переводил растерянный взгляд с Чекмазова на бумагу, с бумаги — на Чекмазова.

— Читай, читай.

Я взял придвинутый лист.

Это и в самом деле был вызов. Наркомат обороны требовал откомандировать капитана Черного И. Н. В свое распоряжение.

— Просили подобрать офицеров и рекомендовать

[9]

Центру для работы. Военный совет фронта назвал и твою фамилию... Вот, стало быть... Ну а как ты лично относишься к вызову?

— Как я могу относиться, товарищ полковник? Ваше дело решать — отпустить меня или нет.

— Хитер! — насмешливо сказал Чекмазов. — Дело-то это мое, конечно... Да ведь ты перед войной спецподготовку проходил...

— Так, но...

— Вот тебе и «но»! — сказал Чекмазов и, придвинув к себе вызов, снова сердито уставился в бумагу.

— Кто у тебя сейчас заместителем? — отрывисто спросил он.

— Старший лейтенант Хализов.

— Ему и передашь отряд.

— Есть передать отряд старшему лейтенанту Хализову... Когда выезжать, товарищ полковник?

— Сегодня и выезжать, — сказал Чекмазов. — Сейчас распоряжусь, приготовят документы... Сиди, сиди. Чайком побалую напоследок. Заодно расскажешь, как вы там, под Белёво, отличились...

К концу моего рассказа вошел адъютант, доложил, что документы готовы.

Чекмазов размашисто подписал командировочное удостоверение.

— Не скажете, когда ночной поезд на Москву? — обратился я к адъютанту.

Адъютант не успел припомнить.

— Какой там поезд? — вмешался Чекмазов. — Мою «эмку» возьмешь. Быстрей и надежней.

— Неудобно, товарищ полковник... Вы-то как же останетесь?

— Дают — бери, — сказал Чекмазов. — Только машину сразу обратно!

— Слушаюсь!

Чекмазов поднялся, протянул мне командировочное удостоверение: — Ну, Ваня... Успехов тебе на новом месте.

— Спасибо, товарищ полковник. Счастливо вам оставаться.

— Приветы знакомым передашь.

— Обязательно!

— А самый низкий поклон — Москве! И пиши, слышишь?

[10]

— Непременно напишу, товарищ полковник!

Чекмазов провел рукой по волосам.

— Добавь: если смогу.

Мы оба улыбнулись.

— Ладно, — сказал Чекмазов, — вздыхать нашему брату не положено, да и времени нет. Поезжай.

И крепко пожал мне руку.

Демченко, увидев чекмазовскую «эмку» и узнав, что я срочно уезжаю, расстроился.

— И не весь отряд в сборе, — говорил он, собирая вещи, — и поесть-то вы толком не поели, и вообще...

Я обнял ординарца. Попросил Хализова построить бойцов, находившихся на месте. Простился с ними. И еще не успело зайти огромное багровое солнце, уже трясся в видавшей виды «эмке» по разбитому шоссе на северо-восток — к Москве.

«Зачем же все-таки вызывают? — в который раз спрашивал я самого себя, глядя на розоватый от заходящего солнца, выщербленный, порченный воронками асфальт, на обгрызенный бомбежками лес вдоль дороги, на встречные машины. — Зачем?..»

2

Я не был в Москве с 27 июня 1941 года, с того самого дня, как меня и еще нескольких слушателей академии имени Фрунзе направили в группу полковника Свирина и самолетом забросили в Могилев, в штаб Западного фронта.

Предполагалось, что мы летим в командировку. «Командировка» затянулась на целый год...

Чего только я не делал, чего не повидал и не пережил за этот год, первый год войны!

Началось с Рогачева. Тут, вблизи линии фронта, с помощью секретаря Рогачевского районного комитета партии товарища Свердлова и под руководством капитана Азарова начал подбирать, готовить и перебрасывать в тыл врага первые разведгруппы. Отсюда послал первую информацию штабу фронта. Первый раз сходил в тыл врага сам.

Потом — Центральный фронт. Мне поручили доложить о проделанной работе первому секретарю ЦК КП(б) Бе-

лоруссии, члену Военного совета Центрального фронта товарищу Пономаренко. Я нашел его в разбитом городке, в огромном, пустынном и гулком здании старинного костела, превращенного на несколько дней в подобие штаба.

Своды костела терялись в зыбком сумраке. Пахло камнем. И казалось, прошла вечность, прежде чем я дошагал до стола, возле которого сидел усталый, сутулый от недосыпа Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко.

Он выслушал меня, не прерывая. Его интересовала обстановка.

Голос у Пономаренко оказался высоким, неожиданно звонким.

Мне думалось, что такой усталый человек должен говорить медленно, глуховато, и я подивился такой звонкости...

После этой встречи я выехал в 63-й стрелковый корпус.

Командовал им комкор Петровский.

Все называли Петровского за глаза генерал-лейтенантом, но этого звания ему еще не успели присвоить, и официально он подписывался так, как привык подписываться: комкор.

Немолодой, он держался очень прямо и казался высоким. Носил старую однобортную шинель. Беседуя, смотрел собеседнику прямо в глаза. Голоса никогда не повышал, но говорил четко, как бы отрубая фразы. И всегда говорил только

правду, не успокаивая офицеров и солдат деланным бодрячеством.

Наверное, за это Петровского и любили.

Наверное, поэтому и выдержал корпус Петровского тот страшный удар, который должна была принять на себя вся армия, оказавшаяся под угрозой окружения.

Армия вырвалась, а корпус Петровского прикрыл отход, не дал фашистам прорваться и развить успех. В тяжелых боях командир корпуса был убит.

Это случилось в середине августа в районе Гдова.

Я узнал об этом гораздо позже: сам в то время с группой бойцов пробивался к Гомелю.

Мы подъезжали к Гомелю ночью. Вблизи города натолкнулись на артиллеристов, разворачивавших орудия. Кое-как разобрались, чьи артиллеристы. Оказалось — наши, и выяснилось, что Гомель тоже наш.

Измученные, мы заночевали у «богов войны» и в Го-

мель въехали уже поздним утром, угодив как раз под очередную зверскую бомбежку.

Переждав налет, тронулись на поиски штаба фронта. Ехали по Советской улице. Она лежала в развалинах. Рухнувшие стены обнажали брошенные комнаты. На мостовой валялись перекрученные жаром трубы, кровати, обломки домашних вещей...

Нам сказали, что штаб находится в бывшем замке Мицкевича.

В замке никого, кроме оставленного для связи незнакомого генерала, не оказалось.

Он дал нам приблизительный маршрут движения на восток, вслед за отступавшими частями.

Карт у генерала не было. Впрочем, нужных карт не было и у нас.

Счастье, что в замке Мицкевича, слушая незнакомого генерала, я исписал два листа бумаги, стараясь не пропустить названий населенных пунктов и деревень, через которые предстояло ехать.

Но на полпути от «верной дороги» пришлось отказаться: возникла неожиданная пробка. Люди бежали, шоферы сворачивали с шоссе, гнали машины в лес: кто-то крикнул, что впереди — немецкий десант.

Мы тоже свернули было в лес, но чуть не влетели в болото, где уже завязли десятки автомобилей, вовремя выбрались обратно, развернулись, отмахали несколько километров назад, до

ближайшего проселка, и с этого проселка начался наш тяжкий путь «в обход».

Почти четыреста километров длился этот путь, и в Карачев мы прибыли через Дмитрий-Льговский и Орел.

Тут всего было — и голода, и тревог, и бомбежек...

А в селе Первомайском мы наскочили на немцев.

Фашисты вкатили в не занятое войсками село с другой стороны. Об их появлении сообщил какой-то мальчишечка:

— Дяденька, там фрицы! На машинах!

Поблизости виднелась пожарная каланча. С каланчи мы заметили стоявшую на улице немецкую машину. Шофер копался в моторе. Несколько офицеров прохаживались рядом.

Мы налетели на этих вояк. Офицеров как ветром сдуло. Убежал и шофер, прыгнув в чей-то огород.

Мы прицепили немецкую легковушку к своему грузовику.

[13]

Это был наш первый трофей.

В Карачеве мы поступили в распоряжение штаба Брянского фронта, и тут я потерял своего руководителя и товарища по академии — веселого и бесстрашного капитана Азарова.

Все время мы были вместе, и пули Азарова не брали. А в Карачеве он стал жертвой несчастного случая: сел на передний бампер грузовика, чтобы показывать дорогу в ночи, и получил тяжелую травму...

Военный совет фронта дал мне новое задание, и я отбыл в Курск, в обком партии, чтобы помогать подготовке партизан.

Секретарь обкома товарищ Доронин выслушал рапорт, ознакомил меня с обстановкой и попросил как можно чаще информировать его о работе.

На территории бывших обкомовских дач мы разместили партизанскую школу, начали готовить людей к войне в тылу противника.

Костяк будущих партизан составляли коммунисты и комсомольцы.

Мы учили их тактике партизанских действий, умению вести разведку, совершать диверсионные акты против оккупантов.

Однако отступление продолжалось. Противник прорвался к городу, и 3 ноября мы после упорных боев сдали Курск.

Эта очередная страшная потеря вызвала новый прилив ожесточения против ненавистного врага.

Подбадривало одно: я знал, что в тылу врага остаются вооруженные, неплохо обученные люди, а впереди, на новых рубежах, фашистов ждут подтянутые к фронту, готовые к бою

войска.

Непогода спасала от налетов вражеской авиации, но пока мы дотянулись до Ельца, пришлось выдержать еще несколько жестоких бомбежек.

Мне «везло» — в какой бы город ни направился, прибывал в него, как правило, ночью. То же самое произошло тут, в Ельце.

На въезде в город мы узнали, что штаб фронта стоит за рекой. Нам объяснили, что нужно пересечь Елец и спуститься к переправе. В кромешной тьме поехали искать переправу, но запутались в елецких улочках. Я нервничал. Прекрасно помнил, что спуск мы начали возле какой-

то церквушки, но вот спуск кончился, дорога вновь пошла в гору, вильнула, и мы очутились... возле церквушки.

Снова поехали вниз. Свернули в другую сторону. Поплутали — и оказались... возле церквушки.

Город словно вымер. Ни огонька, ни души. Холод, снег, ветер.

Еще две попытки выбраться к реке закончились тем же, что и предыдущие: мы вновь уперлись в церквушку!

— Все. Будем спать. Утро вечера мудренее, — сказал я шоферу, поняв, что от этой церквушки нынче нам все равно никуда не уехать.

Мы кое-как продремали до свету, когда выяснилось, что церквей в Ельце — как грибов в лесу. Мы стояли везде одной, а купола других темнели и справа, и слева, и на соседних улицах, и вдали...

Выходит, мы тыкались от одной церкви к другой, по простоте полагая, будто упираемся в одно и то же место.

Я велел шоферу помалкивать о паломничестве по елецким святыням. Мы благополучно спустились к переправе, переехали на другой берег и прибыли в штаб Брянского фронта.

Семь с лишним месяцев прошло с того утра.

Здесь, в Ельце, с помощью секретаря Елецкого горкома ВЛКСМ Ани Власенко и члена Орловского обкома ВЛКСМ Любы Шестопаловой я комплектовал отряд из молодежи Ельца, Мичуринска, Тамбова и Задонска.

Около четырехсот человек пришли к нам и воевали так, как могли воевать только советские патриоты: смело, беззаветно, дерзко.

И тут же, в Ельце, познакомился я со старшим политруком Хаджи Бритаевым — тучным веселым тридцатилетним осетином, комиссаром одного из спецотрядов.

Хаджи Бритаев занимался переброской разведчиков через

линию фронта.

Этого кипучего, храброго человека в марте 1942 года я провожал на аэродром: Хаджи улетал в тыл врага.

Я и не думал, что очень скоро наши пути сойдутся, что мы будем воевать рядом с ним, станем близки, как братья...

А вот теперь я оказался в Москве.

Нежданно-негаданно.

[15]

Совершенно не представляя, как теперь повернется моя военная судьба.

Впрочем, естественное волнение, связанное с вызовом Наркомата обороны, на некоторое время уступило место другому чувству: я мысленно готовился к встрече с Москвой.

Противотанковые укрепления остались позади, на подступах к городу.

Я жадно вглядывался в знакомые улицы.

Разрушений не замечал.

За Калужской заставой нас остановил милиционер и потребовал вымыть машину.

Мы и досадовали, и восхищались: порядок!

* * *

Из Наркомата обороны я в тот же день попал на подмосковную дачу, где принял ванну, отдохнул и переоделся во все гражданское.

Выспавшийся, свежий, предстал я на другой день перед мандатной комиссией, все еще не зная, куда меня направят.

За длинным столом сидели члены комиссии — никак не менее пятнадцати полковников и генералов.

Пятнадцать пар глаз внимательно рассматривали меня, пока я рассказывал биографию, отчитывался в боевой службе.

Затем члены комиссии задали несколько вопросов.

Я ответил.

Председатель, вертя в руках карандаш, спросил:

— Куда бы вы хотели попасть, товарищ капитан?

— А куда дальше фронта сейчас попасть можно? — спросил я в свою очередь.

Председатель приподнял бровь. Члены комиссии улыбались.

— Подождите в приемной, — сказал председатель.

Я повернулся налево кругом и вышел.

В приемной раскуривал папиросу старый знакомый — Гриша Харитоненко. Увидел меня — отбросил спичку, раскинул объятия.

— Послушай, Гриша, не знаешь, что мне прочат?

Гриша вытаращил глаза:

— Как?! Ты не в курсе?! — Покосился на дверь мандатной комиссии, дохнул в самое ухо: — В тыл противника полетишь!

[16]

Осведомленность Гриши помогла мне выслушать решение комиссии с относительным спокойствием.

* * *

На той же даче, где я отдыхал и переодевался, началась подготовка к выполнению будущего задания.

Наставниками моими были опытные, до тонкости знающие свое дело люди — полковник Николай Кириллович Патрахальцев и его заместитель подполковник Валерий Сергеевич Знаменский.

Н: К. Патрахальцева я раньше не знал. Помнится, ходили фантастические рассказы о прошлом полковника.

Со временем: я убедился, что многое в этих рассказах было правдой.

Во всяком случае, правдой было то, что Николай Кириллович всегда оказывался там, где пахло порохом.

Судьба бросала его то на Дальний Восток, то в песчаные пустыни Монголии, то на берега Средиземного моря, в оливковые рощи и горы республиканской Испании, то в болота Полесья...

Колоссальный опыт работы Николай Кириллович передавал ученикам настойчиво и умело.

Он имел привычку, обрисовав обстановку, спрашивать, как бы поступил ученик в данном конкретном случае.

Сосредоточенно выслушивал ответ и, если не был удовлетворен, опускал голову на руки, прикрывал глаза и спокойно, как бы рассуждая вслух, давал нужные объяснения.

Валерий Сергеевич Знаменский, высокий, подвижный, внешне выглядел полной противоположностью невысокому, полноватому Патрахальцеву. Но и Знаменскому опыта было не занимать. За успешные действия в тылу противника он был удостоен звания Героя Советского Союза.

17 июля 1942 года общая подготовка закончилась.

Однако я все еще не знал, для выполнения какого задания меня готовят, и мог только гадать, где окажусь в скором времени.

Лето стояло жаркое, пыльное. В голосе Левитана, читавшего сводки информбюро, еще не звучало торжество. Ленинград задыхался в кольце блокады. Войска Волховского фронта, понеся большие потери, не смогли прорваться к городу Ленина. На Центральном участке линия фронта замерла в двухстах километрах от Москвы. Наше наступление под Харьковом остановилось: противник пе-

рехватил стратегическую инициативу и начал наступление на юге, рвался через донские степи к Волге, намереваясь отрезать страну от кавказской нефти.

Может, вскоре я окажусь где-нибудь там, вблизи родных донских степей?..

Мои сомнения разрешились 20 июля.

При очередной встрече Николай Кириллович Патрадальцев сказал, что я буду заброшен в Белоруссию, в район старой государственной границы, к партизанам Григория Матвеевича Линькова.

На стол легла карта-двухверстка.

Я увидел характерные штришки, обозначающие болота с редким кустарником и островками леса.

Через штришки тянулась надпись «Урочище Булево болото».

С востока к Булеву болоту прилегала овальная голубизна — озеро Червонное, с юга — голубое пятнышко поменьше — озеро Белое.

На западе и юго-западе урочище обтекала густая зеленая краска, — видимо, дремучие непроходимые леса, тянувшиеся до голубовато-белесой ленточки реки Случь.

Красный карандаш руководителя поставил на западной окраине Булева болота, неподалеку от деревни Восточные Милевичи, маленький крестик.

— База Линькова, — объяснил Патрахальцев. — Понимаешь, почему сюда передислоцирован отряд?

Я смотрел на карту.

База располагалась в глубине Пинских болот. В таких топях и чащобах противник не может действовать против партизан крупными соединениями, используя свое превосходство в живой силе и технике. Очевидно, Центр учитывал это, перебрасывая отряд Линькова под Милевичи.

Но Центр, конечно, учитывал и другое, главное: район действия отряда покрывала густая сеть шоссейных и железных дорог.

Северо-западнее базы тянулась магистраль Брест — Барановичи — Минск — Смоленск — Москва.

В Барановичах от нее ответвлялась дорога на Луцк и Могилев.

Южнее базы, как по линейке вычерченная, летела магистраль Брест — Пинск — Лунинец — Микашевичи — Житковичи — Мозырь — Гомель.

Через те же Барановичи и Лунинец шла магистраль,

связывающая Ленинград и Ровно.

[18]

В Сарнах эту крупнейшую рокаду гитлеровцев пересекала железная дорога Брест — Ковель — Киев.

Из Бреста выходили шоссе на Москву и Ковель.

Именно по этим магистралям и шоссе устремлялся основной поток фашистских военных перевозок, именно эти дороги использовали гитлеровцы, маневрируя своими резервами.

Со своей базы партизаны Линькова могли наносить удары по главным коммуникациям врага, уничтожать вражеские эшелоны, прерывать движение железнодорожных составов.

— Все правильно, — кивнул Патрахальцев, выслушав мои соображения, — Линьков так и действует. Его подрывники немцам в печенку въелись... Но сейчас важнее всего — разведка! Смотри, какие тут «пауки» сидят...

Остро отточенный карандаш моего наставника быстро перемещался по карте, вонзаясь в толстые кружочки железнодорожных узлов, выпустивших во все стороны извилистые линии путей, похожих на паучьи лапки.

— Брест, Барановичи, Лунинец, — называл Патрахальцев эти кружочки, — Ковель, Сарны, Микашевичи, Житковичи... Крупнейшие города, большие населенные пункты! Наверняка в каждом имеется гарнизон, фашистские учреждения, возможно, штабы. На каждом узле — депо, где ремонтируют паровозы и подвижной состав, в городах — предприятия, используемые гитлеровцами в военных целях. Где-то здесь находятся и важнейшие аэродромы немцев... Ясно?

— Ясно, товарищ полковник!

— Всех «пауков» возьмете под особый контроль. Ни один эшелон не должен пройти через «паука» незамеченным. Обнаружите состав — и провожайте по всему району, следите, куда свернет... Но для этого вам с Линьковым придется иметь людей не только на крупнейших узлах, но и на каждой промежуточной станции.

Ветерок шевелил карту.

Район, указанный Патрахальцевым, по площади равнялся примерно Франции, и лететь туда предстояло в ближайшее время не кому-нибудь, а мне.

Выслушивая решение комиссии на Арбатской площади, я представлял свое будущее несколько иначе...

— Что-нибудь непонятно? — спросил Патрахальцев.

— Нет, все понятно, товарищ полковник... А что, отряд Линькова ведет уже разведку?

— Видишь ли, Линьков по образованию военный инженер, выброшен Центром в район Лепеля в августе прошлого года, создал крепкий партизанский отряд, но отряд этот нацелен на диверсионную работу.

— Как давно Линьков базируется на Червонном озере?

Руководитель понял затаенный смысл моего вопроса.

— Недавно. И вряд ли он успел установить тесную связь с населением.

Я молчал, разглядывая карту.

Ладонь Патрахальцева накрыла район Булева болота.

— Слушай внимательно, — сказал наставник. — Опыт показывает, что тебе сразу же придется столкнуться с рядом трудностей. Обычно в партизанских отрядах нет людей, знакомых с методами сбора данных о противнике. Ты не найдешь таких людей и в отряде Линькова.

— Понимаю.

— Дальше. В некоторых партизанских формированиях недооценивают роль этой работы. Может быть, и ты столкнешься с подобным.

— Но Линьков получил соответствующие указания?

— Получить-то он их получил. Да ведь в отряде не один Линьков... Тебе предстоит убедить партизан в важности этого дела, увлечь их. Опыт показывает, что партизаны предпочитают взрывать эшелоны, а не вести разведку.

Я пожал плечами:

— Их же не учили.

— Да. Их не учили. А научить надо. И не только научить. Надо перестроить всю работу линьковского отряда. Главной задачей отряда должен стать сбор данных о противнике.

— Понимаю.

Патрахальцев опустил голову на руки, прикрыл глаза.

— Немецкие войска находятся на нашей территории, среди наших, советских людей, оказавшихся, к несчастью, в оккупации, — сказал он. — Возможности партизанского движения огромны. А мы не используем ситуации в полной мере, так, как могли бы. Мы отстаем в темпах насаждения наших людей в административном аппарате гитлеровцев, во вражеских формированиях, в среде персонала, обслуживающего железные дороги, предприятия, аэродромы... Отстаем. А не должны отставать!

Я слушал.

— И не только отстаем, — продолжал мой наставник. —

[20]

Даже там, где удается развернуть работу, мы допускаем непростительные ошибки. Подчас действуем по шаблону с ограниченным количеством людей. Держим их поблизости от партизанских баз, и наши разведчики обеспечивают, по сути дела, тот или иной отряд, а не Красную Армию, которую должны обеспечивать. Партизаны до сих пор не научились создавать разведывательные группы. Про связь и говорить не приходится. Связь обычно настолько плоха, что даже добытые данные поступают с большим опозданием и теряют ценность. Да и в конспирации товарищи слабы. Оттого — частые провалы.

— Учту сказанное вами...

Мы еще долго говорили в тот день. Я получил точные и исчерпывающие указания относительно будущей работы. Меня предупредили, что на первых порах лучше ограничить число товарищей, занятых разведкой, чем набрать десятки их и оказаться перед угрозой провала: ведь плохо работающие разведчики обычно легко становятся жертвой противника.

Разведгруппы предложили создавать в количестве не более пяти — семи человек. Связь между разведчиками должна была осуществляться главным образом через «почтовые ящики». Лишь в исключительных случаях допускалась возможность личных встреч.

Мне посоветовали каждый раз ставить людям ясные, конкретные задачи.

Предостерегли от возможной потери связи из-за передислокации отряда и указали, как ее предупредить.

Обязав организовать наблюдение за противником, напомнили о важности захвата пленных и документов в боевых операциях, о важности тщательнейшего допроса пленных...

Я записал все указания полковника Патрахальцева, чтобы на досуге продумать их. Мне было совершенно ясно: работая, придется учиться самому...

— Ты полетишь на Червонное озеро заместителем Линькова по разведке, — сказал Николай Кириллович. — Но отдельные указания получать будешь не от Линькова, а от нас.

— Как я буду поддерживать связь с вами?

— Связь с Центром — через радиоузел, который уже выброшен к Линькову. Начальник узла — Семен Скрипник. С ним трое радистов.

— Знаком со Скрипником.

[21]

— Есть еще вопросы?

— Да. Сколько человек в отряде Линькова?

— Человек сто. На Центральной базе около Булева болота и на ближайших к ней — человек пятьдесят. Остальные — на озере Выгоновском под командованием комиссара Бринского.

— Состав отряда?

— Разношерстный. Часть людей — десантники, выброшенные вместе с Линьковым, остальные — из бойцов и командиров, оказавшихся в окружении. Есть и местные жители.

— Ясно... Район предстоящих действий находится к западу от бывшей государственной границы. Известна ли обстановка в этом районе?

— Связи с местными партизанскими отрядами нет.

Ответ был ясен, но неутешителен. В областях Западной Белоруссии, только в тридцать девятом году освобожденных от панского ига, могли найтись и националисты, и предатели.

Патрахальцев угадал причину моей задумчивости.

— Народ везде одинаково ненавидит оккупантов, — сказал он. — И везде не забывает о своей власти. Ты найдешь партизан и в Западной Белоруссии.

— В этом я не сомневаюсь!

— Тем лучше. А теперь — берись за изучение карты...

Я изучил карту района предстоящих действий так, что мог с закрытыми глазами представить положение каждого населенного пункта, болота, леска, каждой речки и речушки.

В память врезались изгибы шоссейных и железных дорог, тянувшихся от Барановичей до Ровно и от Бреста до Мозыря.

Было тревожно. Действовать предстояло в огромном районе. Никогда не был я в глубоком тылу противника и не организовывал разведывательной работы.

Как-то удастся «насадить» в занятых врагом городах и на железнодорожных узлах разведчиков? Как-то они будут действовать?

Я старательно повторял пройденное: с чего начинать дело, как строить взаимоотношения с людьми, как переключать разговор в нужном для разведчика направлении, на какие особенности формы перевозимых фашистами войск и на какие детали транспортируемого вооружения

обращать внимание в первую очередь, по каким пунктам составлять сводки для Центра...

Одновременно я принимал участие в подготовке к вылету в тыл противника: комплектовал грузы, проверял оружие,

боеприпасы, питание для раций, взрывчатку.

Все это заняло еще около месяца.

Однажды наша повариха Митрофановна принесла подарок — ложку и вилку.

— Спасибо, но зачем? — засмеялся я. Митрофановна ворчливо отмахнулась:

— Бери, бери! Пригодятся!

Уходя из столовой, я поймал ее грустный и теплый взгляд.

Видимо, старушка отлично разбиралась в сроках подготовки, существовавших на «даче», потому что вскоре был назначен мой вылет.

Случилось это во второй декаде августа 1942 года.

На Центральный аэродром меня и провожавших доставила грузовая машина.

Вечерело. Погода держалась отличная. Самолет ЛИ-2 стоял на взлетной полосе, ожидая погрузки.

Мы подкатили на грузовике прямо к самолету.

Перетаскать из машины в ЛИ-2 двенадцать огромных мешков оказалось нелегким делом.

Трудились все — и экипаж самолета, и мои наставники.

Старшина, инструктор парашютнодесантной службы, помог мне надеть десантный парашют, подогнал лямки по толстой десантной куртке. Убедился, что все в порядке, и отдал рапорт Патрахальцеву.

— В самолет! — приказал Николай Кириллович. Но перед тем как я начал карабкаться в ЛИ-2, он подошел и, глядя в глаза, крепко-крепко пожал мне руку.

Пожали мне руку и остальные провожающие.

Я повернулся и полез по железной лесенке в зияющий провал самолетной дверцы...

С этой минуты я должен был забыть на время свою фамилию.

Заревели моторы.

Самолет побежал по летному полю, вздрогнул, земля накренилась, начала уходить вниз...

[23]

3

Сидя на жестком брезентовом мешке с грузом, я огляделся.

Экипаж самолета занимал свои места: пилот, Герой Советского Союза Еремасов, штурман и радист сидели в кабине командира корабля, инструктор парашютнодесантной службы, по совместительству стрелок, прильнул к пулеметной турели.

Я был предоставлен самому себе.

Корпус самолета вибрировал, в ушах гудело, по фюзеляжу плыл еле уловимый сладковатый запах бензина, — наверное, «благоухал» запасной бак с горючим на пятьсот литров, помещенный вдоль одного из бортов.

Становилось жарко, и я сначала расстегнул, а потом и вовсе снял толстую, ватную, с меховым воротником десантную куртку.

Хотелось спать.

Я отлично выспался прошлой ночью, и тем не менее спать хотелось.

Мысль о том, что пассажирский самолет практически почти беззащитен против фашистских истребителей, что нам еще предстоит перелететь линию фронта, где может случиться всякое, оставляла меня равнодушным.

Опасность осознаешь уже после того, как она минула...

И я не стал противиться искушению.

Бросил куртку на запасной бак с горючим, забрался туда сам, улегся на правый бок, зажмурил глаза и заснул.

Заснул почти мгновенно, как в яму провалился...

Разбудил меня холод.

Самолет натужно ревел, пробиваясь в облаках ночного неба, а за окнами машины внезапно и беззвучно расцветали пышные букеты огня.

Вероятно, мы пересекали линию фронта и нас обстреливали.

Я слез с бака, пробрался к кабине командира.

Штурман подтвердил, что проходим линию фронта в районе Орла.

— Какая высота? — крикнул я.

— Три тысячи метров! — прокричал штурман.

Я вернулся к мешкам с грузом.

Огненные букеты увяли, пропали.

ЛИ-2 начал снижаться.

[24]

Ночь стояла светлая-светлая.

Мы шли на бреющем полете над сплошными лесами. Я

отлично видел поляны и просеки, верхушки деревьев. Они возникали и исчезали там, внизу, а самолет все летел и летел, и время все тянулось, бесконечное, как стена мрака на западе, которой мы никак не могли достичь...

Я отвернул рукав пиджака, приблизил к лицу ручные часы.

Час тридцать ночи. Скоро должны прилететь. Но экипаж не проявляет никаких признаков волнения. Все застыли на своих местах, словно тоже заснули...

Может, я ошибаюсь, и лететь еще долго?

Нашарил в кармане коробку папирос. Самое бы время закурить! Как приземлюсь — сразу выкурю несколько папирос подряд. За все пять часов терпения!

Сидеть без дела было невыносимо.

Поднялся, еще раз осмотрел грузовые парашюты, ощупал мешки с боеприпасами и снаряжением. Все в порядке. Надумал пригнать парашют на летнее обмундирование, чтобы прыгать без куртки. Надевать тяжелую жаркую куртку не хотелось. Сиди в ней неизвестно сколько! Начал расстегивать пряжки брезентовых лямок парашюта.

В эту минуту и появился из кабины пилота Еремасов.

Подошел, наклонился, улыбаясь спросил, как самочувствие.

— Отлично!

— Рад... Готовьтесь к прыжку.

Руки Еремасова пробежали по лямкам парашюта.

— Сигнал для прыжка — сирена, — сказал пилот, выпрямляясь. — Не мешкайте.

Я не успел попросить помочь подтянуть лямки: в оконца самолета блеснуло отражение луны, струившееся в серебряной воде озера.

— Червонное! — сказал Еремасов и торопливо направился в кабину.

Звать стрелка — не услышит, а пока подойдет...

Я начал торопливо подтягивать снаряжение сам, как умел: ведь от Червонного озера до Булева болота, где предстояло прыгать, оставалось всего двадцать пять километров, а это и для тогдашних самолетов не являлось расстоянием! На плечо мне опустилась тяжелая рука. Штурман кричал, что самолет у цели.

В фюзеляже собрались все, кроме Еремасова, оставше-

гося у штурвала: люди готовились к выброске грузовых мешков.

Вот второй пилот распахнул люк, они со стрелком приподняли первый мешок и столкнули в черный провал.

Второй мешок... третий... четвертый...

Кое-как я застегнул все пряжки парашюта.

Самолет делал разворот, ложась на левое крыло.

Штурман движением руки приказывал подойти ближе к дверце для прыжков.

В проеме открытой дверцы пылала буква «Г». Эту букву должны были выложить партизаны Линькова. Но ее могли выложить и враги! Фашисты неоднократно пытались заманивать и сажать наши самолеты в расположение собственных войск.

Лицо штурмана оставалось спокойным.

— Высота? — крикнул я.

— Двести метров! — откликнулся штурман.

— Поднимайтесь выше!

Штурман передал мою просьбу пилоту.

Я шагнул к открытой дверце. Встал между четырех грузовых мешков — последних, сложенных попарно по обе стороны дверцы.

— Восемьсот метров! — прокричал штурман.

Конец произнесенной им фразы заглушил резкий, оглушающий вой сирены.

— Пошел! — сказал я себе и бросился в пустоту.

Вихрь, идущий от левого мотора, подхватил меня и отнес куда-то в тишину.

Спасительный вихрь! В следующий миг рядом, чуть не задев, пролетели два грузовых мешка.

Парашют еще не раскрывался. Продолжалось леденящее душу падение...

Рывок оказался мягче, чем я полагал.

Теперь требовалось осмотреть купол парашюта.

Подняв голову, я увидел то, что должен был увидеть согласно полученным инструкциям, — закрывший чуть ли не все небо, туго наполненный воздухом белый шелковый четырехугольник.

Стало весело. Захотелось взглянуть на землю. Не тут-то было! Опустить голову я не мог. Нагрудный ремень парашютного снаряжения, неплотно застегнутый и неумело подогнанный в короткие секунды перед прыжком, соскользнул со своего места и с силой уперся в мой подбородок. Попытался повертеть головой. Ничего не вышло.

[26]

Проклятый ремень строго зафиксировал голову в одном положении. Я видел только купол парашюта. Ничего, кроме белого купола. И только краешком скошенных до боли глаз заметил, что сигнальные костры уплывают куда-то влево.

Орудуя стропами, я попытался изменить угол своего

планирования. Хоть и с трудом, но мне это удалось сделать.

Теперь оставалось приземлиться. По возможности не сломав ног и рук, потому что я по-прежнему не видел земли, не видел, куда меня сносит.

Подогнув ноги, откинув назад корпус, я приготовился к худшему.

Но густые, мягкие мхи Булева болота приняли меня чуть ли не с материнской нежностью.

Я просто увяз во мху и тут же почувствовал, как проклятый ремень освобождает подбородок.

Потом упал лицом вниз, меня немного проволокло по влажным кочкам, и все кончилось.

Рокот самолета удалялся.

Слышались голоса перекликавшихся людей.

Я быстро освободился от лямок.

— Та где-то здесь! — негромко убеждал кто-то. — За кустами...

На всякий случай я расстегнул кобуру, вынул пистолет, перевел предохранитель.

Ждал лежа.

Зачавкали сапоги. Замаячили какие-то фигуры. Невдалеке остановился человек, взмахнул рукой:

— Да вот же!

И уверенно направился ко мне. Не дойдя нескольких шагов, окликнул:

— Пароль!

Сжимая влажную рукоятку пистолета, я ответил:

— Я к Грише.

— Я от Гриши, — весело сказал партизан. — Живы?

Я поднялся с земли. В редевших сумерках летней ночи передо мной стоял, улыбаясь, высокий молодой парень.

Признаться, я ожидал увидеть мрачного, вооруженного до зубов бородача, а парень был весел, выбрит и аккуратно подстрижен.

— Тугов Алеша, — назвался он. — Мы уж вас ждали, ждали, товарищ капитан!..

Подошли спутники Тугова.

[27]

Тоже не старики. Тоже не бородачи.

Жали руку, возбужденно переговаривались.

— Вы из самой Москвы, товарищ капитан?

— Откуда же еще? — улыбнулся я.

— Стоит, значит, Москва?

— Стоит и стоять будет!

— А газеток не прихватили?

— Есть и газеты.

— А ну, хлопцы, разойдись! — вступил в разговор Тугов. — Давай за мешками! Товарищу капитану до Бати надо... Пойдемте, товарищ капитан!

— Откуда ты знаешь, что я капитан?

— Батя сказал, чтоб встречали капитана, вот я и зову вас так.

Алеша Тугов повел меня по пружинившему, холодившему ноги болоту к видневшемуся вдали костру.

— Батя сам вас встречать вышел, — доверительно сообщил он, и по тону Алеши я догадался, что моему приезду придано важное значение.

Это было ни к чему. Впрочем, почему бы командиру партизанского отряда и не встретить своего будущего заместителя?

Я испытывал странное чувство неудовлетворения. Все свершилось так обыденно, так по-житейски просто, что было даже чуточку обидно. Нет, иначе я представлял себе приземление в тылу врага...

С болота еще доносились голоса партизан:

— Крепче держи, черт!

— Сам держи!..

В дрожащем круге рождаемого костром света беззвучно двигались, то обретая черные силуэты, то почти сливаясь с предрассветным воздухом, фигуры людей.

Я одернул пиджак, поправил фуражку.

Мы подошли вплотную к костру.

Тугов остановился, стукнул каблуками:

— Привел гостя, Батя!

Он рапортовал невысокому, чуть сутуловатому, плотному человеку в армейской безрукавке.

Тусклые блики огня отражались в цепких глазах, скользили по крутым скулам человека.

Громкий голос Тугова никого не смутил. Видно, излишней осторожностью тут не страдали.

Я шагнул вперед:

— Товарищ командир! Капитан Черный прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Линьков помедлил, покалывая взглядом, потом кивнул, протянул руку:

— Поздравляю с прибытием. Очень рад.

И тут же отрывисто, деловито распорядился:
— Костры — гасить. Груз — к землянкам... Идемте, капитан.
Шаг у него был широкий, уверенный, хозяйский.

4

Болото кончилось. Начался высокоствольный сосняк. После гнилого запаха стоялой воды остро и свежо запахло багульником и хвоей.

Вскоре я заметил землянки и часовых.

Навстречу бежал человек.

Тяжело дыша, остановился в двух шагах:

— Товарищ капитан!

Мы обнялись.

Это был Семен Скрипник, товарищ по учебе в Москве, начальник радиоустановки, выброшенный к Линькову двумя неделями раньше.

— Радиоузел смонтирован, все в порядке! — тут же сообщил Сеня. — Прибыли, товарищ капитан! А уж я жду, жду!..

В землянке Линькова, вырытой среди сосен на сухом взгорбке, тускло горела жестяная керосиновая лампа. Обтянутые блестящим парашютным шелком стены казались желтыми.

Собравшиеся расселись на широких, покрытых лапником нарах слева от двери, на сосновых и березовых чурбаках, заменявших табуретки.

Меня, как гостя, усадили рядом с Линьковым возле маленького стола в дальнем правом углу.

Появились кружки, трофейная фляга, каравай деревенского хлеба. На печурке зашипела картошка, забулькал чайник.

Никого, кроме Сени Скрипника, я здесь не знал. Видел только, что все, за исключением Линькова, молодежь. Иные, пожалуй, намного моложе меня.

[29]

В чужой монастырь со своим уставом не ходят — вместе со всеми я выпил глоток обжигающего спирта.

Линьков взял флягу, взглянул вопросительно.

Я накрыл кружку ладонью:

— Пил только ради встречи, товарищ командир.

Линьков протянул флягу в сторону своих ординарцев, фляга исчезла.

Закусили.

Благоухал горячий настой малины.

— Как в Москве? — спросил Линьков. — Что нового? На фронтах как?

Несколько пар взволнованных, жадных глаз смотрели на меня.

Помнится, я говорил о чистоте московских улиц, о строгом порядке в столице, о том, что фашистские бомбежки не причинили городу почти никакого вреда, что все находится на своих местах — и Кремль, и Мавзолей, и Большой театр, и Колонный зал Дома Союзов...

Мой рассказ о милиционере, потребовавшем вымыть машину при въезде в Москву, вызвал веселое оживление.

Почти не дыша, слушали о подтянутых к фронту новых дивизиях, вооруженных по последнему слову техники, о дивизионах «катюш», сжигающих немецкую пехоту, как прошлогоднюю траву, о перебазированных на восток танковых и самолетостроительных заводах, уже наладивших выпуск продукции.

— Партизан тоже будут снабжать получше, — сказал я. — Обеспечат и взрывчаткой и рациями. Мне приказали передать это. И просили сказать, что на партизан надеются. Крепко надеются. Ибо есть план парализовать вражеские железные дороги.

Линьков быстро оглядел своих людей, и видно было — он доволен.

— Мы не подведем! — сказал кто-то. — Вот только взрывчатки подкидывали бы!

Говорили еще часа два.

Потом Линьков встал:

— Капитану надо отдохнуть, товарищи.

Все сразу поднялись с мест.

— Спокойной ночи!

— Спите хорошо на новом месте, товарищ капитан!

Вскоре мы с Линьковым остались одни.

— Ну ложись, капитан, — сказал Линьков. — Перин не запасли, но уж как-нибудь.

[30]

Я поднялся с чурбака:

— Прежде — разрешите доложить о задании, товарищ командир.

— Докладывай.

— Нас не услышат?

— Нет. Часовой стоит в десяти шагах.

— Хорошо.

И я доложил Линькову о задаче, поставленной мне Центром. Сказал, что мы должны улучшить разведку в районе действия отряда, особенно в крупных городах и на самых важных объектах фашистов.

— Я послан сюда вашим заместителем по разведке, товарищ

командир, но некоторые указания мне будет давать Центр.

— Понятно, — уронил Линьков.

— Есть просьба, товарищ командир.

— Слушаю.

— Об активизации разведки на первых порах не должен знать никто, кроме вас и отобранных нами людей.

— Понимаю, однако...

Я выжидающе смотрел на Линькова.

Он с силой потер бритую голову:

— Ладно. Обо всем остальном — завтра. А сейчас — спать, капитан.

Сел на нары и стал стягивать сапоги.

* * *

Спал я крепко и долго.

Открыл глаза — в оконце землянки льется солнечный свет, из распахнутой двери веет дневным теплом. Линьков сидит у стола, читает газету. Тишина...

Я вскочил с нар.

— Проснулся? — поднял голову Линьков. — Справа от выхода — колодец. Умоешься там... Завтрак ждет.

Умылся до пояса, растерся. Солнце пронизывает сосны, искристые потоки золотистого света падают на белесый мох, на прошлогоднюю хвою. Возле соседней землянки чистят оружие партизаны, посматривают на меня. Где-то неподалеку вжикает пила. Наверное, заготавливают дрова.

Странный покой, странная тишина...

Вернулся в землянку.

Напились чаю.

— Я думал о вчерашнем разговоре, — сказал Линь-

ков. — Должен сразу предупредить — опытных разведчиков у нас нет. Люди нацелены на диверсии. Научены подрывать железные дороги. А разведкой почти не занимались.

— Мне тоже еще учиться надо, товарищ командир. Но ведь не боги горшки обжигают. Постараемся подобрать людей...

Линьков поднялся:

— Ладно. Пойдем знакомиться с базой.

* * *

Где тропами, а где напрямик по лесу, через кусты и нехоженые поляны, водил меня в то утро Григорий Матвеевич, показывая расположение своих подразделений.

— Видишь, в какую глушь забились? — спросил Линьков. — Не удивляйся. Нельзя штабу иначе: немцы кругом, полиция... На

задания наши люди только ночью ходят: днем — опасно, пропадут... Так что покамест зажали нас немцы. Тесно живем.

Считается, что партизанская база должна отвечать следующим условиям: располагаться вблизи хорошо заметных с воздуха природных ориентиров, чтобы летчики без труда находили место для посадки или сбрасывания грузов; находиться, однако, достаточно далеко от этих ориентиров, чтобы противник не мог легко обнаружить ее; размещаться по возможности поодаль от населенных пунктов, лучше всего в мало посещаемых населением лесных районах, но не настолько далеко, чтобы связь с населенными пунктами оказалась слишком затруднительной.

Казалось бы, выбрать такое место просто невозможно.

Тем не менее база Линькова отвечала самым строгим требованиям. Озёра Червонное и Белое были хорошо заметны с воздуха, летчикам не приходилось подолгу кружить, чтобы выйти на костры Булева болота, а вместе с тем Червонное и Белое были удалены от базы за пятнадцать — двадцать километров.

До ближайшего населенного пункта на западе — села Восточные Милевичи — от базы было километров семь, а на юге до городка и железнодорожной станции Житковичи — километров двадцать пять — тридцать.

Центральная база, где работал штаб отряда, жила охрана и содержался радиоузел, состояла из трех землянок, вырытых, как я говорил, на уединенном бугре и надежно замаскированных.

[32]

Число людей, постоянно находившихся на базе, никогда не превышало двадцати человек.

На юго-востоке от центральной базы, километрах в двух от нее, имелась конюшня.

К населенным пунктам и дорогам были выдвинуты заставы, надежно прикрывающие центральную базу от неожиданного нападения противника.

Заставы, замаскированные столь же тщательно, были удалены от центральной базы, как правило, на три — пять километров.

Тут, на заставах, и размещались основные силы отряда. Сюда приходили с заданий боевые группы подрывников, здесь отдыхали и несли караульную службу, отсюда же уходили на новые задания.

И хотя партизанам было известно, что на заставах они охраняют центральную базу, свой штаб, о подлинном местонахождении штаба знали только командиры боевых групп или начальники застав.

Это была отнюдь не излишняя осторожность. Случаи

предательства имелись, и командование отряда обязано было принять все меры, чтобы предотвратить разгром своей части.

Такой же отнюдь не лишней предосторожностью было строжайшее приказание всем командирам застав не являться на центральную базу без особой необходимости, а командирам и партизанам, жившим на центральной базе, — не посещать без надобности ни застав, ни конюшни.

Командир боевой группы или начальник заставы обязан был каждый раз ходить на центральную базу новой дорогой, чтобы не торить тропу, способную демаскировать штаб с воздуха или насторожить вражеских лазутчиков.

Без дорог было не обойтись. Но ни одна дорога не подводила к базе вплотную. Все они кружили, петляли под кронами сосен, под елями.

Если, скажем, от восточной заставы до центральной базы напрямую выходило километров пять-шесть, то дорога от этой заставы крутила километров восемнадцать — двадцать.

В некоторых местах она проходила всего в двухстах — трехстах метрах от штаба Линькова. Но из штаба дорога проглядывалась, а заметить штаб с дороги не представлялось никакой возможности.

[33]

В этом я убедился, следуя за Григорием Матвеевичем по тихому, казавшемуся вымершим, лесу.

— Приходится по этим дорогам следы поддерживать, — рассказал Линьков. — И непременно два-три тупика делаем: заедут ребята в болото, какое подрянней, развернутся — и обратно... Если бы фрицы и сунулись по следу — увязли бы, запутались, все под нашими пулями полегли бы.

— Пока не совались?

— Нет. Думаю, и не догадываются, где база.

Григорий Матвеевич огляделся, выбрал два пенька, торчавших из мха друг возле друга, присел на один и предложил:

— Устраивайся, капитан. Отдохнем.

Я тоже присел.

— Хочу тебя в курс дела ввести, — сказал Линьков. — У тебя должно быть ясное представление о делах отряда. Ты же мой заместитель.

— Начинающий, Григорий Матвеевич!

— И начинающему придется общие вопросы решать. Всякое бывает... Ну так вот: центральную базу и заставы ты видел. Народ здесь мы не держим. Отряды и подрывные группы действуют в большом радиусе. Отряд Бринского тридцать первого июля ушел

на озеро Выгоновское. В бывшие владения Радзивиллов. Там обширные болотища, леса — черт ногу сломит. База у Бринского отличная. Его люди уже действуют и весьма успешно наносят удары по железным дорогам Брест — Барановичи, Барановичи — Лунинец, Барановичи — Белосток... Второй отряд, под командой Садовского, ушел под Калинковичи. Третий, во главе с Сазоновым, под Сарны. На Украину. Кроме этих трех есть еще два отряда рейдовых. Отряд Перевышко работает на дороге Барановичи — Минск, и отряд Цыганова — на дороге Лунинец — Житковичи. Как видишь, стараемся парализовать все основные магистрали, идущие на юг и юго-восток. Не даем фашистам беспрепятственно доставлять пополнения и грузы их наступающим войскам.

Одна беда — не хватает взрывчатки. Мин и взрывчатки. Будь у нас в достатке тола, да получи мы хорошие мины — лучше всего мины замедленного действия, — ни один немецкий эшелон тут не прошел бы!

Видимо, на моем лице отразилось сомнение в пра-

вильности последнего утверждения, потому что Линьков нахмурился.

— Знаешь, я привык отвечать за свои слова, — бросил он.

Это прозвучало твердо.

— Но фашисты охраняют дороги, Григорий Матвеевич. Вероятно, они бы ответили усилением охраны и часть мин им удавалось бы снимать.

— Они не в силах охранять все участки пути. Это давно подсчитано. Войск не хватило бы. А мины бывают и неснимаемые.

— Вам карты в руки! — согласился я. — Знаю только одно: действиями отряда в Центре довольны.

— Воюем, — сказал Линьков. — Вот соседей у нас пока не густо.

— Однако есть соседи?

— Есть. Ближний — на западе. Корж Василий Захарович. Километров за сто от нас ходит. На северо-востоке — Василий Иванович Козлов, командир партизанских соединений Минской области. Этот подальше. До него километров двести пятьдесят. В Копыльском районе — майор Капуста. А на восток отсюда — Полесское соединение.

— Все-таки что-то!

— Мало! Правда, наши маршрутники встречают в лесах отдельные отряды, но все они распылены. Общего руководства не знают и связи даже между собой не держат...

Линьков умолк, и, воспользовавшись паузой, я осторожно осведомился, что известно о ближайших населенных пунктах, ближайших городах. Тех же Житковичах, скажем. Знает ли Григорий Матвеевич, какой там гарнизон, чем вооружены фашисты.

— Гарнизон там значительный, — сказал Григорий Матвеевич, — но точные цифры назвать не могу.

— Бывают ли партизаны в ближайших деревнях?

— Бывали. В Юркевичах и в Рыбхозе на Белом озере. А сейчас мы соблюдаем максимум осторожности, чтобы не выдать базу. Немцам вообще не надо знать, что мы здесь. Пусть думают, что ушли все отряды.

Я понимал Линькова и по достоинству оценил его хитрость, но нам надо было выполнять свою задачу!

Не можем мы совершенно не встречаться со здеш-

[35]

ними жителями! — возразил я. — Ведь хотя бы хлеб и картофель надо где-то брать?!

— Ну, картофель мы сами ночами копаем на деревенских огородах, — сказал Линьков. — А хлеб... Хлеб, действительно, нам одна крестьянка печет. Живет тут на хуторе недалеко от Восточных Милевичей.

Я сразу насторожился:

— Как ее зовут?

— Матрена Мицкевич. Вдова. Мыкает горе с двумя сыновьями.

— Ребята большие?

— Нет. Одному лет восемь, другому, кажется, около тринадцати.

— И что же? В открытую Матрена вам печет?

— Конечно нет. Печет по ночам. И наши бойцы по ночам к ней приходят. Заберут хлеб — и обратно.

— Знает она об отряде?

— Ничего конкретного. Но догадывается, что помогает партизанам.

— Есть у нее поблизости родня?

— Не знаю, — сказал Линьков. — Но человек она, видно, хороший. Советский человек.

Григорий Матвеевич глянул на меня, чуть прищурился:

— Загулялись мы. Домой пора. Веди-ка на базу, капитан.

Следуя за Линьковым, я не очень внимательно примечал дорогу, надеялся на Батю. А он, кажется, решил проверить, какой из меня может выйти лесовик.

Ну что ж.

Я стал искать дорогу. Сориентировался по заходящему солнцу, пошел медленно, стараясь вспомнить места, по которым проходили.

И долго не мог вывести на прямую тропу.

— Ладно уж, — сказал Линьков. — Так до ночи ходить будем.

Он довольно быстро вывел меня к запомнившейся замшелой колоде.

— Отсюда направо! — обрадовался я.

— Ага, — буркнул Линьков. — Вспомнил... Но поучиться в лесной академии еще не мешает, капитан.

— Поучусь, — сказал я.

Первый день на партизанской базе Линькова близился к концу. Чувствовал я себя не очень уверенно.

[36]

Разведчиков предстояло подбирать и готовить, связь с местным населением — нащупывать...

«Матрена с хутора близ Милевичей... — думал я. — Моя первая и единственная нить... Куда-то она выведет?».

За парашютным шелком землянки нахально бегали мыши.

Под мышиный писк и шорох я и уснул.

5

Прошло несколько дней. Живя на центральной базе, посещая заставы, я приглядывался к партизанам, заговаривал с ними, пытаясь выяснить, насколько хорошо знают люди обстановку в ближайшем районе, стараясь угадать среди них будущих разведчиков... Это первое поручение Григория Матвеевича Линькова занимало все мое время.

Совершенно так же, как в любом другом деле, в деле разведки вражеского тыла могут работать люди с различными склонностями, характерами, вкусами; люди, весьма отличные друг от друга по жизненному опыту, образованию, даже по способностям.

Это, как всегда и везде, предопределено самой организацией дела.

Сдержанность и дисциплинированность, — пожалуй, самые необходимые качества для разведчика.

Самовлюбленный, болтливый, расхлябанный человек для работы в разведке не подойдет, имей он хоть семь пядей во лбу...

Еще в ночь приземления на Булевом болоте я заметил среди набившихся в командирскую землянку людей крепкого человека лет тридцати пяти, малоразговорчивого и, видимо, очень спокойного.

На следующий день Линьков познакомил нас.

— Якушев Федор, — баском назвался партизан, подавая темную, твердую, как дерево, руку.

— Был комиссаром в отряде Заслонова, — пояснил Григорий Матвеевич. — Начинал осенью сорок первого под Оршей. А в апреле пожаловал к нам...

Чувствовалось, Линьков относится к Якушеву с доверием и благожелательностью.

— Ты, Федор Никитич, расскажи капитану Черному

[37]

о себе... Можешь быть абсолютно откровенным, — добавил он.

Якушев потер подбородок, помедлил.

— Значит, так, — начал он. — Перед самой войной, в мае сорокового года, назначили меня заместителем начальника политотдела Минского отделения Западной железной дороги...

— Вы потомственный железнодорожник? — перебил я.

— Нет. Родители крестьянствовали... О Стодолище слышали? Ну — под Смоленском? Вот там наша деревня недалеко —

Березовка... До двадцать второго года и я в деревне жил. А как поступил в Рославльский механический техникум путей сообщения, так и пошел по одной колее.

— Ясно... Вы говорили о мае сорокового года.

— Да... Поработал я, стало быть, заместителем начальника политотдела до января сорок первого, и направили меня на курсы политуправления НКПС при Ленинградском институте железнодорожного транспорта. А как война началась — обратно в Минск. Только Минск уже захвачен был, и пришлось осесть в Орше. Тут меня сразу — бах! — начальником политотдела Оршанского отделения дороги... Отсюда уже последним эшелоном мы, железнодорожники, выбирались в Вязьму. Как сейчас помню, тринадцатого июля, в двадцать три часа тринадцать минут. Немец уже на станцию врывался...

— Значит, повезло.

— Не больно повезло. Ехали мы в Смоленск, а доехали только до Присельской: дальше по дороге, в Ярцево, фашисты десант выбросили.

— Как же вы?

— Да как. Паровоз взорвали, имущество сожгли, а сами пешим порядком, отдельными группами — к Вязьме.

— Почему группами?

— Да в эшелоне-то тысячи полторы человек было. Разве такой махиной под бомбежками двинешь? А группами почти все благополучно добрались.

— Понятно.

— В Вязьме политотдел Западной дороги и поручил мне подбирать людей для выполнения заданий в тылу врага. Из коммунистов Вяземского узла, конечно. А потом, уже в сентябре, Смоленский обком ВКП(б) назначил меня комиссаром отряда к Константину Сергеевичу Заслонову...

[38]

Слушать Якушева было приятно. Была в нем подкупающая неторопливая обстоятельность, свойственная людям, привыкшим много и упорно трудиться, знающим, что спешка — плохое подспорье в серьезной работе.

— А к Линькову вы как попали?

— Узнав, что в отряде Заслонова много железнодорожников, Григорий Матвеевич попросил передать людей в его отряд. Мне в Оршу нельзя было, вот я с апреля 1942 года и стал партизаном у Бати.

Во главе групп подрывников Якушев ходил под Борисов и Молодечно, взрывал железнодорожные пути и эшелоны врага,

принимал участие в стычках с немцами.

На личном счету Федора Никитича было восемь вражеских эшелонов, а всего он выходил на диверсионные задания шестнадцать раз.

Если учесть, что для выполнения иного приказа приходилось покрывать расстояние в сто — двести километров, то читатель может легко представить, сколько километров по тылам врага прошел отважный коммунист.

Рассказ Федора Якушева произвел на меня сильное впечатление.

И не только описанием боевых событий, диверсий.

Впечатление производила сама манера рассказа.

Федор Никитич не был златоустом, не умел и не любил громыхать фразой. Говорил он спокойно, ровно, сдержанно.

Но вдруг внезапная усмешка освещала его широкое лицо или прорывалась в ровном тоне нотка гнева — и все рассказанное сразу обретало какую-то особую значимость, весомость...

И еще одно обращало на себя внимание в рассказах Якушева: наблюдательность, знание людей, понимание человеческих чувств, трезвая оценка деловых качеств товарищей.

Рисуя свою «Одиссею» в отряде Линькова, он несколько раз упомянул фамилию Лагуна, тепло отозвался о подрывнике Седельникове.

Федор Никитич Якушев казался находкой. В самом деле, человек прожил хорошую трудовую жизнь, начал слесарем по ремонту подвижного состава, а перед войной вырос в партийного руководителя.

Он знал район действий отряда, показал себя отличным бойцом и командиром.

Партизаны относились к Федору Никитичу уважитель-

[39]

но, признавали его авторитет, прислушивались к его словам, хотя держался Якушев предельно скромно: жил в общей землянке, никогда не расписывал свое прошлое, вместе со всеми становился в очередь к котлу...

— Ну, что ж? — обращаясь ко мне, сказал Линьков. — Подрывникам помог Федор Никитич, пусть и разведчикам поможет. Человек зрелый. Бери!

* * *

На второй или третий день пребывания в отряде мне понадобилось побриться.

Обращаться с опасной бритвой я еще не привык и сказал об этом Линьксву.

— За чем дело стало? — отозвался Григорий Матвеевич. —

Попроси Кузьменко. Он у нас тут за парикмахера. Отлично выбреет.

Николай Кузьменко, партизан лет двадцати четырех — двадцати пяти, состоял в числе бойцов, охранявших центральную базу.

Бойцы эти, воевавшие бок о бок с самого начала деятельности отряда, бок о бок зимовавшие в сорок первом, попривыкли друг к другу.

Я не слышал, чтобы кто-нибудь называл товарища по званию или фамилии, за исключением, конечно, старших командиров. Да и старших-то командиров обычно называли их партизанскими кличками, как называли, например, Батей самого Линькова.

А вот Кузьменко почему-то называли по фамилии.

Не по имени, не кличкой, а только по фамилии.

Это привлекало внимание.

Пока Кузьменко правил бритву, а потом брил меня, я разглядывал этого человека, пытался разговорить его.

Но не тут-то было.

Кузьменко отвечал односложно, пожалуй, отрывисто. Он производил впечатление человека замкнутого, несловоохотливого.

Внешность у него была, что называется, самая заурядная, незапоминающаяся, голос звучал ровно, глуховато.

Брил он прекрасно.

— Где же это ты, Коля, так научился?

Пальцы Кузьменко, вытиравшие бритву, на мгновение замерли. Возможно, бойца удивило, что я назвал его по имени. Но Кузьменко ответил, как обычно, невозмутимо:

— В армии. Ребята просили. Вот и привык.

— Ну, спасибо тебе, Коля, — сказал я.

— Пожалуйста, товарищ капитан...

Я спросил у Линькова его мнение об этом партизане.

— Солдат неплохой, — сказал Григорий Матвеевич. — Вот малограмотен только и держится бирюком. Ни с кем особо не дружит.

— Для этого есть какие-нибудь причины?

— Думаю, характер такой.

— Характер?.. А что, расположение застав он знает?

— Знает, конечно.

— Вы разрешите мне брать Кузьменко в качестве провожатого на эти дни?

— Пожалуйста, берите.

Я трижды ходил с Николаем Кузьменко, изучая местность вокруг центральной базы. Посещал заставы, знакомился с партизанами, приходившими с заданий.

Расспрашивал Кузьменко об его прошлой жизни, о пребывании в отряде Линькова, о взаимоотношениях партизан.

Николай не произнес ни одного слова осуждения в чей-нибудь адрес.

Любое приказание он выполнял быстро, с охотой, держался подтянуто, собранно.

Кузьменко нравился мне день ото дня все больше и больше.

Я полагал, что, если с ним подзаняться, он окажется полезным для разведывательной работы человеком.

— Скажи, Николай, — спросил я однажды, когда мы отдыхали, сидя на стволе поваленного обомшелого дерева. — Кто из наших партизан мог бы рассказать о немецких гарнизонах в Житковичах или Микашевичах?

Кузьменко озадаченно поскреб щеку:

— Не скажу, товарищ капитан...

— А есть такие ребята в отряде?

Мой проводник окончательно смешался:

— Да я вроде не задумывался над этим, товарищ капитан. Ни к чему...

— Как же так? Разве не надо знать обстановку вокруг базы хотя бы? И ты не приметил, кто из партизан ее знает? Ведь мы сколько с тобой ходим по заставам!

Кузьменко растерянно улыбнулся:

— Ходить-то ходим... Я же слышу, о чем вы спрашиваете у ребят. Да они ж не могут вам ответить, товарищ

капитан. Выходит, не знают... Вообще, обстановку, наверное, только Батя знает.

Он глядел вопросительно.

Я не стал разочаровывать Николая Кузьменко и вместо ответа на его невысказанный вопрос предложил:

— А если я тебе поручу собирать данные о противнике? Как ты на это посмотришь?

— Мне, товарищ капитан?!

— А чем ты плох? Ведь не боишься?

— Не! Бояться я не боюсь, да как-то чудно... Не знаю я этого дела.

— Научишься.

— Если научите, тогда, конечно, я не против... А что узнавать-то надо, товарищ капитан?

— Все, что можно узнать, Николай. Прежде всего — какова численность немецких гарнизонов в крупных населенных пунктах. Где немцы держат гарнизоны, а где бывают наездами. Кто из местных жителей нам сочувствует, на кого можно положиться, а на кого нельзя.

— Понимаю, — сказал Кузьменко. — Значит, ходить, с людьми говорить... Я пойду. Только боюсь — не справлюсь я, товарищ капитан! Разговор у меня корявый...

— А по-моему, ты справишься, — серьезно сказал я, глядя в глаза Николаю Кузьменко. — Прекрасно справишься, Николай. Только помни: о том, чем мы будем заниматься, никому ни слова. А товарищи спросят о нашем деле — отвечай: ходим, мол, наблюдать за немцами в селах, и все. Понял?

— Понял, — сказал Кузьменко.

Глаза у него загорелись. Видимо, читал в свое время всякого сорта детективчики, и перед его мысленным взором промелькнули в этот миг волшебные картины невероятных приключений.

Но еще и другое увидел я на лице Николая Кузьменко в эту минуту — счастье.

Огромное счастье человека, ощутившего, что его ценят, в него верят, на него рассчитывают.

Возможно, Кузьменко очень долго был лишен такого доверия...

— Скоро сходим с тобой на одно задание, — сказал я, — Готовься.

— Да я хоть сейчас, товарищ капитан!

[42]

В те дни на заставы центральной базы вернулись из далеких вылазок группы партизан Седельникова, Яковлева, Лагуна и Сазонова.

Эти группы действовали в районах Пинска и Ровно, уничтожали там вражеские эшелоны, взрывали железные дороги и мосты.

Григорий Матвеевич посоветовал мне использовать возможности подрывников-маршрутников: они уходят на задания далеко от баз, проходят порой по нескольку сотен километров, встречаются с местными жителями, наблюдают обстановку в различных районах и, как правило, осведомлены о происходящем в тылу врага лучше, чем другие.

Памятуя о данном совете, я побеседовал с каждым командиром группы в отдельности.

Увы, сообщенные сведения были отрывочными. Воссоздать по

ним четкую картину происходящего в тылу врага не представлялось возможным.

Происходило это по вполне ясной причине: до сих пор разведывательных задач отряду Линькова не ставили. Поэтому подрывники-маршрутники, озабоченные тем, как лучше выполнить задания по взрыву эшелонов, почти не интересовались численностью немецких гарнизонов в городах и селах, не наблюдали за интенсивностью движения железнодорожных составов противника, за характером и направлением фашистских перевозок.

Стараясь остаться «незримыми», маршрутники не входили в тесный контакт с населением оккупированных районов, сознательно избегали показываться в пунктах, расположенных поблизости от железных дорог.

Тем самым они оберегали жителей этих населенных пунктов от репрессий фашистских властей, а самих себя — от глаз возможных предателей.

Знание противника у диверсантов-маршрутников ограничивалось весьма поверхностными наблюдениями и теми впечатлениями, какие они сами вынесли из этих наблюдений.

Яковлев — тот вообще недоумевал, кому это нужно — знать, куда и что везет противник? Главное — взорвать пути, паровоз, пустить эшелон врага к чертовой матери под откос, и точка!

Если противник не довез груз, так ли важно выяснять, какой именно и куда?

Только одно привлекало командира группы — тол, мины, детонаторы.

[43]

Седельников, Лагун и Сазонов отнеслись к моим расспросам иначе.

Правда, и они не могли сообщить ничего важного, ценного. Но все трое старались рассказывать о том, что видели и слышали, обстоятельно, старались вспомнить подробности тех или иных встреч с противником, рассказы местных жителей.

Лагуна явно огорчило, что он не может порадовать нового заместителя Бати четкими данными о силах врага, знанием его железнодорожных перевозок.

Сазонов, казалось, задумался над тем, как быть в дальнейшем.

А Седельников, признав, что изучение противника вел походя, пообещал впредь относиться к сбору информации серьезней.

Я обратил внимание на правильную, литературную речь

Седельникова.

— Вы откуда родом, товарищ сержант?

— Сибиряк. Из Красноярска.

— До войны чем занимались?

— Работал в газете.

— Журналист?

— Это громко сказано. Я только начинал писать. Мой год призвали.

— Где служили?

Седельников назвал свою часть, указал, где она дислоцировалась перед войной, поведал, как его полк принял неравный бой, был разбит, попал в окружение.

Рассказывал Седельников о себе вроде бы и подробно, как раз то, что я хотел узнать, ничего, похоже, не скрывал, но я чувствовал, что держится он настороженно, что душевного контакта между нами не возникает.

Меня это раздосадовало. Хотелось, чтобы наши отношения сложились иначе. Седельников был образованным человеком, прошел хорошую выучку в кадровой армии, давно партизанил, прекрасно знал район действий отряда Линькова, обладал сноровкой подрывника. Хорошие данные для разведчика нашего отряда. Но откуда этот холодок в беседе, откуда эта замкнутость?

Я спросил о Седельникове у Григория Матвеевича.

— Подрывник опытный. Я его назначил командиром группы, — ответил Линьков. — Но, как говорится, — себе на уме.

[44]

Мне показалось, что в голосе Линькова проскользнула нотка неудовольствия.

Странно!

Поделился своими мыслями с Федором Никитичем Якушевым.

— Седельников пришел в отряд в мае, из Налибокской пущи, — припомнил Якушев. — С ним еще двое были. Капитан Максимовский и воентехник третьего ранга Демидов... Принимал их Антон Петрович Бринский: Григория Матвеевича не было, уходил куда-то. А вернулся и вскипел. Понимаете, отряд готовился к большому переходу, а у Седельникова болела нога.

— Ну и что? — спросил я.

— Батя считал, что в отряде не должно быть отстающих, — сказал Федор Никитич. — Он вызвал Седельникова, заявил об этом и пригрозил.

— Что же Седельников?

— Побледнел. Только головой этак дернул... Говорит: «Не

отстану...» И верно — не отстал. Дошагал кое-как. Правда, пришлось помогать...

— И вы помогали?

— Было дело...

— Выходит, все обошлось.

Якушев вскинул глаза, опустил, усмехнулся:

— Можно считать, так...

— Седельников показался мне умным и смелым, — сказал я. — Может, это ошибочное впечатление?

— Нет, отчего же? — возразил Якушев. — Так оно и есть...

Я вновь встретился с Сазоновым, Лагуном и Седельниковым, попросил их при очередной вылазке в южные районы Белоруссии вести наблюдение за врагом, посоветовал расспрашивать местных жителей о мероприятиях и передвижениях немцев.

А с Седельниковым нашел время поговорить отдельно.

— Мы ведь с вами в некотором роде коллеги, — шутливо сказал я. — Мне тоже довелось работать в редакции.

— Разве вы не кадровый военный? — удивился сержант.

— Военный-то я кадровый.

Мы помолчали.

— Я слышал, вы со стертыми ногами из Западной Белоруссии шли?

Он испытующе поглядел на меня, разгладил морщинив-

шие на коленях недавно выстиранные линялые брюки, потом решился:

— Если вы все знаете, то и скрывать нечего. Уцелел я чудом. И никогда не забуду, что пережил.

— Утешитель из меня плохой, — сказал я. — Да вам и не нужны, наверное, утешения.

— Не нужны.

— Очень хорошо, что мы одинаково смотрим на вещи... Кстати, я хочу, чтоб вы побольше занимались сбором информации о враге, товарищ сержант. Пойдете в рейд — расспрашивайте местных жителей о фашистах, старайтесь узнать, сколько их в том или ином местечке, откуда они появились.

— Слушаюсь.

— На хуторе у Матрены бывали? Ходили за хлебом?

— Да. Приходилось. А что такое?

— Собираюсь на днях заглянуть к Матрене. Хотите со мной? Мы бы вместе попытались поговорить с ней о людях, которые могут стать нашими помощниками. Будем учиться разговаривать о нужных нам делах.

— Спасибо... Когда быть готовым, товарищ капитан?
— Я скажу... Кстати, как ваше имя?
— Анатолий.
— Отдыхайте, Анатолий. Я позову вас, когда пойду.

6

— У меня к тебе просьба, — сказал Григорий Матвеевич Линьков.

— Слушаю вас, товарищ командир.

Линьков побарабанил пальцами по столу, подбирая слова. Подобрал.

— У нас имеются соседи. Отряд Коржа. Базируется западнее Милевичей.

— О Корже я слышал. Его имя и отчество Василий Захарович? Он бывший работник обкома партии?

— Да. Тот самый. Что еще слышал?

— Слышал о рейде Василия Захаровича в сорок первом по немецким тылам... Знаю, что Корж — наш сосед, да еще западный!

— Сосед... Отряд у него сейчас малочисленный, но население хорошо знает о нем. Корж просит о встрече.

[46]

— Понимаю. Вы хотите, чтобы на встречу пошел я?

— Да. Связному от Коржа я назначил завтрашний день. Корж придет на Булево болото. В полдень. К стогам.

— Ясно.

— Выслушай его. Думаю, будет просить помочь взрывчаткой и оружием. Так ты щедрых обещаний не давай. Сами не богачи, каждый патрон на учете, каждая толовая шашка... Скажи Коржу, что доложишь о его просьбах.

— Слушаюсь.

Предстоящая встреча волновала и обнадеживала. Оказывается, не все партизанские отряды к сорок второму году стянулись в восточные районы Белоруссии, ушли за Случь, за старую государственную границу. Есть отряды и в Западной Белоруссии! А если так, развернуть там разведывательную работу будет намного легче: раз есть партизаны — имеются и местные жители, им знакомые, их поддерживающие! А это нам и нужно!

* * *

Моросил мелкий, нудный дождичек, и над Булевым болотом держался плотный молочный туман.

Увязая в мокрых мхах, шагал я следом за своим проводником, рыженьким партизаном Сережей Алексеевым.

Впереди замаячили стога.

— Здесь, — тихо сказал Сережа.

Перелезли через несколько оросительных канав,

прислушались — тихо...

— Давайте, товарищ капитан, вон туда... В случае чего — уйдем по канаве...

Добрались до облюбованного стога, снова прислушались, удостоверились, что опасности нет, разрыли сено, забились в сухую, пахучую нишу.

Я посмотрел на часы — около двенадцати. Значит, скоро...

Поглядывая в проделанные окошки, сидели мы с Алексеевым в стогу и шепотом беседовали о войне, о Германии, о неминуемом конце гитлеровского рейха.

— Товарищ капитан, а что, к зиме разгромим фрица?

— Я не главнокомандующий, Сережа. Немецкая армия еще сильна.

— А Москва? Ведь под Москвой-то им хребет сломали!

— Верно, под Москвой немцы получили страшный удар. И главное, лопнул, как мыльный пузырь, миф об их непобедимости.

— А ребята говорили, будто вы рассказывали про новые дивизии, танки, про «катюши»...

— Рассказывал. Да ты сам посуди: территорию враг захватил большую, каждый метр с боем отвоевывать придется.

— Понимаю! А вы знаете, товарищ капитан, что фрицев в большинстве деревень нету? Они только по городам, по крупным селам да возле железных дорог сидят! Точно! А вот нам бы собраться да вместе с армией ка-а-ак вдарить по ним!

— Не так все просто, Сережа... Чем вооружены партизаны? Хватает оружия и боеприпасов? Есть у нас артиллерия тут, в тылу, или взрывчатка?

— Это да... С оружием и припасами плоховато... Так пускай пришлют!

— Пришлют. Только на все время требуется. И самолеты транспортные. И надежная связь.

— Верно... А все же, товарищ капитан, недолго фашистам пановать!

Почудилось, болото чавкает. Мы примолкли. Звуки приблизились. Кто-то шел по болоту. Медленно. Останавливаясь.

— Двое, — шепнул Сережа.

— Откуда взял?

— Так... Чую...

В тумане действительно замаячили две тени. Они двигались к нашему стогу, но держали немного левее.

— Наши вроде, — сказал Сережа. — Фрицы вдвоем не ходят...

Люди остановились, словно советовались. Можно было уже

различить: это не немцы.

— Выходим, — сказал я.

Держа оружие наготове, Сережа окликнул незнакомцев:

— Эгей!

Все. Свои.

Незнакомцы приближались к стогу. Первым шел высокий, грузноватый, по походке судя — немолодой человек, за ним — худощавый, пониже ростом и, кажется, помоложе.

Высокий окинул нас живым взглядом из-под кустистых, седоватых бровей, протянул широкую, как лопата, руку:

— Корж.

Сухощавый поднес руку к фуражке:

[48]

— Бондаренко.

Я тоже представился:

— Капитан Черный! — и пригласил обоих к стогу.

Уселись.

Корж развязал висевший на поясе огромный, чуть не на килограмм, кисет с табаком, вытащил трубку:

— Можно покурить...

Я взялся за вещевой мешок:

— Подождите, Василий Захарович! Могу угостить московскими папиросами.

Корж и Бондаренко с любопытством уставились на мешок.

Я вынимал и клал им на колени шоколад, копченую колбасу, пачки «Казбека».

Ненароком взглянул на Коржа и растерялся: на его ресницах дрожали слезы.

Бондаренко взволнованно кашлянул.

Корж овладел собой.

— Давно... из Москвы? — неверным голосом спросил он.

— Недавно.

— Видно, неплохо живет Москва!

— Живет, Василий Захарович!

— Два года «Казбека» не видел... — как бы оправдываясь в минутной слабости, произнес Корж, вертя в руках папиросную коробку. — И про колбасу такую мы уже забыли... А, выходит, она есть!

— Есть, есть, Василий Захарович!

Корж переглянулся с Бондаренко, раскрыл пачку папирос, понюхал:

— Эх, табачок!.. А ведь тут немцы раззвонили, капитан, что Москва разрушена и ничего от нее не осталось.

— Чистая брехня, Василий Захарович!.. Да что ж вы не курите?

Корж отрицательно покачал головой:

— Приберегу. Бойцам покажу. Каждому дам по папиросе. Чтоб все видели и чуяли... Этот «Казбек» лучше всякой политбеседы подействует, капитан.

— Правильно, — поддержал Бондаренко.

— Видишь, и комиссар мой такого же мнения! — сказал Корж. — Ну, обрадовал ты нас, капитан! Спасибо! Ото всей души спасибо!

— Да меня-то за что благодарить? Это вам из Москвы

[49]

послали... Кстати, Василий Захарович, я пришел от Бати, чтоб узнать...

— Погоди, капитан! — сказал Корж. — Об этом после... Ты о Москве расскажи! О Москве!

Я рассказывал о Москве.

Корж и Бондаренко слушали жадно, ловили каждое слово.

Все интересовало их — и положение на фронтах, и новые назначения в армии, и быт москвичей, и планы развертывания партизанской войны.

— Замучили мы тебя вопросами, — сказал Василий Захарович. — Ну, ничего. Терпи! Веришь, со времен испанской войны в такие передряги не попадал. А там, в Испании, мы тоже, бывало, вновь приезжающих мучили, как тебя...

— А вы были в Испании?

— Довелось... Между прочим, ты никого из «испанцев» не знаешь, капитан?

— Откуда мне, Василий Захарович?..

— Жаль... — протянул Корж. — Я думал, общих знакомых найдем... Но, может, слышал что-нибудь о некоторых товарищах?

Василий Захарович назвал несколько фамилий военачальников.

— Увы... — мне пришлось пожать плечами.

— Жаль, жаль... — повторил Корж. — Настоящие люди! Они бы разобрались в том, что тут делается...

— А что именно тут делается?

Корж взглянул испытующе:

— Вот что, капитан. Не знаю, кто тебя послал сюда, в тыл, но давай говорить начистоту. Задача сейчас одна — развертывать движение. Так?

— Так.

— А можно его развертывать без тесного взаимодействия

отрядов?

— Полагаю, нельзя.

— Приятно слышать, — вступил в беседу Бондаренко.

А Корж пояснил:

— Часто не можем мы, партизаны, общий язык найти. Все сами по себе. А делу это вредит.

— В чем же выражается отчужденность?

— Во всем! Да вот хотя бы нас с Линьковым взять... Сейчас у Линькова есть связь с Москвой, а у нас нет. Ему

[50]

взрывчатку подбрасывают, а нам нет. Ему оружие дают, а нам не дают! А Батя ничем не делится!

— У Бати тоже не густо со взрывчаткой и оружием.

— Все же лучше, чем у нас!

— Возможно.

— Скажи, капитан, вместе с тобой взрывчатку сбросили?

— Да, сбросили.

— Неужели не поможете?!

Я решил забыть о наставлениях Григория Матвеевича.

— Думаю — поможем.

— Вот это другой разговор! Вот это — да! — воскликнул Корж.

Бондаренко улыбнулся:

— Если бы с самого начала так договаривались!

Собираясь на эту встречу, я мысленно составил целый план беседы. Разговор, как часто бывает, потек по непредвиденному руслу. Однако я не отказался от мысли узнать то, что интересовало в первую очередь.

— Скажите, товарищи, — начал я, улучив удобный момент. — Вот вы прожили здесь первую зиму. Продержались весну и лето. Очень трудно партизанить в здешних условиях?

— Партизанить, наверно, везде нелегко, — усмехнулся Корж. — Тут другой вопрос — как партизанить? По лесам отсиживаться или активные действия вести?

— Я имею в виду активные действия.

— Понимаем... Активные действия вести можно. Было бы оружие. И связь. Вот нам сейчас без оружия и связи тяжко.

— Дело только в этом?

— А ясно ж, в этом!.. Я так скажу, капитан. Самое трудное позади. Чего греха таить! Народ на скорую победу рассчитывал, а тут вон как повернулось... Стал фронт удаляться — кое-кто растерялся. Я не про сволочей. Сволочи — те просто радовались. А даже наши, хорошие люди — кое-кто растерялся. Тем более —

известий от своих нет, фашисты наступают, трубят об окружении и уничтожении советских армий, о том, что вермахтовские генералы в бинокли за уличным движением в Москве наблюдают, что Ленинград блокирован и не нынче-завтра падет... Поживете у нас — наслышитесь еще о фашистских россказнях!.. А тут что? По ночам в избы свои бойцы и командиры стучатся: хлеба нет ли? Упрямо лесом на

[51]

восток пробираются. Днем же — фрицы наезжают. Всех активистов, всех коммунистов и комсомольцев, всех, кто перед войной в западные области на работу был направлен, — к стенке или на сук. Отыскивают бывших уголовников, пропойц — организуют полицейские отряды, всюду старост — солтысов по-здешнему — сажают... Горько? Горько! А что сделаешь?

— Вы — сделали. Отряд создали.

— У меня опыт имелся... Да и не один наш отряд возник! Что говорить! На северо-востоке вон Козлов с подпольщиками действует, здесь — Батя, под Барановичами — Бринский... Ну, это — дрожжи. А тесто-то долго вспухало... Сам посуди, капитан. Иные, может, и пошли бы в партизаны, да не с чем и не знают, как начать, как организоваться... Опять же — зима на носу. Без теплой одежды, без хлеба, без оружия много не напартизанишь. И сидели. Ждали весны. Ждали, что на фронте перелом наступит. Короче — ждали чего-нибудь.

— Ожидание — не борьба.

— Верно. И тот, кто ждал, — немецких репрессий дождался. Во-первых, фрицев по морде на фронте стукнули, блицкриг дырявым оказался. Во-вторых, партизанские отряды, стихийно возникшие и из-за линии фронта переброшенные, стали удары с тыла наносить. Тут фашисты и начали бывших окруженцев под метелку сгребать, заложников хватать, целые деревни сжигать за помощь партизанам. Вот так.

— Добились чего-нибудь?

— Как не добиться! Раньше их ненавидели, а теперь еще пуще ненавидеть стали. Нашлись и трусы, и продажные шкуры, не без того. Поджали хвосты, подвывают гитлеровцам. Но те, кто зиму пересиживал, — ушли в леса, сбились в отряды. Да что далеко за примерами ходить, капитан? Ты в отряде у Бати Лагуна видел? Про Каплуна слышал?

— Видел Лагуна, но про Каплуна только в общих словах говорили.

— А историю его знаешь?.. Ну тогда послушай, тебе многое ясно станет!

И Корж рассказал...

На восьмой день войны дивизия, где служил капитан Каплун, после тяжелых боев была разбита и окружена. Во главе группы бойцов и командиров капитан Каплун сумел прорваться сквозь боевые порядки вражеских ча-

[52]

стей и ушел в барановичские леса. В стычках с фашистами группа несла потери. И в леса Красно-Слободского района капитан Каплун привел только шестерых командиров из своего полка. Здесь ему удалось встретиться с командиром другого отряда — Жуковским.

Жуковский был направлен с большой группой партизан в Красно-Слободской район Центральным Комитетом партии большевиков Белоруссии.

Добираясь до места назначения, группа Жуковского потеряла многих товарищей убитыми и ранеными. Дошли до цели только тринадцать человек.

Видя, что немцы активно прочесывают леса, устраивают облавы, не имея боеприпасов и продовольствия, Жуковский распустил отряд, приказав бойцам разойтись по деревням и перебиваться до весны кто как сможет.

Каплун, поддерживавший связь с Жуковским, не знал, что делать.

Единственный радиоприемник, находившийся у Жуковского, попал к немцам, связи с местными жителями Каплун не имел.

Он пришел к Жуковскому за советом.

— Расходитесь, — сказал Жуковский. — До весны переждем в деревнях. А там что-либо решим. Во-первых, наши могут нажать, а во-вторых, весной и летом в лесу легче.

— Но куда же идти? У вас тут знакомые есть, а у нас — никого.

— Идите в деревню Бучатин, — сказал Жуковский. — Найдете там на хуторе бывшего бухгалтера бучатинского сельпо, Лагуна. Такой долгоносый блондин... Он кандидат в члены партии. Поможет. Пристроит где-нибудь... Только учтите, Адам Лагун в разговорах очень осторожен, хитер. Может и не поверить сразу...

Каплун послушался совета, раздобыл адреса для других товарищей, а сам 11 ноября сорок первого года явился в Бучатин, отыскал хутор Лагуна. Подойдя к деревушке, он отдал свою одежду колхознице-свинарке, а в обмен взял старые залатанные штаны в белую полоску, линялую рубаху и ветхий, обтянутый серым сукнецом полушубок.

В этом полушубке свинарка четыре года досматривала свиней, и вид у одежды был соответствующий. Вдобавок рукава полушубка едва прикрывали каплуновские локти.

[53]

— Командир, что ль? — спросила свинарка у Каплуна.

— Не. Заключенный. За растрату на пять лет посадили.

— А гимнастерка?

— У одного бедолаги сменял, да промашку дал. Враз немцы шлепнут, А за что? Я человек тихий, сапожник. Меня за тихость и посадили. Мне бы своим делом заниматься, а тут, вишь, выбрали артель возглавить. Не сумел отказаться, кто-то денежки пропил, а мне — небо в крупную клеточку...

— Отсидел или так?

— Так... Немцы и выпустили...

У той же свинарки Каплун осведомился, не знает ли она здесь, в Бучатине, Лагуна?

Полагая, что такому типу нужен не Адам Лагун, известный как коммунист, а другой Лагун — пьяница и лентяй, уже продавшийся немцам, свинарка указала Каплуну на избу полицая.

Ничего не подозревавший Каплун, явившись к этому Лагуну и увидев, что перед ним светловолосый и вроде бы длинноносый человек, выложил полицаю все начистоту. Рассказал, кто он, от кого пришел и зачем.

Немцев в колхозе, на счастье, в то утро не было.

Перепуганный полицай, не успевший получить оружия, совсем очумел, услышав о каких-то партизанах, о необходимости пристроить незнакомца.

Сунувшись туда-сюда, он в отчаянии кинулся к тому самому Лагуну, какой нужен был Каплуну:

— Адам! По секрету... К тебе, наверно, пришли... Трое! Один капитан... Адам! Он обознался... Ты про меня плохо не думай... Сейчас я тебя выручу, завтра, коли красные вернутся, ты меня...

Адам Лагун был человеком твердым и решительным. Он взял полицая за грудь, встряхнул:

— Слушай, сволочь! Иди от меня к чертовой матери! Мне все равно погибать, но ты знай, паскуда, что торговаться с тобой никто не будет, понял? А на каждой нашей могиле тысячи таких, как мы, вырастут, и вам, сволочам, все равно конец придет, потому что нас много, весь народ!.. На пушку меня берешь? Крови тебе захотелось?! Ну, иди, продай! Может, тебе фрицы за мою голову барахлишка дадут. Подштанники старые выдадут, гнида!

Полицай совершенно обалдел:

— Да за что ж ты меня так? Да я ж не виноват... Не

[54]

стрелял никого... Что ты, Адам? Брат! Что ты?.. Ко мне правда капитан пришел... Вот и оружие его. Я из стога взял, где он спрятал. Возьми. Я — никому... И капитана я устрою, богом клянусь!

Адам Лагун понял, что его однофамилец не врет, а просто очумел, и довел разговор до конца:

— Не суй мне пистолет. Мы таких сволочей, как ты, нашей правдой одной — и то убьем... А если к тебе верно капитан пришел — ступай, устрой его. И помни — головой ответишь, паразит, если продашь!

Полицай ушел на гнущихся ногах. Вернулся к Каплуну, спросил, за кого его выдать, запряг лошадь и потрусил к солтысу.

А Адам Лагун немедленно побежал в свинарник, куда опять ушел капитан Каплун.

Незнакомца Лагун нашел на кухне свинарника. Чернобородый человек с карими выпуклыми глазами и толстым коротким носом сидел на корточках возле печки и доставал из золы печеную картошку. Рядом с ним сидели двое таких же оборванных...

Адам Лагун узнал Каплуна по полушубку.

Полагая, что здесь все свои, Адам Лагун с порога рявкнул:

— Кто из вас капитан?!

Чернобородый, мигнув, поднялся с корточек, приблизился к Лагуну и больно наступил ему на ногу.

Это окончательно разъярило Адама Лагуна, и без того негодовавшего на неосторожного капитана, который выложил свои карты полицаю.

— Ты чего мне ноги давишь?! Боишься? Ты бы себя боялся! Открыл тайну предателю, полицейскому, моему однофамильцу, и себя и меня погубил, а теперь на ноги наступаешь?

— Выйдем, — оглядываясь, сказал Каплун. — Выйдем.

Он был потрясен — это бросалось в глаза, но все же теснил Адама Лагуна к двери.

На улице Каплун быстро сказал:

— Я промахнулся, прости!.. Но и эти двое, в кухне, не мои. Я не знаю этих людей. Потому и предупреждал — молчи.

— Но... Полицай сказал — вас трое.

— Своих я отправил в соседние деревни. Это — чужие.

— Ах черт!

[55]

— Что делать, товарищ Лагун? Видимо, обоим уходить надо

отсюда... Жалко только твою семью...

— А свою что не жалеешь?

— Моя семья пропала без вести. Теперь жалей не жалей...

Лагун подумал, оглянулся. Никого.

— Если полицай не продал — время еще есть. Давай этих двух, на кухне, проверим...

Лагун и Каплун вернулись на кухню. Двое оборванных оказались красноармейцами, пробиравшимися в дальние деревни. Хотели там пересидеть зиму.

Лагун почувствовал, что люди это растерянные, робкие. Он посоветовал им уходить как можно быстрее, припугнув солтысом.

Оба бывших красноармейца тут же схватились и побежали кустами к лесу.

— А мы? — спросил Каплун. — Что же мы?

— Подождем. Немцы вон той дорогой приедут, если полицай предал. Увидим. Тогда — в ту сторону, на кладбище, и в лес. А если полицай не предал, устроит тебя, как обещал, встретимся вечером у меня на квартире...

Полицай не предал. Сдержал слово. Вернувшись к раннему обеду от солтыса, он объявил:

— Все устроено. Документ на вас в сельуправе получим. Сказал, как вы велели: заключенный, сапожник... Завтра поедете со мной. На квартиру поставлю к Семашихе. Не сомневайтесь. Женщина верная, наша.

— Это чья — «наша»?

— Так я больше не шуцман! — заторопился полицай. — И повязку сдал солтысу. Сказал, что недужен. Не могу. Я свой! Так и Лагуну передайте. И скажите, что я вину свою понимаю и по гроб жизни верен буду!

Свечерело. Лагун и Каплун встретились. Лагун рассказал, что он и бывший инспектор райбюджета Красно-Слободского района Василий Полтавеевич Казяк остались в селе по заданию партизан, что у них есть три украденных из немецкой комендатуры радиоприемника, две винтовки и одна десятизарядка СВТ.

— Будем воевать! — решили оба.

На другой день Каплун был представлен солтысу как бывший заключенный и сапожник и получил удостоверение, дающее ему право проживать на территории Бучатинского сельсовета.

Капитан устроился на новой квартире, оборудовал се-

бе уголок для работы. Сапожник он действительно был замечательный и не сомневался, что заработает на хлеб и обведет немцев и полицаев вокруг пальца.

И уже вечером того же дня Каплун, Лагун и Казяк встретились, чтобы окончательно договориться о конспирации, о том, как противодействовать немецкой пропаганде, о подборе людей в отряд, который решили создать, о сборе оружия и прочих важнейших вещах.

Так началась их подпольная деятельность.

Василий Захарович Корж рассказывал замечательно, с юмором, не покидающим настоящего человека даже в трудные дни, с убедительными подробностями, а порой — с горечью и страстью.

Я узнал о том, как «сапожник» Степан Каплун, Адам Лагун и Василий Казяк начали собирать будущих партизан, приглядываясь в первую очередь к бывшим военнослужащим, а также к советским активистам.

Казалось бы, им проще всего было притаиться, не привлекать к себе внимания, не рисковать. Тем более, что партизанский отряд, державший связь с Лагуном, распался, и никто не уполномочивал бывшего бухгалтера, бывшего инспектора и бывшего командира батальона создавать подпольный комитет для борьбы с оккупантами.

Но в том и сила советского строя, в том и сила идей коммунизма, что люди, подобные Лагуну, Каплуну и Казяку, даже не представляли себе, как можно жить, не борясь, не отстаивая до последней капли крови свои идеалы.

Правда, у них не было опыта конспиративной работы, опыта партизанской деятельности, но они не стали сидеть сложа руки и ждать, что кто-то сделает за них то, что требовалось делать по обстановке.

Мало-помалу небольшая группа подпольщиков обросла активом. В соседних селах были созданы по указанию подпольщиков новые группы. В них входили бывшие красноармейцы и командиры, оказавшиеся в окружении, колхозники, сельская интеллигенция.

Регулярно слушая сводки Совинформбюро, подпольщики записывали их, перепечатывали на машинке и распространяли среди населения.

Так был распространен текст речи И. В. Сталина на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве.

Собиралось оружие, запасалась взрывчатка.

[57]

Листовки со сводками Совинформбюро расходились по всей округе. Да что по округе! Иные достигали, переходя из рук в руки,

Буга, Картузы, Гродно, Бреста.

При этом люди, передававшие листовки, дополняли текст информбюро рассказами о партизанах, обосновавшихся под деревней Бучатин.

Как водится в таких случаях, слухи росли, подобно снежному кому. Начали поговаривать, что появился в Красно-Слободском районе некий капитан, посланный ЦК партии для развертывания партизанской армии и нанесения фрицам удара с тыла. У этого капитана-де постоянная связь с Москвой, своя типография и крепкий, хорошо вооруженный народ.

И потянулись в Красно-Слободской район люди, жаждавшие обрести связь с Большой землей, влиться в будущую армию, громить врага.

Однажды появился и посланец брестского подполья. Рассказывал, что в Бресте есть товарищи, готовые сражаться, что они только и ждут, чтобы кто-нибудь принял командование ими, чтобы подсказал, с чего начинать.

Товарища снабдили последними сводками информбюро, листовками с текстом речи И. В. Сталина на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года, посоветовали вести пропаганду, подбирать новых людей и быть готовыми к выходу в лес.

Видимо, что-то пронюхали и немцы. Они сделали попытку организовать в селе Бучатин полицейский участок — постарунок по-белорусски.

Ничего у немцев не вышло. Молодежь, распропагандированная подпольщиками, наотрез отказывалась носить оружие, служить в полиции. Вместо двадцати трех человек, как хотели фашисты, в постарунок пошли только четверо — все бывшие уголовники.

Пропаганда велась, несмотря на отсутствие у подпольщиков опыта, столь тонко, что немцы и полицаи не заподозрили ни Лагуна, ни Каплуна.

Больше того, считая Степана-сапожника своим человеком, полицаи и солтыс, захаживая к нему, предупреждали:

— Смотри! К тебе тут всякие ходят... Вон, Гончарук, тот же... Ты с ним поосторожней. Это большевик. Говорят, у него радио есть. Может, это он против нового порядка и агитирует. Ты приглядись-ка к нему, а?

[58]

— Пригляжусь, — обещал Каплун, стуча молотком по подметке.

И все же неопытность подпольщиков дала о себе знать.

В январе, на рождество, в Бучатине справляли «престол».

Крестьяне пили не с радости — с горя, перегоняя на самогон последний пуд хлеба: «Все едино, при «новом порядке» нам не жить!»

Лагуна и Каплуна пригласили в один из домов. Отказаться было неудобно. Пошли. И там, за столом, когда принялись мужики жаловаться на судьбу, клясть немцев, Каплун не выдержал, произнес речь.

— Здесь, вижу, люди свои... Советские... Ты — бригадир, ты — депутат сельсовета, ты — бухгалтер... И я вам скажу — недолго фрицам пановать! Скоро им капут!.. Не верите? Это я вам говорю! Я!.. Вы думаете, я — кто? Сапожник?..

Лагун так двинул товарища в бок, что тот поперхнулся словом.

— Говори, говори, Степан! Мы же чуем, что ты не простой человек! Говори!

Но Каплун, опомнившись, махнул рукой:

— А я — не тот сапожник, что вы думаете! Я фасонный мастер! Вот! А пропадаю попусту...

Как будто вывернулся. Но вывернулся слишком неловко.

Вдобавок слышала ту каплуновскую речь одна бабенка из говорливых и, прибавив вдесятеро, как и положено, пошла нашептывать кумушкам, что Семашихин сапожник — и не сапожник вовсе, а «якись-то великий чин».

— Я чула, — тараща глаза, тараторила сплетница, — он рассказав Ивану Дзяковому, что он начальник дивизии. Говорил: большевики скоро вернутся, и треба бить немцив и полицию... Шо вы, мои дороженькии! То велики начальник!

Конечно, сплетница всем наказывала молчать, но именно поэтому новый слух распространился с еще большей скоростью, чем слух о капитане с типографией.

И дошел до гестапо.

Случилось это в конце марта. Но, полагая, видимо, что они напали на крупную дичь, и рассчитывая одним ударом уничтожить всю сеть подполья, гестаповцы не арестовали никого из подозреваемых, только поручили полицаям следить за ними.

А чтобы ни один из бывших военнослужащих не ис-

чез незамеченным, приказано было всем примакам дважды в неделю являться к солтысу на отметку, а наиболее подозрительным отмечаться ежедневно.

Подпольщики насторожились.

Это их и спасло.

В конце марта 1942 года морозы уменьшились, начал таять

снег. Прошел слух, что в пинских болотах передвигаются крупные вооруженные силы Красной Армии. Будто бы движется целое соединение с пушками, с автоматическим оружием — и один обоз, у него четыреста подвод!

На самом деле, как стало потом известно подпольщикам, из Полесской области в Пинскую, поджимаемый карателями, проскочил отряд товарища Комарова из сорока двух человек.

Но так хотелось народу, чтобы этот крохотный отряд был армией, что молва и превратила его в армию!

Это всполошило фашистов. Немецкое командование после маневра Комарова поставило в лесистых районах гарнизоны из войск СС. В Красно-Слободском районе также появился эсэсовский гарнизон из шестидесяти карателей. На одном месте они не сидели, через два-три дня переезжали на новое и два раза в неделю патрулировали лесные дороги.

Полицейские и эсэсовцы стали рыскать по деревням, хватать бывших активных советских работников и служащих, бывших военнослужащих. Некоторых расстреливали на месте для устрашения жителей. Среди арестованных оказались и члены подполья.

В Бучатине каратели бывали каждый день. Они дали распоряжение солтысу переоборудовать школу под казарму на триста человек.

Каплун и Лагун, собрав группу, приказали быть готовыми к выходу в лес.

Всем товарищам было роздано личное оружие, чтобы они имели возможность, в случае чего, оказать сопротивление и живыми в плен не сдаваться.

Выход в лес отложили до момента, когда будет приведен в исполнение приговор гнусным предателям — четырем бучатинским полицаям, принимавшим участие в кровавых расправах над захваченными.

Но события неожиданно приняли крутой оборот.

8 апреля на дороге в Бучатин, идущей из деревни Смоличи, появились вооруженные люди.

Наткнулся на них Лагун, возвращавшийся из колхоза

имени Ворошилова, где проводил беседу с подпольщиками из трех деревень.

Одетые в потрепанное летнее обмундирование, в разбитых кирзовых сапогах, обросшие и немытые, пришельцы производили довольно убогое впечатление, но держались смело и разговаривали напористо.

Увидев на Лагуне добротные сапоги, старший обложил его многоэтажной руганью:

— Такие вы рассякие! Отсиживаетесь тут в тылу, морды наедаете, а мы за вас воюй?! Скидай сапоги, паразит! Видишь, в чем у меня бойцы ходят? А они всю зиму в немецком тылу провоевали! Что смотришь? Не знаешь, что ли, что в тылу у гитлеровцев второй фронт открылся? Ну так знай! Мы из-под Буга наступаем. Я командир разведки шестнадцатой десантной дивизии, и у меня только двести сорок человек, а остальные вот сейчас подтянутся... Кто у вас председатель колхоза? Скажи ему, чтоб готовил хороших коней. Нам артиллерию тащить нужно, а наши кони пристали. Мы их вам оставим, а свежих заберем!

Лагун, обрадованный, хоть и не совсем поверил такому поразительному откровению, сказал:

— Товарищ командир! Раз вас тут дивизия, мы с вами! У нас, правда, маловато людей, всего около сотни, но все с оружием, и места знаем... Мы думали пятнадцатого числа в лес уходить, но коли уж встретились — часть людей я вам передам, а остальных завтра же соберу, и двинем в орликовские леса!

— Партизаны? — обрадовался командир «дивизионной разведки». — Ах, ешь тя в корень! Что ж ты сразу не сказал, друг?

Вместе с Лагуном «разведчики» явились в деревню, где уже выбегал на улицу народ.

Командир «разведчиков» взошел на первое попавшееся крыльцо и опять произнес речь о «шестнадцатой десантной дивизии», о предателях, которые отсиживаются по хатам, когда надо воевать, и о втором фронте за Бугом.

Женщины плакали.

В ту пору подошли девять подвод с лесом, который крестьяне доставляли по распоряжению районных властей на постройку моста через реку Случь.

«Дивизионные разведчики» уселись на подводы и в сопровождении трех подпольщиков, выделенных Лагуном и хорошо вооруженных, решили захватить Бучатин и уничтожить полицейский постарунок.

[61]

Толпа провожала их до мостика через речушку Волка. Здесь командир «разведчиков», отведя Лагуна в сторону, признался:

— Слушай, все, что я говорил, — брехня... Никакой десантной дивизии я не видел. Даже не слышал про нее. Со мной всего пять человек. Мы тоже по деревням зимовали, а как немцы подпирать начали, сорвались и надумали двинуть на восток, поближе к фронту.

— Эх ты! — упрекнул Лагун. — Взбудоражил народ... Сам-то ты хоть кто?

— Я, брат, пограничник бывший. Кадровую на Дальнем Востоке служил, а в тридцать девятом как взяли на трехмесячный сбор, так и закаруселило... Из Тулы я. На гражданке председателем колхоза был. А война застигла на Буге, там и застрял. Думка есть — перейти линию фронта. Если не всем, то хоть кому-нибудь из пятерых. Надо нашему командованию сказать, что здесь и в самом деле целую дивизию держать можно.

— А теперь уйдешь, значит?

— Уйду, брат. Только ты ни гу-гу! Пусть фрицы побегают, поищут нашу десантную из пяти человек!.. А полицаев ваших в Бучатине я подберу, не бойся!

Пограничник со своими товарищами тронулся дальше, а Лагун бросился собирать своих.

Вскоре он узнал, что кто-то опередил «дивизионную разведку», добежал до Бучатина и разнес весть о приближающейся десантной дивизии с пушками.

Поэтому, добравшись до Бучатина, «разведчики» захватили только одного полицая, не проспавшегося после пьянки. Остальные, даже не захватив оружия, кинулись в постарунок М. Семежково.

«Десантников» же встречала огромная, человек в шестьсот, толпа ликующих крестьян.

Расхрабрившийся пограничник, имея в распоряжении уже не пятерых бойцов, а целых восемь (троих дал в подмогу Лагун), выставил на концах деревни караул и снова произнес речь.

На этот раз десантная дивизия пополнилась гаубицами и танками.

И опять плакали женщины, опять забегали они, готовясь встречать своих.

Ведь у многих сыновья и мужья были в армии, от них не было вестей, и — как знать? — они тоже могли оказаться в десантной дивизии!

[62]

Да хоть бы и не оказались! Все равно шли свои, родные, кровные, советские!

Завершив выступление, пограничник подал команду снять несуществующие пулеметные засады, а один из его орлов, подойдя со стороны, лихо отрапортовал:

— Товарищ майор! Батарея установлена на высоте ноль восемьдесят пять! Вам приказано прибыть в штаб дивизии в село Выгода.

— Ясно, — сказал новоявленный майор и, попрощавшись с крестьянами, уселся на повозку.

Его провожали за околицу, махали вслед, плакали, кричали, чтобы скорее возвращалась вся дивизия...

Между тем полицаи добежали до М. Семежково, а оттуда добрались и до райцентра Красная Слобода.

Видимо, они наплели коменданту с три короба, потому что этот вояка не рискнул выступить в Бучатин. Приказав шестидесяти карателям и семидесяти четырем полицейским занять круговую оборону, он телеграфировал своему начальству о появлении в районе крупной банды с орудиями.

Поднялся переполох. Немецкое командование срочно перебросило в Красную Слободу итальянскую дивизию, ожидавшую погрузки на станции Слуцк.

Но пограничника и след простыл, исчезло и бучатинское подполье. Только Лагун, как местный житель и находящийся почти вне подозрений человек, был оставлен в селе, чтобы сообщать всем прибывающим, что место сбора отряда назначено в орликовских лесах, в районе столицкого смолзавода.

На последнем совещании в селе подпольщики единодушно решили: командиром отряда избрать Степана-сапожника, то есть капитана Каплуна, а начальником штаба Гончарука.

Оставшийся на своем месте Лагун вскоре убедился, что немцы начали энергичные поиски «десантной дивизии»: они проверяли деревни, прочесывали все ближайшие леса. Пошли массовые аресты бывшего партийно-советского актива, бежавших из лагерей пленных, евреев.

Иных расстреливали на месте, иных везли в Слуцк и расстреливали в городе, на площади, где и закапывали в заранее вырытые ямы.

Каратели заняли и Бучатин, но до хуторка Лагуна пока не добрались. Они появились на следующее утро. Лагун дома не ночевал, отсиживался в кустах. Заметив немец-

кого офицера и солдат, окружавших хату, он выбрался из своей засады и два дня скрывался у одного из соседей. Арестовав беременную жену Лагуна и восьмилетнего сынишку, фашисты повели их в тюрьму. Сынишке удалось спрятаться среди набежавшей детворы, а жену Лагуна увезли в Слуцк.

Узнав от соседа, что немцы не снимают засады возле хаты, Лагун не стал испытывать судьбу и той же ночью ушел в орликовские леса, в отряд Каплуна.

Отряд благополучно избежал облавы, выскользнул из кольца

карателей и ушел на поиски отряда Коржа, о котором ходили слухи, что он прислан из Москвы, имеет рацию, принимает самолеты с Большой земли.

Сто восемь человек привел капитан Каплун в отряд. Привел с боями, имея на счету уничтоженных гитлеровцев, разгромленные обозы и полицейские участки...

Выслушав Василия Захаровича Коржа, я представил себе, в каких условиях начинали местные партизаны. Но мне надо было узнать еще кое-что.

— А в городах как настроен народ? — спросил я.

— Насчет городов... Знаю, к примеру, из Минска подпольщики к Козлову являлись. А от городских жителей, что в партизаны ушли, не раз слышал: в городах тоже не дают покоя оккупантам наши патриоты.

Встретились мы с Коржем и Бондаренко в двенадцать часов дня, а разошлись только в восьмом часу вечера.

Встретились почти не зная друг друга, а расстались добрыми друзьями.

Я доложил Линькову о переговорах с Василием Захаровичем Коржем и Бондаренко, не скрыв своего отношения к этим людям, к их легендарному отряду.

Линьков принял мои излияния сдержанно.

Однако в ближайшие же дни пригласил Коржа прибыть на базу для личной беседы.

Корж получил взрывчатку и некоторое количество боеприпасов.

А я, посоветовавшись с Сеней Скришшком, послал в Центр очередное сообщение:

«Шлите помощников. Краткое ознакомление работой требует обслуживать большой район действия».

Сообщение было датировано 26 августа 1942 года.

Я уже понял, что при помощи партизан мы сможем просматривать огромную территорию и что один человек справиться с таким делом будет не в силах.

7

На хутор к Матрене Мацкевич со мной пошли Федор Никитич Якушев, Анатолий Седельников и Николай Кузьменко.

Перед этим я поговорил с Седельниковым и Кузьменко, прямо сказал, что командование отряда хочет назначить их в разведывательную группу.

Седельников встревожился. Сержанту показалось, что таким образом его отстраняют от активных диверсионных действий. Пришлось объяснить, что ему оказывают большое доверие.

И все же Седельников колебался:

— Не имею ни малейшего представления о разведке, товарищ капитан!

— Ничего. Получите представление.

— Даже не знаю, что предстоит делать!

— Объясним... Например, когда пойдем к Матрене, нужно будет вызвать ее на разговор о местных жителях, осторожно узнать, кто хотел бы бороться, а кто продался немцам.

— Да ведь об этом напрямик не спросишь!

— Правильно... Однако вас я спросил о вашем прошлом, и вы мне все рассказали.

— Спросили?.. Просто мы беседовали, вот и...

— Нет. Мы не просто беседовали. Вспомните.

Седельников смотрел озадаченно.

— Товарищ журналист! — засмеялся я. — Где же ваше понимание психологии человека?! Ведь это очень просто! Вы совершенно естественно отреагировали на мою откровенность, открыв свою душу!

Седельников смутился. Кажется, он досадовал и на меня и на себя.

— Не сердитесь! — сказал я. — Этот прием был употреблен не во вред вам!

— Н-да... — мотнул головой мой собеседник. — Если бы знать... Вы это ловко проделали, товарищ капитан. Я даже не заподозрил подвоха.

— По отношению к вам и не было никакого подвоха. Скорее, это был урок. Вам предстоит вести такие же беседы не раз и не два. В самое ближайшее время.

— У меня так не получится.

— Получится!

[65]

Перед тем как идти на хутор, я приказал Якушеву,

Седельникову и Кузьменко внимательно прислушиваться к рассказам Матрены и как можно лучше запоминать все, а особенно имена и фамилии, которые она назовет.

— Это наша основная задача! Разговор поведу я, а вы запоминайте. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан.

...Мы шли глухим ночным лесом, неприметной, виляющей из стороны в сторону тропой. Впереди — Седельников, за ним мы с Якушевым, сзади — Кузьменко.

Шли долго. Наконец лес кончился, по плечам зашуршал невидимой листвой, царапнул невидимыми сучьями подлесок.

— Выходим, — шепнул Седельников.

Двор Матрены смутно чернел посреди большой поляны. Сквозь одну из ставен еле пробивалась ниточка света.

Убедившись, что все тихо, мы осторожно приблизились.

Седельников взошел на крыльцо, трижды стукнул в крайнее окно. Скрипнули половицы, брякнула щеколда...

Я вошел следом за Седельниковым. Входную дверь за нами закрыли. Невидимая в темноте хозяйка прошла вперед, приоткрыла дверь в избу. Запахло теплом печи, нагретым деревом, кислым тестом.

— Сюда! — шепнул Седельников.

Я натолкнулся на притолоку, шагнул в боковушку, где хозяйка вздувала лампу.

Матрене было лет под сорок. Еще молодое лицо ее, сухое, как говорят — иконописное, приветливо улыбалось над закопченным стеклом лампы.

— Милости просим! — певуче сказала Матрена. — Заходьте, заходьте!

Большие, живые глаза с любопытством оценивали мою новую, в ремнях, куртку, новые диагоналевые брюки, армейские сапоги.

— Мы за хлебом, — сказал Седельников.

— Рановато, — ответила Матрена. — Еще не пекла. Придется обождать.

— Ребятишки-то спят? — спросил я.

— Спят, — сказала Матрена. — Что им сделается?

Мы присели — кто на лавку, кто на застланную рядном постель. Матрена посмотрела тесто, вернулась.

— Курить у вас можно, хозяюшка?

— Да курите, курите!.. Гляжу, табачок-то у вас городской!

— Вспоминают о нас, хозяюшка... А вы что же, и до войны тут жили?

— И до войны жила.

— Не скучно было?

— За работой скучать некогда. Мы с мужем в колхозе состояли. Не бирюки. А что на отшибе стоим, так муж за лесом присматривал.

— Ну, это иное дело... А колхоз большой был?

— Не то чтобы очень, но и не маленький. Обыкновенный.

— Ну а что теперь с колхозом стало? Как люди живут?

— Какая уж тут жизнь! Хорошо еще, немец гарнизона в Милевичах не держит. Да и то...

— Что «да и то»?

— Да так... Фашист фашистом, а и среди своих гады находятся. Доказывают на тех, кто Советскую власть строил, выслуживаются, иуды... Вон как Герман да Кащобинский!

— Какие это Герман и Кацюбинский?

— Эва! Ими бабы детишек пужают, а вы не знаете? Начальник полиции в Житковичах и его заместитель. Из Залютичей он родом-то, а его заместитель будто бы в прошлом лейтенант. Как немцы пришли, Герман себя и выказал. Всех ведь в округе знает!

— Герман... Не русское имя.

— А он и есть немец. Может, оттого его Гитлер и поставил начальником. Форму полицая нацепил, вместе с помощником своим Кацюбинским пьянствуют, грозят людям... Если, говорят, не будете о партизанах доносить — на столбах повесим. Столбов у нас много, говорят!

— Так... И что же? Боятся Германа?

— Как не бояться? Свои далеко, а он, поди, под боком сидит!

— Понятно... Но вы-то не из пугливых оказались.

Матрена махнула рукой:

— Какая уж героиня! Вижу — голодуете, ну и пеку вот...

Она ушла к печи, долго возилась там, сажала хлебы. Потом вернулась, разрумяненная, пропахшая дымком:

— Скоро управлюсь...

[67]

— Доставляем мы вам хлопоты... Значит, больно худо народ в деревнях живет нынче?

— Смотря где. Там, где немец стоит, — худо. А где нету фашиста — ничего. Хлеб-то припрятали, да и скотинку прирежут, не отдадут полицаям.

— Выходит, сами себе хозяева?

— Почему — сами себе? Так жизнь сложилась, а народ о своей власти помнит... Ждет народ. Ну а кто и в партизаны подался. К вам, значит.

— Однако не все подались, а?

— Не все, — согласилась Матрена. — Иному мужику не под силу уже по лесам и болотам бродить. Да и опасаются за семью. Уйдешь к партизанам, семью и прикончат... Разве не бывало? Бывало! А еще — смущаются...

— Как так — смущаются?

— Да ведь поди разбери, кто нынче партизан, а кто от Гитлера подослан на проверку... На лбу-то у людей не написано, чьи они, верно?

— Верно.

— То-то и оно! Да и не попадешь к вам, слыхать. Сторожитесь вы людей-то.

— Обижаете! Нам тоже не расчет первому встречному доверяться.

— Это я понимаю. Как не понять? Да все ж и честные люди есть.

— Это где же? Уж не в Милевичах ли?

— А хоть бы и в Милевичах! Хоть Пришкеля взять. Или вон Пашку Кирбая из рыбхоза... Не партизаны, а честные.

— Что ж? Может быть... Не подгорит хлеб-то, хозяюшка?

— Не бойся, милый, не подгорит... До войны-то Пришкель в активистах ходил, да и Пашка — серьезный, самостоятельный... Бывало, кто из пограничников приедет — непременно у Кирбаев побывает. Уважали ихнюю семью. Да и то сказать — работящие все, душевные.

— Вот ты говоришь, хозяюшка, работящие, душевные... А нынче-то Пашка где? Небось на немцев работает?

— Куда ж ему податься, милый человек? Как был при рыбхозе на Белом, так и остался. А немцы нагрянули, ну, значит, рыбы требуют... Своих людей там поставили. Не больно-то им противиться будешь, коли жить не надоело.

[68]

— Да, трудное время...

— И не бывало трудней, — с сердцем сказала Матрена.

Вскоре хлеб испекся. Мы нагрузили свой мешок, поблагодарили хозяйку, условились, что придем через день, и покинули одинокий хутор.

Возле леса остановились отдохнуть.

— Запомнили фамилии? — спросил я спутников.

— Пришкель из Восточных Милевичей, Павел Кирбай из рыбхоза. Ну и эта сволочь, Герман с Кацюбинским.

— Вот видите, ниточка наша удлинилась и раздвоилась. Начало положено. Теперь станем разыскивать Пришкеля и Павла.

Если это настоящие патриоты — нить поведет дальше... Судя по рассказам Матрены, Пришкель и Павел Кирбай были связаны с пограничниками. А пограничники на плохих людей не надеялись!

8

Вечерело. Со стороны озера Белого, из низины острей запахло сыростью. Солнце садилось в тучу, и воздух на лесной дороге скучно сырел, а в чащобе, в зарослях малинника и крапивы, уже густели сумерки.

— Идет, — тихо сказал Кузьменко.

Мы встали с пеньков, где сидели добрый час, ожидая Павла Кирбая, и вышли на дорогу.

Он и впрямь был недалеко; шагал, чуть сутулясь, опустив голову, изредка вскидывая глаза. Увидел нас, нахмурился, но шага не замедлил.

Мы встречались тут, на дороге из рыбхоза в Залютичи, не первый раз. Неделю назад я, Седельников и Кузьменко вот так же «ненароком» столкнулись с Павлом, поздоровались, попросили спичек. Он дал нам спички, на о чем не спрашивая.

— Кури, — предложил я и протянул для закрутки добрую половину «Правды».

Не составило никакого труда заметить, что Павел тотчас посмотрел, какое число стоит на газетном листе. Однако парень не выдал волнения. Оторвал клочок бумаги, закурил.

— Как живешь, Паша? — спросил я.

Глаза у Кирбая темные, внимательные.

— Понемножку... А я вас вроде не знаю.

[69]

— Это неважно, Паша... Как табачок?

Павел сдержанно ответил:

— Табачок ничего. Главное — бумага хороша...

— Если нравится — еще принесем.

— Неплохо бы... У вас что же, много такой?

— Имеется.

— Богато живете...

— Какой там! Думаем вскорости еще богаче жить!.. Вот, может, у тебя рыбкой разживемся.

Павел чуть приметно усмехнулся:

— Рыбы — можно... Немцев не будет — принесу.

— Следят?

— Следить не следят, а увидят, что таскаешь, — попадет.

— А ты скажи — для своих.

— Ясно, не для чужих...

— Ну спасибо, Паша. Счастливо тебе!

— Бывайте...

В следующую встречу я сдержал слово — принес Павлу экземпляр газеты «Известия»:

— Ты бумаги просил. Вот, держи.

Кирбай взял газету, прочитал заголовок, посмотрел в лицо каждому из нас:

— Спасибо... товарищи.

— Не за что, Паша. А что, рыбки-то не взял?

— Да кто ж знал, что вы нынче придете?

— А если б знал — прихватил бы?

— Еще бы!

— Значит, немцев нынче не было.

— Не было...

Павел помедлил, еще раз взглянул на газету, на нас и решился:

— Они ведь наездом на озере бывают. Прикатят из Житковичей, заберут рыбу — и обратно. А так — тихо у нас.

— И много их приезжает?

— Да когда как... То впятером, а то и вдесятером прикатят.

— Из Житковичей?

— Ага. Гарнизон же там...

— Да это мы знаем, что гарнизон...

Поговорили о том, о сем и опять разошлись, не уславливаясь ни о какой встрече. Но беседа с Кирбаем подсказывала — хороший человек, свой, советский.

Нынешнее свидание должно было решить многое.

[70]

Я поднял руку:

— Здравствуй, Павел!

Кирбай улыбался:

— Здравствуйте! А я уж который день рыбу таскаю, все думаю — увижу вас.

— Вот спасибо так спасибо! Смотри-ка, свежая!

— Чего ж я вам плохую понесу? Озеро-то свое небось.

— Свое-то свое, да немцы на нем хозяйничают.

— Э! — сказал Павел. — Еще неведомо, кто тут настоящий-то хозяин.

Мы посмеялись.

— Слушай, Павел, а ты знаешь, кто мы? — спросил я.

— Чего ж тут знать? Вижу... Партизаны.

— Ну, коли узнал, так таиться нечего... А как узнал?

— Да как? Небось у полицаев московских газет не бывает.

— Молодец, Паша... А у нас разговор к тебе.

— Что ж? Давайте поговорим.

— Садись... Не тошно тебе немцам прислуживать, а?

— Зря такой вопрос задаете. Я не прислуживаю!

— Не обижайся... Как так вышло, что ты не в армии?

— Да вот вышло... Ждали мобилизации, а повесток нет. Пошел в Житковичи — говорят, сиди, вызовем, когда понадобится. Я и сидел... А тут фашисты. И выходит, досиделись...

— Да-а-а... Ну а в партизаны почему не пошел?

— А куда идти? Вот, слышно стало, появились вы, а где вы есть, да как еще посмотрите, как примете — неведомо... Опять же фашисты и полицаи народ на пушку брали. Прикинутся партизанами, человек им поверил, и — нет его.

— Ты, может, и нас поначалу за полицаев принял?

Павел покрутил головой, признался:

— Было дело... Но как газету прочитал, понял — свои. Он открыто, легко улыбнулся.

— Вы и не поймете, что это такое — своя газета! Я ее от строчки до строчки... И сейчас спрятанная лежит. Достану, прочту, и такое на душе, будто армия уже вернулась! Верно!

— Товарищ командир! — сказал Кузьменко. — Может, ему последнюю сводку рассказать?

— Расскажи.

[71]

Кирбай выслушал последнюю сводку информбюро, улыбаясь, как ребенок, получивший ко дню рождения желанный подарок.

— Никогда фрицевой брехне не верил! — воскликнул он. — Честное слово! Не верил, что Москву они взяли, не верил, что Ленинград захватили! И — вот... Вот!

Когда Кирбай немного успокоился, я предложил:

— Послушай, Паша, давай регулярно встречаться. Будешь нам про немцев рассказывать, что знаешь.

— Да что ж? Могу... Только что я знаю-то?

— Ну что знаешь и что узнаешь... Договорились?

— Договорились... Может, вам сейчас что надо? Вы спрашивайте, если знаю — расскажу...

— Ну, к примеру... Как вооружены немцы, которые на озеро приезжают?

— Вооружены?.. Да с автоматами, как обычно. Ну иногда у старшего пистолет.

— Молодые они или старые?

— Не, не старые... Какие средних лет, а какие совсем молодые.

— И всегда из Житковичей?

— Непременно.

— Одни и те же?

— Этого не скажу... Честно признаться, не приглядывался. К дерьму приглядываться...

— А ты приглядись в следующий раз, хорошо?

— Коли требуется — пригляжусь.

— Ну и чудесно.

Нам оставалось договориться о месте встреч.

— Может быть, тут же, на дороге.

Павел помялся:

— Можно и на дороге... Однако могут наши, залютичские, заметить...

— Разве плохой народ?

— Кто говорит — плохой? Но вам и самим вроде лишние глаза не нужны.

— Верно. А все-таки давай в следующий раз встретимся тут, потом придумаем, как быть дальше.

— Хорошо.

Простились.

— Парень вроде серьезный, — сказал Якушев.

— Да, серьезный... Теперь нужно будет проинструктировать Кирбая, как собирать сведения и какие, как готовиться к беседам. И договориться о «почтовых ящи-

ках». Чтобы он записки оставлял в надежных, только нам известных тайниках, не встречаясь со связными. Ведь Кирбай прав: лишние глаза не нужны...

* * *

Русый, круглолицый, крепко сбитый крестьянин сидел на лавке в красном углу избы. Увидел нас и весело блеснул голубыми глазами.

Поднялся навстречу, протянул задубелую ладонь:

— С прибытием... Илья.

— Здравствуйте.

— Передали мне, познакомиться желаете.

— Да, хотели бы познакомиться.

— Взаимно. Сам вас увидеть давно хотел. Случая не выпадало.

Мы уже кое-что знали об Илье Васильевиче Пришкеле. Знали, что живет он в Восточных Милевичах своим двором, ведет хозяйство, женат, имеет детей. Знали, держится Илья независимо, на поклон к немцам не ходит и «новый порядок» не уважает. Матрена слышала, как говорил Илья одному из соседей,

горевавшему о своем житье-бытье:

— Рано, брат, в портки наклал! «Россия погибла»! Эва, хватил! Когда это было, чтоб Россия погибала? Никогда не было! И не будет! Потому, хоть и широко немец размахнулся, да силенок не расчел. И в аккурат промеж глаз получит. Потому — здесь не Франция, милый, и не какая-нибудь Дания. На фук наших не возьмешь! И опять же — народная власть. Это понимать надо! Люди за нее зубами грызться станут! Но, как известно, в текущий момент взамен зубов имеются танки и самолеты. И, промежду прочим, я не верующий, чтобы немец всю нашу силу изничтожил. Врет! Вот погоди, через годок Гитлер отсюда как наскипидаренный нарезать будет. Если, конечно, его на месте, гада, не прихлопнут, как муху!

Надо думать, Пришкелю не терпелось увидеть партизан, о которых уже ходили слухи. Теперь он и радовался в открытую.

Илья Васильевич ничем не походил на Павла Кирбая. Тот молчалив, сдержан, этот — словоохотлив, душа нараспашку. Из того слова приходилось вначале клещами вытягивать, этот словно угадывает вопрос — ответ готов тут же.

[73]

— Немцы-то? Ха! Они, паразиты, знают, что партизаны от Милевичей близко, и носа к нам не суют. Если и наскочут, так враз смываются... Герои! По бабьим крынкам шукать они герои! А наши мужики — народ верный. Точно говорю. Ну, конечно, остерегаются. Без осторожности-то одни петухи живут, потому и в ощип попадают. А народ — верный. Я — как понимаю? Если сейчас нашему мужику оружие дать и на бой его поднять — он пойдет. Все пойдут. Чего там! Мальчонки — и те, глядишь, гранаты прячут. Это — зачем? Думаешь, рыбу глушить? Не-е-е! Это они, значит, замышляют, как фрица шарарахнуть. А как же? Пионеры!

— Ну, а в Житковичах ваши мужики бывают?

— Как не бывать! Бывают, мил человек. Продать чего или соли купить... С солью-то плохо. Нету ее. А в Житковичах на базаре имеется. Ну и ездиют. И конечно, глядят.

— На что глядят?

— А на все глядят, мил человек. И где живут фрицы, значит, и сколько их там понапихано, и куда полицаи собираются с Германом...

— Зачем же вашим мужикам знать все это?

Пришкель хитро улыбнулся:

— Любопытный народ, понимаешь. А вдруг да пригодится! Мужик-то, он, мил человек, тем и жив, что все примечает... К

примеру, лежит на тропочке гвоздок. Другой пройдет и не глянет, а мужик приметит, спины не пожалеет — нагнется и тот гвоздок подберет. Потому — хозяин. А хозяину все сгодиться может.

— Казарма — не гвоздик.

— Тем более, мил человек!

Мы смеялись. Смеялся и Илья Васильевич.

— Ты, дядя, по душе партизан, — сказал Седельников. — Отчего же не с ними?

— Эва! — сказал Пришкель. — А с чем, к примеру, мне партизанить? С ухватом жинкиным? Не-е... С ухватом много не навоюешь. А оружия нам взять, мил человек, негде было. Не запасли, понимаешь, до войны. Конечно, кабы знать, какая стратегия образуется, тогда — да...

— А ты, дядя, остер на язык.

— Зол я, вот и остер!.. Думаешь, легко это — в избе возле печки сидеть, когда гад половину России отхватил? Видать, ты не пробовал этого, товарищ! А я спробовал. И мочи больше нету. И коли уж вы пришли, — вот

[74]

мой сказ — берите меня к себе. С жинкой и ребятишками. Места я здешние наскрозь знаю и людей знаю вокруг. Пригожусь. А двор... Пропади он пропадом — двор! Под чужой пятой все едино и на том дворе не жизнь!

Все, что я знал о Пришкеле, и все, что сейчас видел и слышал, говорило: Илья Васильевич как раз тот человек, какой нам нужен, а вернее — просто необходим.

Никаких сомнений у меня не было. Наоборот, Пришкель сразу подкупал, располагал к себе. И уже одно то, что он хотел идти к партизанам со всей семьей, убеждало — правдив человек и действительно себя не пожалеет.

Однако бойцы в отряде Линькова имелись, а вот нужных людей в окрестных деревнях и селах было маловато...

— Ну а если бы мы не взяли вас в отряд?..

Илья Васильевич растерянно заморгал.

— Это — как же? — пробормотал он. — Не достоин, значит?

Я тронул его за плечо:

— Достойны. Верю, что достойны!

— В чем тогда дело?

— Вот это — особый разговор... Нам, понимаете, очень нужны преданные люди, которые могут давать сведения о гитлеровцах, информировать о войсках противника, об их переброске, о замыслах немецких комендатур. Если, к примеру, вы уйдете в отряд — придется покинуть деревню. Так? А зачем ее покидать?

Понимаете?

— Так, так, — живо откликнулся Илья Васильевич. — Догадываюсь...

— Вы, на мой взгляд, можете свободно ездить по населенным пунктам, в которых размещаются немцы, якобы по делам или там в гости. Слушать, что говорят. Приглядываться к людям...

— Так, так... Понимаю!

— А мы будем держать с вами постоянную связь. Заходить к вам или вызывать в лес, беседовать.

— Понимаю, понимаю... Разведывать, значит.

— Да. Разведывать. Но помните — никто не должен знать о ваших делах.

— Это само собой.

Пришкель снова повеселел.

— А как насчет оружия? — спросил он. — Оружие-то дадите? На всякий случай?

— Надо будет — дадим. Не это сейчас главное. Лю-

дей надо искать. Настоящих. Наших. И выведывать, что немцы предпринимать думают.

— Понимаю. Говорите, что надо, все сделаю! А ко мне в любой день милости прошу! Потому — немца в деревне нету, а мы народ не пугливый. Заходьте!

— Зайдем. Значит, договорились?

— А договорились же! Все сполню! И — не подведу. Не такой человек, если доверено...

Он был взволнован и тронут.

Я снова предупредил Пришкеля, что говорить о наших связях никому не следует, и просил в ближайшее время сообщить, кому, на его взгляд, можно довериться.

— Я и сейчас назвать мужиков могу...

— Как следует подумайте, Илья Васильевич! Нам и в городах люди нужны. В Микашевичах, например. И в первую очередь такие люди нужны, что возле немцев находятся. Знаете, как бывает? Человек свой, советский, а оказался вынужденным на работу устроиться. И немцы, возможно, ему уже доверяют...

— Ага! — сказал Пришкель. — Задание ясное. Все, товарищ начальник. Сыщу. Есть и такие! Не сумлевайтесь.

9

Кузьменко принес записку Павла Кирбая, оставленную в «почтовом ящике».

Кирбай просил увидеться с нами.

При встрече он сказал, что к одной из его сестер, Алиме, подходил приезжавший в рыбхоз бывший инженер Иосиф Гарбуз, житель Житковичей. Гарбуз появился в рыбхозе будто бы затем, чтобы найти материалы и части для восстановления житковичской мельницы. Однако, разговаривая с Алимой, Гарбуз интересовался, не слыхала ли она о партизанах-десантниках, обосновавшихся вроде бы недалеко от Милевичей, в Юркевичском районе.

Алима отвечала уклончиво. Ей показалось, что Гарбуз огорчен недомолвками и недоверием.

— Да на что вам эти десантники? — спросила Алима. — Дело, что ли, к ним какое заимели?

Гарбуз, давно знавший Алиму, помедлил, колеблясь, а потом решился:

[76]

— Да, дело.

— Ну, коли дело... Если услышу о них — скажу...

Передавая эти сведения, Павел Кирбай добавил:

— По-моему, неспроста Гарбуз тут появился, товарищ командир.

— Что значит — неспроста? Подозреваешь провокацию?

Кирбай почесал бровь:

— Знавал я Гарбуза раньше... Наш, советский инженер. Молодой. Сейчас, правда, он лесопилку для немцев вроде бы восстанавливает. Только вот работу здорово подзатянул... Может, Гарбуз в партизаны хочет?

— Вот как? А если он провокатор?

— Не знаю. Не похож на такого... Впрочем, вам видней.

Я задумался.

Не исключалось, что немцы, зная о существовании в Юркевичском районе партизан, подослали Гарбуза вынюхать что-либо.

Но не исключалось также, что Гарбуз как раз из тех честных советских людей, что из-за стечения обстоятельств остались в тылу наступавших немецких армий и теперь искали возможности связаться с партизанами.

В последнем случае Гарбуз оказался бы незаменимым

сотрудником! Он легально проживал в Житковичах, общался с гитлеровцами и, конечно, мог добывать ценнейшие сведения.

— Вот что, — сказал я Павлу Кирбаю. — Появится Гарбуз еще раз — предложи ему встретиться с партизанами. Скажем, на нашей дороге от рыбхоза. Где с тобой виделись. Мы пришлем своих людей, они поговорят с инженером.

— Ясно, — ответил Кирбай. — Как только он явится, сразу дам знать.

Инженер Иосиф Гарбуз появился через несколько дней. Получив весточку от Павла, на свидание с инженером немедленно пошел Седельников.

Вернулся Анатолий возбужденный.

— Товарищ капитан! — весело доложил он. — Мы на замечательных людей натолкнулись!

— Так уж и на замечательных?

— А как же, товарищ капитан?! Сами посудите! В Житковичах кроме Гарбуза есть еще три товарища, ко-

торые желают помогать партизанам, да не знают, как и что делать.

В Житковичах, по словам Иосифа Гарбуза, находились подпольщики: бывший лесничий юркевичского лесничества инженер Горев, один из работников механизированного лесопункта близ Юркевичей Степан Татур и бывший лейтенант инженерных войск Николай Корж.

Николай Корж, услышав о партизанах-десантниках, сообщил об этом Гореву. Товарищи поручили Иосифу Гарбузу связаться с партизанами. Для этого он и прибыл в район озера Белого.

Гарбуз рассказал Седельникову, что до сих пор в Житковичах никто никаких активных действий не предпринимал, но имеются интересные сведения. По его словам, житковичский гарнизон фашистов насчитывал до ста пятидесяти солдат и офицеров. Отряд полевой жандармерии немцев, которым командовал гауптман Дринкель, состоял из трех десятков жандармов и отряда полицаев, возглавляемого Германом и Кацюбинским.

В гарнизоне имелось несколько легких полевых орудий, около двадцати пулеметов немецкого образца и соответственное числу солдат количество автоматического оружия.

Полицаи были вооружены русскими винтовками и двумя пулеметами системы «Максим».

Это были важные сведения!

Но самым значительным показалось сообщение Гарбуза о том, что гауптман Дринкель уже несколько раз предлагал

Николаю Коржу, проживавшему у родителей, служить в жандармерии.

По словам Гарбуза, Николай Корж отказался от предложения, ссылаясь на плохое состояние здоровья, и обещал прийти к Дринкелю, как только окрепнет...

— Какое впечатление произвел Гарбуз? — спросил я Анатолия.

— Хорошее, товарищ капитан. По-моему, он не врет.

— Ты договорился о следующей встрече?

— Так точно. Условились, что связь будем держать через Евгению Матвеец, подругу Алимы Кирбай. Она там, на озере живет. И через сына Горева — Игоря, который находится в Житковичах вместе с отцом.

— Это что, взрослый парень?

— Да нет, парнишка лет четырнадцати. Но мальцу-то сподручней пробираться туда-сюда, товарищ капитан.

[78]

— Очень хорошо. Газеты Гарбузу передал?

— А как же? И «Правду», и «Известия». Вы бы посмотрели, как обрадовался человек!

— А листовку с последним сообщением Совинформбюро?

— Тоже передал. И велел, как вы сказали, чтоб они ее переписали и распространили.

— Ну что ж... Поглядим, что получится.

Мне и самому очень хотелось сразу и безоговорочно поверить Иосифу Гарбузу, Гореву, Коржу и их товарищам. Но я не имел права поступать опрометчиво. Это могло обойтись очень дорого, стоить жизни многим десяткам людей, могло привести к срыву полученного мною задания.

Надо было все тщательно проверить. Этого требовала обстановка. Прежде чем делать следующий шаг, необходимо было убедиться, что товарищи выполнили наше поручение и что листовки сработали.

Вызвали в лес Пришкеля (Ильюка) и, не посвящая его в суть дела, попросили съездить в ближайшие дни в Житковичи, осмотреться и узнать, нет ли каких новостей.

Ильюк собрался быстро. Погрузил на телегу несколько корчаг со сметаной, пару лукошек яиц и отправился вроде бы на базар.

Вернувшись, сообщил нам, что в городе появились листовки со сводкой Совинформбюро, вызвавшие переполох среди фашистов.

— Обыски делали, — рассказал Ильюк. — Говорят, облаву замышляли. Кто-то, сказывают, возле самой жандармерии

«Правду» приклеил.

После поездки Ильюка было решено пойти на озеро Белое и вручить Алиме Кирбай или Евгении Матвеец две мины и пять термитных зажигалок для передачи их в Житковичи Гореву.

Горев, Корж и Гарбуз взорвали два шедших на фронт эшелона с горючим и подожгли фашистский склад.

Эта вторая проверка подтвердила, что мы имеем дело с настоящими советскими людьми.

Через Игоря Горева подпольщики попросили прислать побольше мин и зажигалок, а также регулярно снабжать их сводками информбюро.

Как раз в те дни были получены несколько радиограмм из Центра.

[79]

В двадцатых числах августа наши войска перешли в наступление на Западном и Калининском фронтах, прорвали оборону фашистских армий и отбросили гитлеровцев на сорок — пятьдесят километров.

По сведениям Центра, немецко-фашистское командование перебрасывало на наш Западный фронт пехотные и танковые части.

Центр требовал максимальной активизации деятельности, требовал установить наблюдение за железными и шоссейными дорогами с задачей проследить путь следования эшелонов и автоколонн врага.

Особое внимание Центр обращал на то, что сведения наши должны быть точны, подробны и своевременны.

Линьков в свою очередь сообщил в Центр о возможностях, которые открываются нам в городке Житковичи, спрашивал совета, как лучше их использовать.

Ответ пришел немедленно. Наше проникновение в Житковичи расценивалось как успех. Работу требовали в основном направить на добывание разведданных, советовали, как предотвратить возможность провала.

На основании рекомендаций Центра Григорий Матвеевич и мы с Сеней Скрипником составили и подписали инструкцию житковичским подпольщикам, руководителем которых остался Горев.

Мы напомнили о необходимости соблюдения строжайшей конспирации и ставили группе конкретные задачи: наблюдать за переброской войск по железной дороге, давать регулярную информацию о работе станции Житковичи, составить план расположения гарнизона гитлеровцев и установить точный его

состав, а также продолжать взрывы эшелонов, поджоги фашистских учреждений, складов и зданий, имеющих хозяйственное значение, уничтожать фашистов и предателей.

Мы потребовали также вести тщательный подбор и осторожную вербовку в группу преданных Родине людей, а Николаю Коржу рекомендовали подумать о предложении немцев и поступить в жандармерию, полицию или любое другое немецкое учреждение и войти в доверие к оккупантам, чтобы впоследствии своевременно предупреждать партизан о замыслах врага.

Эту инструкцию Евгения Матвеец на следующий же день передала Игорю Гореву.

[80]

Мальчик ушел в Житковичи, а мы стали ждать очередных сведений.

В те же дни появился в лесу Илья Васильевич Пришкель. Он сообщил, что выполнил нашу просьбу и, как ему кажется, нашел одного подходящего человека.

— Кто это?

— Понимаете, товарищ командир, с этим человеком я еще не говорил. Но от родни его узнал, понимаете...

— Что узнал?

— Значит, так. Родня, значит, у него имеется. Проживают у нас в Милевичах. Ну и рассказывали... Работает парень в Микашевичах киномехаником при немцах.

— Кто же он, наконец?

— Да этот самый, Ванюшка Конопатский! Мать при нем и младший братишка.

— Ну и что?

— Выходит, товарищ командир, паренек молодой, комсомольского, прямо скажем, возрасту, только не тем занят. Фрицев обслуживает, а в партизаны не идет.

— Это точно?

— Так ведь тут какое дело, товарищ командир? Тут обычное, по моему разумению, дело... В армию парень не попал, засел дома, а немцы пронюхали, значит, что он киномеханик, ну и ясно...

— Полагаешь, Конопатского заставили работать?

— Опять же, товарищ командир, гарантиев я дать не могу... Если будет ваше указание, потолкую с Ванюшкой. Может, годится он?

— Подумаем...

Самый беглый взгляд на карту покажет, какое значение могла

иметь для нас небольшая станция Микашевичи, через которую идут ветки от Бреста на Житковичи и из Барановичей на Сарны.

Если мы, завязывая один из узелков в Житковичах, получали возможность контролировать эшелоны врага, идущие через эту станцию на Гомель со стороны Лунинца и Бреста, то, обосновавшись в Микашевичах, мы бы имели возможность дополнительно контролировать движение эшелонов в треугольнике Житковичи — Микашевичи — Брест — Барановичи.

Упускать такой шанс мы не имели права.

Сообщили о своих планах в Центр. Нам ответили, чтобы не медлили.

[81]

Теперь предстояло прощупать Конопатского.

Но кому поручить это?

Посылать в Микашевичи партизана мы не могли: городок кишел гитлеровцами, наш человек пропал бы ни за понюх табаку. Тем более что настроения Конопатского были нам неизвестны.

Оставалось одно: направить в Микашевичи кого-нибудь из местных жителей.

Опыт подсказывал: от нашего посланца не следует требовать, чтобы он увиделся именно с Конопатским и узнал только его намерения.

Человек, которого мы пошлем в Микашевичи, не должен был слышать от нас фамилию киномеханика. Задача посланца — собрать сведения о немцах, побывать у родных и знакомых, послушать их рассказы, узнать, кто чем дышит.

И все!

Почему так? По очень простой причине. Как правило, никто из местных жителей никогда не отказывал партизанам в просьбе пойти к тому или иному интересовавшему их человеку. Но, как правило, никто из крестьян и не умел выполнять задания.

Имея твердое, конкретное поручение, посланец партизан, попав в городок или село, занятые гитлеровцами, сразу терялся. Ему начинали мерещиться несуществующие опасности. Да и человек, к которому посылали связного, держался настороженно с малознакомым лицом, на вопросы отвечал уклончиво.

Испугав друг друга, незадачливый связной и его собеседник расходились, ни до чего не договорившись.

И наоборот, местные жители, посещавшие села и города, занятые гарнизонами врага, оказывались весьма наблюдательными и зоркими, если не чувствовали себя скованными точной задачей.

Это было вполне естественно, по-человечески понятно.

Что ж? И слабость может обернуться силой, если ее умело использовать!

Поэтому узнать о настроениях населения отправилась в Микашевичи по нашей просьбе одна из соседок Ильи Васильевича Пришкеля — добродушная и словоохотливая тетка, собиравшаяся что-то купить на микашевичском рынке.

Мы попросили ее об одном: послушать, что говорят, о чем думают в Микашевичах.

[82]

Зная, что соседка Пришкеля знакома с семьей Конопатских, мы рассчитывали, что она так или иначе повидается с ними. Повидавшись — разговорится. Разговорившись — узнает то, что нам нужно....

Расчет оправдался.

Тетка действительно зашла к Конопатским так же, как заходила, впрочем, ко всем остальным знакомым.

Посидела у матери Ивана Конопатского, повздыхала, поведала о своих горестях, ругнула немцев, а потом обрушилась на Ивана:

— А ты-то, хорош! Молодой, здоровый, и жрешь фашистский хлеб! Твои-то годки, поди, в боях умирают! Не стыдно, Ванька!

— Кто ж меня кормить будет? — рассердился Конопатский. — Ты, что ли?

— И-и-и! У меня своих ртов достанет! А умный-то нашел бы, чей хлеб есть! Гляди, партизаны-то близко.

— Партизаны! Разве к ним подступишься! Тоже, поди, меня во врагах народа числят... Да и неизвестно, какие это партизаны. Вон, слышь, в Юркевичах к одному пришли — давай, мол, в лес, фрицев бить! Он, дурак, схватился, чуть не бегом побежал, а его — хвать! Оказалось — полицаи...

— А ты разберись сначала, — посоветовала женщина. — Голову тоже иметь надо...

Узнав содержание этого разговора, мы в отряде решили заняться киномехаником. Тем более что он сказал своей собеседнице на прощание: «Ничего, наша армия придет, разберутся, кто враг, а кто нет...»

Значит, верил парень, что наши вернутся. Не потерял надежды на победу.

Я решил повидаться с Конопатским.

Предстояло послать к киномеханику своего человека, вызвать парня в лес.

Разведчики отправились за Алимой Кирбай.

Девушка, такая же темноглазая и молчаливая, как брат,

явилась в назначенное место.

Я объяснил задачу.

— Значит, прямо сказать, что я от партизан? — спросила Алима.

— Да. И предложить Конопатскому ровно через десять дней после вашего свидания пойти в Залютичи. Мы будем ждать на восьмом километре.

[83]

— Понимаю. Через десять дней, на дороге из Микашевичей в Залютичи. Восьмой километр.

— Предупреди Конопатского, что в случае непредвиденных осложнений кто-нибудь явится к нему, отменит встречу. Пароль: «Я от Гриши».

— Понимаю, товарищ командир...

На следующий день Алима Кирбай отправилась в Микашевичи якобы за покупками.

Она нашла Конопатского, точно передала то, что было приказано.

Конопатский сказал Алиме, что придет...

Все десять дней наши партизаны внимательно следили за гитлеровцами, наблюдали за дорогой из Микашевичей в Залютичи. Ничего особенного, тревожного они не заметили. Было похоже, что Конопатский не побежал после свидания с нашей связной в полицию или комендатуру.

Теперь оставалось ждать — придет или смалодушничает в последний момент?

Мы не случайно назначили встречу ровно через десять дней.

Десять дней — вполне достаточный срок, чтобы человек, незнакомый с партизанами, привык к мысли о будущей работе, успокоился, убедился, что имеет дело не с провокаторами.

В самом деле, первые дни Иван Конопатский мог опасаться, что стал жертвой немецкой провокации. Но каждый спокойно прожитый день должен был все больше убеждать его, что приходили настоящие партизаны.

Видя, что ни гитлеровцы, ни полицаи его не трогают, Конопатский мог отбросить последние сомнения!..

За день до назначенного срока мы выслали в район предполагаемой встречи группу партизан. Они должны были убедиться, что там нет засады, а в случае опасности — дать сигнал.

Минула последняя ночь. Сигналов от группы охраны не поступило.

Забрав Николая Кузьменко, я отправился на свидание с

микашевичским киномехаником.

И встретил Конопатского не на восьмом километре, как назначил, а на шестом.

Надо было, чтобы Конопатский понял: партизаны вездесущи, у них гораздо больше возможностей для работы, чем он предполагал...

[84]

Я знал, что это произведет на киномеханика достаточно сильное впечатление, он поймет: каждый его шаг нам известен...

Невысокий, сухонький паренек со вздернутым носом, услышав оклик, остановился, потер щеку, сошел с дороги.

— Здравствуйте, товарищ Конопатский.

— Здравствуйте.

— А мы вас ждем.

— А кто вы такие?

— Ну, Алима вам сказала, кто мы такие. Я — капитан Черный, а это — Коля. Мы десантники из отряда Бати... Вас никто не видел?

Серые, умные глаза паренька смотрели испытующе. Помедлив, он все-таки ответил:

— А что за мной следить? Кому я нужен?

— Хорошо, что никто не следил... Садитесь. Поговорить хотелось бы. Вы до войны в комсомоле не состояли?

— До войны все в комсомольцах ходили. Не знаю, как теперь.

— Вот что, Конопатский, вам придется нам поверить. Мы не полицаи и не провокаторы. Мы — от Гриши, самые настоящие десантники. Хотите московские газеты почитать? Читайте. Видите, «Правда» от тринадцатого августа. Недавно сбросили нам с самолета.

Бесценная «Правда»! В который уже раз сослужила она верную службу, открыла путь к сердцу человека, убедила, что мы — настоящие партизаны!

Повертев в руках газету, Конопатский взглянул на нас с меньшим недоверием:

— Вроде настоящая... Наша.

— Наша? Да ведь ты у немцев служишь, Ваня!

— Ну и что с того? Нужда заставила, вот и служу. Есть надо, мать с братишкой кормить.

— Это понятно. А что станешь говорить, когда вернутся наши?

Конопатский потупился.

— Каждый советский человек должен бороться. И ты должен. Разве не так?

Он поглядел исподлобья:

— Так... Только — что я могу?

— Если захочешь — сможешь многое. Важно только, чтобы захотел бороться.

— И в партизаны пошел бы?

[85]

— Пошел бы... Только матку с браткой надо забрать...

— Ну, там поглядим... Партизаны просто так не примут к себе. Нужно свою преданность доказать.

— Понимаю. Да как доказать-то? У меня ни оружия, ничего...

— А если б оружие?

— Будь оружие, какого-нибудь фрица застрелю! Тогда примете?

— Тогда, пожалуй, примем...

Конопатский поднял голову:

— Давайте оружие!

Он спокойно выдержал мой пристальный взгляд.

— Хорошо. Получишь в свое время и оружие. Хочу тебе верить... Но есть другие планы... Согласен ты выполнить задание партизан?

— Выполню.

— А почему не спрашиваешь — какое?

— Вы глупого не дадите, ясное дело.

— Вон как!.. Верно, глупых заданий тебе поручать не будут. Но опасное — могут.

— Не на смерть же пошлете?

— На смерть никого не посылают. Мы все жизнь любим, Ваня. Но боец всегда рискует.

— Риска не боюсь. Лучше рисковать, чем...

— Понятно... Послушай-ка, расскажи поподробней о Микашевичах. Что там у вас творится? Много ли немцев?

— Оно и немного, да есть полицаи... А кроме того — из других мест иногда наезжают. Ну, если у них совещание какое или еще чего... Картины смотреть тоже съезжаются.

— Так. А что, движение по железной дороге большое?

— Да как сказать? Обычное...

— Такое же, как в мирное время?

— Вроде... Да нет... Когда как... Последнюю неделю чего-то много поездов проходило.

— Не заметил — куда? На Ганцевичи или на Житковичи?

— Вроде больше на Житковичи...

— Ты далеко от станции живешь?

— На другом краю.

— А бывать на станции не приходится?

— Чего там делать?

— Дела найдутся! Знакомых рабочих нет у тебя на

станции? Или, может, поблизости от железной дороги кто из друзей живет?

— Да знаю там кой-кого... И знакомые есть поблизости... Но у станции охраны много!

— А мог бы ты ходить на станцию, наблюдать, куда и с чем гоняют немцы поезда?

— Могу.

— Так и договоримся. Будешь наблюдать за станцией и вообще за гитлеровцами в Микашевичах. Если новая часть появится или фашисты задумают что-нибудь — сообщишь. Хорошо?

— Хорошо... А как сообщить?

— Пошлем к тебе человека.

— Опять небось давешнюю черноглазую?

— Может, и ее.

Конопатский замялся, подобрал щепочку, стал ковырять землю.

— Ты чего?

Киномеханик помедлил, потом попросил:

— Вы лучше кого-нибудь другого присылайте.

— Почему?

— Она не наша. Не из Милевичей и не из Микашевичей. Чужая. Приметят ее.

— Хорошо. Учтем твою просьбу. Рисковать не будем. Найдем другого человека.

— Лучше из Залютичей кого.

— Там посмотрим... Значит, договорились. Все, что узнаешь, будешь сообщать нашему связному.

— Сообщу... А пароль какой будет? Тот же?

— Тот же. Если придет к тебе человек и скажет: «Я от Гриши» — верь ему.

— Добре... Только осторожней. Из Залютичей кого-нибудь...

— Не волнуйся, все будет в порядке. Никто тебя не подведет.

Поговорив еще с полчаса, мы расстались с Конопатским. Он отправился дальше в Милевичи, якобы к родственникам, а мы с Кузьменко сняли охрану и вернулись на базу.

Конопатский произвел на меня двоякое впечатление. С одной стороны, он казался умным и честным парнем, с другой — робковатым и ненадежным. Смущало, что в начале разговора

киномеханик настойчиво подчеркивал свое беспокойство за семью, как бы уклоняясь от сотруд-

ничества, а потом стал на все соглашаться. Возможно, соглашался потому, что струсил и хотел скорее расстаться с нами?

Следовало посмотреть, как поведет себя Конопатский в дальнейшем. И прежде всего учесть его дельную просьбу, найти надежного связного, который не привлек бы внимания немцев и их холуев.

И снова пришел на помощь Илья Васильевич Пришкель.

— Портниха есть в Микашевичах, Леокадия Демчук, — сказал он. — Ее окрест знают. Часто на дом работать зовут то туда, то сюда. Опять же и родни у нее — пруд пруди, хоть в Милевичах, хоть в Залютичах. Вот разве Леокадию возьмете?..

Мы расспросили о Леокадии Демчук знакомых жителей. Отзывы были благоприятные.

Наши люди повидались с портнихой, потолковали с ней, подтвердили, что человек она честный, прямой.

Леокадия Демчук, встретившись с Кузьменко, была взволнована, даже всплакнула:

— Господи! Да кто же не хочет, чтобы этих гадов фашистских скорее прикончили? Кто вам помогать откажется?

Вскоре она стала нашей связной с Конопатским. И надо сказать, отличной связной!

Конопатский тоже не подвел. Выполняя наши советы, он стал следить за железнодорожными перевозками через Микашевичи, и вскоре радиоузел Скрипника смог послать в Центр первое донесение о движении эшелонов противника по линии Пинск — Житковичи.

Сведения Конопатского помогали разобраться, какие поезда прошли через Лунинец, а какие через Ганцевичи. Для Центра это могло иметь важное значение.

* * *

В сообщении группы Горева об обысках и арестах в Житковичах указывалось, что начальник немецкой полиции Герман проявил весьма большую активность. Сам принимал участие в обысках, помогал при аресте бывшего председателя Житковичского райисполкома Бортеля.

Бортель, по сведениям подпольщиков, попал в окружение, недавно возвратился к семье и некоторое время жил спокойно, не подвергаясь преследованиям.

Однако после появления в городе листовок, после то-

го, как сын Горева Игорь наклеил на стену жандармерии экземпляр «Правды», всполошившиеся гитлеровцы в числе прочих подозреваемых схватили и Бортеля, хотя он никакого отношения к листовкам не имел.

Бортеля расстреляли.

Судя по этим сведениям, в Житковичах развертывались события, о которых нужно было знать подробней. Но в то время информацию о Житковичах мы получали только через Горева. Нуждались и в проверке его данных, и в получении информации через другие каналы.

Нам вообще не мешало иметь надежного человека для посещения Житковичей тогда, когда это было нужно. Тем более что в будущем мы намеревались прощупать начальника тамошней полиции Германа.

Использовать для посещения города связных с житковичским подпольем мы считали ненужной и опасной роскошью. Связные занимались своим делом, и трогать их не следовало.

Вдобавок связные относились к числу местных жителей, а мы хотели бы послать в Житковичи партизана, который при случае мог проконтролировать связных.

Но где взять такого партизана?

Взрослый мужчина для подобной работы не годился. Он сразу бы привлек внимание полиции и гитлеровцев.

Послать женщину? Что ж — в отряде Линькова находились преданные партизанки. Однако среди них не было жительниц нашего партизанского района.

Кого подобрать?

Выход подсказал Павел Кирбай.

— Мальчонку пошлите, — сказал он. — С мальчонки — какой спрос?

— Нет у нас в отряде мальчонок. Да и необычно как-то...

— Чего ж необычного? Вон, Игорь Горев листовки клеит не хуже взрослого. Ребята — они ушлые. А оккупантов ненавидят — иным взрослым поучиться. Сердчишки-то чистые болят!

— Ты прав... Но нет подходящего мальчонки.

— Отчего нет? Есть. Хотите — приведу.

— Что за мальчонка? Откуда?

— Коля Лавнюкович из Залютичей. С матерью живет. Отец на фронте.

— А сколько ему лет?

— Не то четырнадцать, не то пятнадцать.

— Не мало ли?

— В самый раз! — убежденно сказал Кирбай. — Вы его испробуйте — сами увидите — ушлый пацан. Вдобавок Герман его по Залютичам знает. Если заметит — непременно подзовет, спросит, как в деревне живут. Точно говорю.

— А не знаешь, нет у Лавнюковичей знакомых в городе?

— Как не быть! В Житковичах, почитай, с десяток залютичских семей обосновалось. Коляка всех знает.

— Это уже лучше...

Короче говоря, мы приняли совет Кирбая. Он привел Колю Лавнюковича — юркого мальчика с острыми глазенками и льняными, давно не стриженными волосами. Пришел Коля босиком, хотя по утрам уже холодало, в коротких, потрепанных штанах, но в пальтишке.

По-мальчишески бычась, стесняясь, ковырял пальцами одной ноги другую, отвечал басовито, односложно:

— А чего ж тут?.. Ну и съезжу... Знамо... Могу...

Попросили Колю появиться в городе, зайти в гости к знакомым, купить на базаре соли, вообще побольше походить по Житковичам и, если случится, попасться на глаза Герману.

— А если он подзовет?

— Подзовет — подойди.

— Спрашивать будет небось.

— Возможно, будет расспрашивать. Говори чего-нибудь.

— Он небось про партизан спросит.

— Скажи, болтают что-то про партизан, но ты их не видел. Понимаешь?

— Чего не понять?.. И все? Ничего боле не надо?

— Больше ничего, Коля. Что бы Герман ни говорил, что бы ни предлагал, тверди, что никого не видел и не знаешь. Но запоминай, что он толковать будет.

— Уж запомню.

Коля выжидающе глянул на Павла Кирбая, присутствовавшего при беседе.

— Лишнего не болтай, — строго сказал Павел. — Делай только то, что товарищ командир велел. Понял?

— Понял, — сказал Коля. — Когда ехать-то?

— Большое дело сделаешь, Коля... Только будь осторожен. А ехать тебе завтра...

[90]

Назавтра Коля уехал в Житковичи на снаряженной нами подводе. Пропадал два дня. На третий — явился.

— Коля! Молодец! Выбрался!

— Да чего там... Подумаешь...

— Ну рассказывай, рассказывай, что было.

Коля рассказал, как добрался до Житковичей, как полицаи, обыскав его телегу и изругав за то, что ездит без пропуска, разрешили пойти на базар. Как купил на базаре соли, оставил лошадь у знакомых, а сам отправился гулять по городу. На Германа и его компанию Коля прямо-таки напоролся. Те вывалились из какого-то дома, как всегда, крепко пьяные. Герман воззрился на мальчика, словно вспоминал что-то, но потом махнул рукой, грязно выругался и пошел прочь.

Коля пытался на другой день снова столкнуться с начальником полиции, но не встретил его и вернулся.

— Спасибо за службу, Коля! — поблагодарили мальчика.

— Да что... Если надо — я еще съезжу.

— Там видно будет. Отдыхай пока. Обед приготовлен, покушай. И сапоги вот возьми... Бери, бери! Заслужил!

— Надо ж! — краснея, сказал Коля. — И дел-то было...

Приготовленные для него сапоги он принял бережно и понес, прижимая к груди.

Стоявший здесь же Сеня Скрипник глядел вслед мальчику.

— Такой маленький... — тихо сказал Сеня. — Эх, война...

Коля Лавнюкович оказался тем самым партизаном, о котором мы мечтали, думая о посещениях Житковичей. Настоящий герой, этот мальчик впоследствии безупречно выполнял все задания по разведке...

* * *

В десятых числах сентября пришла группа бойцов от Бринского с озера Выгоновского.

Они принесли доклад о диверсионной работе и просьбу своего командира прислать взрывчатки.

Как раз накануне прихода этих бойцов была получена очередная радиограмма из Центра.

[91]

Москва требовала ускорить переход в район озера Выгоновского, ближе к Барановичам, как можно быстрее начать работу на этом важнейшем железнодорожном узле фашистских войск.

Мы договорились с Линьковым, что начатую работу он будет возглавлять сам, опираясь на Федора Никитича Якушева. Я поручил Сене Скрипнику всячески помогать Якушеву.

Последний вечер мы долго беседовали со Скрипником. Я просил немедленно сообщать о всех важнейших событиях и по

мере сил помогать Кузьменко и другим разведчикам.

— Довольны вы началом, товарищ капитан? — спросил Сеня.

— Видишь ли, Сеня, к разведке мы только-только приступаем. И людей еще у нас мало, и не научены они как следует, и район нашего действия крайне ограничен. Конечно, Москва тоже не сразу строилась! Но вот возможности местных жителей — и те не исчерпаны.

— Отдача будет!

— Согласен, но время, время!.. Что в последней сводке?

— Бои в районе Моздока и Сталинграда.

— Ну вот! А мы топчемся около Житковичей...

— Зря вы так, товарищ капитан. Все-таки в последнем сообщении от Горева и про железнодорожные составы говорится, и численность гарнизона уточняется.

— Эх, Сеня! Плохо мы еще за железной дорогой наблюдаем! Ни один эшелон, понимаешь, ни один не должен пройти незамеченным! Наши люди все обязаны запоминать — и номер паровоза, и количество вагонов или платформ, и характер груза определять, а мы...

— Да научатся, товарищ капитан.

— Знаю. И все равно — беспокоюсь... Ведь что — Житковичи? Нам еще столько изучать и охватывать! И Барановичи, и Пинск, и Ковель. А мы туда и не сунулись!.. Вот что. Сводки от Горева и подрывников обрабатывай за меня. И тотчас — в Центр.

— За это не тревожьтесь, товарищ капитан. Задержки не будет.

— Ну, успеха.

— Вам успеха, товарищ капитан! Счастливо дойти до Бринского.

10

После дождей и холода вновь проглянуло солнце, настали ясные, теплые дни бабьего лета.

Мы шли заросшими лесными дорогами, где в колеях уже шуршали желтые и оранжевые листья, еле приметными тропами, где вплетали тетерева и глухари, перебирались через болота, где на кочках ярко белела незрелая клюква.

Впереди — командир группы, присланной от Бринского, — Гончарук, за ним я и радист Злочевский с рацией, дальше — остальные партизаны, сгибавшиеся под тяжестью мешков с толом, боеприпасами, батареями для рации и с продуктами.

Из своих районов мы вышли днем, но потом, миновав Хорустов, двигались по ночам.

Трудной была эта дорога. Удаляясь от озера Белого, мы далеко обходили деревни и села, чтобы не столкнуться с карателями, не оставить никакого следа для фашистских ищеек. И все чаще приходилось часами брести бесконечными урочищами, утопая по колено в пружинящих мхах, качаясь на плывунах, иногда проваливаясь в вязкую болотную жижу.

На привалах молча лежали около костров, сушили портянки и одежду, забывались коротким, чутким сном.

Хорошо, что Гончарук знал дорогу и не плутал в лесу...

На четвертый день пути приблизились к городу Ганцевичи.

Здесь, возле станции Люсино, перешли темной ночью железную и шоссейную дороги Барановичи — Лупинец, взяли направление на деревню Борки.

За Борками остановились на дневку. Партизаны Гончарука повеселели. Чувствовалось: здешние места кажутся им родным домом.

До базы Бринского, по словам Гончарука, оставалось «всего ничего» — километров шестьдесят.

Собираясь вечером в дорогу, мы увидели нескольких крестьян. Те подошли, поздоровались, попросили закурить.

— Партизаните, сыны?

— Партизаним, отцы.

— Помогай вам бог!.. А ты, сынок, видать, не здешний?

[93]

Я усмехнулся:

— Отчего ж это не здешний?

— Лицо свежее, не уставшее, не измученное. Да и по одежке видать, сынок. Больно справная у тебя одежка-то... Не иначе —

московская... Правду ль говорим?

Я улыбался, но молчал.

— Нельзя отвечать, выходит, — сказал один дед. — Ну, коли нельзя, — значит, нельзя... Верно, значит, говорим! Помогай вам бог! Помогай бог!

Деды ушли, мы взвалили на плечи груз и тоже тронулись в путь.

А через день одолели последний из двухсот километров, добрались наконец до цели.

Признаться, и в сотне метров от базы я не нашел никаких признаков сосредоточения партизан. Базу замаскировали и расположили так надежно, что можно было позавидовать.

...Даже сейчас, четверть века спустя, я с поразительной отчетливостью вижу вечно сырые, скользкие кладки, брошенные через болото к маленькому островку, где помещался главный лагерь отряда Бринского.

Таких маленьких, поросших лесом островков в этом гигантском болоте было множество.

Поди разберись, на каком засели партизаны! И попробуй подберись незамеченным!

Кладки вели к островку со стороны деревни Борки, с востока.

Кажется, первым облюбовал островок Николай Велько, бежавший из деревни Борки при появлении немцев. Ему, коммунисту, грозила немедленная расправа. Отличный охотник и следопыт, Велько не раздумывал и не колебался. Захватив дробовик, свистнув двух верных волкодавов Лялюса и Цыгана, успев сказать жене, чтобы ночью вышла к заветному месту возле болота, Николай махнул через изгородь и скрылся...

Всю зиму прожил Николай Велько один в здешних лесах и болотах. Изредка наведывался в деревню. Жена выносила хлеб и выстиранное бельишко. Плакала. Рассказывала, что солтыс и гитлеровцы грозят убить ее и детей, если Николай не явится с повинной.

Велько обнимал жену, отирал слезы любимой, наказывал поцеловать ребят, но не говорить о нем.

И опять уходил: он не терял надежды встретиться с партизанами. Смиряться не думал.

[94]

Следы отряда Бринского не могли укрыться от лесовика. Так Николай Велько нашел товарищей по оружию, а бойцы Бринского — верного друга, смелого, отлично знающего округу человека...

Я вижу сутуловатого, обросшего бородой Николая Велько и двух его собак, сидящих по обе стороны от хозяина возле

лагерной кухни, где орудует над котлом чернобровая, смуглая отрядная медсестра и повариха Тоня Бондаренко.

Лялюс и Цыган голодны, но никогда не возьмут куска без разрешения хозяина. Они только смотрят на Тоню и на мясо, дымящееся на противне.

— Уже остыло! — говорит Тоня.

— Ну тогда дай им, — разрешает Велько. — Лялюс, Цыган, можно!

Псы хватают брошенные куски, оттаскивают в сторону, чавкая, принимаются жрать.

Мяса для Лялюса и Цыгана Тоня не жалеет. В конце концов, этим мохнатым, угрюмым на вид волкодавам мы обязаны жизнью...

Помнится, мы улеглись спать рядом — я и Николай Велько. Среди ночи Лялюс и Цыган вскочили, тихонько заворчали. Николай сразу сел, притянул к себе автомат.

— Ты что? — шепотом спросил я, ничего не слыша.

— Собаки, видите? — отозвался Велько. — Что-то неладное...

Он быстро разбудил Бринского и остальных партизан, а сам осторожно направился в ту сторону, куда смотрели собаки.

Бринский и я пошли следом. На западном берегу островка остановились.

Тихо как будто... Часовые тоже ничего не слышат.

Но Лялюс и Цыган нервничали, поскуливали, ворчали, не опускали настороженно приподнятых ушей.

И тогда мы услышали птиц. Они кричали в неурочный час, потревоженные невидимым врагом.

Еще не развидняло, туман лежал над болотом, и звуки были приглушены глубоким мхом, сыростью воздуха.

Но птицы кричали!

А потом мы различили равномерное, осторожное чмоканье болотной жижи.

Чмокало впереди, чмокало слева и справа, и все явственней, все неотвратимей.

Сомнений не оставалось: по болоту осторожно шли

люди. Сотни людей, направлявшихся прямо к нашему островку.

Бринский подал знак.

Партизаны немедленно начали отходить к восточному берегу. Николай Велько придерживал оглядывавшихся псов.

По пути пробежали мимо костра. Залитый, он еще дымил.

По кладкам направились к Боркам, но, не выбираясь из

болота, резко свернули налево, прошли шагов пятьдесят по пояс в воде, укрылись среди частого тальника.

Легли.

Нам так и пришлось пролежать в тальнике целый день.

Мы слышали немецкую брань, выстрелы, крики, видели и самих немцев, пробиравшихся по кладкам. Не тех фашистов, что показывали в кинофильмах воровато бегущими и стреляющими куда попало, а здоровых, самоуверенных парней, тщательно приглядывавшихся к местности, прочесывавших огнем каждый подозрительный куст и, возможно, втрое злых оттого, что их подняли среди ночи, заставили лезть в болото, мокнуть, искать неуловимых партизан.

Немцы знали, что мы не могли далеко уйти. Ведь они видели дымящийся костер! Больше того, эти скоты, наведенные предателем, нашли лазарет Бринского и зверски убили на потайном островке замечательного подрывника Криворучко, раненного несколько дней назад, и доктора Крушельницкого, чью жену увели в Борки, где и повесили, вдосталь наиздевавшись над беззащитной женщиной.

Мы лежали в тальнике, не в силах ничем помочь товарищам. Слишком мало нас было, слишком неравны были силы!

Требовалось нечеловеческое напряжение, чтобы не дать волю рукам, сжимавшим автоматы...

Немцы нас так и не нашли.

Мы похоронили друзей, а потом я варил голодным партизанам какое-то сомнительное варево из ржаной муки и бараньего жира, убеждая, что это настоящая мамалыга...

* * *

С первого дня Антон Петрович Бринский произвел на меня самое хорошее впечатление. Среднего роста, плечи-

стый, густобровый, он держался свободно, уверенно, но был подчеркнуто внимателен и по-военному точен в обращении со мной как с заместителем командира отряда.

За плечами Бринского остались трудные походы, отчаянно смелые, дерзкие налеты на врага, умело проведенные диверсии, но даже тени самодовольства я не видел на открытом лице этого энергичного, подвижного человека.

Он был беспощаден к врагу и добр, если не сказать нежен, к друзьям.

У нас установились самые сердечные, товарищеские отношения.

Они сохраняются и по сей день...

Помнится, первое, что бросалось в глаза в отряде Антона Петровича Бринского, — большое количество командиров Красной Армии, занимавших командные посты.

У него воевали капитан Каплун, знакомый мне по рассказам Коржа, капитан Гончарук, лейтенант Анищенко, лейтенанты Гусев, Парахин, Патык и другие.

Лейтенантом был и трагически погибший подрывник Криворучко.

Эти товарищи возглавляли группы подрывников.

Находясь в отряде, я имел возможность убедиться, что командиры, вырвавшиеся из окружения и ставшие на путь партизанской борьбы, отлично справляются с делом.

Мне довелось организовывать с ними диверсии на железных дорогах врага, устраивать засады, нападать на отряды фашистов.

Товарищи действовали решительно, хладнокровно, дерзко.

И уже тогда я подумал, что из командиров Красной Армии, обладающих серьезной военной подготовкой, накопивших опыт борьбы в тылу противника, можно и нужно готовить будущих командиров разведывательных групп.

* * *

Обойдя партизанские отряды, рассказав людям, давно оторванным от Большой земли, правду о положении на фронтах, познакомившись с бойцами и командирами, я в самых общих словах поведал Бринскому об истинной цели моего появления на Выгоновском озере.

[97]

Мне кажется, Антон Петрович прекрасно понял, чем предстоит заниматься.

Во всяком случае, он задумчиво сказал:

— Место у нас выгодное, верно... Хоть железнодорожные магистрали взять. Да в Барановичах и аэродром имеется.

Магистрали, о которых упомянул Бринский, интересовали наше командование в самую первую очередь. Еще бы! Одна тянулась из Бреста через Барановичи в Минск, вторая из того же Бреста через Пинск и Мозырь — в Гомель.

Барановичи, как уже говорилось, являлись крупнейшим железнодорожным узлом. Отсюда шли гитлеровские эшелоны и на северо-запад, к Ленинграду, и на юго-запад, к Киеву, и на Минск. Иными словами, основной поток немецко-фашистских войск, фашистской техники и грузов устремлялся на фронты именно через Барановичи.

Установить постоянное наблюдение за барановичским железнодорожным узлом, за пересекающими этот город

железнодорожными магистралями, насадить в городе своих людей — означало взять под контроль все военные перевозки противника.

Опыт Житковичей, хотя и небогатый, все же подсказывал, что начинать надо опять-таки с подбора партизан для ведения разведки, с выявления среди местных жителей наиболее стойких, преданных и интересных с точки зрения их осведомленности людей.

Должен сказать, что на солидном пространстве вокруг озера Выгоновского, в тамошних лесах и непроходимых болотах держались мелкие партизанские отряды, не имевшие связи с Большой землей и не получавшие оттуда оружия и боеприпасов.

В этих отрядах и группах находились люди, хватившие лиха, пережившие ужасы плена, горевшие неодолимой ненавистью к фашизму.

До них доходили неясные слухи о появлении возле озера Выгоновского каких-то десантников, и людей как магнитом тянуло к нам.

Они присылали связных с просьбой помочь оружием, приходили целыми отрядами с просьбой вооружить, принять под свое командование, послать громить оккупантов.

Принятые в отряд Бринского, послушав рассказы бывалых подрывников, все, как один, начинали рваться на диверсии.

[98]

Мне же нужны были разведчики. И мы вновь искали их, советуясь с Бринским. Искали так же, как на базе у Динькова, присматриваясь, приглядываясь, беседуя.

Так вскоре сколотили мы по образцу пятерок подрывников первую пятерку партизан-разведчиков. В нее вошли Семенюков, Караваев, Голумбиевский, Хрищанович и Иван Белорусе.

Эта-то пятерка и начала «наступление на Барановичи».

* * *

Мы долго думали, как проникнуть в Барановичи.

Город был набит немецкими войсками, полицией, являлся важнейшим железнодорожным узлом, и, надо полагать, гестапо не забыло прочистить Барановичи, насадить в нем свою агентуру, старалось держать жителей под неусыпным надзором.

Поскольку отряду Бринского разведывательных задач до сих пор не ставили, то и попыток разведать Барановичи не делалось.

Знакомых партизанам людей в городе не было.

Как же проникнуть в город? Как нащупать связь с патриотами, которые наверняка были там?

Изучая обстановку, мы обратили внимание на поселок

Кривошин. Стоял он километрах в тридцати от Барановичей, партизаны туда изредка заходили и знали, что некоторые жители поселка ездят в город, главным образом для обмена мелкой живности и овощей на различные товары.

Поскольку партизан поблизости от Кривошина не существовало, гитлеровцы не сочли нужным держать в поселке большой гарнизон, ограничились созданием полицейской комендатуры со считанным числом полицейских, остерегавшихся, кстати сказать, проявлять какую-либо прыть.

Расспросив партизан, посещавших Кривошин, мы пытались выяснить, не завели ли они там знакомств.

Увы! Нас ждало разочарование. Партизаны посещали Кривошин всего два-три раза, заходили напиться, попросить керосина, соли и не могли даже назвать фамилии людей, выносивших кружку воды или узелок с солью.

Положение усложнялось.

Я собрал пятерку и стал держать совет.

Решение виделось единственное: идти в Кривошин самим, искать там людей самим. Но мне хотелось, чтобы

бойцы пришли к такому же решению без подсказки. И товарищи не подкачали. Правда, без особой уверенности, но кто-то из них, уже не помню кто, первым предложил наведаться в город, поглядеть, что там происходит.

— Неплохая мысль, — поддержал я.

Партизаны переглянулись.

— В чем дело, товарищи?

Николай Голумбиевский, почесав в затылке, неуверенно сказал:

— Да как-то странно, товарищ командир. Ну, взять меня... Я же сам кривошинский... Узнают ведь.

— За семью боитесь?

— Да не... Семья уехала. А все ж таки...

— Неясно... Вероятно, вас смущает, как это вдруг мы, партизаны, появимся в поселке?

Пятерка молчала. Встал Караваев:

— Разрешите обратиться, товарищ капитан?

— Пожалуйста.

— Тут не в опасениях дело, товарищ капитан... Но мы вас так поняли, что людей подбирать надо.

— Правильно.

— Тогда вопрос, товарищ капитан... Как же мы — придем к людям, сагитируем и уйдем?.. Ведь немцы прознают, у кого мы

были, факт! И сразу возьмут всех. Получится — опять никого не останется... Просим разъяснить.

— Садитесь, товарищ Караваев... Вопрос вы задали естественный. Правильно, при посещении жителей Кривошина нужно соблюдать определенное правило. Кстати, очень простое. Прежде всего никогда не заходить только в те дома, где будут наши люди. Заходить в несколько домов на разных улицах. В том случае, если за нами и станут следить, — не поймут, кто же помогает партизанам, а кто просто оказался у нас по дороге... И еще. Главное. Мы никого поначалу агитировать не станем. Будем присматриваться к людям. С одним поговорим, с другим... А там почувствуете, кто хочет бороться с врагом и не струсит, а кто не больно надежен... Понятно?

— В общих чертах — понятно... — сказал Голумбиевский.

— А чтобы и не в общих чертах понятно было, я сам отправлюсь с вами для начала. Готовьтесь. Завтра навестим Кривошин.

[100]

Лес подходил к Кривошину почти вплотную. Было известно, что никаких патрулей, застав или контрольно-пропускных пунктов на окраинах поселка не существует, поэтому мы вошли открыто, не таясь и не пряча оружие.

Вероятность столкновения или стычки с полицейскими не пугала. В случае чего мы могли постоять за себя.

Поселок был как поселок: немощеные улочки, палисадники с поздними осенними цветами, потемневшие от времени и непогод избы и домишки.

Только вот ребятишек почти не было видно, а те, что и появлялись вдруг на улице, немедленно исчезали во дворах, едва заметив вооруженных людей.

Да и взрослые сворачивали в проулки или скрывались в первом попавшемся доме, как только видели нас.

Народ так настрадался за время хозяйничанья оккупантов, что не ждал ничего хорошего от тех, кто появлялся с оружием. Ведь родная армия была далеко! С оружием, как правило, появлялись только враги!

Мы вышли на главную улицу поселка. То же безлюдье и та же тишина.

Зашли в один дом, в другой. Там воды попросили напиться, там молочка.

Женщины, услышав чужие шаги, прижимались спиной к печам, отступали к горницам, словно готовились собственным телом прикрыть детишек.

Мужчины смотрели в пол...

Я предупредил бойцов, чтобы везде вытирали ноги, вежливо здоровались и снимали шапки.

Наше поведение успокаивало людей: фашист и полицай шапки не снимут!

Напившись, потолковав о погоде, благодарили за угощение.

Один пацаненок, осмелев, выскочил:

— Дядька! А вы партизаны?

Мать бросилась к нему:

— Я тебе покажу партизан, сволоченок!

— За что же вы так?.. — спросил я женщину. — Мы и верно партизаны, сынок.

* * *

Мы не ждали от первого посещения Кривошина каких-либо серьезных результатов. Не так-то просто с первого раза найти в незнакомом месте человека, которому можно довериться...

[101]

Однако поход в поселок явился для будущих разведчиков какой-то практикой, научил входить в населенный пункт, в чужие дома, вести себя так, чтобы не испугать хозяев, направлять разговор в нужное русло.

Все это может показаться примитивным и наивным. Но если учесть обстановку в тылу врага осенью сорок второго, то даже вылазки в Кривошин были далеко не простым и легким делом. Однако мы продолжали их, чтобы обучить группу самостоятельным действиям и организовать затем разведку Барановичей.

Умение же войти в дом, где живут люди, запуганные расстрелами и виселицами, умение поговорить с этими людьми — занятие отнюдь не из легких...

Здесь, в Кривошине, пятерка из отряда Бринского проходила ту же школу, что Седельников и Кузьменко на хуторе у Матрены. С той разницей, пожалуй, что в Кривошине было потрудней.

Тем не менее посещения поселка, находившегося под контролем немцев, довольно быстро дали хорошие результаты: партизаны осваивались, а жители встречали нас все приветливей.

Вот так, в третий или четвертый приход в Кривошин, встретили нас и в доме Ромуальда Викентьевича Лиходневского, слесаря паровозного депо Барановичи, частенько навещавшего семью, жившую в поселке.

Хозяин дома, мужчина средних лет, при первой встрече весьма немногословный и осторожный, теперь держался почти дружески.

Мы спросили его о здешнем солтысе: не прижимает ли народ, не выслуживается ли перед фашистами?

Лиходневский пожал плечами:

— Назначили его, ну, стало быть, приходится делать то, что велят...

— Делать можно по-разному. С рвением и без оного.

— Само собой. Я и говорю, делает то, что велят.

Темные глаза Ромуальда Викентьевича усмехались. Дескать, ясней ясного говорю, чего же вам еще?

Он принес чугунок картошки, достал буханку хлеба, соль, подсолнечное масло:

— Покушайте, пожалуйста. Чем богаты, как говорится...

— О! Даже масло... Здесь брали или в Барановичах?

— В Барановичах. Здесь с маслом туго.

— А что, хороший в Барановичах рынок?

[102]

— Да как сказать... По нынешним временам, понятно, хороший. И сахар купить можно, и чай. Ну, керосин, конечно.

— Кто же продает?

— И немцы и кое-кто из местных, кто при «новом порядке» торговлишкой занялся.

— На что же покупаете?

— Каждый промышляет, чем может...

— Так сказать, коммерция...

— Э! С волками жить — по-волчьи выть!

Он махнул рукой, присел за стол, стал быстро и ловко очищать картофель.

Пальцы у него были крепкие, с короткими, тупыми ногтями, со следами въевшегося машинного масла.

— А до войны вы, часом, не шофером были?

— Нет. В тех же мастерских при депо работал. Слесарил.

— Зарабатывали, видно, неплохо. Даже библиотеку приобрели.

Лиходневский оглянулся на этажерку, уставленную книжками, усмехнулся:

— Какая уж там библиотека. Так, покупал помаленьку. По технике, ну и художественное... Все хотел полное собрание сочинений Толстого достать и деньги отложил, да тут как раз началось... Теперь не купишь. И не похвалят, поди, за Толстого-то. Русский ведь писатель!

— Ну это время долго не протянется.

— Дай-то бог, как говорится.

— А слышали вы последнюю сводку Совинформбюро?

— Откуда же мне?! Приемники еще в сорок первом отобрали!

— Бои идут в направлении Сталинграда. Гитлеровцы сделали ставку на Сталинград. Рвутся к Волге. Хотят отрезать нас от южных нефтеносных районов, лишить кубанской пшеницы, но потери они несут колоссальные.

— Н-да... — протянул Лиходневский. — И откуда только у них все берется?

— Всю Европу ограбили, все людские резервы соскребли, вот и берется. Но и под Сталинградом их ждет то же, что под Москвой.

Хозяин дома поднял голову:

— А под Москвой-то много они потеряли?

Я рассказал о поражении немецко-фашистских армий

под столицей, о параде наших войск на Красной площади в честь годовщины Октября, о героизме ленинградцев. Лиходневский слушал жадно.

— Гитлеровцев ждет неминуемый разгром, — сказал я под конец. — Их военная машина треснула под Москвой и неизбежно сломается. Да и экономика немецкая не выдержит... Ну а там и союзники второй фронт откроют.

Я поднялся:

— Спасибо за угощение, хозяин. Нам пора.

Лиходневский глядел вопрошающе, словно ждал чего-то, но мы попрощались и ушли, будто и вправду торопились.

В лесочке за Кривошином присели отдохнуть, поговорить.

— Кто сегодня показался самым интересным, товарищи?

Голумбиевский шептался с Караваевым.

— Говорите вслух! Не секретничайте.

Караваев оглядел бойцов:

— Мы так думаем, товарищ капитан, самый интересный — Лиходневский. Грамотный дядька и — главное — сочувствует...

Я тоже полагал, что изо всех жителей Кривошина, которых мы посетили, Лиходневский наиболее подходящая фигура для нашей работы. К партизанам он относился приветливо, не скрывал, что «новый порядок» ему тошен. Вдобавок работал в депо Барановичи!

Согласившись с бойцами, что Лиходневский может быть полезен, я предупредил, что в таких случаях нельзя торопиться. Тут надо действовать по старой русской поговорке: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

— Подождем, поглядим, — заключил я.

— Вопрос разрешите, товарищ капитан? — спросил

Голумбиевский.

— Слушаю.

— Можно мне Лиходневского о сверстниках порасспрашивать? Может, он что знает про ребят?

— Отчего же нельзя? Конечно можно! Даже нужно. Посмотрим, как он будет рассказывать, лучше поймем человека.

Во время следующего посещения поселка Голумбиевский заговорил с Ромуальдом Викентьевичем о своих прежних приятелях.

[104]

Про иных Лиходневский не мог сообщить ничего определенного: тот в армию был призван, тот уехал куда-то и как в воду канул, тот в деревню к родне перебрался.

— А Иван Жихарь — тот здесь... Вернее, не здесь — в Барановичах. На аэродроме у немцев работает. Но приезжает сюда часто.

— Ванька жив?! Скажи... И работенку хлебную нашел? Чего же он там делает, на аэродроме-то?

— В рабочих... Не то самолеты заправляет, не то еще что. Не знаю. Парень-то не больно разговорчивый.

Лиходневский поскреб заросшую щеку, оглянулся на дверь, понизил голос:

— Про него, про Жихаря, говорят, что полицейского зарезал. Тут недели три назад, верно, полицейского порешили. На велосипеде лесочком ехал, а его сзади тесаком по голове... Ну, полицай вырвался, попетлял малость, а потом и свалился. Да-а-а... Не знаю, конечно, Иван это или еще кто, только Жихарь как раз в тот день приезжал, а потом исчез.

— Видел его кто-нибудь в лесочке, Ваньку-то?

— Чего не знаю, того не знаю. Но бабы в один голос твердят — это Жихарь... Такой дикой парень-то, забубенная голова. Завси ему море по колено было... Так я говорю или нет?

— Верно, — подтвердил Голумбиевский. — Ванька отчаянный был. Но, может, про полицая-то — слух один...

— Слух, — согласился Лиходневский. — Утверждать тут ничего нельзя.

Мы хорошо запомнили фамилию Жихаря, хотя и виду не подали, что он нас интересует: Лиходневскому рано было знать, с кем он имеет дело.

Несколько дней спустя, когда Ромуальд Викентьевич недвусмысленно выразил желание стать партизаном, мы поговорили начистоту и попросили давать информацию о депо Барановичи. Затем Лиходневский выполнил диверсионное

задание. Мы условились, что он будет держать связь с нами через «почтовый ящик», дали ему псевдоним Курилов. Но даже и тогда мы не стали посвящать Ромуальда Викентьевича в свои взаимоотношения с Иваном Жихарем.

Этим обеспечивали безопасность одного и другого, оберегали обоих от провала, от ненужных ошибок.

[105]

Не стали мы посвящать Курилова и в наши отношения с инженером Дорошевичем, диспетчером железнодорожной станции Барановичи, чью фамилию так же услышали от него.

* * *

Условия работы оставались тяжелыми.

Кривошин как-никак был в тридцати километрах от базы отряда Бринского. Хождение в поселок отнимало драгоценное время, выматывало физически. Вдобавок Кривошин находился под контролем и наблюдением гитлеровцев, а в раскинувшихся вокруг него селах и хуторах сидели поставленные фашистами солтысы и полицаи.

Если мы и рисковали проникать в Кривошин, то каждый раз этому предшествовала разведка путей подхода и обстановки.

Мы всегда были начеку: заглядывая в дома жителей, оставляли на улице охрану, заранее уславливались, куда отходить в случае опасности.

А чтобы не подвести Курилова и других — никогда, посещая город, не заходили только в их дома, порой нарочно пропускали свидания, наведываясь к людям совершенно посторонним, ничего не подозревавшим о цели наших визитов.

Если полиция и гестапо что-то и учуяли, то они все же не смогли нащупать наших товарищей. И скорее всего, полагали, что партизаны, появлявшиеся в Кривошине, — это обычные подрывники, возвращавшиеся с очередных заданий.

Установив связь с Лиходневским, узнав о возможностях работы в Барановичах, я послал соответствующую радиограмму в Центр.

Ответная радиограмма высоко оценивала наши усилия и требовала в самые сжатые сроки взять под наблюдение город и станцию Барановичи.

11

Дождило. Откуда ни возьмись налетал леденящий ветер. Скручивал в трубочку, морозил до черноты тонкие листочки ивняка, обрывал их, нес по полю. Лес шумел широко и грозно. А потом вдруг опять проглядывало солнце, ветер стихал, воцарялась тишина. Но высокая

[106]

синева неба оставалась холодной, и золотистые потоки света, падающие на землю, уже не грели.

Прокурлыкали, уплыли косяки журавлей.

В ясные дни воздух казался хрустальным, ломким, как облетевшая листва.

Сучок ли хрустнет в чаще, паровозный ли гудок раздастся — звук приходит громкий, четкий, словно очищенный.

Злочевский колдовал над рацией. Тоненько попискивала морзянка. Положив на колени планшет, я готовил свои ответы Григорию Матвеевичу Линькову и Центру.

Линьков, сообщая о работе, которую вели Федор Никитич Якушев и Николай Кузьменко, спрашивал советов, настоятельно требовал, чтобы я как можно скорее вернулся на центральную базу.

Вдобавок Центр сделал ему строгий запрос, почему капитан Черный отпущен на озеро Выгоновское, и Линьков не хотел навлекать на себя необоснованных упреков.

А в это время Центр, получив первые сведения о работе в районе Барановичи и трезво оценив открывающуюся перспективу, уже приказывал мне оставаться на озере Выгоновском, продолжать начатое, торопил с передачей разведданных.

— Де-ла! — говорил Злочевский. — Выходит, остаетесь, товарищ капитан?

— Поживем — увидим...

Я намеревался в ближайшее время вернуться к Линькову. Не потому, что опасался за Якушева и Кузьменко, и не потому, что не понимал важности работы у Бринского.

Меня волновали иные мысли.

Походив по фашистским тылам, я убедился не только в том, что открываются замечательные возможности для сбора сведений о противнике с помощью местных жителей. Убедился также, что необходимы квалифицированные офицеры. Одному мне, да еще с моими-то знаниями и опытом, приходилось просто разрываться. Я был не в состоянии одновременно пребывать на Червонном и на

Выгоновском, организовывать действия в Житковичах, Микашевичах, Барановичах. А ведь мы могли, пожалуй, проникнуть не только в Барановичи! При соответствующих условиях можно было оказаться и в Бресте, и в

[107]

Пинске, и в Ровно! При одном условии — существуй там наши партизанские отряды.

К сожалению, я не знал, есть ли там партизаны.

Искать их? Может быть, искать. Но еще проще — перебазировать под эти города новые отряды, созданные на основе отрядов Линькова и Бринского и обеспеченные разведгруппами, возглавляемыми более или менее опытными офицерами. Тогда разведгруппы будут иметь все необходимое, наладится безотказная связь с радиоузлом Скрипника, а партизаны-разведчики станут собирать сведения о враге...

Мне представлялись бесспорными и кандидатуры некоторых командиров будущих отрядов. Степан Павлович Каплун, например, отлично справился бы с командованием отрядом, и я полагал, что Григорий Матвеевич Линьков напрасно держит капитана в черном теле, отправив его к Бринскому в качестве рядового бойца, что Каплуна зря разлучили с его товарищем Лагуном.

Памятуя, как отреагировал Лагун на мою просьбу вести разведку во время выполнения диверсионных заданий, я думал, что из Адама Лагуна можно воспитать хорошего заместителя командира будущего отряда по разведке.

Можно было твердо рассчитывать, что толковым заместителем по разведке станет и Анатолий Седельников.

Но вопросы, связанные с созданием новых отрядов и назначением их командиров, можно было решить только на Булевом болоте.

Вот почему приходилось торопиться и в нашей землянке на островке посреди болот озера Выгоновского шла упорная учеба будущих командиров разведгрупп.

Вот почему, собирая по крупицам сведения о людях в Кривошине и Барановичах, мы тщательно изучали их возможности и спешили наладить связь с патриотами во всей округе.

* * *

Оберегая гарнизон, аэродром и железнодорожный узел города Барановичи от партизан, немецко-фашистское командование в дополнение к городской полиции, частям фельджандармерии и полицейским участкам в селах создало еще

и особые участки полиции, разбросанные по всей округе в непосредственной близости от Барановичей.

Один из них находился в Ляховичах, в трех километ-

рах от города. Во главе этого особого участка гитлеровцы поставили некоего Четырько.

Собирая сведения о немцах и полицейских, разведчики выяснили: Четырько в прошлом военнослужащий Красной Армии, попал в окружение, остался у родни, был мобилизован немцами.

Наблюдением установили, что каждую субботу Четырько приезжает с охраной к своей деревенской родне, живущей в тридцати — тридцати пяти километрах от города.

Охрана пьянствует, а Четырько, хватив лишнего, клянет судьбу, жалуется на собачью жизнь.

— Иван Иванович, — спросил я Караваева, — а что, есть в той деревне наши люди?

— Есть, товарищ капитан.

— Тогда собирай группу. Проведаем начальника особого участка.

Ранним субботним утром я в сопровождении группы Караваева пришел в деревню, где жила родня Четырько.

Знакомые крестьяне спрятали нас на гумне, находившемся неподалеку от халупы комендантской родни.

Часа в три появилась знакомая женщина:

— Приехал!

— Один?

— Нет. С ним человек семь.

— Наблюдайте. Скажете, как напьются.

— Скажем, скажем, родные...

В шестом часу пришел бородач:

— Все. Испеклись! Какие в лежку лежат, какие по девкам побрели.

— А сам?

— В избе сидит. Поет...

Пока Четырько неуверенным баритончиком выводил песню, партизаны быстро окружили избу.

Мы с Караваевым вошли в дом:

— Здравствуйте, хозяева!

Хозяева оцепенели. Всклокоченный черноволосый человек в расстегнутой рубахе, восседавший в красном углу избы перед стаканом самогона и миской кислой капусты, уставился на нас мутными глазами. Он был вооружен, но от неожиданности даже не потянулся к кобуре пистолета. Нижняя губа у него отвисла, рот

беспомощно приоткрылся.

— Не бойся, Четырько, — сказал я. — Расстреливать мы тебя не будем. Просто зашли перекусить.

[109]

— Вы... кто? — выдавил Четырько.

Я сел на лавку против начальника полиции:

— Мы-то? А советские партизаны... Ну что, хозяева, дадите перекусить или нет?

Хозяйка, ошалело косясь на наши автоматы, стала сновать от печи к шкафчику, от шкафчика к печи.

— Какие еще партизаны? — неуверенно спросил Четырько, потирая лоб и облизывая губы. — Чего врете-то?

— Зачем нам врать, Четырько?.. Ты вот что... Давай по-хорошему. Клади свою пушку, а я положу свой автомат. И поговорим.

Четырько посмотрел на меня, на Караваева, покосился на окно, на дверь.

— Шуточки... — пробормотал он. — На ура берете!

— Положишь пушку или будем ссориться?

— Зачем ссориться? — неуверенно сказал Четырько. — Можно и без ссор... Коли не шутите — положу...

Он потянулся к кобуре.

— С поясом снимай, Четырько, — сказал я. — С поясом.

Начальник особого участка уже окончательно отрезвел. И понял, конечно, что любая попытка применить оружие может окончиться для него плохо.

— С поясом так с поясом, — согласился он. — Ваша взяла. Валяйте, кончайте...

Он швырнул пояс с кобурой на стол, опрокинул стакан с самогоном.

— Иван Иванович, прими мой автомат, — сказал я. — И пистолет этот прибери... Хозяйка, тряпочку дали бы.

Четырько тяжело дышал.

Хозяйка молча убрала опрокинутый стакан, вытерла разлитый самогон.

— Вы бы, хозяева дорогие, вышли покуда, — предложил Иван Иванович. — Во дворе побудьте, что ли... Только не вздумайте бежать или кричать. А то партизаны не так вас поймут и получится неприятность.

Хозяева исчезли.

— Ну что, закусим, Четырько? — предложил я.

— Вроде не до закусок...

— Что так? Мы, например, проголодались... Иван Иванович,

присаживайся, покушаем. Смотри, как полицию угощают. Кабы у нас в лесу такой же стол накрывали! А?

[110]

— Это что и говорить! — усмехнулся Караваев, севший так, чтобы отрезать Четырько путь к двери. — С такими харчами хоть десять лет воюй!

— Врете вы, что партизаны! — опять сказал Четырько. — Не партизаны!

— А кто же, если не партизаны? Или не узнаешь советские автоматы?

— Автоматы узнаю... Да зачем вы в деревню ходите?

— А тебя повидать!.. Интересно было узнать, как это так получается: кадровый солдат, советский человек — и вдруг комендантом немецкой полиции заделался?

— Вона! А мне другое интересно. Интересно, где она, армия, и где она, Советская власть?

— Советская власть, сам знаешь, партизанами представлена.

— Конечно, сила! — ухмыльнулся Четырько. — По болотам на карачках она ползает, выходит!

— Зачем же по болотам и зачем же на карачках? Мы с тобой вот за столом сидим.

— Э! Сейчас сидите, а через час в кусты сиганете!..

— Надо будет — сиганем, как ты выражаешься. Но и вернемся, когда потребуется.

— Все профукали, — с надрывом сказал Четырько. — От Москвы не далеко ли будет обратно идти?

— Ничего. Дойдем. И до Берлина дойдем. Можешь не сомневаться.

— Красивые слова... Я ими во — по горло сыт.

— Народ воюет, — сказал я. — Но есть, конечно, такие, что в штаны наложили и Лазаря запели. Похоже, и ты вместе с ними.

— Какой я — мое дело, — отрезал Четырько. — Со стороны обо всем легче легкого судить, известно. Только ты в мою душу не заглядывал, партизан.

— А надо ли?

— Коли не надо — так и разговор весь. Но душа...

— Вон как ты о душе печешься! А чем же она у тебя на отличку от других, Четырько? Какие в ней необъяснимые переливы имеются? И каким переливом тебя к фашистам отнесло?

— А душа тут ни при чем! Меня не душой, меня судьбой отнесло... Больше-то относиться некуда было!.. Ты, партизан, в окружение попадал? Конскую падаль жрал? По морде тебя в

лагере для пленных утюжили?

[111]

Четырько покраснел, его большие руки судорожно хватали то стакан, то ложку, то нож, елозили по клеенке.

— Я не меньше твоего, Четырько, видел. Только ты подонков в пример не приводи! Свинья вон всю жизнь в грязи возится. Так что же, и тебе следом за ней в грязь?.. Эх, оратор! А видел ты, как люди из плена бегут? Видел, как «Интернационал» на расстрелах поют? Как в партизанах не только падаль конскую, а свою кожаную обувь в котле варят, но немецкие пряники не берут? Не видел? Значит, не в ту сторону глядел! Заслабило тебя, значит. В грязи-то покойней показалось, чем в бою! Но только ты просчет делаешь. Не будет тебе покоя. И своя совесть замучит, и люди не простят, если против народа пойдешь.

— Моих обстоятельств ты не знаешь... — пробормотал Четырько.

— Не знаю, — согласился я. — Может, они трудными были. Но человек-то в борьбе с обстоятельствами познается, а не по словам... Вот так.

Я поднялся.

— Ладно, Четырько. С тобой все ясно. Пулю ты заслужил. И ничего бы не стоило в расход тебя пустить вот тут же, сейчас. Полное право на это имею.

Откинувшись на спинку лавки, Четырько мигал, облизывал губы.

— Не бойся, расстреливать не буду. Может, ты еще пригодишься. Если захочешь человеком стать. Ну а не захочешь — пеняй на себя. Сам видишь — мы тебя из-под земли достанем.

— Я людей не пытал, не стрелял... — выдавил Четырько.

— Знаю, потому и пришел... Должность твоя может партизанам пригодиться. Да толковать об этом рано. Придешь в эту же хату на той субботе. В это же время. А холуев своих отправишь куда-нибудь.

Четырько молча кивнул.

— Вот так, помни уговор.

Я дал знак Караваеву, и мы покинули хату.

Охрана ждала нас. Полицаи еще не появлялись. Мы свернули в проулок, в другой, зашли за гумно, добежали до кустов и под их прикрытием добрались до леса...

Всю неделю разведчики наблюдали за полицейскими Четырько и за ним самим.

В субботу доложили, что Четырько приехал в дерев-

[112]

ню и, как уговаривался с нами, отослал охрану обратно под Барановичи.

Выждав с час и убедившись, что все спокойно, мы с Караваевым вновь посетили хату родственников коменданта.

Самогона на столе не было. Четырько держался не так недоверчиво и настороженно. Поведал о себе, о том, как, спасая жизнь, согласился на предложение немецкого офицера пойти в полицию. Жадно слушал новости о положении на фронтах. С удивлением разглядывал «Правду» всего пятидневной давности. Помявшись, рассказал о заданиях, которые получены полицией, о размещении оккупантов в Барановичах, о тамошних войсковых частях.

О разведке противника не было сказано ни слова, но, конечно, Четырько догадывался, чего от него ждут.

— Не хочу быть немецким холуем, — сказал он. — Так и знайте. А верите вы мне или не верите — дело десятое...

Через месяц, встретившись с разведчиками Караваева в шестой раз, Четырько дал полное согласие сотрудничать с нами против немецко-фашистских захватчиков и обязался постоянно информировать партизан о гарнизоне Барановичей.

Темная полоса в жизни этого человека кончилась. Он делал все, чтобы искупить свою вину перед народом. К нему вновь вернулась вера в людей, вера в непобедимость нашей Родины.

Сведения, полученные от Четырько, отличались точностью и обстоятельностью.

Мы принимали все меры к тому, чтобы на начальника полиции не пала даже тень подозрения. И гитлеровцы так и не заподозрили нашего нового разведчика в связи о соединением Бати.

Но, к сожалению, сам Четырько был недостаточно осторожен. Весной 1943 года он допустил промах. Доверил одному провокатору свои планы увода к партизанам полицейских участка.

На Четырько донесли. Гестаповцы бросили его в тюрьму, избивали, пытали, доискиваясь, с кем работает.

Но Четырько не сломился, никого не выдал. До конца отрицал свою принадлежность к партизанам.

По приказу коменданта барановичской полиции Николай Федорович Четырько был повешен. Перед смертью он крикнул: «Да здравствует Советская Родина!..»

Он умер, как подобает воину и честному человеку. Мы

забыли о колебаниях Четырько. В нашей памяти он остался таким, каким стоял под немецкой виселицей.

* * *

Дул сильный холодный ветер, когда мы с Караваевым, Иваном Кравцом и Голумбиевским подходили к деревне Свентицы, приткнувшейся на берегу реки Шары.

Низкое серое небо нет-нет да и посыпало мелким дождичком. Как всякая деревня осенью, Свентицы выглядела пустынной и скучной.

Отмахав километров двадцать по расползшимся дорогам, мы здорово устали и вымокли, но еще неизвестно было, ждут ли нас впереди тепло и отдых.

А вдруг придется поворачивать оглобли?

Мы шли на встречу со свентицким рыбаком Морозовым, чью фамилию назвал в одном из разговоров Курилов.

Сам Курилов теперь постоянно виделся с разведчиками, сообщал все, что удавалось узнать о немцах, а главное — присматривался по нашему поручению к людям, докладывал, кто чем дышит, на кого можно положиться.

Морозов, по словам Курилова, человек был старый, но крепкий и настоящий. Ни немцы, ни полицаи к Морозову, по старости, не приглядывались.

Морозов бывал на базаре в Барановичах, возил туда на продажу выловленную рыбу.

Старик мог оказаться замечательным связным.

Но мы еще не знали Морозова, не знали, подойдет ли он для роли постоянного связного с Дорошевичем, если сам Дорошевич захочет помогать партизанам...

Послав вперед Голумбиевского, мы с Караваевым пристроились за стеной старой риги, укрывшей нас от дождя.

Голумбиевский огородами прошел к домам, скрылся в проулке. Мы выкурили по две самокрутки, пока наконец увидели своего товарища: он стоял возле чьей-то хаты и махал рукой.

Подошли к Голумбиевскому.

— Никого, — сказал он. — Ни немцев, ни полиции. А старик дома. Ждет.

— Что ты ему сказал?

— Сказал, что прохожие. Хотим погреться.

Хата Морозовых стояла на спуске к реке. Почернев-

шая от времени, малость покосившаяся. В сенях свернутые, уже просохшие бредни, длинный багор, помятые ведра. Обитая мешковиной дверь отворилась со скрипом. Хозяин дома стоял

между печью и дверью в горницу. Невысокий, седобородый, в рубахе навыпуск, в толстых шерстяных носках. Возле стола, придвинутого к божнице, резала хлеб сухонькая старушка.

— Здравствуйте, хозяева.

— Здравствуйте, проходите...

— Сапоги бы обтереть.

— А вы их сымайте. Валенки дадим.

Старушка кинулась к печке, стащила с нее валенки. Она улыбалась нам широко и весело, словно встречала родных.

— Мы партизаны, товарищ Морозов, — сказал я. — Ничего, что побеспокоили?

Дед почесал в затылке:

— Чего ж на пороге толковать? Садитесь, покушайте, там поговорим.

— А мы и так догадались, что вы партизаны, сынки, — сказала старушка.

— Это почему ж?

— И-и-и! Полицаев-то мы всех в рожу знаем. А вы... Да просто видать, что партизаны.

Морозов усмехнулся:

— Ты, мать, не языком чеши, а на стол подавай.

— А сейчас, сейчас!

Как-то спокойно было в этой избе, возле старых, приветливых людей.

— Ушицу-то уважаете? — спросил Морозов.

— Уважаем, товарищ Морозов! Еще как уважаем!

— Ну коли так, берите ложки!

Уха оказалась наваристая, жирная, подлинно рыбацкая уха.

Потолковали о том, о сем, а когда старушка вышла на минуту, я сказал:

— Нам бы одним поговорить с вами хотелось, товарищ Морозов. Без жены.

— Это зачем же — без жены? У меня от нее секретов нету.

— Видите ли, дело у нас... Ну, словом, не женское.

Старик насупился:

— Не знаю таких дел... Вы, дорогие товарищи, нас не обижайте. Если что надо — обоим выкладывайте, обоих

и просите. Слава богу, вместе век прожили, негоже нам на старости лет друг от друга таиться.

Вошла жена Морозова, втащила огромную сковороду жареной рыбы с картофелем:

— Не обессудьте! Чем богаты!

Старушка сама не ела, только угощала нас, подкладывала на тарелки новые куски.

Старик ел молча, хмурый, видимо обиженный.

— Господи! — говорила между тем старушка. — В кои веки своих солдат-то увидеть!.. Вишь, и ружья-то у вас новенькие, и все-то вы ладные... Знать, скоро армия придет?

— Придет, мамаша, придет.

— Поскорей бы уж! Глаза бы на энтих иродов не смотрели! Набегли, как тараканы, шуршат... А горя-то, горя-то!.. Председателя нашего повесили, жену его с младенцем застрелили... И все гребут, что увидят. Тараканы, истинные тараканы! Кровопивцы!.. Вы уж старайтесь, родимые, бейте их! Бейте, милые! Я старье старьем, а и то бы своими руками их душила.

— Ладно тебе, — мрачно сказал Морозов. — Тоже партизанка...

— Какая уж из меня партизанка! А душила бы! Душила, милые!

Мы переглядывались, сконфуженные недавним разговором со стариком. Старушка и верно была боевая. Зря, пожалуй, мы ее остерегались. Однако стоило ли подвергать пожилую женщину опасности? После обеда я, оставшись со стариком один на один, завел речь об этом.

Но Морозов оказался тверд:

— Товарищ дорогой, или ты нам обоим веришь, или не получится разговора... Не умею я от жены таиться и не хочу! Если самому близкому человеку верить перестану, прятаться буду от него, кто же я тогда есть?

— Ну, быть по сему! — сказал я. — Значит, готовы вместе партизанам помогать?

— А надо — готовы.

Я расспросил Морозова о том, как часто ездит он в Барановичи, кого в Барановичах знает, не носит ли кому рыбу прямо на дом.

Оказалось, старик заходит и к Федору Дорошевичу. Раза три продавал ему рыбу.

— А не возьметесь ли вы, товарищ Морозов, поговорить с Дорошевичем? У нас, понимаете, есть сведения,

что человек он хороший, Советской власти преданный, и на немцев его работать просто заставили.

— Вполне может быть, — согласился Морозов. — Сам-то Дорошевич не каиново семя... Поговорю...

— Только не поминайте, что от партизан присланы. Просто разузнайте, как он на фашистов смотрит, что о нашей армии думает...

— Понимаю, милый человек! Все понимаю. Не бойся. Вот в субботу подамся в Барановичи, прямо к Дорошевичам и зайду... Ты сам явишься аль пришлешь кого?

— Сам.

— Тогда в понедельник. Все обскажу.

— Ну, спасибо.

— За что спасибо-то? Это вам, ребята, спасибо, что не побрезговали старыми... Что вспомнили о нас... Эх, милый человек! Не те мои годы, а то бы и я в лес подался, и жену бы привел... В молодости-то она куда какая бойкая была!

Старик Морозов тихо улыбнулся, словно вспомнил свою жену девушкой.

Трогательно было видеть, как бережет он свою давнюю, видно, очень ясную и хорошую любовь.

Никто из партизан даже не улыбнулся: уважительно молчали.

Морозовы проводили нас до двери.

— Значится, в понедельник... — сказал старик.

— Берегите себя, родные! — напутствовала старушка.

В понедельник мы вновь пришли в Свентицы. Морозовы были дома. Жена захлопотала по хозяйству, а дед сразу сказал:

— Был я, значит, у Дорошевича.

— Ну что? Как?

— Да так... Купили они у меня рыбки, я хозяину и говорю: выпить, мол, надо. Я и бутылочку припас. Он не против. Ну, сели, выпили по стопочке. То да се. Я ему и закидываю: партизаны, мол, у вас есть? Нет, говорит. Плохо, говорю, живете. А у нас бывают. Новости всякие рассказывают... Он встал, дверь на замок, чтоб не помешали нам, значит, и еще по стопке наливает. Какие же, говорит, новости? А такие, говорю. Бьют, говорю, фрицев-то. Прямо по сопатке бьют. И еще в загривок накладывают. И обсказал, значит, положение на фронтах, как вы сообщали...

— Молодец, товарищ Морозов.

Вошла улыбающаяся старушка:

— Он у меня еще хоть куда! Кушайте-ка, ребята...

— Рассказывайте, рассказывайте!

— Ну, чего тут? Поговорили, значит... Он, Дорошевич-то, сильно задумался. Голову обхватил этак... Погано, говорит, мы здесь живем, ни к чему живем. Люди воюют, кровь проливают... А мы, говорит... И только рукой махнул.

— Очень хорошо... Он кем сейчас работает?

— На вокзале. Диспетчером, кажись. Ну, который поезда отправляет.

— И семья у него есть?

— Есть. Жена и двое сыновей.

— Значит, Дорошевич вам хорошим человеком показался?

— Хорошим. И раньше-то я его знавал — добрая семья была.

— Прекрасно... А что, дедушка, не съездите ли вы еще разок в Барановичи?

— К Дорошевичам то есть?

— К ним. Намекните, что партизан знаете. И посмотрите, что Дорошевич ответит.

— Понятно. А коли ответит, чтоб ему к партизанам уйти?

— Скажите, что лучше ему не уходить. Он и в городе пользу принести может.

— Понятно, милый человек... Больше ничего?

Было очевидно, что Морозов и Дорошевич давно знают друг друга, доверяют друг другу. Я улыбнулся:

— Да нет, почему же?.. Если вы убеждены, что Дорошевич — порядочный человек, откройтесь ему. Скажите прямо, что посланы партизанами и что партизаны хотят получать сведения о движении поездов через Барановичи на Минск и из Минска на Барановичи. Договоритесь, что за этими сведениями вы приедете дней через пять-шесть...

Старый рыбак задание выполнил точно. Через пять дней я держал в руках тетрадочный лист, где мелким почерком было указано, сколько поездов прошли за эти дни в Минск из Барановичей и сколько из Минска в Барановичи.

Сведения оставляли желать лучшего. Дорошевич не отметил, какое количество вагонов было в том или ином составе, что перевозил тот или иной эшелон, в какое время двигались составы.

[118]

Но все же это были хоть какие-то данные! И — главное — можно было не сомневаться, вскоре Федор Дорошевич, получив наши инструкции, станет давать те сведения, какие нужно.

— Ну как, мил человек, — спросил Морозов, — так ли сделали?

— Хорошо сделали, дедушка. Спасибо. И вам, и Дорошевичу.

Дед кивнул, но тут же поскреб в бороде:

— Тогда — просьба... Не моя, а Дорошевича, значит... Дело военное, как он понимает... И хочет, чтобы к нему кого другого не посылали, кроме меня.

— Что ж. Осторожность нужна. Он прав. Мы пока никого другого посылать и не будем. Так и передайте.

— Ладно.

— Только скажите Дорошевичу, что одного вас посылать все время тоже нельзя. Из соображений той же осторожности. Фашисты заметят, что вы зачастили, — заподозрят неладное.

— Нешто часто ездить надо?

— Вероятно, чаще, чем было до сих пор.

— Н-да... Это, мил человек, трудно.

— Я знаю. Да нужно!

Из соображений безопасности я не стал информировать Морозова, что в будущем мы намерены посылать к инженеру Дорошевичу других связных.

А старик продолжал рассуждать вслух:

— Нешто старуху когда спосылать?

— Не обременительно ей будет?

— Каждый-то день не сможет, а так когда... Да вот, спросим ее...

Жена Морозова сразу согласилась помогать мужу. Мы решили, что в Барановичи за сводками Дорошевича будут ездить старики Морозовы.

Я продолжал расспросы: о чем еще беседовал старик с Федором Дорошевичем, сколько Дорошевич получает денег, кто обычно бывает в доме?

Тут Морозова и осенило:

— Парня Дорошевича не прихлестнуть ли?

— С парнем подождем. Сейчас ему не надо, пожалуй, знать о работе отца...

Морозов глядел растерянно:

— Не надо?.. Да как же, милый человек... Ведь знает!

— Как — знает?

— Обыкновенно — как. Последний-то раз Дорошевич при сыне со мной толковал. При Николае. Я не успел тебе обсказать-то... Спрашивал парень, нельзя ли в партизаны?

— Ни в коем случае! Дорошевич должен быть вне подозрений!

— Вот и Дорошевич так рассудил... Но они там думают, может, в Барановичах еще что надо? Так помогли бы.

— Значит, вся семья...

— Не, не вся. Младшего-то сынка, Александра, они не посвятили... Пацаненок еще.

— Ну, это правильно. Мальчика пусть не привлекают. А уж

если старший сын ваш разговор слышал...

Прикидывая, как научить Дорошевича давать нам исчерпывающие сведения о движении на железнодорожном узле Барановичи, мы полагали сначала послать ему развернутую форму сводки.

Но сама форма эта тоже требовала пояснений. Видимо, рано или поздно пришлось бы вызывать Дорошевича в лес для инструктажа.

Не хотелось подвергать эту семью лишней опасности, но другого выхода вроде бы не существовало.

Рассказ Морозова о сыне Дорошевича менял дело. Теперь можно было вызвать в лес не отца, а старшего сына. Таким образом, Дорошевичу не пришлось бы никуда отлучаться из города, не пришлось бы выдумывать причин, объясняющих начальству необходимость отлучки.

Взвесив все «за» и «против», мы передали через Морозова старшему сыну Дорошевича, Николаю, чтобы нашел повод побывать в определенный день в Свентицах.

В назначенный день Николай Дорошевич оказался в доме рыбака, встретился с нашими партизанами и получил от них точные указания, как давать сведения о вражеских эшелонах.

В середине октября наша рация смогла впервые отстучать в Центр более или менее подробные данные о железнодорожном узле Барановичи.

Николай Дорошевич получил также инструкцию, как поддерживать связь с нами через «почтовый ящик». Просили его, чтобы через пять — семь дней сообщил через Морозова, где будет «почтовый ящик», и порядок пользования им.

[120]

«Почтовые ящики» позволили сократить до минимума посещение партизанскими связными квартиры крайне важного нам человека, полностью обезопасить его.

Кроме того, они исключали возможность провала Дорошевича, если бы один из новых связных был схвачен: связной просто не знал, кто и что положил в «почтовый ящик».

А подпись под сводками ничего бы не сказала гестапо: Дорошевич подписывал сводки псевдонимом Варвашевич, а Варвашевичей в Барановичах было примерно столько же, сколько Ивановых в Москве.

Старого рыбака с той поры мы в Барановичи посылать почти перестали: он и его жена оставались единственными людьми, знавшими Дорошевича под его подлинной фамилией и в лицо, и могли пригодиться, случись что-то непредвиденное...

Ничего не ведал, в частности, о Дорошевиче, об его связях с нами и Курилов. Мы верили Курилову, поручали ему самостоятельные задания по депо Барановичи, но о Дорошевиче молчали. Этого требовало дело.

* * *

Итак, на железнодорожном узле Барановичи наши люди появились.

Но в городе существовали комендатура, заводы, аэродромы.

Их тоже следовало поставить под контроль.

Мы начали с аэродрома, где работал Иван Жихарь, тот самый, что, по словам Курилова, порешил на кривошинских хуторах полицая.

Выполняя приказ прощупать Жихаря, Николай Голумбиевский разузнал, когда этот парень приезжает в Кривошин, и однажды, словно ненароком, столкнулся с ним на улице.

Жихарь в это время сам искал встречи с партизанами: как многие другие жители Барановичей и Кривошина, он знал, что партизаны где-то рядом, что они совершают ежедневные диверсии на железных дорогах, нападают на немецких солдат и полицейских, рискнувших сунуться в лес.

Пристроившись ради куска хлеба на немецком аэродроме в качестве заправщика самолетов, парень люто ненавидел оккупантов. Ненависть его становилась тем силь-

[121]

нее, чем дольше он находился среди гитлеровцев, наблюдал эту сволочь вблизи.

У Жихаря сжималось сердце, когда слышал хвастовство летчиков, со смехом рассказывавших, как они «гоняют Иванов», когда в его присутствии офицеры и солдаты аэродромной службы со смаком толковали о несчастных барановичских девчонках, загнанных в публичные дома и обслуживавших арийских скотов.

Жихарь знал этих девчонок. Знал он и многих из жителей города, повешенных и расстрелянных с приходом немецко-фашистской армии.

Юноша вынашивал планы мести. Как-то ему удалось выкрасть тесак у пьяного солдата. Этим тесаком Иван Жихарь и зарубил полицейского, ехавшего на велосипеде по лесочку вблизи Кривошина.

Полицейский, встретив тогда Жихаря, не испугался. Он знал, что этот парень, собирающий грибы, работает на аэродроме и приехал погостить к родным.

Знал полицейского и Жихарь. Слышал о «подвигах» этого мерзавца, изнасиловавшего жену советского командира, убившего

ее родителей, принимавшего участие в нескольких карательных экспедициях.

Когда полицейский миновал Жихаря, юноша бросился на него и несколько раз ударил тесаком по голове.

Полицейский был живуч. Нажав на педали, он проехал, петляя, с десяток метров, прежде чем свалился.

Убедившись, что прислужник оккупантов мертв, Иван тотчас уехал в Барановичи.

Слухи о причастности Жихаря к ликвидации полицая циркулировали в округе. Возможно, они дошли и до гестапо. Однако молодой рабочий был на хорошем счету у аэродромного начальства, и его не тронули, рассудив, что полицейского, скорее всего, прикончили партизаны.

Первая встреча Голумбиевского и Жихаря ничего не прояснила. Оба парня держались настороженно. Голумбиевский ничего еще не знал о Жихаре, а Жихарь ничего не знал о Николае.

— Как это ты здесь? — спросил Жихарь. — Я твою мамашу видел. Она говорила — уехал.

— Ага. В деревню уехал, — сказал Николай. — А ты, говорят, на аэродроме вкалываешь?

— Так, кантуюсь... Жрать-то надо... И надолго ты из деревни?

[122]

— Не. Сегодня обратно. Привез кое-что родне... А аэродром большой, говорят?

— Аэродром как аэродром.

— Бомбардировщики, что ли, на нем?

— А тебе зачем знать?

— Да просто так спросил.

— За этот «так» — знаешь, что может быть?

— А что?

— А ничего... Маленький! С луны свалился, что ли?

— Разве секрет?

— А ты думал?

— Ничего я не думал. Оставь свой секрет при себе.

— Это не мой секрет, а немецкий. Ясно?

— Ясно.

— Ну вот и все... Ты в какой деревне живешь?

— Я-то?

— Ясно, ты.

— А это уж мой секрет. Понял?

— Нет, не понял...

— Ну ничего. Поймешь... Прощай пока.

Так и расстались, ничего не сказав друг другу.

Голумбиевский, поведав о свидании с Жихарем, выразил сомнение: тот ли это парень, что нам нужен?

Но, обсуждая это событие, партизаны Ивана Ивановича Караваева ополчились на товарища:

— Ты хотел, чтобы Иван с первых слов выложил, что думает? Напрасно! Вы не виделись почти год. Он может тебя подозревать в сотрудничестве с оккупантами. Разве не так? Болтаешься без дела, ездишь из Кривошина в деревню... Нет, Коля, ты повидайся с Жихарем еще раз. Еще потолкуй с ним. А увидишь, что обстановка подходящая, — прямо скажи, что ты партизан.

Голумбиевский так и сделал.

И увидел, как расцвел Иван Жихарь.

— А я и так... — сказал Жихарь. — Я, Колька, и так догадался, а теперь вижу: ты партизан... И автомат, и все прочее...

— Что — прочее?

— Ну все!.. Газеты нашенские, разговор... Все советское! Как только вы не боитесь в Кривошин ходить?

— Пусть фрицы боятся! Вокруг-то наши!

— Значит, вы — рядом?

— А ты думал?

Жихарь волновался. Ломал в руках спичку.

[123]

— Слушай, — сказал он. — Вы слышали про убитого полицая?

— Ну?

— Вот тебе и ну...

Жихарь еще раз оглядел партизана и решился:

— Того полицая я прикончил, суку!

Он ждал ответа, готовый вскочить и сцепиться с разведчиками, если ошибся.

Но Жихаря никто и не думал хватать.

— Врешь, поди! — лениво сказал Голумбиевский и прихлопнул сидевшего на колене комара. — Как ты мог полицая убить?

Жихарь в подробностях описал сцену, разыгравшуюся в кривошинском лесочке.

Голумбиевский не спешил, однако, признать Ивана за своего.

— Рассказать что хочешь можно... — протянул он.

— Не верите?! Эх, вы... Да я же сколько мечтал в партизаны уйти!

— «В партизаны»... Почем мы знаем, кто ты есть? Первого попавшего в отряд не берут. А ты вон на фрицев работаешь!

— Что ж с того?! Жрать-то надо было! А вы возьмите меня и

увидите, как я гадам «служить» буду!

— На словах-то все горазды...

— Не веришь?!

Лицо Жихаря пошло красными пятнами. Глаза стали злыми, обиженными.

Голумбиевский примирительно похлопал парня по плечу:

— Ну, ну, не кипи. «Возьмите»!.. Это так просто не делается. Не мы решаем — командир...

— Скажите командиру!

— Да командир про тебя слышал... Он, между прочим, велел тебе и задание дать, если ты человек.

— А кто я, по-твоему?

— Похоже — человек...

— Какое задание? Не тяни душу.

Для начала мы не имели права поручать малоопытному товарищу что-либо сложное. Поэтому Голумбиевский, выполняя приказ, попросил Жихаря принести на следующую встречу немецкую электробатарею якобы для питания партизанской рации.

Жихаря разочаровала скромность поручения, но бата-

рею он выкрал и уже в понедельник доставил в Кривошин.

В следующий раз Голумбиевский попросил привезти кое-какой инструмент. Жихарь привез и инструмент. Потом выполнил еще несколько поручений.

Обыденность получаемых заданий, их относительная безопасность удручали парня.

Но убеждаясь, что его кражи на аэродроме и встречи с партизанами проходят незамеченными, безнаказанными, Иван Жихарь смелел.

А мы тем временем выясняли у Бринского, нет ли в отряде кого-либо из бывших летчиков или техников, работавших на обслуживании аэродромов.

Оказалось — есть. В одном из соседних партизанских отрядов был такой партизан, в прошлом летчик.

Старший лейтенант Дмитрий Карпович Удовиков до войны летал на бомбардировщиках. Войну начал на границе, участвовал в нескольких воздушных боях, был сбит, ранен и, кое-как посадив машину на территории, уже занятой фашистами, уцелел чудом. Его спасли и выходили крестьяне.

Бойцы Караваева плохо разбирались в авиации и в аэродромном деле. Но встречаясь с Дмитрием Удовиковым, то подшучивая над его неудачей в воздушном бою, то расспрашивая

о службе в мирное время, исподволь, незаметно составили по рассказам летчика более или менее ясную картину жизни аэродрома, интенсивности боевых вылетов, расположения и состава аэродромных служб.

Дмитрий Удовиков высказал предположение, сколько боевых машин могут держать гитлеровцы на аэродроме Барановичей, определил приблизительный радиус их действия, сказал, сколько, по его мнению, должно находиться на аэродроме обслуживающего персонала.

Все эти сведения были необходимы для контроля над данными, которые мы намеревались получать от Ивана Жихаря, а также для того, чтобы мы могли правильно ориентировать своего разведчика на изучение аэродромной обстановки.

Беспокоило желание Жихаря уйти в лес. Мы опасались, что он предпримет на свой страх и риск какую-нибудь диверсионную акцию и будет потерян как разведчик.

Против проведения диверсионных акций мы не возражали. Но надо было научить Ивана Жихаря действовать

[125]

так, чтобы комар носа не подточил. На все это требовалось время.

Выбрав подходящий случай, я заговорил с Удовиковым о том, как, по его мнению, подрывники могли бы с наибольшим эффектом уничтожать немецкие самолеты.

— Можно взрывчаткой на стоянке.

— А не лучше ли на взлете?

— Лучше бы, конечно.

— Почему?

— Видите ли, самолет в это время еще не набрал высоты, он лишен возможности маневра и, в случае аварии, если даже не рассыплется в воздухе, грохнется на землю так, что ничего не останется. Все взорвется или сгорит к чертовой матери... Однако вряд ли это выйдет.

— Отчего же?

— Ну! Тут мины замедленного действия нужны, да рассчитать точно надо, на какой час мину поставить... Нет, сложно!

— Ясно... А если уничтожать самолеты на взлете вот такими средствами?..

Я объяснил Удовикову, какими именно средствами, без мин, можно уничтожать самолеты. Он загорелся и посоветовал, как эти средства применить, как сделать, чтобы никто не заметил работы подрывника.

На очередное свидание с Иваном Жихарем наши разведчики отправились, вооруженные новыми знаниями.

Принесли они и «средства».

Иван Жихарь искренне обрадовался поручению «гробануть» фашистские самолеты, но к переданным ему материалам и инструктажу отнесся недоверчиво:

— Вот этим-то гробить?

— Именно этим. Только сделай, как сказано.

— Да сделаю!.. А в лес возьмете?

Но тут Голумбиевский уже повысил голос:

— Выполняй приказ!

Через день один из немецких бомбардировщиков типа «Юнкерс-88», поднявшись с Барановичского аэродрома, вдруг клюнул носом, еще раз клюнул и вошел в штопор. Фашистский ас не мог выровнять машину. Она врезалась в землю на глазах всего аэродромного начальства, и бомбовый запас, от которого летчик тоже не успел освободиться, разнес самолет в клочья.

Иван Жихарь явился на очередную встречу возбужденный.

[126]

— Во шарахнулись! — ликовал он. — Сволочь туда на автомобилях помчалась, охранение выставили вокруг места взрыва, до вечера ползали, ошметки пытались собрать, да ни хрена не собрали!.. Теперь головы ломают, отчего это «юнкерс» в штопор вошел. Не понимают!.. Начальству донесли, на завод жалуются!

Голумбиевский поздравил Жихаря с удачей и посоветовал в следующий раз применить другое средство.

Оно сработало тоже. Грохнувшись на взлете, сгорел еще один «юнкерс».

Иван Жихарь вошел в азарт, а мы убедились, что ему можно полностью доверять, и повели откровенный разговор.

Жихарю объяснили, что для нас самое главное не взрывы самолетов, а точные сведения об их количестве на аэродроме, маршрутах, о числе вылетов в сутки, а также о летном составе.

— Ясно, — сказал Жихарь. — Ну что ж? Я и сейчас могу сказать про самолеты.

Мы не ожидали услышать что-нибудь особенное. Но первая же информация Ивана Жихаря ошеломила. По его рассказам выходило, что на аэродроме одновременно бывают до ста самолетов и что с Барановичского аэродрома фашисты летают и на Москву, и на Ленинград, и на Киев.

Жихарь называл типы самолетов, главным образом бомбардировщиков, места расположения ангаров и складов с

горючим, сообщил приблизительные данные о количестве технического персонала, обслуживавшего аэродром.

Консультация с Удовиковым пролила на эту информацию дополнительный свет.

В Барановичах мы имели дело не с аэродромом, а, судя по всему, с крупной авиационной базой.

Впоследствии, через того же Жихаря, мы узнали, что это действительно авиабаза и что называется она Московской.

Жихаря и раньше предупреждали, чтобы ни с кем не поддерживал тесных отношений, не заводил разговоров, способных скомпрометировать его в глазах аэродромного начальства, и вообще вел бы себя так, чтобы не возбуждать подозрений.

Теперь от него потребовали строжайшей дисциплины. Предупредили, что головой отвечает за порученное дело, запретили привлекать к своей работе других товарищей, какими бы надежными и преданными они ни казались.

[127]

— Ты разведчик, — четко и жестко объяснил Голумбиевский. — Ты выполняешь чрезвычайное поручение. За провал спросим по законам военного времени. Ни с кем, кроме меня, дела иметь не будешь. Если изменятся обстоятельства, к тебе придет другой человек с нашим паролем. (Жихарю сообщили пароль и отзыв.) Сведения ты обязан давать ежедневно. Чтобы не связывать себя поездками в Кривошин, найди «почтовый ящик» в Барановичах. Мы скажем, удобен ли он для нас. Будет удобен — станешь оставлять сводки в «почтовом ящике». Ясно?

— Ясно...

— Командир приказал передать: твой псевдоним с нынешнего дня — Паровозов. Сообщать псевдоним посторонним не имеешь права. Этим именем будут подписаны все твои сводки.

Может быть, впервые за все время встреч с партизанами Иван Жихарь почувствовал, как серьезно то, что происходит.

Голумбиевский рассказывал, что парень даже побледнел от волнения и сознания ответственности.

Спросил Жихарь только об одном: надо ли продолжать взрывать самолеты?

Голумбиевский имел точные указания.

— Немного переждешь и снова уничтожишь, — сказал он.

И Жихарь продолжал выполнять обязанности «легального подрывника», сочетая эту работу со сбором разведданных.

Лишь после того, как над Барановичским аэродромом взорвался и сгорел в воздухе шестой самолет, фашисты

всполошились, почуяли, что тут пахнет диверсией.

Иван Жихарь пережил в ту пору немало.

Сообщив, что немцы тщательно обыскивают всех рабочих, усилили охрану аэродрома, отмечают, кто обслуживает ту или иную машину, он, нервничая, сказал даже:

— Теперь концы! Теперь мне уходить надо!

— Не паникуй! — оборвал Голумбиевский. — Я доложу командиру. Без его приказа аэродром не покидать!

Я счел нужным встретиться с Жихарем в лесу возле Кривошина.

Это был молодой, лет семнадцати, паренек, с открытым, приятным лицом. На высокий лоб спускался светлый, словно приклеенный чубчик. Голубые глаза смотрели настороженно, пытливо.

[128]

Прежде всего я поблагодарил Ивана за отличное выполнение партизанских заданий.

Юноша залился краской:

— Как мог, товарищ капитан...

— Ты, я слышал, беспокоишься, полагаешь, надо уйти в лес?

— Больно строго стало, товарищ капитан. Боюсь, пронюхают, гады.

— Не бойся. До сих пор ничего не пронюхали и в дальнейшем не пронюхают, если не допустим ошибок... Взрывы самолетов временно прекрати. Повтори приказ.

— Прекратить взрывы самолетов.

— Так. И помни: ты простой рабочий, политика тебя не интересует, партизан знать не хочешь!.. Поддакивай немцам, если понадобится. Посочувствуй им. Брани нас, сколько хочешь и как хочешь. Понимаешь? Гитлеровцы должны тебе доверять, как прежде!

— Это я понимаю.

— Вот и все. Сведения передавай только через «почтовый ящик». В Кривошин не езди, пока не вызовем.

— Хорошо.

— Может случиться, к тебе обратятся из других партизанских отрядов. В переговоры ни с кем не вступай. Обо всем таком сообщай нам. Но сам от связи с любыми людьми, называющими себя подпольщиками или партизанами, отказывайся. Не слушай их. Уходи, если почувствуешь, что пытаются вызвать на откровенный разговор. Связь держи только с нами. Тогда останешься вне подозрений.

Я говорил спокойно, доверительно, по-товарищески, и это

подействовало: Жихарь успокоился.

Он остался на аэродроме в Барановичах, продолжал снабжать нас ценнейшими сведениями, впоследствии совершил еще несколько удачных диверсий, но немцы до последнего дня своего пребывания в городе так и не заподозрили Ивана Жихаря, были убеждены, что этот простоватый парень никакого отношения к партизанам не имел и не имеет.

Так же, как ни разу не заподозрили и двух других товарищей, найденных нашими партизанами на том же аэродроме и дублировавших работу Жихаря.

Кончался октябрь. Опали с деревьев последние листья. Зарядили дожди. Нудные, холодные, беспросветные. Раза

два были утренники. Посеребренные болота, заиндевевшие леса стояли в хрупких нарядных кольчугах. Начинался дождь, и светлые латы таяли на глазах.

Пятерка Ивана Ивановича Караваева понемногу привыкала к новой деятельности.

Несколько радиограмм из Центра, выражавших партизанам благодарность за ценные данные по Барановичам, за уничтожение немецких самолетов Иваном Жихарем, подняли дух бойцов.

Они осознали, что их работа важна, имеет чрезвычайно большое значение, приковывает к себе внимание самой Москвы!

В отряде Бринского я отчетливее стал понимать причины, по которым партизаны так неохотно шли в группу Караваева, предпочитая уничтожать вражеские эшелоны.

Диверсии на железных дорогах привлекали людей своей действенностью.

Работа же в группе, подобной караваевской, казалась малоэффективной.

Характер разведывательной деятельности, по необходимости скрываемой от посторонних глаз, даже от глаз большей части партизан, как бы предопределял пребывание партизан-разведчиков в тени.

Это тоже смущало товарищей.

Мы сумели по достоинству оценить мудрый совет Патрахальцева и Линькова всячески поощрять разведчиков и убедились, что сам Линьков и Патрахальцев не забывают своих установок: в получаемых нами радиограммах, как правило, содержалась и благодарность разведчикам.

Мы, конечно, не обольщались первыми удачами. Знали — возможности в Барановичах далеко не исчерпаны, намечали целый ряд новых дел.

Несколько удачных нападений на отдельные отряды гитлеровцев, захват документов у убитых солдат и офицеров противника также показывали, что можно действовать гораздо успешнее, чем до сих пор.

* * *

В конце октября Линьков сообщил, что ему разрешен вылет в Москву, и приказал мне вернуться на Булево болото, чтобы договориться о командовании отрядом в его отсутствие, а также о проведении некоторых операций в Микашевичах и Житковичах.

[130]

Я чувствовал, что уходить с озера Выгоновского рано, и послал соответствующие радиограммы и Григорию Матвеевичу, и в Центр.

Линьков вновь потребовал моего возвращения на Червонное озеро, но Центр разрешил задержаться у Бринского, и я провел под Кривошином и Барановичами еще около двадцати дней.

Только в середине ноября, передав руководство барановичской пятеркой Ивану Ивановичу Караваеву, побеседовав в последний раз с людьми, предупредив, чтобы не свертывали работу, но новых людей привлекали только с моего разрешения, я собрался в дорогу.

Попрощался с Бринским, Николаем Велько, с остальными товарищами, потрепал мохнатый загривок Лялюса, надел на плечи вещевой мешок.

Зима медлила в тот год. Болота долго не промерзали, а снег выпадал пушистый, нестойкий.

Путь был тяжелым. Куда тяжелей, чем в сентябре.

12

В месте со мной из лагеря Бринского в деревню Хорустов, лежавшую километров за тридцать от центральной базы Григория Матвеевича Линькова, пришли двадцать пять человек.

Небольшая деревушка утопала в глубоких, мягких снегах. Мирно вились синие дымы над кирпичными трубами.

Наблюдение и разведка показали, что немцев и полицаев в деревне нет.

Мы вышли на неширокую, накатанную санями улочку.

Поставили на входе и выходе из деревни охрану, облюбовали одну из изб, расположились в ней.

Хозяин, бородатый и неразговорчивый, слушал нас, опустив глаза.

Я попросил накормить бойцов, истопить, если можно, баню.

— Сполним...

Хозяин кликнул жену:

— Одевайся, сходи к людям, скажи: партизаны, мол, прибыли... Кормить требуют...

Накинув полушалок, женщина ушла.

Мы разделись, улеглись кто где, отдыхая.

[131]

Прошло с полчаса.

Стукнула дверь на улицу, кто-то заколотил веником по валенкам.

— Здесь, что ли, командир? — спросил недовольный голос.

Я встал в дверях:

— В чем дело?

Пришелец, такой же бородатый, как хозяин, испытующе оглядел мое снаряжение, задержался взглядом на петлицах гимнастерки, стянул шапку:

— Вы кем будете?

— Капитан Черный. А вы кто?

— А я здешний комендант...

— Ах, комендант?.. Ну так поворачивайтесь поживее, господин комендант, делайте, что приказано.

Я с презрением глядел на фашистского ставленника.

Однако комендант не спешил уходить.

— Так не годится, товарищ капитан, — по-прежнему недовольным тоном заявил он. — Чего это? Пришли, понимаешь, распоряжаетесь... У нас другие порядки!

— Это что еще за другие? С кем разговариваешь?! Встать, как

положено!

Комендант вытянулся, как умел, у порога, замигал.

— Когда здесь партизаны — и порядки будут партизанские, советские, — резко сказал я. — Ясно?

— Да ведь... Товарищ капитан! Я и сам советский! Настала моя очередь недоумевать.

А пришелец объяснял:

— Я советский комендант, товарищ капитан! Партизанами поставлен. А вас что-то не знаю. Впервые вижу.

— Советский?.. Кто же тебя поставил?

— Партизаны.

— Какие партизаны?

— Известно, какие... Вы не сомневайтесь. Кого хотите спросите — подтвердят.

Я повернулся к хозяину избы:

— Правда это?

— Правда, — буркнул тот.

— Ну, что ж. Тогда входите, товарищ комендант. Надеюсь, вам передали мою просьбу накормить бойцов.

Комендант вошел в избу, сел на лавку:

— Передать-то передали... Да только кто так делает? Ввалились в первую попавшую избу, требуете... Ко мне должны были явиться, если вы партизаны.

[132]

— Ну извините, товарищ. Не знали о вашем существовании. Могу повторить нашу просьбу...

— Ишь понимаешь... А куда вы идете-то?

— К Бате идем. С озера Выгоновского.

— Так, так, так... И документы у вас есть?

Наши бойцы улыбались, слушая этот допрос.

— Поверь уж на слово, отец, — сказал я. — Документов я тебе предъявлять никаких не стану. На слово поверь. И корми людей. Измучились и наголодались.

— Накормить — накормлю... Только — непорядок!

Пока хозяин избы по распоряжению коменданта бегал вместе с нашими бойцами, собирал по деревне продукты на обед, я разговорился с советским комендантом Хорустова.

Меня интересовало, давно ли он исполняет свою должность, кто его на эту должность назначил, имеются ли партизанские коменданты в других деревнях, не тревожат ли жителей немцы.

Про себя комендант рассказывал охотно, но кто его назначил на должность — умолчал и фамилий комендантов других деревень не назвал:

— Если вы партизаны — сами должны знать.

Судя по всему, этот человек не лгал. Видимо, поблизости держался какой-то крупный партизанский отряд, мне пока неизвестный, и комендант не намерен был говорить первому встречному о своих товарищах.

— Значит, немцы вас не тревожат?

— Боятся сюда ходить. Сунулись было, получили свое — и не лезут.

— Очень хорошо. Значит, спокойно отдохнем.

— Отдыхайте, отдыхайте, — почему-то сочувственно сказал комендант.

Цену его сочувствию я узнал очень скоро. Не успели мы сесть за наскоро сваренный обед, как вбежал один из часовых:

— Товарищ капитан! Приехал командир партизанского соединения Комар!

Это имя мне ровным счетом ничего не говорило.

Взяв оружие, вышел на крыльцо. По улочке бежали к избе легкие санки. Возница осадил лошадей рядом со мною.

Один из приехавших, грузный, укутанный в полушубок человек, первым вылез из санок и засмеялся:

— Ба, ба, ба! Так вот какие это бандиты!

[133]

— Василий Захарович! — воскликнул я, узнав Коржа. — Вы?

— Я, брат, я... А это ты, стало быть? Откуда здесь? Примчались наши, говорят: в деревне бандиты, партизан не знают, а требуют припасов...

Он махнул рукой коменданту, появившемуся у крыльца:

— Свои! От Бати люди! Все в порядке, Самсоныч!

Из саней вышел и приблизился к нам человек в черном пальто с барашковым воротником и в барашковой шапке.

— Знакомься — товарищ Клещев, — сказал Корж.

— Да уж в избу, в избу пойдем, — сказал человек в барашковой шапке. — Застудим капитана.

Я вопросительно глянул на Коржа.

— Секретарь подпольного обкома партии, — шепнул Василий Захарович, проталкивая меня в сени. — С нами партизанит.

По тому, как секретарь обкома вошел в дом, как здоровались с ним хозяева, видно было — Клещев тут человек свой, хорошо знакомый и уважаемый.

Корж, присев к столу и вытащив неизменный килограммовый кисет, окинул взглядом скатерку:

— Э, капитан! У тебя что, горилки нет?

— Не держим.

— Куда такое годится? Чем же гостей встречать будешь?

— Выходит, это я гость, а вы — хозяева, — отшутился я.

— А что ж? — уминая трубочку, подмигнул Корж. — Приглядываем за деревнями, не спим... По такому случаю — ладно уж, и горилки добудем.

Он дал коменданту соответствующее указание, и тот не замедлил с выполнением....

Толковали о положении на фронтах и о партизанском житье.

Корж рассказал, что район Хорустова стал партизанской зоной, куда немцы не рискуют показываться. Во все деревни назначены партизанские коменданты, сообщающие командованию отряда о передвижениях фашистов, о появлении каждого незнакомого человека.

— Обком верховодит, — взглянув на Клещева, сказал Корж. — Алексей Ефимович человек беспокойный. Сам всюду попасть норовит. Но в нашем деле это не помеха как раз, а помощь.

— Будет, — отмахнулся Клещев. — Сам такой же.

Клещева интересовало положение в районе Барановичей.

Я много рассказывал о тамошних партизанах, о Бринском, о людях, готовых сотрудничать с партизанами.

Клещев и Корж переглядывались.

Заметив это, я сделал паузу.

— А ты говори, говори, — усмехнулся Клещев. — Не обращай на нас внимания. Просто Василий Захарович сказывал, что ты на Батю не похож, и вот теперь я тоже вижу — разные вы...

Корж поведал, что он готовится к предстоящей зиме. Будет она, по всему видать, нелегкой. Бои-то возле Сталинграда, на Волге идут. Ну и приходится хозяйничать. Мельничку вот наладил неподалеку, муку мелет, поросят откармливает, маслом запасся. Думает перезимовать без особого горя. Научен уж!

— Снабжают из тыла пока неважно, — уронил Клещев. — А у вас как со снабжением?

Я не мог ответить ничего определенного: не знал.

— Может, проедешься на нашу базу? — предложил Корж. — Поглядишь, как обживаемся.

Я поблагодарил за приглашение, но отказался:

— Спешу.

Сообщив мне, как разыскать их отряд, Клещев и Корж уехали.

Комендант деревни, проводив их, взглянул на меня со смущенной улыбкой.

— Значит, как узнал о нашем прибытии, сразу же Коржу сообщил? — спросил я.

— Ага. Как положено.

— Ну и молодец. Спасибо. А теперь помоги еще в одном. На базу нам без продуктов не возвращаться, сам понимаешь. Снаряди-ка подводу. И нагрузи чем следует.

— Кошевку заложим...

Переночевав в Хорустове, мы стали собираться в дорогу.

В кошевке уже лежали мешки с картофелем, стояла кадушка с маслом, комендант привел и привязал к задку саней двух телок. Один из жителей Хорустова, подняв воротник тулупа, прохаживался возле коней, поправляя сбрую.

— Счастливого пути, — сказал комендант. — Кошевочку-то не задерживайте...

— Не задержим! До свидания, дорогой товарищ. Спасибо за все!

Возница завалился в сани, вскинул вожжи:

— Пошел!..

До своих мест мы добрались без приключений. Но километрах в пятнадцати от центральной базы, пересекая поле, заметили выскочившую упряжку.

Кто-то погонял коня, торопясь нам навстречу.

Съехались, остановились.

Я чуть не ахнул: Сеня Скрипник!

А он уже спешил ко мне, увязая в снегу, как-то странно улыбаясь.

13

Поздравляю, товарищ капитан!

— Спасибо, Сеня. Добрались, как видишь.

— Я — не с возвращением, товарищ капитан... По приказу Центра вы назначены командиром отряда.

— Эка новость! Я знаю, что на время отсутствия Линькова остаюсь за него.

Сеня Скрипник потряс головой:

— Не на время отсутствия... Батю насовсем отзывают. А вам приказано принять командование.

Я стоял и смотрел на Сеню. Позднее он рассказывал, что вид у меня был озадаченный. Думаю, он не преувеличивал.

— Ты что-нибудь путаешь, Сеня!

— Никак нет. На базе прочтете радиограмму сами.

— Постой! Может, присылают кого-нибудь в помощь?

— Об этом пока неизвестно.

Мы все еще стояли на дороге.

— Ладно, — сказал я. — Поехали на базу. Думаю, Григорий Матвеевич знает больше... Погоняй!

Пока мы добрались до ближней заставы, Сеня Скрипник выложил новости.

Первая была самой свежей — два дня назад в лес пришел киномеханик из Микашевичей Иван Конопатский. Он блестяще выполнил задание, взорвал микашевичский клуб, куда съехались на совещание чины гестапо, командиры немецких карательных частей и полицаи. При взрыве погибло около двухсот оккупантов и их пособников.

[136]

— Об этом мы вам не успели сообщить, товарищ капитан, — оправдывался Сеня. — Считали, вы все равно на днях прибудете, тут и расскажем.

— А сам Конопатский как выглядит?

— Молодцом. Смущается. Не привык в героях ходить.

— Говоришь, около двухсот человек на воздух поднял?

— Так точно, товарищ капитан!

— Да, такое удается не каждому. Молодец!.. Ну, чем еще порадуешь?

Сеня Скрипник подхлестнул коня:

— Всего не перескажешь! Наши хлопцы каждый день эшелоны и пути подрывают. Налеты делали на гитлеровцев. Набили этой дряни... Но фриц тоже зашевелился, товарищ капитан! Я сообщал,

что радиоузел теперь только один час на Москву работает?

— Сообщал. Это после того, как от Коржа передали, что фрицы нас засекают?

— Точно, после того... Центр так приказал. Позывные и время работы мы тоже изменили. Да, видно, плохо помогло.

— То есть?

— Под праздники немец бомбежку учинил на Булевом — только держись! Явно хотел накрыть базу.

— Попал?

— Нет, рядом ковырял. Но ковырял все-таки!.. Похоже, и облаву готовят. В Микашевичах-то фрицы собирались как раз вопрос облавы обсуждать. А после взрыва совсем взбесятся!

— Возможно... Послушай, ты передавал, что Павел Кирбай и его сестры бежали из Юркевичей в лес. Что случилось? Как житковичские товарищи?

— Случилось, товарищ капитан, так, что немцы пытались арестовать Павла Кирбая. Но житковичскую группу не трогали и не трогают. Похоже, не знают о ней. Связь идет нормальная. Сведения от Горева все время поступают. А Кирбая, видимо, кто-то из местных, из юркевичских, выдал. Похоже, там предатель завелся.

— Н-да, Сеня. Новости у тебя со всячинкой. Придется, видно, в затылке почесать!

— Скажете тоже, товарищ капитан!

— Точно — придется!

[137]

На центральной базе стояла непривычная тишина, не тарахтел движок радиоузла, только сосны пошумливали да перекликались бойцы штаба.

Короткий зимний день кончался, небо навалилось на лес, серые размывчатые тени наплывали из чащобы, густея на глазах.

Из землянки Линькова я вышел уже в полной темноте. Мы обо всем переговорили, все обсудили. Батя рассказал о действиях подрывников-маршрутников, о Седельникове, который распропагандировал и привел в отряд около ста человек так называемых «казаков», набранных немцами главным образом из советских военнопленных и использовавшихся для охраны железнодорожного моста через реку Горынь на магистрали Лунинец — Сарны; повторил историю Конопатского, сообщив заодно, что немецкая комендатура в Житковичах обещала крупную награду тому, кто укажет расположение нашего отряда; познакомил меня с приказом Центра, который требовал заслать разведывательно-диверсионные группы в район Ковеля и Сарн.

— Я намерен послать в этот район Бринского и Каплуна, — сказал Линьков. — Бринский уже получил приказание явиться на центральную базу и со дня на день прибудет, с ним придут еще человек тридцать. По части разведки беседуйте с ними вы сами.

— Хорошо.

— Сегодня уже поздно. Командование отрядом передам завтра.

Я не возражал.

Утром 30 ноября Григорий Матвеевич официально передал мне командование отрядом. Но его вылет в Москву из-за плохой погоды задержался довольно надолго.

В первый же день по возвращении на центральную базу я отправился на северо-западную заставу, где находился киномеханик Конопатский, оттуда поехал в Восточные Милевичи к Илье Пришкелю, потом беседовал с Леокадией Демчук и Алимой Кирбай.

Из рассказов связных и самого Ивана Конопатского стало ясно, как разворачивались события в Микашевичах.

Взрыв клуба был подготовлен и проведен безупречно. Связные, вызывавшие Конопатского в лес для инструктажа, подозрений не навлекли. Не вызывал у немцев подозрений и сам Копопатский, иначе ему вряд ли доверили бы работу в клубе.

[138]

Взрывчатка доставлялась в Микашевичи Пришкелем. Он предложил свой способ транспортировки тола: в выдолбленной доске тележного днища, сверху заделанной и затрушенной сеном.

В один прием Пришкель провозил до десяти килограммов ВВ, и ему понадобилось всего три ездки, чтобы доставить весь груз во двор Конопатского.

Во дворе дома Конопатских тол перепрятывался по разным углам: среди густого бурьяна, под кучи мусора, в сено.

В клуб Иван Конопатский носил взрывчатку малыми дозами — шашками по четыреста граммов. Спрятав шашку в карман брюк, киномеханик надевал пальто, и верхняя одежда скрывала оттопыренный карман.

По совету Якушева Конопатский носил взрывчатку не украдкой, не по ночам, а утром, когда жители Микашевичей шли на рынок или на службу, и вечерами, перед началом киносеанса.

Замешавшись в потоке людей, киномеханик каждый раз благополучно добирался до своей будки. Его ни разу не остановили даже для проверки документов. Ну а если бы остановили Конопатского и нашли у него две шашки тола, то он мог сказать, что поднял их на улице и несет сдать в полицию или

немцам.

Перенести тол из будки в подпол клуба уже не составляло труда.

Не привлекла внимания и возня Конопатского с проводкой: механику вроде бы и положено вечно «колдовать» с электричеством. Так удалось ему незаметно для посторонних вывести в подпол клуба два конца проводки для электродетонаторов. Перед взрывом Конопатский должен был присоединить провода, идущие от заряда тола, к общему рубильнику, после чего внезапно обнаружить «неполадки» в проводке.

Конопатскому посоветовали попросить первого попавшегося полицая подежурить в будке, пока не будут устранены мифические дефекты, и минут через пять после ухода киномеханика включить для «проверки» общий рубильник.

На всякий случай, учитывая, что может оказаться невозможным замыкание тока рубильником, Конопатскому рассказали, как выйти из положения, применив механический способ замыкания проводов на заряд.

Впрочем, прибегать к этому способу не пришлось...

[139]

Взрыв в микашевичском клубе назначили на 7 ноября, решив ознаменовать им двадцать пятую годовщину установления Советской власти.

Однако 3 и 4 ноября партизаны Коржа взорвали мост через реку Лань, перебили охрану, а затем уничтожили состав с авиабомбами, разворотив большой участок пути.

Активность партизан в предпраздничные дни взбесила фашистов, они бросили против них карателей и отложили совещание в Микашевичах.

Партизан гитлеровцы не нашли и, конечно, сорвали зло на местных жителях.

Вскоре после зверских расправ отряд карателей в составе шестидесяти пяти человек расположился на отдых в Микашевичах.

Совещание было назначено на 17 ноября.

Для участия в нем прибыли шесть персон из Германии, десять жандармов из их личной охраны, восемьдесят пять солдат местного гарнизона во главе с обер-лейтенантом.

Перед началом совещания фашисты намеревались просмотреть новую кинохронику, узреть своего обожаемого фюрера.

В семнадцать часов пятьдесят минут фашисты расселись в

зале.

За несколько минут до этого Конопатский выглянул из будки, поманил ближайшего полицая и встревоженно попросил помочь ему: проводка-де барахлит, как бы не сорвать сеанс.

Горя служебным рвением, фашистский холуй влез в будку.

— Я выйду, проверю, что там, а ты минут через пять включи рубильник, — попросил Конопатский. — Вот этот. Понял?

Полицай все понял. Ровно через пять минут он поднял клуб на воздух вместе с оккупантами и взорвался сам.

Сила взрыва была столь велика, что в ближайших домах полопались стекла. Багрово-желтый сполох озарил все местечко.

При взрыве погибло сто пятьдесят фашистов и их прислужников. Уцелели, отделались ранениями, только десять гитлеровских солдат, которые вышли покурить перед сеансом...

Разговаривая с Конопатским, я спросил его:

[140]

— Почему же ты все-таки бежал в лес? Тебя подозревали?

Киномеханик удивленно поднял брови:

— Что вы, товарищ капитан!.. Если бы подозревали — давно схватили бы. А только когда я от клуба бежал, меня вроде полицаи видели.

— Вроде или точно?

— Я их видел, значит, и они видели, товарищ капитан. Там ведь, вокруг клуба, поставили посты на всякий случай. Ну чтобы партизаны не подобрались, гранату не бросили бы...

— Понятно. Тогда ты действительно рисковал... Ну, поздравляю, Ваня! Ото всей души. Командование отряда представило тебя к правительственной награде.

— Я старался сделать, как говорили... — смущенно ответил Конопатский.

Прекрасный был паренек, этот киномеханик! И тем более досадно становилось от мысли, что мы потеряли его как разведчика. Но в этом, видимо, были повинны мы сами. Увлеченные подготовкой взрыва, заботами об его эффективности, мы упустили из виду, что Конопатский еще очень неопытен, не подготовили его к продолжению работы в городке.

Будь Конопатский поопытней — он мог и дальше оставаться в Микашевичах. Для этого следовало лишь придумать правдоподобную легенду, полностью оправдывавшую отлучку из клуба в момент взрыва.

Придумать такую легенду, пожалуй, не составляло никакого труда. Можно было свалить все на того же болвана полицейского, включившего рубильник.

Покинув клуб, Конопатский мог подойти к полицейским, которые несли внешнюю охрану, обиженно пожаловаться на недоверие. Его бы спросили, конечно, о каком недоверии идет речь. Киномеханик объяснил бы, что его выгнали из будки, что полицай такой-то сам остался у аппарата.

Впоследствии постовые подтвердили бы, что Конопатский стоял в момент взрыва с ними, что в будку проник какой-то полицай, выгнавший киномеханика.

Такая легенда не только оправдала бы Конопатского, но направила ярость гитлеровцев против их собственных холуев, которых в горячке заподозрили бы в связях с партизанами.

Можно не сомневаться: гестаповцы немедленно распра-

вились бы с десятком-другим подонков, сослуживцев «полицая-подрывника», а Конопатский остался бы в Микашевичах, продолжал бы передавать сведения о микашевичском гарнизоне, об эшелонах врага!

Да, увлеклись мы проведением диверсионного акта!

Однако мысль, что и мы, руководители, сами только набираемся опыта, несколько успокаивала. К тому же в Микашевичах был у нас не один Конопатский. Наблюдение за эшелонами вели рабочий депо Половодский и станционная буфетчица Аня Белобородова. Воробьев и Колосов, служившие в управе, сообщали сведения по гарнизону.

* * *

Павла Кирбая я нашел на южной заставе. Он таскал дрова на кухню. Увидел меня, отправляясь за новой охапкой. Вытирая руки о ватник, улыбаясь, шагнул навстречу:

— Товарищ капитан!

— Здравствуй, Павел! Ты что же это физическим трудом занялся? А рана?

— Да поджила малость... Алима сказывала — вы пришли. Я все ждал, заглянете ли к нам.

— Как же не заглянуть? Пойдем покурим?

— Это можно.

Я попросил, чтобы в землянку, где расположились мы с Павлом, никто не входил.

— Ну, рассказывай, Паша, что у тебя произошло? Не торопись только. По порядку давай... Как случилось, что тебя хотели арестовать и ранили?

Кирбай пожал плечами:

— Сам не пойму, что вышло, товарищ капитан... Чтобы там слежка за мной была или еще что — не замечал. В отряд я не

ходил, с Кузьменко переписывался через «почтовый ящик». Сестренки тоже аккуратно себя держали. Никому не говорили, что имеем связь с партизанами. Правда, Полина раза два бегала в Житковичи с минами, но к ней не цеплялись. Спокойно пронесла все, что надо.

— А к вам кто ходил?

— К нам-то? Да сын Горева приходил, Гарбуз раза два появлялся, Степан Татур с мехпункта бывал.

— Часто?

— Нет, тоже раз-другой... Ну и Женя Матвеец, подружка сестер, захаживала. Она, почитай, все время бывала. Да и как не бывать? Соседи! Она на связи с Житко-

вичами работает, товарищ капитан. Я после вашего ухода Кузьменко на Женю указал. Комсомолка, смелая...

— Так... Когда же тебя хотели арестовать? Как это вышло?

Павел Кирбай потер небритую щеку, развел руками:

— Врасплох застали, товарищ капитан. Днем было дело. Сестренки в рыбхоз ушли, а я дома оставался, по хозяйству, значит... Вдруг дверь настежь — фрицы с полицией! И сразу — хенде хох!

У них автоматы, а у меня — тарелка с полотенцем. Силы вроде неравные. Поднял руки.

Кричат:

— Собирайся, сукин сын, партизан!

А сами — по сундукам, по шкафам шастают, перины ворошат.

С немцами — полицаи. Рожи знакомые, житковичские.

— За что меня? — спрашиваю.

— Поговори, сволочь! Одевайся давай!

Тут я и сообразил сиротой прикинуться.

— Ребята, — прошу, — дозвольте хоть хлеба с салом взять.

— Где у тебя сало?

— Да туточки, в подполе.

— Ну лезь, да живо! А то ребра пересчитаем!

Не знаю, сжалились они надо мной или рассчитывали моим же запасом поживиться, только пустили в подпол. А у меня в подполе, товарищ капитан, обрез припрятан. Я как спрыгнул вниз, сразу к куче картошки, разрыл ее и за винтовку. Пошарил — три обоймы целы! Клацнул затвором, одну обойму в магазин загнал и стою, дух перевожу.

А полицаи уже орут:

— Вылезай давай, пока не стеганули из автомата!

Ну, думаю, в руки им попасть — живым не быть, а так — еще

поглядим, кому первому на небеса возноситься!

Приставил лесенку, поднимаюсь. Обрез держу наготове.

Один полицай самокрутку закуривает, двое платья сестренок в узел увязывают, а фрицы у двери толкутся, ждут.

Эх, как глаза вытаращили, как дернулись! А я уже вскинул обрез, да по ним, по ним, а потом по полицаям!

Дым, грохот, фрицы на пол, полицаи к двери было — и тоже врастяжку, через немчуру, значит.

[143]

А я с ходу к окну, высадил раму — и во двор, к воротам, на улицу.

Они только тут опомнились, начали строчить вслед. Да я уже огородами к лесу.

Ну, пока по полю бежал, стреляли по мне, зацепили плечо. Однако я отстреливался, до кустов добрался, а в лес фрицы побоялись соваться... Так и ушел.

— Попал ты в переделку... Ну а сестры?

— К сестрам наши юркевичские девчонки прибежали, сказали, что за мной фашисты приходили. Полина и Алима домой не вернулись, сразу подхватились и сюда, в отряд.

— Правильно сделали... Как ты думаешь все же, Паша, почему тебя арестовать хотели?

Павел вздохнул:

— Нехорошо на людей думать, товарищ капитан, но не иначе — выдал кто-то, что я в лес к партизанам ходил.

— А ты не думаешь, что это связано с Житковичами?

— Ну нет! Вряд ли! Там же все целы, никого не тронули!

Мы еще побеседовали с Павлом, потом я вернулся к себе на центральную базу, расспросил Николая Кузьменко о том, как идут дела в Житковичах.

Кузьменко доложил, что после бегства Кирбая в отряд он нарочно запрашивал Горева, нет ли за товарищами из его группы слежки, не ведут ли немцы наблюдение за кем-либо.

Горев ответил через Женю Матвеец, что никакой слежки нет, а работа разворачивается так успешно, как он и не ожидал. Горев просил только подбросить мин, взрывчатки и листовок.

— Они еще спрашивали, — сказал Кузьменко, — надо ли расширять группу? Сообщили, что на примете верные люди есть. Я, как приказывал Батя, разрешил, товарищ капитан, привлечь новых членов...

По всему выходило, что история Павла Кирбая совершенно не связана с какими-то планами врага в отношении житковичских товарищей.

Будь я более опытен, знай тогда лучше методы работы гестапо, я не успокоился бы, принял более эффективные меры по усилению безопасности подпольщиков. Тем более что обстановка осложнялась.

Но я не сталкивался еще лицом к лицу с контрразведкой противника и вместе с другими товарищами полагал,

[144]

что в условиях небывалого подъема партизанского движения группа Горева может продолжать интенсивную деятельность.

К тому же события ближайших дней отвлекли от раздумий над случаем с Кирбаем: пришли с бойцами Бринский и Каплун.

Успокоенные тем, что из Житковичей идут хорошие сведения, мы с Григорием Матвеевичем полностью отдались подготовке новых отрядов, которым предстояло идти под Сарны и Ковель.

* * *

Батальонный комиссар Бринский и капитан Каплун были поставлены во главе двух первых отрядов, которым предстояло осваивать новые районы, потому, что за плечами каждого были годы службы в армии, выработанная самими условиями военной жизни привычка быстро разбираться в людях и большой опыт партизанских действий.

Правда, новым командирам отрядов предстояло вести не только привычную им диверсионную деятельность, но и заниматься совершенно новой, незнакомой им разведывательной работой.

Те недолгие дни, что Бринский и Каплун находились на центральной базе, Линьков использовал, чтобы ввести обоих в курс дела.

Седельников и Лагун, вернувшись из далеких вылазок, сообщили, что в районе Сарн и Ковеля существуют отдельные партизанские отряды, не имеющие связи с Большой землей. Состоят эти отряды из бывших военнослужащих и гражданских лиц. Действуют разрозненно, однако держат тесный контакт с местным населением, в частности с жителями городов.

По словам Седельникова и Лагуна выходило, что в Сарнах и Ковеле можно найти нужных нам людей, готовых под видом работы на немцев выполнять задания партизан.

Под Ковелем особенно много и восторженно говорили об отряде Макса, поляка по национальности, совершавшего диверсии в самом городе.

Было ясно, что без связи с местными жителями партизаны Макса действовать не могли бы.

— Вы должны найти эти отряды, — говорил Батя Бринскому

и Каплуну. — Это ключ, который откроет перед вами двери городов. Установите тесную связь с

[145]

командирами местных партизан, дайте им тол и оружие, объедините их усилия, людей нацельте на сбор сведений о противнике... У вас будут радиопередатчики, вы сможете связываться непосредственно с Центром. А вы знаете, как относятся к посланцам Москвы. За вами пойдут!

И Бринского и Каплуна интересовали вопросы конспирации, связи с партизанами в городах, руководства ими. От правильного решения этих проблем зависел успех нашей деятельности в городах.

Мы с Григорием Матвеевичем старались научить их всему, что знали сами. Наибольшее значение просили придать конспирации, внушить людям, что пренебрежение ею грозит гибелью, срывом задания.

После этих бесед мы определили точные районы действия для обоих отрядов, постарались получше вооружить, обуть и одеть уходящих товарищей.

На прощание сообщили Бринскому и Каплуну:

— Возможно, за время вашего движения в новые районы Центр выбросит на центральную базу офицеров-разведчиков. Они немедленно будут направлены к вам. Но на дядю не надейтесь! Работайте сами, и как можно энергичнее, активнее... Вы, Антон Петрович, уже под Барановичами убедились, что не боги горшки обжигают. Научились люди диверсиям, научатся и разведку вести. Осваивайте города и железнодорожные узлы! Но и взрывы эшелонов не прекращайте. Между прочим, это будет отличной маскировкой вашей подлинной работы.

Вскоре оба отряда ушли. Но перед этим у нас был праздник: из Москвы сообщили, что Г. М. Линькову присвоено звание Героя Советского Союза, а Бринский и Каплун награждены орденом Ленина.

Якушев, Сеня Скрипник, Василий Гусев, Анатолий Цыганов, Сураев и некоторые другие партизаны получили орден боевого Красного Знамени.

Всего было награждено около пятидесяти человек.

Провожали уходившие отряды мы с Якушевым и Кузьменко.

Мимо нас проходили партизаны, нагруженные взрывчаткой, проезжали сани, где опять же главным грузом была взрывчатка. Клубился парок над спинами лошадей, поскрипывали полозья. Бойцы — кто весело улыбался, кто шагал с суровым, замкнутым видом. У новичков-радистов, приданных отрядам, на молодых

розовых лицах светилось любопытство.

[146]

Потом все — и люди, и сани, и кони — исчезло в лесу, словно растаяло в морозной дымке. Только конский навоз еще дымился в середине санного следа...

— Все! — сказал Кузьменко. — Ушли...

— Доберутся, — откликнулся Якушев. — Народ такой!..

В эти дни Сеня Скрипник дважды передавал в Центр телеграмму с просьбой выслать новых офицеров.

Центр одобрил наши действия по выброске отрядов в новые районы, но про офицеров промолчал. Видимо, они были гораздо нужнее в другом месте.

Оставалось надеяться, что улетевший в Москву Григорий Матвеевич Линьков добьется ответа на нашу просьбу.

* * *

Я сидел в землянке, разбирая радиограммы и письменные донесения наших разведчиков, когда появился Сеня Скрипник:

— Товарищ капитан! Возле базы посторонние!

Я сразу поднялся:

— Кто?!

— Мужики какие-то. Я прогуляться вышел, слышу — разговор за деревьями. Подкрался ближе — пятеро. Уже уходят. Неспешно так. Вроде делом заняты — лозу режут...

— Куда пошли?

— К Милевичам.

— Быстренько, Сеня!..

Мы выскочили на волю. Без шума собрали бойцов, послали отрезать путь заготовщикам лозы.

Я ждал.

Появление незнакомых людей возле базы — чрезвычайное происшествие! Существует твердое правило: если база обнаружена посторонними — надо немедленно покидать ее. Но покинуть обжитую базу в разгар зимы, искать новое место, лишиться налаженных связей с местными жителями и, главное, прервать на время работу — немыслимое дело!

Тогда остается только один выход — расстрелять захваченных соглядатаев.

Или — или...

Партизаны привели взятых вблизи базы людей — четырех пожилых мужчин и шустрого, лет шестнадцати, пар-

[147]

нишку. Мужчины глядели испуганно. Парнишка озирался с

любопытством.

— Вот, товарищ капитан! — доложил Перевышко, протягивая мне отобранные при обыске неизвестных советские паспорта.

Я полистал паспорта, оглядел задержанных.

— Товарищ начальник! — набрался смелости один из них. — За что нас? Мы лозу режем... Ничего такого, значит...

Ничего такого! А шли в лес с паспортами! Кто же берет в лес паспорта? Зачем они мужикам, собравшимся в лес за лозой?

— Кто такие? Откуда? — спросил я.

Мужики назвали свою деревню — Домановичи. Она находилась на северной границе леса, в котором была наша база.

— Если сомневаетесь — спросите о нас... Вот у свата дочь за партизанским командиром! Он командует ротой у товарища Коржа Василия Захаровича. Как перед богом, товарищ начальник! Мы лозу брали!

— Дочь, говоришь? А парень чей?

— Его парень! Свата то есть. Брат, значит, Надюхин... Лоза-то по хозяйству нужна. Лапти опять же...

— Ты, дядя, погоди насчет лаптей. Не о лаптях речь... Как вы здесь оказались?

— Да ведь... лес!.. Шли, значит, ну и это... А тут — вон оно! С ружьями, значит... Мы ж только лозу берем, ничего боле!

— Так. Ну а теперь говори правду. Кто вас сюда послал?

Мужики оторопело глядели мне в рот. Кажется, они начали что-то понимать.

Первым опомнился сват.

— Граждане... Да вы... Господи!.. Сынок, Адам! Сынок!.. Вы что задумали-то?! Крест-то на вас есть?!

Его напарник зачем-то снял шапку:

— Как перед иконой...

Голос у него перехватило.

Паренек, которого отец назвал Адамом, растерянно улыбался.

— Дяденька, — сказал он, — да у нас у самих партизаны... Верно! Отпусти нас, дяденька! Чего ты, в сам деле?

[148]

Сеня Скрипник хмыкнул, не удержавшись. Да и другие партизаны еле сдерживали улыбку.

Но парень мог и не знать о том, что старших послали выведать расположение базы.

— Отведите их, — приказал я партизанам. — Пусть обождут.

Мужиков и парня отвели в сторону.

— Что будем делать, товарищи? — спросил я командиров. — Отпустить их — рисковать отрядом...

Перевышко, дурачась, почесал затылок. Скрипник пожал плечами:

— Это очевидно, товарищ капитан. Но пускать их в расход... Не похожи на гитлеровских приспешников вроде...

— Что же ты предлагаешь? Уйти с базы?

— С базы уходить нежелательно...

— Вот именно.

Помолчали. Перевышко больше не дурачился. Широкое лицо его твердело, словно застывало на морозе. Синие глаза Скрипника стали темными до черноты.

Я сам чувствовал, что стараюсь подавить в душе жалость.

В такие минуты трудно бывает не поддаться ожесточению, гневу на нелепости судьбы и трудно бывает не сорвать этот гнев на том, кто кажется виновником случившегося.

Я еще раз посмотрел на мужиков. Они стояли в окружении партизан, щуплые, в худых тулупчиках, в подшитых, старых валенках, и с отчаянием глядели в нашу сторону.

— А что... — начал я и, обрадовавшись внезапно пришедшей в голову мысли, уже торопливо договорил: — А что, если этого парнишку оставим в отряде? Пусть посмотрит, как партизаны живут и воюют.

Сеня засиял. Перевышко прищурился, пытаясь вернуться из того состояния, в какое я сам поверг лейтенанта своими суровыми вопросами.

— Ведите их! — крикнул я.

Мы условились, что разговаривать с мужчинами будем нарочито сердито, строго. Так, чтобы произвести на них большее впечатление.

Мужики беспокоились. Сват быстренько перекрестился.

[149]

— Вот что, дядя, — сказал я. — Вас четверых мы отпустим. Хотим верить, что только за лозой и приходили... Но Адам останется тут, с партизанами. Пусть побудет с нами в отряде.

Мужики, причитая и бранясь, простились с парнишкой, их увели, а Адам остался стоять на месте. Он часто моргал, втягивал воздух. Похоже, еле сдерживался, чтоб не пустить слезу.

— Здоровый парень, а расстроился, — усмехнулся я. — Не надоело возле мамкиной юбки-то сидеть?

— А что? — спросил Адам. — А кому я мешал?

— Да никому. И пользы никому не приносил... Ладно. Не горюй. Поселим тебя с нашими бойцами, с ними скучать не будешь!

Адам промолчал, переступив с ноги на ногу.

Его отвели на хозяйственную базу. Отпарили в бане. Одели во все крепкое, чистое. Приставили смотреть за конями.

Какой крестьянский парень не любит коней? Любил их и Адам. А наслушавшись рассказов бывалых партизан, насмотревшись на их оружие — советское и трофейное, — перестал грустить по дому...

Недели через две, вспомнив об Адаме и узнав, что мужики не подвели, никому ничего про базу не говорили, что семья свата и верно связана с партизанским отрядом Коржа, я распорядился выдать Адаму обмундирование, полушубок и свозить его на свидание с родителями.

Вернувшись из деревни, где жил Адам, партизаны весело смеялись:

— Парень-то напрочь от дома отрекся, товарищ капитан! Мать ревет, цепляется за него, а он одно ладит: «Я вам не махонький. Из партизан не уйду!»

— Где сейчас Адам?

— На конюшне... Вы б видели, товарищ капитан, как он по улице вышагивал, как с парнями толковал, со сверстниками... Я, мол, не вам чета! Я, мол, и на задания уже ходил.

— Приврал, выходит?

— Да ведь хорошее приврал, товарищ капитан!

Адам так и остался в нашем соединении. Вскоре он получил винтовку, потом его обучили подрывному делу. Вышел из парня настоящий боец!

[150]

14

4 декабря в моей землянке допоздна засиделись Сеня Скрипник, начальник штаба Василий Федорович Гусев и порученец Петр Истратов.

Обсуждали события на фронте и у нас в районе, потом ужинали.

Наконец разошлись. Я погасил лампу, ослабил ремни, стянул сапоги и вытянулся на нарах.

Сон пришел мгновенно, но спал недолго: поднял резкий стук в дверь.

Вскочил с нар, нашаривая снаряжение:

— Кто там? Входи!

Заскрипела дверь, по ногам полыхнуло холодом, тревожный голос Николая Кузьменко глухо отдавался в сыроватом нутре землянки:

— Товарищ капитан!.. Это я. Решил разбудить... Связная из Житковичей!

По внезапному появлению Кузьменко, по его тону я догадался: беда.

— Что случилось? Говори!

— Горева арестовали, товарищ капитан. Семьи подпольщиков хватают...

Ночным лесом поскакали мы на южную заставу.

Женя Матвеец, невысокая девчушка лет восемнадцати, обутая в большие валенки, сидела возле жестяной печурки в землянке, где жили сестры Кирбай и другие женщины отряда.

Никто не спал.

Мы поздоровались с Женей, я попросил ее пойти в другую землянку, где никто не мог помешать нам.

Женя накинула вытертую плюшевую шубку, серый пушистый платок, пригнув голову, шагнула через порог...

Она говорила по-русски чисто, лишь изредка, когда особенно волновалась, употребляя белорусские слова и как-то приятно «цокая».

Видно было, девушка очень устала, пятнадцать километров по ночному лесу дались ей нелегко.

Тем не менее рассказывала Женя о событиях минувшего дня, не сбиваясь и не перескакивая с одного случая на другой.

Поздним вечером к ней прибежала жена Степана Татура, рабочего механизированного лесопункта, и сообщила,

что на мехпункт явились Иосиф Гарбуз и Николай Корж. На обоих лица нет. Говорят, что инженер Горев арестован, вместе с ним схвачены жена и сын, идут аресты семей всех подпольщиков. Гарбуз и Корж спаслись чудом, успели предупредить почти всех членов группы, но смогут ли те выбраться из города — не знают.

Сбор подпольщиков они назначили в хате у Татура и теперь спрашивают, что им делать.

Долго размышлять не приходилось.

— Передай Гарбузу и Коржу, чтобы собрали людей и вышли к завтрашнему вечеру в рыбхоз «Белое»... Ты ведь сама там живешь?

— Там, товарищ капитан.

— Вот и отлично. Пусть придут к тебе. За ними явятся наши партизаны и проводят на базу... Впрочем, может, тебе не дойти нынче обратно?

Женя встала:

— Дойду, товарищ капитан. Лучше меня никто дорог тут не знает, запутаются еще, а люди ж погибнуть могут!

— Ты хотя бы ужинала сегодня?

— Та какой там ужин... Я пойду! Времени жалко.

Я приказал Жене остаться, поужинать и выпить горячего чаю. После этого девушка ушла.

— С мехпункта пойдешь домой — смотри в оба! — напутствовал я Женю. — В своей хате днем не оставайся. Сиди у соседей. Явятся подпольщики — увидишь. А немцы придут — немедленно уходи в лес.

— Та не беспокойтесь, товарищ капитан. Не в первый раз! Мне бы только до мехпункта поскорей добраться!

Она махнула рукой и зашагала по лесной дороге — маленькая, совсем еще девочка, похожая в толстой шубейке и платке на сказочный колобок.

Если бы знать тогда, что недолго осталось жить нашему верному, нашему трогательно-женственному колобку! Остановили бы, вернули, послали кого-нибудь другого!

Но ни я, ни мои товарищи не беспокоились за Женю — опытная, находчивая, неприметная — не пропадет...

Вечером следующего дня группа наших партизан под командованием Василия Гусева направилась в рыбхоз «Белое». К полночи добрались до поселка, подошли к хате Матвеец. Павел Кирбай, входивший в группу, заметил прижавшегося к стене человека. Окликнул. Его узнал по голосу Корж, стоявший часовым.

В хате Жени Матвеец ждали партизан осунувшийся,

измученный думами о семье Иосиф Гарбуз, Степан Татур с женой, подпольщики Назаренко, Фетисов, Матюнин, Барабашев и Цигикалов, а также жена арестованного подпольщика Детковского и маленькие дети, сын и дочка, схваченного полицаями Хомченко.

А Жени Матвеец дома не было. Только мать ее тряслась от рыданий, вновь и вновь бросаясь к людям, выплакивая свою страшную беду, рассказывая, как схватили и зверски били ее дочку.

Оказывается, Женя, устав от тридцатикилометрового ночного похода, явилась прямо домой и легла спать. Она выполнила наш приказ — предупредила подпольщиков, собравшихся на мехпункте, но позаботиться о самой себе, поберечься сочла, видимо, зазорным, ненужным.

Бежать, когда в хату ввалились жандармы, было уже поздно...

Нет ничего страшнее, несправедливее, убийственнее ненужных, ничем не оправданных жертв.

И не сразу приходишь в себя, узнав, что они принесены...

Встретив житковичских товарищей, мы позаботились о размещении их на заставе, обещали немедленно узнать о судьбе семей и судьбе не вышедших в лес подпольщиков.

Выяснилось, что первым об аресте инженера Горева узнал подпольщик Матюнин, служивший в казачьей части. Командир сотни послал Матюнина в полицию с каким-то донесением, и тут подпольщик увидел, как полицаи Кацюбинский, Юзик Кирбай и Князев втащили в коридор окровавленного, потерявшего сознание Горева, впихнули в помещение его жену и сына.

Горева тотчас потащили в кабинет Германа, а Матюнин вышел прочь и побежал оповещать о страшной новости остальных товарищей. Это ему удалось. Уже через два часа все подпольщики знали об аресте своего руководителя и в следующую ночь не ночевали дома. Корж и Гарбуз, как самые близкие Гореву и известные партизанам лица, почувствовали, что ответственность за судьбу остальных товарищей лежит на них.

Гарбуз отправился в город, чтобы дать адрес мехпункта семьям подпольщиков, а Корж — группе Назаренко и Матюнина.

Гарбуз успеха не добился, чуть не попал в засаду, еле спасся сам, а Корж успел предупредить Назаренко, сказал, что надо немедленно уходить в лес.

[153]

Корж недоумевал, почему не пришли на мехпункт некоторые товарищи, своевременно извещенные о грозящей им опасности, — Василий и Николай Ярмош, Григорий Коровченко?

Его очень тревожила судьба отца, матери и двух сестренок.

Гарбуз был молчалив, сидел, уронив лицо в большие ладони: он уже знал, что его жена схвачена гестапо, а дети исчезли из дому.

Впоследствии мы узнали, что жена Гарбуза и вся семья Коржа уничтожены гестаповцами, что Василий Ярмош, Женя Матвеец, Детковский и Хомченко замучены и расстреляны.

Расстреляли фашисты и инженера Горева вместе с четырнадцатилетним сыном Игорем.

Григорию же Коровченко удалось спастись, но он заблудился в лесу и пристал к ковпаковцам, а Николай Ярмош бежал из-под стражи и попал в отряд любанских партизан.

Удалось нам узнать и то, как был арестован Горев.

В полдень 4 декабря на квартиру руководителя житковичских подпольщиков нагрянула полиция.

Собственно, обыска следовало ожидать. О Гореве ходил слух, что он бывший крупный советский инженер, член партии. Устраивая в то время повальные обыски по всему городу, полиция должна была прийти и к нему.

Горев оказался дома. В его квартире и сарае ничего не нашли. Но помощник начальника житковичской полиции Кацюбинский обратил внимание на стог сена возле забора. К стогу вела тропка, а сено стояло нетронутым. Полицаи разворошили стог, и на снег полетели шашки тола, магнитные мины, листовки... Горева избивали на глазах семьи, пока он не свалился. Все остальное известно.

Кто был виноват в провале группы Горева?

Как могло случиться, что Горев нарушил наш запрет и хранил тол и мины поблизости от своего дома?

Как удалось немцам и полиции буквально в один день и час приступить к арестам подпольщиков?

Эти невысказанные вопросы я читал в глазах и самих подпольщиков, и своих помощников.

Надо было дать ответ на эти вопросы и самому себе. Если нельзя помочь погибшим, то можно принять меры к тому, чтобы в будущем такие провалы не повторялись.

Поэтому я вновь и вновь расспрашивал вышедших в

лес житковичских товарищей об их работе, об организации руководства подпольем, о связях внутри группы и связи с партизанами, о приемах привлечения в группу Горева новых людей.

И то, что казалось загадочным, вскоре перестало быть

загадкой.

Мысль о возможном предательстве отпала, как явно нелепая. Отпала и версия о том, что Горев или его сын могли не выдержать допроса, признаться в своей деятельности, назвать имена товарищей.

Это было большим облегчением для всех нас: больно сомневаться в людях.

Причины гибели подполья в Житковичах оказались одновременно и более простыми, чем думали сами подпольщики, и гораздо более сложными, чем могло показаться на первый взгляд, так как их было несколько, этих причин, и одна из них обусловливала и усугубляла другую.

Впрочем, по порядку...

В сентябре сорок второго года, когда инженер Иосиф Гарбуз приехал в рыбхоз «Белое», чтобы разыскать партизан-десантников, самостоятельно возникшая группа Горева насчитывала шесть человек: самого Горева и его сына, лейтенанта инженерных войск Николая Коржа, вернувшегося из окружения к семье, Иосифа Гарбуза и рабочего мехпункта Степана Татура с женой.

В те же дни в группу вошла и Женя Матвеец, назначенная связной с партизанами.

Все подпольщики знали друг друга, часто встречались, причем неоднократно приходили на работу к Гореву, чтобы советоваться с ним и получать указания, передаваемые из отряда через Женю Матвеец.

Иногда Женя Матвеец не могла прийти к Гореву. Тогда она шла к Иосифу Гарбузу или находила в городе Николая Коржа, и указания командования передавались подпольщикам через них.

Впоследствии, выполняя приказ о расширении разведывательной сети, Горев, Гарбуз и Корж, составившие руководящую тройку, привлекли в группу вышедшего из окружения лейтенанта Григория Коровченко, дядю Николая Коржа — Николая Ярмоша, двоюродного брата Коржа — Василия Ярмоша, рабочих Детковского и Хомченко, а впоследствии и группу советских военнопленных, завербованных немцами, но мечтавших искупить свою вину

перед Родиной, перейти линию фронта или бежать к партизанам.

Агитировали военнопленных Гарбуз и Корж. Прослышав, будто некоторые из них интересуются партизанами, наши решили прощупать таких людей.

Спустя некоторое время Гарбуз и Корж довольно близко познакомились с бывшим летчиком Назаренко, Матюниным и Григорием Цигикаловым.

По заданию подпольщиков эти военнопленные выполнили несколько диверсионных актов на железной дороге.

По делам службы Матюнин часто бывал в житковичской жандармерии. Здесь он увидел однажды некоего Прилуцкого, жителя деревни Юркевичи, передававшего гауптману Дринкелю какие-то списки, и узнал, что следующее посещение Прилуцкого назначено на определенный день.

В тот день предатель не дошел до города. В лесу его встретили Назаренко, Матюнин и Цигикалов, уже осведомленные о том, что немцы пытались арестовать Павла Кирбая. Они застрелили Прилуцкого, обнаружив у него пистолет системы «Вальтер» и списки жителей Юркевичей, «Белого» и Сукачей, сочувствовавших партизанам.

Они же уничтожили вблизи военного городка шефа немецкой организации ТОДТ.

Случай с Павлом Кирбаем насторожил подпольщиков, но, убедившись, что никого из горожан не трогают, Горев, Корж и Гарбуз посчитали, что опасность группе не грозит.

Подпольщики продолжали расширять сеть, усилили диверсионную деятельность, строили даже планы военного захвата города и уничтожения немецкого гарнизона и местной полиции.

Сознание, что дела идут успешно, что немцы и полицаи все время остаются в дураках, постепенно ослабляло и без того невысокую бдительность руководства группы.

Однажды Николай Корж, устроившийся по заданию командования отряда в городскую управу (он добывал для партизан паспорта и необходимые справки), пришел на службу со свежими номерами газеты «Правда». Вскоре ему понадобилось выйти за табаком, и он вышел, забыв газеты во внутреннем кармана пальто.

[156]

Возвратись, Корж обнаружил, что молоденькие сотрудницы управы, до того относившиеся к нему презрительно, плачут и восторженно глядят в его сторону. Оказалось, они пошарили по карманам немецкого прислужника и дезертира, каким считали Коржа, и внезапно обнаружили советские газеты!

— Теперь мы знаем, кто вы на самом деле! Простите за прошлые подозрения! — всхлипывали девушки.

Корж отругал их за самовольство, взял слово молчать и

успокоился.

Девушки на Коржа не донесли, больше того, они же предупредили его в день ареста Горева, что гестаповцы приходили и в управу, искали паспортиста, но факт оставался фактом: Николай Корж допустил непростительный промах.

Сотрудницы управы из самых лучших побуждений могли рассказать о Николае родным и подругам, те — своим родным и своим подругам, и слух о подпольщике, обрастая, подобно снежному кому, подробностями, рано или поздно докатился бы до ушей тех, кому не следовало об этом знать...

О том, как хранил Горев листовки и взрывчатку, уже известно.

Узнав все это, мы в штабе отряда пришли к выводу: группа Горева не могла не провалиться.

В самом деле, почти все члены подполья знали друг друга в лицо и по фамилиям, почти все знали руководителей и в случае необходимости сами отправлялись к Гореву, Коржу или Гарбузу посоветоваться.

Горев, вынужденный для маскировки своей деятельности работать в немецком учреждении, никак не ограничивал личные связи и свои функции.

У него просто не хватало времени для того, чтобы обстоятельно продумывать каждый шаг группы, каждую акцию. Он не столько руководил работой, сколько сам занимался и разведкой и диверсиями.

Участие в агитационной работе среди военнопленных было, пожалуй, наиболее безрассудным шагом. Как руководители группы, Гарбуз и Корж не должны были лично встречаться с пленными, называть им фамилию Горева, знакомить с ним.

И дело не только в том, что среди пленных мог найтись предатель. Установив за ними слежку, гестапо сразу

же вышло бы не просто на связных подполья, а на его центр.

Ошибкой было и то, что подпольщики привлекали в свою среду главным образом близких и родных руководителей группы. В случае ареста одного из них были бы механически арестованы и многие другие, просто как родственники заподозренных.

К сожалению, о неправильном построении подполья в Житковичах мы узнали слишком поздно.

Кроме того, мы не учли, что с прибытием в район нашего действия мощного соединения С. А. Ковпака оккупанты, конечно же, будут не только укреплять оборону населенных пунктов, но и усилят работу контрразведки.

Группа Горева в последнее время, подчиняясь требованиям штаба отряда, стала действовать более скрытно, однако контрразведка могла, конечно, засечь частые встречи подпольщиков, даже не зная ничего определенного об их истинной работе, и все равно провела бы аресты.

Мы пришли к выводу, что самым правильным было бы в сложившейся ситуации немедленно вывести группу Горева в лес, а в Житковичах найти других, менее приметных людей.

Из этих новых людей надо было создать не одну большую группу подпольщиков, а несколько мелких групп, не связанных между собой. Такая структура отвечала бы самым строгим требованиям конспирации. Только в этом случае подполье в Житковичах функционировало бы нормально и было гарантировано от провалов.

Судьба группы инженера Горева стала для нас тяжелым уроком.

Но он не прошел даром.

15

Декабрь стоял морозный, снежный. Леса запахнулись в сугробы, как в белые полушубки.

12-го числа радист, дежуривший у приемника, выскочил из землянки с криком:

— Наши под Сталинградом наступают!

Все, кто оказались на центральной базе, бросив дела, бежали к радиоузлу.

[158]

Радист, как был, в одной гимнастерке, не замечая стужи, вслух читал записанную им сводку информбюро об окружении и разгроме отборной армии Паулюса, о громадном числе убитых, раненых и взятых в плен фашистских вояк, о колоссальном количестве захваченной нашими войсками техники, о том, что наступление продолжает развиваться успешно.

Люди обнимались, кричали «ура». По обветренным лицам текли слезы радости.

— Товарищ капитан, товарищ капитан, началось! А? Началось! Это почище, чем под Москвой!

У меня тоже комок подступал к горлу.

Все лето, всю осень мы страдали молча, слушая о прорыве бронированных полчищ фашистов к Волге и Кавказу.

Невыносимо было услышать, что и моя родная станица Тацинская, где жили старики родители, осталась в глубоком тылу у захватчиков.

Я же своими глазами видел, как расправляются фашисты с семьями советских командиров...

А гитлеровцы все наступали. Бросали в бой новые и новые дивизии. И наконец вышли к Сталинграду, к легендарному Царицыну.

Да что же это?! Неужели их не сломят, не раздавят, не сотрут?! Неужели пустят за Волгу?!

И вот — не пустили! Сломили, раздавили, стирают в пыль и прах! Вот! Наступил наконец тот праздник, которого ждали все от мала до велика!

Сообщение о победе под Сталинградом было тотчас передано на все заставы, во все партизанские деревни, доставлено разведчикам в Микашевичи и Житковичи.

А на следующий день об этом знали и в Барановичах, и в тех селах, через которые проходили отряды Бринского и Каплуна.

Скоро не осталось в наших краях ни одного хутора, где люди

не слышали бы о крахе замыслов врага, где не понимали бы, что теперь исход войны предрешен.

Советские люди ликовали, а фашисты нервничали и паниковали.

В Барановичах, Житковичах и Микашевичах немцы держали гарнизоны в боевой готовности, окружили города проволочными заграждениями, усилили патрулирование улиц и ведущих в города дорог.

Особенно тряслись оккупанты в Житковичах. Было известно,

что на окраинах города немцы и полицаи спешно роют окопы, сооружают огневые точки, расставили орудия. На станции тоже поставлены пулеметы и орудия.

Видимо, гауптмана Дринкеля и его холуев бил озноб при мысли, что вышедший к озеру Червонному отряд Ковпака может ударить по городу.

Посланный нами в Житковичи для выяснения обстановки Коля Лавнюкович чуть не попал в лапы гестапо. Мальчик натолкнулся на улице на начальника житковичской полиции Германа. Тот и раньше встречал Колю в городе, знал, что парнишка живет в партизанском районе, но попыток задержать не делал. На этот раз, едва завидев нашего посланца, начальник полиции истерически завопил: «Партизан!»

Счастье Коли, что он был на санях, а Герману мешал точно прицелиться очередной запой: пули мерзавца просвистели мимо, добрая лошадь выручила паренька...

Вскоре мы узнали, что гитлеровцы высаживают войска в Житковичах, Лунинце, Микашевичах и что среди прибывающих фашистских частей есть специальные карательные команды СС.

Видимо, на этот раз готовилась облава, облава большого района, в котором находилась и наша центральная база...

Как я уже писал, немцы начали облавы против партизан еще с осени сорок второго года.

К этому времени партизаны так активизировались, что на железных дорогах Брест — Москва, Брест — Гомель, Брест — Житомир каждую ночь в десятках мест гремели взрывы.

Противник не мог не заметить, что удары партизан превратились из эпизодических и порою случайных — в массовые, планомерные, хорошо продуманные. Они грозили сорвать, парализовать перевозки фашистских армий, а попытки предотвратить крушения эшелонов, обезопасить дороги не приносили успеха оккупантам.

Противник пытался резко сократить движение поездов в

ночное время, а днем гнать эшелоны один за одним — не вышло. К обычным средствам подрыва партизаны прибавили подрыв с помощью мин замедленного действия, и эшелоны продолжали валиться под откосы и гореть даже среди бела дня.

Фашистское командование ставило на всех мостах усиленные отряды охраны, вооруженные минометами и ар-

тиллерией, вырубало вдоль железнодорожного полотна лес, строило на особо опасных участках дзоты и бункеры по обеим сторонам железнодорожного полотна, бросало на патрулирование дорог регулярные части. Но по-прежнему валились под откос горящие эшелоны, взлетали на воздух мосты.

Тогда гитлеровское командование надумало уничтожить партизан или хотя бы оттеснить их из района, насыщенного железнодорожными магистралями.

Для одновременного удара по всем партизанским отрядам сил у фашистов опять-таки не имелось, и облавы проводились по этапам.

Немцы начали их с запада, из района Барановичей. Первой акцией явилась облава в районе озера Выгоновского.

Затем оккупанты бросили свои части против пинских партизан, действовавших восточнее Барановичей и Лунинца.

В октябре немецкие радисты усиленно засекали наш радиоузел, в начале ноября фашистская авиация бомбила район центральной базы, а в декабре, двигаясь все так же с запада на восток, каратели завязали бои с партизанами Коржа и майора Капусты.

Скоро фашисты должны были вплотную подойти к Булеву болоту. Со второй половины декабря мы спали не раздеваясь, а радиоузел и самое ценное имущество держали на санях.

Вести бой с превосходящими силами противника мы не имели права: не могли рисковать радиоузлом, рисковать связью с Центром и с отрядами.

Решено было в случае непосредственной опасности главным силам отойти на северо-восток, к минским партизанам, оставив в лесах возле Булева болота лишь небольшую группу бойцов для отвода глаз. Группе предстояло обозначать присутствие партизан на старом месте, маневрировать по чащобам, беспокоить гитлеровцев вылазками.

Чтобы обезопасить остающихся от активного преследования, наши подрывники заминировали все лесные дороги и троны, создали могучий взрывной заслон.

Командовать группой остающихся товарищей должен был

сержант Петрунин, человек смелый, но расчетливый и осторожный. Людей в группу Петрунин подбирал сам и выбрал наиболее выносливых, бывалых.

[161]

Группе придали радиста с портативной радиостанцией «Север», чтобы постоянно информировал штаб отряда о действиях противника.

Одновременно мы подготовили зимние лагеря для населения деревень, входивших в партизанский район: вырыли землянки, построили стойла для скота, завезли в лесные лагеря продукты. Предполагалось, что при появлении карателей местные жители, известные своей помощью партизанам, немедленно уйдут в лес, а подрывники тотчас заминируют за ними последние свободные тропы...

* * *

Какой бы накаленной ни была обстановка, партизан должен действовать, принося пользу своей армии.

Мы помнили об этом. Каждый день Сеня Скрипник выходил в эфир, передавая Центру сведения, собранные нашими людьми в Барановичах, Микашевичах, Житковичах, а впоследствии в Сарнах и Ковеле. Однако условия работы товарищей в городах делались с каждым днем все труднее.

Фашистские войска и полиция блокировали все населенные пункты и все дороги к западу от Булева болота, устраивали регулярные «прочесы» лесов, и мы не могли уже посылать группы связи под Барановичи, должны были отказаться и от личных встреч с людьми из Микашевичей.

Связь с барановичскими пятерками осуществлялась в то время исключительно по радио, а с Микашевичами только через «почтовые ящики».

В свою очередь, разведгруппы с Выгоновского озера вынуждены были резко сократить личные встречи с товарищами из Барановичей, а порой и вовсе отказываться от встреч: гестапо и жандармерия установили строжайшее наблюдение за лицами, приезжавшими или приходившими в город, перекрыли все дороги контрольно-пропускными пунктами, наводнили город патрулями.

Основная связь с Барановичами шла опять же через «почтовые ящики».

Это беспокоило.

Дело в том, что и радио, и «почтовые ящики» необходимы для передачи информации, для получения тех или иных конкретных указаний, но они не могут заменить личного контакта с руководителем.

Ни по радио, ни через «почтовый ящик» обстоятель-
[162]

ных, развернутых инструкций не передашь, не подскажешь, как поступать в тех или иных случаях. Разведчик же, даже опытный, постоянно нуждается в советах. Объясняется это очень просто: в тылу врага он действует один, а против него работает целая государственная машина, и необходимо постоянно анализировать огромное число фактов, продумывать линию своего поведения, предупреждать возможные ходы противника, вводить его в заблуждение.

Вынужденный собирать важные сведения, устанавливать необходимые контакты, разведчик подчас просто не имеет времени для обстоятельного, всестороннего анализа обстановки.

Вдобавок кругозор его, естественно, ограничен, как кругозор всякого отдельного человека, вращающегося в определенном кругу, имеющего дело с определенным занятием.

Вот здесь на помощь разведчику и приходит руководитель.

Шире зная общую обстановку, имея время для анализа фактов, он как бы берет на себя функции заботливого тренера, направляющего талант игрока.

Сравнение это, конечно, весьма условно: разведка — не игра, и разведчик, допустим, не хоккеист, чья забота — дать шайбу.

Но при всей своей условности такое сравнение может объяснить читателю, в чем смысл взаимоотношений разведчика и его руководителя.

Нашим неопытным разведчикам в Барановичах и Микашевичах повседневная помощь руководителей была особенно необходима, но оказывать ее в условиях облавы разведгруппы порою не могли.

Больше того, при наличии особо тревожных обстоятельств они шли даже на то, что прерывали связь с товарищами на пять-шесть дней, приказывая через «почтовые ящики» ничего не предпринимать без дальнейших указаний.

Это сокращало поток нашей информации в Центр, но зато нам удалось сохранить всех разведчиков в Микашевичах и Барановичах, что в дальнейшем сыграло большую роль.

Впрочем, наши разведчики, как правило, продолжали действовать и в самое трудное время.

Несмотря на резкое ухудшение обстановки в районах
[163]

базирования, несмотря на все усилия карателей, радиостанция Сени Скрипника по-прежнему выходила в эфир, а

передаваемые сводки становились все более подробными и квалифицированными.

* * *

Пока отряды Бринского и Каплуна двигались под Сарны и Ковель, искали местных партизан и находили пути проникновения на железнодорожные узлы противника, в оккупированные им города, в гарнизоны, мы давали в Москву сведения о железнодорожных перевозках через Барановичи, Житковичи, Микашевичи и Пинск.

В декабре сводки составлялись ежедневно.

1 декабря мы передавали, что на восток через Барановичи проследовало пять воинских эшелонов противника и что в составе этих эшелонов имелись платформы с двенадцатью танками, тридцатью восьмью зенитными орудиями, двадцатью четырьмя автомашинами, а также тридцать четыре вагона с боеприпасами.

Сводка от 2 декабря информировала Центр, что через Барановичи на восток переброшено по железным дорогам три тысячи восемьсот солдат и офицеров германской армии. В составе эшелонов были также восемь цистерн с горючим, платформы с восьмью автомашинами, четырнадцать платформ с артиллерией и восемнадцать вагонов боеприпасов.

Сводка от 6 декабря сообщала о прохождении через Барановичи восемнадцати эшелонов врага с войсками, бензином и углем...

Барановичские разведчики аккуратно подсчитали, что с 6 по 13 декабря через Барановичи было перевезено на восток семь тысяч двести солдат и офицеров противника, а на запад — одиннадцать тысяч двести тридцать раненых фашистских вояк.

За то же время в сторону фронта проследовали через Барановичи девяносто восемь бронеавтомашин и триста пятьдесят военных грузовиков, а на запад гитлеровцы угнали тридцать шесть эшелонов с советскими людьми, зерном и скотом.

Сведения разведчиков из Микашевичей позволяли уточнять, какие эшелоны двигались по линии Барановичи — Сарпы, а сведения из Житковичей устанавливали, сколько эшелонов и с чем именно прошли по линии Микашевичи — Гомель.

[164]

Партизанские разведчики научились замечать и особенности формы перевозимых фашистами войск, стали приглядываться к опознавательным знакам на технике врага.

Они отметили, что с 1 по 13 декабря через Барановичи проследовали фашистские части, имевшие на технике семь различных знаков, и добросовестно описали эти знаки: черный

крест в овале и щит, вепрь, дубовый лист, мчащийся кабан, сидящий волк, радиотелеграфный знак, трясогузка.

Поскольку в германской армии каждая отдельная войсковая часть имела свой собственный знак и знаки эти были уже известны Центру, в Москве могли установить, какая именно немецкая часть, с какого и на какой участок фронта перебрасывалась в ту пору через Барановичи.

Приводить все сводки, переданные нами в декабре сорок второго и в январе сорок третьего года, не имеет смысла.

Упомяну только о сводке за 20 января, сообщавшей данные о Барановичском аэродроме, собранные Иваном Жихарем и Игнатом Сергеевым.

По подсчетам Жихаря, подтвержденным Сергеевым, на 20 января в Барановичах базировались 174 фашистских самолета. Из них 17 истребителей, 11 штурмовиков, 139 двухмоторных бомбардировщиков и 7 бипланов-транспортников.

Жихарь и Сергеев сообщили также подробные сведения о боевых вылетах фашистской авиации с 12 декабря по 8 января 1943 года, указав, в каком направлении совершались вылеты.

За эту сводку Центр объявил нашим разведчикам благодарность.

Вместе с тем Москва продолжала напоминать о необходимости расширения сферы наших действий, подчеркивала, что диверсионную работу надо обязательно сочетать с разведывательной, что мы имеем неограниченные возможности для работы, но используем их еще недостаточно.

Мы нервничали и, грешным делом, чувствовали себя непонятыми.

Отряды только что ушли в новые районы. Разворачивать работу им пришлось не имея опыта, полагаясь только на общие радиоуказания и на собственное разумение.

[165]

Кроме того, из-за строгого режима работы мы не могли передать в Центр даже то, что знали, и ограничивались сообщением самого важного, на наш взгляд.

В часы передачи Сеня Скрипник, к неудовольствию остальных радистов, садился к передатчику сам, натягивал наушники и клал руки на двойной ключ.

Из-под пальцев Сени точки и тире морзянки сыпались с такой невероятной скоростью, что мои уши не улавливали никаких интервалов.

Я тревожно смотрел на руки Сени, беспокойно вслушивался в сплошной треск.

Но лица радистов светлели, обиженные взгляды прояснялись, и я читал в них восхищение.

Видимо, все было в порядке.

Сеня, не глядя, протягивал руку за очередной телеграммой:

— Скорей!

По его просьбе в Москве в шесть часов вечера дежурили самые опытные операторы. Они умудрялись принимать нашу трескотню, ничего не переспрашивая.

И все же за час работы мы не передавали и десятой доли того, что хотели.

Время текло еще быстрей, чем барабанили Сенины пальцы, а ровно в семь Скрипник снимал наушники и распрямлял спину:

— Сеанс окончен.

Радисты бросались отключать питание «Севера», останавливали движок.

Тогда брался за дело Юра Ногин.

Я с нетерпением ждал окончания его работы, торопливо просматривал корреспонденцию, надеясь найти наконец телеграмму с извещением о выброске нам офицеров-разведчиков или приказание встретить самолет с грузом. Однако ничего этого по-прежнему не было.

А обстоятельства между тем складывались неблагоприятно. Мы могли со дня на день лишиться возможности принять самолеты: враг, нанося удары, приближался к центральной базе.

Благодаря нашему начальнику штаба Гусеву, Петру Истратову и их помощникам мы знали о каждом шаге немецких карателей...

В ночь на 11 февраля наблюдатели передали на заставы, что немецкие воинские части двинулись к Юркевичам и Милевичам. Оставаться на базе дольше было нельзя.

[166]

Все имущество погрузили на сани, заминировали землянки и замаскированные склады, и обоз потянулся к Ляховичам. Я задержался, давая последние указания Петрунину.

— Все будет в порядке, товарищ капитан, — успокаивал он. — За нас не волнуйтесь.

Серые глаза сержанта возбужденно поблескивали.

Прискакал связной:

— Немцы в Милевичах! Жгут дома!

Я пожал руку Петрунину, попрощался с оставшимися бойцами и бросился догонять штаб.

На последних санях сидели майор Капуста, приехавший накануне согласовать вопрос о совместных действиях, и секретарь

ЦК ЛКСМ Белоруссии Михаил Васильевич Зимянин.

Зимянин был крайне недоволен таким поворотом событий. Он прибыл к нам всего день назад, чтобы пробраться дальше на запад, в другие отряды, а пришлось уходить...

16

Целый месяц находился штаб отряда вдали от Булева болота. Все было — и заметенные снегами дороги, и схватки с врагом, и голод, и цинга, и неуютные ночлеги возле костров, когда один бок греется, а другой коченеет...

Дней десять мы находились на базе отряда Козлова. Самого Василия Ивановича Козлова не встретили: куда-то уезжал.

Здесь подкормились, отоспались, подлатали одежду и обувь.

А в начале марта оставленный на Булевом болоте сержант Петрунин передал по рации:

«Немцы отводят свои части, оттягивают полицаев. Облава закончилась».

Наступило время вернуться в свой район действий.

Близилась весна, мы опасались распутицы.

— Сани бросать надо, — говорили бойцы. — Куда на санях?

И мы бросили сани, отбили у полицаев и немцев брички, стали грузиться вновь.

Прошло неполных восемь месяцев, как я спустился на парашюте в район безвестного Булева болота, но какими

же родными и дорогими показались мне его мхи и сосны после недолгой разлуки!

Уже хозяйничал март. Зима в Белоруссии вообще не жестока, а весна не запаздывает и приходит раньше, чем в центральных областях страны. Уже хлюпало под ногами, уже проглядывала на каждом бугорке пожелтевшая, белесая трава, уже лоснилась земля на полях.

Первые объятия на заставах с бойцами Петрунина, первые рассказы о пережитом...

Моя землянка была цела. Нетронутой осталась и землянка радиоузла.

Бойцы распрягали коней, тащили пожитки и снаряжение, и каждый, похоже, ощущал то же, что и я: вот вернулись домой, надо поскорее устроиться.

Из рассказов Петрунина узнали, что немцы и полицаи спалили все деревни в нашем районе.

— А люди?

— Люди в лесу пересидели, теперь на пепелища выбрались.

— Где же они там живут?

— Э, товарищ майор... В золе роются, словно прошлое счастье ищут. Кто где прилепился. Большинство — в землянках горюет.

— Едят что?

— Да какое — едят... Кору трут. Мороженый картофель собирают.

— А вы как устраиваетесь?

— Экономили с продуктами. Ну и на дороги посылали ребят. Пощупали фрицев...

На следующий день пришел Ильюк. Наш «комендант» выглядел крепким, но глаза у него запали и смотрели тревожно.

— Что будем делать, Илья Васильевич?

— Об этом и я вас спросить хотел, товарищ командир. Плохо... Сейчас уже народ голодает. А дальше и не знаю, как будет... Начисто без хлеба остались.

— Сеять надо.

— Оно, конечно, сеять... Да как? Зерна нет, лошадей нет, инвентарь — и то поискать придется. Гитлерюги все ломали и жгли.

— Илья Васильевич, милый, что вам, что нам без хлеба — крышка. Будем вместе мозгами раскидывать... Лошадей совсем нет?

— Совсем нету, товарищ майор.

[168]

— Ладно. Лошадей дадим своих, из отряда. Всех забирай. Но гляди по совести распредели между деревнями, как при колхозе.

— Да как же иначе?! — обрадовался Пришкель. — Не сомневайтесь! Тут ладно сделаем!.. Вот спасибо, товарищ майор! Вот спасибо!

— Ну за что ты меня благодаришь, Илья Васильевич? Общая печаль у нас... Ты скажи, с семенами как устроить?

— Пошарим. Непременно что-нибудь наскребем!

— Что-нибудь — не выход из положения. Сеять так сеять. Может, тебе известно, куда немцы семена свозили? Разузнай. Отобьем.

— Выясню, выясню... Да вот еще бы, коли уж отбивать...

— Что же еще?

— Да коровенок бы отбить, товарищ майор! Фашисты чертовы много, говорят, скота согнали в местечки. В Житковичи, сказывают, да в Микашевичи, в Лельчицы... Отбить бы коров!

— Дай срок, отобьем. Еще чего?

— Если инвентарь попадется...

— Будет инвентарь!

Илья Васильевич Пришкель стал нашим уполномоченным по заготовкам. Сообщив крестьянам, что партизаны отдают всех лошадей, чтобы провести весенний сев, он подбодрил людей. Где-

то наскребли по деревням первые пуды семян, раздобыли пару плугов, бороны, смастерили сохи.

Мы подготовили партизан, чтобы направить их под Житковичи, Микашевичи, Лельчицы.

Действительно, близ этих местечек немцы собрали большое количество крупного рогатого скота, предназначенного для отправки в Германию.

Где по договоренности со сторожами, а где с применением оружия партизаны захватили и угнали в леса несколько сот коров и быков. Заодно прихватывали и свиней.

Долго ли, коротко ли, но уже в марте мы раздали семьям погорельцев коров и свиней, а оставшееся поголовье пригнали в лес, на «собственную МТФ».

Неподалеку от центральной базы и устроили эту МТФ на сорок коров.

Пасли наше стадо сыновья Матрены Мацкевич и прибившегося к отряду портного Штаркмана. Кстати сказать,

портной был мастер на все руки. Он шил партизанам белье из парашютного шелка, а из брезента парашютных мешков — куртки и брюки...

Как только начался сев, стали приходить вести о нападениях на крестьян фашистских молодчиков и полицаев. Не сумев уничтожить партизан, не сумев перебить местных жителей, бандиты решили хотя бы помешать полевым работам.

Нападали фашисты и полицаи мелкими группами. Убив несколько крестьян, исчезали.

Дорого заплатили нам фашисты за бандитские налеты!

Мы устроили засады и в два дня уничтожили около пятнадцати мерзавцев. Затем оставили на всех дорогах, ведущих в партизанский район, надежное прикрытие. Этого оказалось достаточно. Напоровшись несколько раз на пулеметы, немцы прекратили налеты.

— Как дела, Илья Васильевич? — спрашивал я Пришкеля.

— Хорошо, товарищ майор! — радостно улыбался он. — С хлебом будем! Ребятишки поправляются на молочке-то! — И, посерьезнев, советовал: — Масло надо бить, товарищ майор. Народу в отряде, гляжу, прибавляется, а каждого кормить требуется...

Совет приняли, научились пахтать масло, перетапливали его, сливали в бочки, сделанные местными бочарами, и прятали эти бочки в надежных местах.

Люди за зиму изголодались. Но мало-помалу исхудавшие,

бледные лица товарищей округлялись, снова играли румянцем.

У больных цингой перестали кровоточить и зудеть десны, укрепились зубы.

Начали прилетать с Большой земли самолеты. В брезентовых мешках — новенькие, густо смазанные автоматы, ящики тола, патроны, медикаменты, батареи к рациям, газеты и журналы, все то, чего мы так долго ждали и получили наконец в избытке.

Чувствовалось — лето сорок третьего года будет особым. Верилось — наступать этим летом будем мы.

Никто уже не именовал нашу часть отрядом. Нас называли соединением. И справедливо.

К весне сорок третьего года в состав соединения входили две бригады — Каплуна и Бринского — и четыре отряда — Сураева, Цыганова, Садовского и Картухина.

[170]

Бригада Бринского, разросшаяся за счет местных партизан, орудовала под Сарнами, Ковелем, Кобрином и Владимиром-Волынским. Главным объектом ее действий являлись город Ковель и его железнодорожный узел. Основные диверсии проводились на линиях Брест — Гомель и Брест — Ковель.

Разведгруппа Бринского, проникнув в Ковель и другие города и местечки, «обслуживала» железную дорогу и ковельский гарнизон.

Бригада Каплуна базировалась в районе Столин — Высоцк. Многочисленная по составу, она занималась в основном диверсионной работой на линии Сарны — Лунинец. Если не хватало взрывчатки, Каплун выводил партизан на тамошние высокие железнодорожные насыпи, сбивал немецкую охрану, выворачивал за ночь десятки метров рельсов и топил их в болоте.

Немецко-фашистская армия не могла отказаться от дороги Сарны — Лунинец. Поэтому каждое утро полицаи и солдаты частей СД сгоняли местное население на ремонт путей.

Подчиняясь силе оружия, крестьяне выходили на работу. Но, пошучивая, говорили партизанам:

— Вы не сомневайтесь, дневная смена работает куда хуже, чем ночная!

Действительно, за день крестьяне никогда не исправляли то, что повреждали партизаны. А ночью Каплун вновь приводил своих людей...

К сожалению, разведгруппы бригад поначалу ограничивались лишь регистрацией проходивших железнодорожных составов противника и отдельными сведениями по гарнизонам ближайших городов. Сказывалась неопытность в разведывательной работе

самого Каплуна и отсутствие у него помощника по разведке.

Отряд Цыганова обосновался в памятных мне местах, на бывшей базе отряда Бринского возле озера Выгоновского. Партизаны держали под непрерывным воздействием магистрали Брест — Барановичи, Барановичи — Волковыск, Барановичи — Лунинец и надежно просматривали города Барановичи, Бытень и Ганцевичи.

У Цыганова с разведкой обстояло, пожалуй, лучше всего: обученные первой пятеркой Караваева, тут работали группы Семенюкова, Хрищановича и Широкова. Разведчики, засевшие вдоль всех железнодорожных линий, в городах, в депо, на аэродромах, выводили из строя

[171]

промышленные объекты немцев, уничтожали паровозы, водокачки, поворотные круги в депо, портили аэродромы, взрывали цистерны с дефицитным авиационным бензином.

На этот отряд работали уже известные читателю инженер Дорошевич и его семья, Мелько, Морозовы и десятки людей самых разнообразных профессий и самого различного служебного положения: официантки немецких столовых, хозяева квартир, где стояли немецкие офицеры, служащие немецких управ, переводчики из местного населения, рабочие железнодорожных узлов и Барановичского аэродрома.

В барановичскую городскую управу проник разведчик Иванов, казах по национальности. Он попал в окружение, а потом в плен и по заданию партизан согласился работать на немцев.

Фашисты безгранично доверяли Иванову. Благодаря ему партизаны Цыганова всегда имели подлинные немецкие аусвайсы (удостоверение личности), получали самые последние сведения, были в курсе всего, что замышляли барановичские гестаповцы и полицаи.

Совершал Иванов и диверсионные акты. Весной и ранним летом он при помощи магнитных мин уничтожил две немецкие самоходные установки «фердинанд», присланные в город для усиления гарнизона. Виновников взрывов фашисты так и не нашли.

Однако сведения, добываемые разведгруппами, не всегда были одинаково ценны, порой из-за перебоев со связью поступали с запозданием, нередко грешили расплывчатостью.

Это не удивляло — люди не проходили специальной подготовки, но заставляло задуматься...

Отряд Виктора Сураева был, если можно так выразиться, молодым. Мы создали его уже по возвращении на Булево болото

после облавы и направили под Пинск. Вместе с Сураевым во главе разведгруппы под Пинск выехал и Григорий Патык.

Мы, естественно, не рассчитывали на скорое получение разведданных. Но уже через две недели радист отряда Быков вызвал Скрипника и передал такую информацию по Пинску, что мы только диву дались: откуда?

Потом я сообразил, в чем тут дело.

Еще осенью сорок второго, находясь на озере Выгоновском, Антон Петрович Бринский подобрал и послал

[172]

несколько групп для работы в районе Пинска. Туда пошли бывшие офицеры и сержанты Красной Армии Захаров, Попков, Брагин и Сивуха.

А замечательный партизан Николай Велько помог отыскать людей, знающих жителей Пинска и ближайших местечек.

Первые связи со станции Люсино повели в местечко Богдановичи и привели в Пинск, на спичечные и фанерные фабрики, где партизаны устроили несколько взрывов.

Разведчики, направленные в Пинск, не имели раций, связь с ними была на долгое время потеряна, а Патык сумел восстановить ее и сразу привлек людей к активной работе.

Уже в конце марта — начале апреля мы выяснили точное число солдат и офицеров пинского гарнизона, кстати довольно крупного, знали даже расположение офицерских квартир в городе.

Патык сообщал, что гитлеровцы отводят войска в Пинск на отдых, тут их переформировывают и вновь отправляют на фронт.

Разведчики Степан Шпаковский (Орех), Иван Белевич (Пинск), Михаил Русско (Орел) и Ананий Редковенко (Пропагандист) узнавали номера этих частей и номера их полевых почт.

Любопытная история произошла там, под Пинском. Пытаясь проникнуть на все крупные железнодорожные станции, разведчики нашли среди сотрудников человека, который мог бы давать очень важные сведения. Человек этот, назовем его Борусевичем, являлся дежурным по станции. Он был еще молод и в прошлом старался казаться активистом. Однако Борусевич не захотел иметь никаких дел с партизанами.

Дважды пытались наши люди заговаривать с ним о положении на фронтах, о скором приходе Красной Армии, но Борусевич, едва затрагивали подобные темы, становился глух и нем.

Я узнал об этом из подробного письма Григория Патыка,

доставленного пешей «почтой».

Целый день не выходил у меня из головы этот хитрый и трусливый тип. Согласись Борусевич работать на партизан, он действительно мог бы давать очень нужные сведения: станция-то была важная! На ней можно было без труда контролировать маршруты составов.

Нет, к Борусевичу следовало подобрать ключи!

[173]

И мы их подобрали.

Я послал Патыку длиннющую радиограмму, подсказывающую, как поступить с нерешительным дежурным по станции.

Расчет строился на слабой черте характера Борусевича — на его боязливости.

Мы учли, что Борусевич частенько посещает родных, живущих в деревне, где разведчики имели давние и широкие связи.

В один прекрасный день, когда Борусевич, приехавший в деревню, вышел подышать воздухом, из-за угла соседнего дома к нему подошли три партизана.

— Здравствуй, Коля! Где пропадал?

Борусевич недоуменно хлопал глазами:

— Вы чего? Чего вам?

— Давай отойдем на зады, поговорим, — озабоченно оглядываясь, сказал один из партизан. — Тут народ ходит...

По улице действительно проходила одна из наших связных, на соседнем крыльце чистил сапоги другой партизанский связной, а к колодцу шла с ведрами мимо дома Борусевичей их соседка, тоже наша.

— Ничего я не знаю... — завел было Борусевич.

— Иди, — процедил сквозь зубы партизан. — Живо!

И Борусевич подчинился.

Партизаны с час продержали Борусевича на огороде, болтая о всяких пустяках, но делая вид, будто беседуют о чем-то очень важном: шептали ему на ухо всякую чушь, когда показывался кто из деревенских, хлопали парня дружески по плечу.

Со стороны могло показаться: встретились старые друзья, о чем-то секретничают, уговариваются.

А потом партизаны, не таясь, пошли к лесу.

Борусевич метнулся в избу.

— Перед приездом — извести, как обычно! — гаркнули разведчики на всю деревню.

Дня три спустя на станции к Борусевичу подошла наша

связная.

— Поговорить прислали, — напрямик заявила она.

Борусевич побледнел, покраснел, заторопился, повел женщину в помещение.

— Приходите ко мне домой! — умолял он. — Только не здесь... Дома!

Наши люди навестили его дома.

[174]

— Зачем вы так делаете?! — возмущался Борусевич. — Теперь все в деревне подумают, что я заодно с партизанами. Моих родных перепугали! Они уже на меня косятся!

— Родные — что! — заметили разведчики. — Вот немцы коситься не стали бы!

— Что я вам сделал? — заныл Борусевич.

— Вот именно, ты ничего путного до сих пор не сделал, — резко осадили его. — Трясешься за собственную шкуру. Забыл, что советский хлеб ел, на советские деньги учился?

— Теперь меня партизаном считают!..

— Верно. Так уж лучше впрямь помогай партизанам. А то пропадешь, парень, ни за грош.

Борусевич молчал, держался за голову.

— Ну? Согласен?

— Чего вы от меня хотите?!

— А ничего особенного. Сведений по станции. Куда идет какой состав, откуда прибыл, что везет...

— Расстреляют!

— Умным будешь — и не догадаются, что ты с партизанами связан. Научим, как поступать, — комар носа не подточит.

— Уж вы научите!

— Не бойся, научим!.. Так как?

— А! — махнул рукой Борусевич. — Все одно... Говорите!.. Только не выдавайте меня и никогда не подходите ко мне на улице. Не надо!

— Не подойдем, не подойдем!..

Сначала Борусевич пытался увильнуть от своевременной и полной информации. Тогда ему намекнули, что на войне не шутят. Он внял голосу рассудка. Вскоре его информация стала очень точной. А впоследствии, убедившись, что немцы и впрямь ни о чем не догадываются, Борусевич даже вошел во вкус.

Начиная с лета сорок третьего года мы перестали перепроверять данные Борусевича. Не сомневались: он доложит, как надо.

Однако связь с разведчиками в городах оставляла желать

лучшего, и некоторые сведения запаздывали, а разведка движения составов противника велась в отряде недостаточно четко, и тут Патыку следовало помочь как можно быстрее.

Отряд же Садовского вообще не вел разведывательной

работы, ограничиваясь диверсиями на линяй Барановичи — Минск.

Одна только регистрация эшелонов и случайные сведения о гарнизонах противника в районе действия этого отряда нас, естественно, удовлетворить уже не могли.

Не удовлетворяла нас и деятельность отряда Картухина, который мы хотели перебросить под Лиду.

Вот почему, едва вернувшись на Булево болото, штаб соединения сразу занялся подготовкой будущих заместителей командиров бригад и отрядов по разведке.

Наша «лесная школа разведчиков» работала недолго и по количеству слушателей была невелика, но учились в ней опытные партизаны — Седельников, Лагун, Перевышко, отозванный на учебу Патык, Басаранович и Моисеенко. Каждый из них уже выполнял разведывательные задания, каждый участвовал в боях, на каждого можно было положиться, как на каменную стену.

Вот почему «лесная школа», где шесть учеников познакомились с принципами организации разведки в партизанском отряде, с ее методами и приемами, сыграла немаловажную роль в жизни соединения.

При распределении будущих заместителей командиров по разведке в бригады и отряды мы приняли во внимание и личные просьбы, и интересы дела.

Лагуна направили к его старому другу Каплуну, не сомневаясь, что это лучшее решение: Лагун и Каплун начинали вместе, им следовало вместе и продолжать.

Анатолий Седельников был направлен к Цыганову под Барановичи.

Цыганов и Седельников тоже хорошо знали и уважали друг друга, а Седельников был именно тем человеком, который мог отшлифовать работу под Барановичами.

У Антона Петровича Бринского уже был заместитель по разведке. Бринский нашел этого человека среди местных партизан под Ковелем. Бывший артиллерийский капитан Лев Магомед понравился Антону Петровичу высокой военной культурой, находчивостью и тем, что отлично знал район и местных жителей.

С помощью партизан, в частности из отряда Макса, Магомед

уже налаживал постоянные связи с жителями Ковеля, Сарн и Кобрина.

Однажды он появился на центральной базе: пришел с поручением Бринского.

[176]

В маленькой землянке Лев Иосифович Магомед помещался с трудом, а пролезать в узкую дверку было для него, очевидно, сущим мучением.

Но разговор предстоял деликатный, и беседовать пришлось все же в землянке.

Могучий, широкоплечий посланец Бринского сидел, стараясь без нужды не шевелиться и соразмеряя густой голос с габаритами помещения.

Из рассказа Льва Иосифовича я понял, что он лучше всего знает Ковель и ближайшие к городу местечки. Там он завязал тесные знакомства и среди белорусов и среди поляков.

Становилось очевидно: Магомеду следует выделить особый участок работы.

И мы договорились, что он останется на разведке Ковеля и ближайшего к городу района, а разведку в других районах действия бригады возглавит лейтенант Александр Перевышко.

При этом я подумывал и о том, чтобы в случае отлета Антона Петровича в Москву на лечение (у Бринского в последнее время стало совсем плохо со здоровьем) передать Перевышко и командование всей бригадой.

Так было решено с Ковелем.

Под Пинск и Лунинец, к Сураеву, пошли Григорий Патык и Басаранович, а разведку под Житковичами и в самих Житковичах возглавил Володя Моисеенко, молодцеватый, никогда не унывающий донской казак.

Теперь, когда бригады и отряды получили людей, отвечавших за ведение разведки, можно было рассчитывать на ритмичную, хорошо продуманную работу.

И должен сказать, ученики «лесной школы» оправдали возлагавшиеся на них надежды.

* * *

К весне сорок третьего года все бригады и отряды соединения уже имели собственные рации и опытных радистов и радисток.

У Каплуна работал радист Саша Балагуров, у Бринского — Коля Пирогов, у Сураева — Толя Быков, у Цыганова — радистка Катя Малаева, у Садовского — радистка Тамара Ореховская.

Поскольку мы не испытывали теперь нужды в питании к

рациям, группа Сени Скрипника работала на радиоузле с предельным напряжением.

[177]

Она была невелика, эта группа при центральной базе: сам Сеня Скрипник, радисты Саша Маслов, Николай Злочевский и Анатолий Косюков да оператор Юра Ногин.

А связь им приходилось держать не только с пятью нашими радистами и не только с Центром. В это время мы получили из Москвы приказ обслуживать еще пять радиоточек, чей адрес был нам неизвестен и которые не могли поддерживать прямую связь с Центром.

Центр очень беспокоился об этих точках. Нас неоднократно предупреждали: не пропустите время их выхода в эфир, принимайте радиограммы с предельным вниманием!

Мы понимали, что группы цифр, передаваемые неведомыми точками, содержат информацию крайней ценности, и непрерывно держали их на слуху.

Поэтому радиоузел работал по девять-десять часов в сутки.

Поражал Юра Ногин. Он держал в голове не только пять кодов наших отрядов, но и менявшиеся коды Центра и умудрялся читать телеграммы «с листа».

Приходилось предупреждать партизанских командиров:

— Берегите радистов пуще собственного глаза. Отвечаете за каждого головой. Особенно — за Юру.

Но сами радисты, вынужденные все дни проводить в землянках центральной базы, тяготились однообразным существованием.

— Товарищ командир! — просили, бывало, Косюков и Злочевский. — Вы бы нас хоть в деревни изредка с собой брали. Хочется поля увидеть, с людьми поговорить!

Сочувствуя радистам, я несколько раз брал с собой Злочевского и Косюкова. Не брал только Юру Ногина. Знал, что Юра обижается, но не брал — берег. В конце концов, и меня, и радистов всегда кто-нибудь на первый случай мог заменить. Но кто бы заменил в соединении Ногина?

Нет, нам слишком нужна была его светлая голова...

Перебирая документы тех лет, я вижу, как напряженно трудились радисты.

То мы сообщали, что из района Ковеля и Лунинца противник перебрасывает войска на Ленинградский фронт, то докладывали о появлении в Ковеле альпийских стрелков, то информировали о прибытии в Луцк из Полтавы штаба транспортно-строительных войск во главе с

генералом Куцингером и усиленном строительстве немцами бункеров вдоль железных дорог, то передавали, что в Барановичи прилетели сорок два самолета с иностранными летчиками, которые выражают недовольство войной и хотят перейти к партизанам, то доносили о перевозке немцами по дороге Ковель — Ровно баллонов с отравляющими веществами...

В свою очередь Центр посылал нам запросы, требовал выяснить те или иные факты, и мы давали исчерпывающие ответы...

Нет, наши радисты не ходили на связь с разведчиками в городах, не устраивали засад, не брали пленных, но что бы мы делали без них? Чего стоили бы наши разведчики, да и мы сами без выматывающей, однообразной, будничной, казалось бы, работы радистов?!

* * *

К маю сорок третьего года мы раскинули свое соединение на огромной части Западной Белоруссии и Западной Украины, находившихся, как полагали оккупанты, под их полным контролем.

О барановичских разведчиках читатель уже знает.

Назову еще несколько имен наших разведчиков, которые обслуживали этот город, его гарнизон и аэродром.

В деревне Грабовец находился разведчик Кармович, дававший сведения по аэродрому, на станции Бытень — Владимир Колесавский, следивший за эшелонами врага, в самом городе помимо названных товарищей действовали разведчики Рытвинский, Матиня, Четырько, Соболь, Озиликов...

За шоссе Брест — Москва постоянно наблюдали Евгения Кологроцкая (Кудрявая), жившая в деревне Лунница, Владимир Юруть из деревни Мелехи, Константин Ревяко из деревни Староселье и Петр Рокашевич из деревни Хотяш.

Сведения по Лунинцу текли через разведчиков Коваля из местечка Столин, Назарова из деревни Речица, Ждановича, живущего в самом Лунинце, и через их людей...

На станции Белая работали товарищи Телехан и Рожкова.

На станции Парахонек — стрелочник Иван Ковш.

В Маневичах — Шевчук, освещавший перевозки по дороге Ковель — Сарны.

В Пинске — разведчик Телькович и члены его группы.

По гарнизону станции Торчин информацию передавал Павел

Коструk.

По Ковелю — Куницкий и десятки других товарищей...

Имена всех разведчиков не перечислишь. Это были замечательные патриоты, каждый день и час рисковавшие жизнью, чтобы командование Красной Армии знало о враге все, что только можно узнать.

Я мог бы многое поведать о мужестве и выдержке этих людей, но ограничусь одним рассказом о семье инженера Дорошевича, на долю которой весной сорок третьего года выпало тяжкое испытание.

Информация Дорошевича, работавшего диспетчером на станции Барановичи, имела колоссальную ценность.

Но Дорошевич и его старший сын не только вели разведку, но и выполняли диверсионные задания.

Несколько немецких эшелонов отбыли из Барановичей, оснащенные магнитными минами, поставленными руками Дорошевичей. И все взлетели на воздух.

Но самому Дорошевичу из-за подозрительности жандармерии ставить мины приходилось все труднее.

Некоторое время это делал только его сын Николай.

Однако младший сын Дорошевича — Саша разнюхал, чем занимаются старшие, и просто потребовал, чтобы ему доверили хоть одну мину.

Больше всех волновалась, конечно, мать.

Но отец, подумав, сказал:

— Что же, Лиза? Если немцы когда-нибудь узнают о нашей работе, они все равно расстреляют всех. Сашу тоже не пощадят. А мальчику лучше расти борцом, чем трусом.

— Он мал... Ему только двенадцать!

— Однако он знает о минах. И лучше научим Сашу, как действовать, чем будем ждать, пока он устроит что-нибудь на собственный риск.

Отец и старший брат побеседовали с мальчиком, как с равным. Объяснили, что он должен молчать, иначе погубит не только семью, но и сорвет налаженное дело.

Взволнованный Саша говорить не мог, только кивал.

Ему объяснили, как устроена магнитная мина и как нужно ею пользоваться.

Проверили, понял ли. Дали еще несколько уроков. А потом поручили самостоятельное задание.

Мальчик, часто приходивший к отцу в диспетчерское помещение, был хорошо знаком охране станции и вокзала. Его появление не вызывало никаких подозрений.

А Саша, посидев у отца, выскальзывал на перрон, спускался на пути, проходил мимо эшелонов...

После Сашиного посещения внезапно взрывался километрах в двадцати от Барановичей очередной состав гитлеровцев.

Так длилось несколько месяцев.

...В теплый весенний день Саша вышел из дому с магнитной миной в кармане.

Механизм он установил на взрыв через три часа.

Мальчик полагал, что все будет как обычно. Но в тот день на станцию прибыл воинский эшелон немцев, перрон и все пути забила солдатня.

Саша долго сидел у отца, несколько раз прошелся по перрону, хотел спуститься на пути, но его прогнали.

С миной в кармане мальчик вернулся в диспетчерскую.

Отец заметил волнение сына.

— Мина, — успел сказать Саша. — Ставил на три часа, а уже два прошло.

— Уходи, — сказал Дорошевич. — Немедленно. Сейчас прибывает еще один эшелон. Сегодня не удастся.

Саша медлил.

— Ну?!

— Ладно...

Он не ушел со станции. Жалко было терять мину. Не хотелось, чтобы она пропала зря. Знал, с каким трудом доставляют мины в город...

Сашу прогнали еще раз.

Мальчик сидел в станционном садике.

Каждая минута приближала взрыв.

Неужели уходить?!

Услышал, как подходит еще один состав. Увидел его. Это был состав с цистернами.

До взрыва оставалось пятнадцать минут.

Еще можно было уйти, оставив мину где-нибудь возле станции.

«Если бы цистерну... — думал Саша. — Можно успеть!»

Он снова пробрался на перрон.

Состав стоял вплотную к платформе. По перрону по-прежнему сновали солдаты и офицеры.

Саша прыгнул на лесенку, приделанную на боку цистерны.

Видимо, рассчитывал перебраться на другую сторону, прилепить там магнитную мину, спрыгнуть на пути, отбежать, а после взрыва скрыться.

— Цурюк! — кричали за спиной. — Цурюк!

Саша перебрался через площадку наверху цистерны, одной рукой достал из кармана мину.

Оставалось только прилепить ее, а потом спрыгнуть.

Но механизм мины, когда на исходе время, чувствителен к любому толчку. Мальчик, видимо, чуть сильнее, чем было можно, стукнул миной по железному корпусу цистерны...

Очевидцы рассказывали: это было страшное зрелище. Взрыв разметал всех солдат на перроне, вызвал еще несколько взрывов. Полыхающий бензин обдал здание вокзала, подпалил его. Вспыхнули соседние эшелоны.

Несколько сот человек ранеными и убитыми, контуженым и обгоревшими потеряли фашисты на вокзале Барановичей в тот солнечный, теплый день весны сорок третьего года.

Был уничтожен состав с горючим, сильно пострадали два других состава, оказалось покореженным полотно.

Гитлеровцы долго искали виновника взрыва. Допытывались, что за мальчик полез на цистерну.

На другой день после взрыва Дорошевича спросили:

— Сын приходил на вокзал?

— Да, приходил! И как я подумаю, что он мог тут оказаться...

— А где он сейчас?

— Слава богу, он тогда ушел... Мать так всполошилась, что отправила его в деревню.

Соседи спрашивали у несчастной женщины:

— Где Сашка?

— В деревне, — отвечала мать и улыбалась. — Довольно, побегал тут... В деревне спокойнее, чем в городе. Он же к отцу мог пойти в тот день!

Никто не заподозрил Дорошевичей в причастности к взрыву. Но чего это стоило отцу и матери — знают только они сами.

Дорошевичи продолжали помогать партизанам до освобождения Барановичей частями Красной Армии...

17

Мы заново обживали старую базу, готовили командиров разведгрупп, занимались будничными партизанскими делами. В повседневных хлопотах прошли март и апрель. Начался май сорок третьего года.

[182]

В первых числах Центр потребовал от нас в кратчайшие сроки установить и не позднее 22 мая сообщить в Москву номера полков и дивизий противника, дислоцировавшихся в районе действий соединения, номера их полевых почт и опознавательные знаки.

«Мобилизуйте все, — приказывал Центр. — Данные нужны немедленно».

Командирам бригад и отрядов, а также их заместителям по разведке в тот же день полетели наши телеграммы.

Собственно, поставленная перед нами задача была не из самых по тому времени сложных: в Бресте, Барановичах, Пинске, Ковеле, Сарнах, Лунинце, Ганцевичах, Житковичах и в других городах, местечках, селах и деревнях у нас уже было достаточное количество разведчиков, готовых собрать необходимые данные и в более короткие сроки.

Но меня и штаб соединения беспокоил северо-западный угол нашего района — совершенно безлесный участок, изрезанный большим количеством шоссейных дорог и потому плохо нами освоенный.

В селах и местечках этого района партизанских разведчиков почти не было.

Между тем, по сведениям, именно здесь появилось большое количество войск противника.

Судя по всему, это были части, ехавшие на фронт и по каким-то причинам разведенные по населенным пунктам.

С чего начинать выполнение задания?

— Знаешь что, — сказали мне Гусев и Сеня Скрипник. — Вызови Воробьева.

...Трудным человеком был капитан Воробьев. Чувство страха у него отсутствовало. Мог один пойти разоружать воинскую команду фашистов и однажды действительно разоружил. Случилось это еще в сорок первом. Взял врасплох с двумя бойцами целый взвод голландских фашистов-добровольцев, расположившихся на отдых в бывшем совхозе.

Но дисциплиной капитан Воробьев, к сожалению, не

отличался.

Случилось однажды: я предал капитана военно-полевому суду. Не мог иначе. И счастье Воробьева, что он, узнав об этом, временно остался в другом отряде. Конечно, я нашел его. Но нашел тяжело больным, только что

[183]

вернувшимся с задания, во время которого Воробьев и его группа уничтожили одиннадцать эшелонов врага.

Я отменил прежний приказ. Но с одним условием: при первой провинности отвечать Воробьеву и за старое...

Воробьев держался, заданий больше не срывал, но «полосы» у него бывали...

— Воробьева? — переспросил я.

— Все понимаю, — сказал Сеня, — но отчаянней его никого не найти.

И мы вызвали Воробьева.

Объяснили ему задачу.

Капитан попросил разрешения подумать. Думал несколько часов. Затем явился:

— Коней дадите, товарищ майор?

— Дам.

— А самогон?

Я внимательно посмотрел на капитана:

— Самогон?

— Так точно, — выдержал взгляд Воробьев. — Ведра три бы.

Сеня Скрипник ухмыльнулся.

— Выкладывай, что задумал, — сказал я.

Так смело просить самогон, если не было отличного плана, Воробьев никогда бы не решился!

Капитан выложил свой план...

На второй неделе после троицы рванула по селам и деревням заповедного для нас района лихая свадьба. Натягивали цветные вожжи сытые кони, закладывали уши бешеные коренники, картинно выгибали головы пристяжные. А на телегах, с гармонями и балалайками, под пьяные выкрики и хохот, катили поезжане: рослый жених, обнимавший красавицу-невесту в белой фате, сваты и сватьи, дружки да подружки.

Влетев в деревню, где стояли немецкие солдаты, кучера заваливались на спины, удерживали рвущихся коней:

— Тр-р-р-р!

С гоготом и визгом прыгали с телег мужики и бабы. Гармонисты в высоких картузах растягивали меха. Бабы заводили хоровод. Бородатый сват размахивал четвертью:

— Православные, за здоровье жениха и невесты!..

Сбегались жители деревни, сбегались немецкие солдаты.

Сват и к ним с бутылью:

— Ув-в-важьте, господа хорошие!

Бутыль шла по кругу.

[184]

— Однова живем! — орал, качаясь, сват. — Гуляй!

Бабы теснились вокруг невесты, заглядывали под фату, умилялись:

— Красавица!

Молодки и девки засматривались на жениха, ревниво сидевшего рядом с суженой, завистливо вздыхали.

А свадьба, похороводив, подняв пыль, опорожнив бутыль, уже валилась на телеги:

— По-о-ошел!..

Ни в одной деревне никому и в голову не пришло задержать веселую компанию.

А невеста, Лиза Ляндерс, и жених, Федя Кравченко, приглядывались, подсчитывали, записывали...

Впрочем, на всякий случай во всех телегах под сеном лежали автоматы и гранаты.

Через двое суток капитан Воробьев доложил, какие именно части расположились в интересовавшем штаб районе, какие номера у тамошних полков и какие у них опознавательные знаки.

Нам не удалось выяснить только номера полевых почт этих частей.

Это сделали позднее разведчики, «пробиравшиеся к родным».

Не менее успешно определили Воробьев, Петрунин, тот же Федя Кравченко и другие, какие именно части охраняют дорогу Брест — Минск.

Тут их выручил не самогон, а гусь. Обычный деревенский гусь, взятый «напрокат» у понятливой хозяйки.

С этим гусем, привязанным за лапку прочной бечевкой, разведчики засели под вечер на повороте железнодорожного полотна.

Завидев шедший по насыпи патруль, Петрунип выпустил птицу из рук. Гусь — птица домашняя, а потому он тотчас заковылял из леса к железнодорожной насыпи, к дому.

Немцы заметили гуся, остановились, замахали руками, посоветовались, сбежали с насыпи и стали окружать добычу.

Петрунин поволок гуся к себе. Тот орал, бил крыльями, но в сумерках гитлеровцы не могли различить, что гусак бежит от них задом наперед.

Подбадривая друг друга, гитлеровцы так увлеклись охотой, что не заметили, как очутились в крепких объя-

[185]

тиях партизан, и даже порывались высвободиться, чтобы схватить наконец птицу.

Рассказывая, какие лица были у немцев, разведчики покатывались со смеху.

А в местечке Остров наши люди очень аккуратно и, я бы сказал, красиво взяли в плен ефрейтора Хомбо, одного из солдат Барановичского аэродрома.

Ефрейтор Хомбо был неравнодушен к женщинам. Ему приглянулась одна молодка, и, как полагается бравому воину фюрера, ефрейтор принялся действовать нахрапом.

Несчастная женщина пыталась избегать встреч, но ефрейтор не отступал. Он стал являться в дом, где жили «избранница» и ее родители, приносил шнапс, вел себя крайне нагло.

Уточнив, когда ожидается очередное посещение немецкого «кавалера», разведчики устроили засаду.

Хомбо явился в им же назначенное время для решительного объяснения и осуществления своих намерений.

Хозяева дома встретили гостя приветливей, чем обычно. Спокойней, смиренней выглядела и молодая женщина.

Поставив автомат в угол горницы, ефрейтор снял ремень и китель, уселся ужинать. Хозяева помогли ему опорожнить принесенную бутыль, выставили и сами бутылку самогону. Ефрейтор сиял. Пьянея, он становился все разговорчивей, самоуверенней. Даже не обратил внимания на двух мужиков, вошедших в горницу и присевших с краю стола.

— Ти будешь иметь все! — обещал он «избраннице». — Война кончился этот год, я буду давать тебе корова, земля...

— А если война затянется? — спросил один из пришедших.

— Это не может быть! Нихтс!

— А как тебя партизаны схватят?

— Как? Партизанен? Хо-хо-хо! Партизанен мы не бояться! Мы их пуф-пуф!

— Да ну? — огорчился один из пришедших. — Ай-яй-яй! А ведь мы и есть партизаны.

— Пуф-пуф! — сказал Хомбо.

— Ладно, — махнул рукой собеседник. — Вставай, голубь, и пойдем. Пора. А то совсем опьянеешь, волоки тебя...

В дверях уже стояли партизаны.

[186]

Глядя на автоматы и решительные лица разведчиков, Хомбо медленно бледнел...

Он сообщил, что личный состав Барановичского аэродрома прибыл сюда из Польши. Сам Хомбо из роты, в которой сто двадцать — сто тридцать человек. В роте четыре взвода, в каждом три отделения по девять человек. На вооружении роты — карабины, пятнадцать автоматов и восемь пулеметов.

Хомбо рассказал также, что на аэродроме имеется еще так называемая ремонтно-восстановительная рота из пятидесяти — шестидесяти человек, в которую входят взвод по охране аэродрома и команда ПВО. При роте — стационарная мастерская.

Ефрейтор сообщил, сколько самолетов на аэродроме, назвал их типы, обычные маршруты вылетов, и мы убедились, что Хомбо не врет: он ведь лишь подтвердил то, что мы знали через своих разведчиков.

Чем внимательней мы слушали, тем торопливей и словоохотливей становился ефрейтор.

— Наша авиабаза входит в минский военный округ, — сыпал он. — Штаб округа в Минске. Командует округом генерал Фишер.

— Позвольте, раньше ваша авиабаза называлась Московской?

— Так точно, герр полковник!.. Но это до нынешнего года. А теперь она называется Минской... Такие же базы, герр полковник, имеются в самом Минске, Смоленске и Лиде.

Он спасал жизнь самозабвенно.

— Так когда закончится война? — спросил кто-то.

Ефрейтор Хомбо сконфузился...

Так же неожиданно попали в плен к разведчикам нашего соединения пилоты и пассажиры «фокке-вульфа», совершившего вынужденную посадку между местечками Кохотская Воля и Боровое.

Самолет сел поблизости от крупных гарнизонов гитлеровцев, но партизаны успели к нему первые.

Все семь членов экипажа подняли руки... Оказалось, они переброшены в Россию из Африки и всего четыре дня назад жарились под экваториальным солнцем.

— Не волнуйтесь, больше вам в Африке не бывать, — успокоил их кто-то из партизан...

Мы сообщали в Москву: под Ковелем противник увеличивает гарнизоны в местечках; в город людей впу-

скают, но обратно никого из пришедших не выпускают и большинство из них расстреливают; по железной дороге Брест — Минск противник усиленно перевозит танки; из Владимира-

Волынского в Ченстохов прибыл полевой госпиталь; в Барановичах был случай отравления шести солдат противника кожным ОВ, газ в город привозят в баллонах, укутанных сеном; в Ковельском районе появились войска с новым опознавательным знаком, имеющим форму римской цифры V, а справа от цифры — оскаленную волчью голову в трехчетвертном повороте; в Барановичи вновь привезли ОВ и отправили в Вильно...

Всего до мая мы передали в Москву 860 важных радиограмм.

Особенно нас беспокоили в начале мая перевозки отравляющих веществ.

Это беспокоило и Центр.

Мы получили несколько категорических приказаний донести о том, какие приготовления ведет противник к химической войне, где он сосредоточивает запасы ОВ, что представляет собой ОВ — газ или жидкость.

Мы выяснили это. Фашисты обычно перевозили отравляющие вещества в баллонах, замаскированных под уголь и закрытых сеном. В баллонах, по словам немецких солдат, находился газ. Но перевозилась и хлорная известь.

Часть ОВ сосредоточивалась в Барановичах, часть в Минске, часть в Вильно.

В гарнизонах крупных городов всем солдатам выдавались противоипритные накидки и пакеты с обеззараживающей жидкостью, проводились учения по отражению химического нападения...

Работы нам прибавлялось с каждым днем.

* * *

— Слушай, Иван Николаевич, выглядишь ты паршиво, — говорил Сеня. — Ты поспокойнее...

— Не в волнении дело, Сеня. Замотался. Все-таки мы из отряда — соединением стали... Знаешь, как Козьма Прутков говорил? Нельзя объять необъятное...

— Брось, — усмехался Сеня. — Козьма в другую эпоху жил... А помощников не жди. Видать, уже не пришлют.

Сеня ошибся. Помощников мне прислали. Вскоре. И сразу двух.

К приезду новых товарищей мы готовились, как к

празднику. Накануне их прилета милевичские женщины испекли хлеб, с МТФ доставили свежее масло, простился с жизнью один кабанчик.

Для прибывающих вырыли отдельную землянку, обтянули ее парашютным шелком, а мешки-матрасы набили свежим сеном.

Из телеграммы мы знали: прибывают товарищ Гора и товарищ Хаджи, переводчик Горшунов и радистка Малаева.

Догадываясь, что Центр сообщил не подлинные имена, а псевдонимы новых разведчиков, мы гадали, кто же они?

Относительно Хаджи все сходились на том, что он наверняка с Кавказа. А насчет Горы полагали, что это человек незаурядного роста и комплекции...

И вот я стою на нашем милом Булевом болоте, почти в том самом месте, где стоял когда-то, встречая меня, Григорий Матвеевич Линьков, и смотрю, как приближаются, сопровождаемые партизанами, два человека: один рослый и полный, другой сухощавый и маленький.

Подошли. Первым шагнул вперед и доложил маленький:

— Товарищ майор, капитан Гора прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Вот тебе и на!

А второй отрапортовал густым и странно знакомым басом:

— Товарищ майор, старший политрук Британев прибыл...

Что-то связано было в моей памяти с этим басом и этим кавказским акцентом, но что, что?

Прежде всего вспоминались почему-то пыль, солнце, рокот моторов...

— Хаджи?.. — неуверенно спрашиваю я.

Рослый полный человек быстро шагает ко мне, а я уже кричу:

— Хаджи, черт!

Это и в самом деле Хаджи Британев, мой давний боевой друг и товарищ по Брянскому фронту! Человек, которого я в начале сорок второго провожал в тыл врага!

— Ах, черт! — говорит и Хаджи. — Ах, черт!

Мы обнимаемся, потом я жму руку Михаилу Горе, обрушивая свой восторг и на него, считая уже и Гору

давнишним и дорогим товарищем, и веду гостей на центральную базу.

Хаджи ругается, жалуется, что при прыжке разбил бутылку «Столичной», а Гора идет рядом — маленький, молчаливый и очень серьезный.

Свиные отбивные скворчат на сковороде, спирт налит в графин, позаимствованный в доме житковичского коменданта, масло в аккуратной масленочке, только вот нет рюмок. Сколько ни просил достать рюмки — не приносят их партизаны. Взамен притащили тонкие стаканы...

Скоро гости ложатся спать, а мы с Васей Гусевым и Сеней

Скрипником сидим до утра на воздухе, покуриваем, строим планы.

— Кое-что мы все-таки сделали... — говорю я.

— Сделали, — соглашается Сеня.

— Но этого теперь мало. Поначалу мы ограничивались тем, что искали людей, которые уже работают у немцев, и использовали их возможности. Так?

— Так.

— А люди неопытные, учить их и одновременно выполнять задания трудно. Отсюда у нас появилось много помощников, а сведения были не всегда точные и не всегда столь ценные, как хотелось бы.

— Верно.

— Теперь повернем по-иному. Будем иметь своих подготовленных разведчиков во всех городах! Квартиры в городах заведем! Благо теперь есть помощники!

Всходит солнце. Ранний рассвет в лесу — словно кто-то насыпал между стволами сосен золотую пыль...

Слышно, как гудит паровоз в Житковичах.

— И спать-то не хочется... — тихонько говорит Гусев.

* * *

В тот же день Михаил Гора (настоящие имя и фамилия его — Михаил Глумов) доложил о поставленной задаче. Его назначили моим заместителем по разведке. Надо было создать в Барановичах, Лунинце и Сарнах радиофицированные разведывательные группы.

В Барановичах предполагалось иметь три группы по два человека, в Лунинце и Сарнах — по одной из двух человек.

Группы по нашему замыслу должны были вести самостоятельную работу и иметь прямую связь с Центром.

[190]

— Какова обстановка? — интересовался Гора. — Возможно ли это?

— Вполне, — не колеблясь, отвечал я. — Вот освоитесь, пойдете в эти города, убедитесь, что не преувеличиваю.

Хаджи Британев назначался моим заместителем по общим вопросам.

— Приказали помогать во всем, — сказал он. — Направь куда-нибудь, дорогой! Где у тебя труднее всего?

Жизнь скорректировала намерения Центра. Гора и Хаджи занимались всеми делами, в том числе и разведкой. Михаил Гора, помявшись, сказал:

— Я немного не понимаю, товарищ майор... Вот, радистку со

мной прислали...

— Очень славная девушка и отчаянная! — подхватил Хаджи.

— Да я не о том... — скупо улыбнулся Гора. — Послали радистку, сказали — в твое распоряжение... А что я с ней буду делать? Зачем мне специальная радистка, если во всех отрядах есть рации?

Я улыбался. Когда-то и мне в Москве сказали: «К Линькову выброшен радист Злочевский. Он будет в вашем распоряжении...»

— В Центре сказали «в ваше распоряжение»? — уточнил я.

— Ну да...

— Вот и выполняйте приказ.

— Значит, надо ее всюду брать с собой?

В голосе Горы звучало неприкрытое отчаяние.

— А как же иначе?

Гора затосковал.

Я сжалился над ним:

— Запросим Центр. Если не будут возражать, оставите радистку у Цыганова. Во-первых — помощь, а во-вторых — облагораживающее влияние. Наши радиобоги порой изъясняются на таком диалекте, что садятся батареи.

Гора расцвел...

За два-три дня мои помощники более или менее вошли в курс дела, познакомились с людьми, находившимися на центральной базе, побывали в деревнях партизанского края, изучили общую обстановку.

Потом Михаил Гора с группой бойцов ушел под Барановичи, а оттуда — к Пинску, чтобы помочь Седельникову

[191]

и Грише Патыку, а Хаджи направился в бригаду Каплуна, под Сарны и Лунинец.

Им предстояло совершенствовать работу разведчиков, расширять нашу сеть, подготовить квартиры в городах для радиофицированных групп.

Я успел убедиться в высоком профессионализме Михаила Горы и в способностях Хаджи Бритаева.

— Ты помолодел, командир! — сверкал белыми зубами Сеня. — Честное слово!

А у меня и верно было весело на душе. Беспокоивший участок работы мы передали Горе, а уж он-то знал свое дело!

18

Под плеск молодой майской листвы неслышным звериным шагом подкрался к нашим лесам и болотам жаркий июнь.

Затихли птицы. Кое-где на полянах, возле старых трухлявых пней показались белые крапинки первых цветов земляники. Сладко пахло лесной гвоздикой. Стволы сосен на припеке сочились смолой.

Кашевары варили щи из свежей крапивы. Это блюдо, так же как отвар из еловых веток, нравилось не всем, зато десны у людей перестали кровоточить. Походило на то, что с цингой мы справились.

Колхозники из Милевичей и других ближайших деревень давно закончили сев, но мы по-прежнему держали в населенных пунктах заставы: на всякий случай...

После катастрофического поражения под Сталинградом, после панического бегства с Северного Кавказа и ряда неудач на других фронтах фашистская армия навсегда утратила ореол «непобедимости» даже в глазах собственных холуев. Солтысы, полицаи и прочие прихвостни оккупантов почувствовали, что почва под их ногами заколебалась.

Одни из них, не потерявшие остатков совести и не замешанные в кровавых злодеяниях врага, пытались завязать отношения с партизанами, просились в отряды, а другие — те, что накрепко связали свою жалкую жизнь с судьбой «великого рейха», видя, что близок конец, окончательно озверели.

[192]

Расправы с мирным населением, бессмысленные убийства женщин, детей, стариков, массовое уничтожение еврейского населения, грабежи вспыхнули с новой силой.

— Отыгрываются на детях и старухах, — с ненавистью говорил при встречах Ильюк. — Палачи!.. А что, товарищ майор, скоро придут наши?

— Теперь, надо полагать, скоро.

— Я тоже так думаю. Нынче и лето Гитлеру не поможет. Зря бахвалится, гад!

— Бахвалится все-таки?

— Да вы не хуже меня знаете, товарищ майор, что брешут фрицы. Старая песня, будто их армия новое оружие получила и потому скоро победит!..

Да, я знал, что фашистские газеты, выходившие и в самой Германии (их доставляли нам из немецких гарнизонов), и в

оккупированных фашистами городах, трубили о близкой победе, о скором окончании восточного похода, возлагая все надежды на какое-то «секретное оружие», на мнимые раздоры в стане союзников и т. д.

Ни у кого из нас не было и тени сомнения в том, что война действительно близится к концу и что победа близка, но наша, советская победа!

Однако нелепо было допустить, что победа придет сама, упадет к ногам, как перезрелый плод, что командование немецко-фашистской армии именно сейчас, летом сорок третьего года, не совершит судорожной попытки переломить ход событий, изменить положение на фронтах.

Гитлер принял верховное командование. На Восточный фронт спешно перебрасывались дивизии из Франции, Бельгии, Голландии. В Германии вермахт под метелку выскребал все мужское население, способное носить оружие. Ставили под ружье и стариков и юнцов.

Наши разведчики сообщали об изменении возрастного состава перебрасываемых на фронт фашистских частей, отмечали, что новое пополнение кажется собранным с бору да с сосенки.

И тем не менее пополнение продолжало поступать, на фронт подтягивались техника и боеприпасы. Причем, насколько можно было судить по движению фашистских эшелонов в нашем районе, основной поток перевозок устремлялся не к северу и югу, а куда-то на центральные участки фронта.

Наша разведывательная сеть была к тому времени довольно широкой и разветвленной. Мы уже располагали

[193]

достаточным количеством проверенных, надежных разведчиков и подрывников во всех крупных городах и на всех крупных железнодорожных узлах. Взяли под свой контроль Брест, Барановичи, Пинск, Ковель, Сарны, Лунинец, Микашевичи. Создали новые разведгруппы в Житковичах. Наши товарищи работали на железных дорогах, в депо, даже в военных комендатурах врага.

Каждый день штаб соединения получал такой обильный поток информации, что радисты во главе с Сеней Скрипником работали не разгибая спины.

Донесения в Центр шли обстоятельные, развернутые. Это давал плоды опыт, накопленный руководителями разведгрупп и заместителями командиров бригад по разведке, сказывалось оперативное руководство ими.

В разведке необходим постоянный контроль над

сообщениями того или иного разведчика. Хотя бы потому, что никто не гарантирован от ошибок, от случайного просчета.

Поэтому штаб строил разведывательную сеть так, чтобы иметь возможность быстро обнаруживать неточности в получаемых данных.

Получив, например, сообщение из Бреста о прохождении эшелона с артиллерией врага, мы сверялись со сведениями, поступавшими из Барановичей и из всех последующих пунктов.

Случалось, что брестская информация не совпадала с информацией из Лунинца: не сходилось, скажем, число платформ, количество орудий и солдат охраны. Тогда мы уточняли противоречивые данные с теми, что удалось добыть на перегоне Барановичи — Лунинец, и в конце концов получали точное представление о количестве техники, перевезенной в определенном направлении интересовавшим нас эшелоном.

Так было. Но в последнее время подобные «разночтения» в сообщениях разведчиков встречались редко. Одна информация наших людей обычно полностью подтверждала другую.

И все же мы продолжали проверять самих себя, чтобы случайно не ввести в заблуждение Центр.

* * *

В самом начале июня разведчик Василий Васильевич Ковалев, освещавший гарнизон Барановичей, оставил в

«почтовом ящике» сообщение о проводимых там учениях по противохимической защите.

Ковалев (псевдоним Антипов) писал, что в частях гарнизона минувшей ночью прозвучал сигнал тревоги. Поднятым в ружье солдатам офицеры сообщили, будто русские предприняли химическое нападение. Около полутора часов весь гарнизон Барановичей нес службу в противогазах.

Затем аналогичные сообщения пришли из Бреста и Пинска, а несколько позднее из Сарн и Ковеля. Волна химических учений докатилась до Микашевичей и Житковичей.

В информации, полученной штабом, указывалось, что все немецкие солдаты и офицеры получили приказ постоянно иметь при себе противогазы, что специальные команды заняты строительством убежищ, оборудуемых фильтрами.

Эти мероприятия немецкого командования совпали с усиленной кампанией фашистской печати, призывавшей солдат «тысячелетней империи» сделать последнее усилие, чтобы покончить с большевиками.

Фашистские органы печати прозрачно намекали, что

«великий фюрер» приготовил для русских неожиданный «сюрприз», что германская армия обладает каким-то невиданным «сверхсекретным оружием», которое в самое короткое время решит исход войны в пользу Германии.

Мы не могли не насторожиться, тем более что из радиограмм Центра и сообщений информбюро знали: гитлеровцы уже применяли газы в Крыму.

Вопли фашистских писак о «новом оружии» и противохимическая подготовка в гарнизонах оккупантов наводили на мысль, что гитлеровское командование решило пойти ва-банк.

Что ж? От гитлеровцев можно было ожидать и химической войны. После всех чудовищных преступлений терять им, по существу, было уже нечего...

Отвечая на наши донесения о противохимической подготовке немцев в ряде оккупированных городов, Центр потребовал, чтобы мы пристально следили за возможными перевозками отравляющих веществ. Нам напомнили, что опознавательным знаком частей химической защиты в германской армии является желтый горшок, и приказали доносить о появлении эшелонов с желтым горшком на грузах вне всякой очереди.

[195]

Это требование, в свою очередь, как бы утверждало нас в мысли, что «новое оружие» фашистов будет именно химическим оружием.

Командование бригад получило от штаба соединения приказ усилить контроль за железнодорожными перевозками врага, и было предупреждено, что не исключено появление засекреченных эшелонов, о грузах которых надлежит сообщать немедленно.

Начиная с этого дня вся документация с мест просматривалась особенно тщательно. Однако время шло, а ни одно из сообщений разведчиков не упоминало об эшелонах с желтым горшком.

Хаджи озабоченно потирал голову:

— Кто придумал, что молчание — золото? Молчание — нож острый! Смотри, дорогой, в Барановичах опять фрицы в противогазах бегают, а наши молчат!

А между тем гитлеровцы «бегали в противогазах» не только в Барановичах: противохимические учения продолжались и в других крупных гарнизонах. А эшелонов с желтым горшком разведчики так и не видели. Эти эшелоны не появлялись. Впрочем, в часы тяжелых ночных раздумий у меня даже возникало сомнение: так ли это?

* * *

Хорошо, чуть ли не по часам, помню тот солнечный, душный, напоенный дурманными испарениями болот день.

Едва вышел утром из землянки, как обдало томительным, расслабляющим теплом. Вода для умывания тоже оказалась теплой. Я набрал из колодца холодной. Но и колодезная вода освежила ненадолго. Есть не хотелось. С трудом заставил себя выпить кружку чаю с куском хлеба.

— Тепло! — приговаривал Хаджи.

Возле землянки радиоузла, раскинув руки, обессилев, лежали свободные от дежурства радисты. Их пожелтевшие нижние рубашки из парашютного шелка валялись на муравьиных кучах.

— Отдыхайте, отдыхайте, — предупредил я товарищей, попытавшихся было подняться. — Санобработкой занялись?

— Так точно, товарищ майор... Жарко... Гроза, видать, будет.

Сеня Скрипник доложил, что никаких особых новостей нет. Сводки обычные.

[196]

— Баню-то будем нынче топить? — спросил он. — Пора бы, товарищ майор. Неделю не мылись.

Я распорядился насчет бани, проверил оружие у бойцов штаба, приказал оседлать коня и поехал с Петей Истратовым на южную заставу. Там было все спокойно. Только что вернулась очередная диверсионная группа.

Выслушав доклад командира, поблагодарил бойцов за успешные действия. Товарищи, свалившие четыре эшелона гитлеровцев, выглядели усталыми, их клонило в сон.

Попрощавшись с партизанами, вернулся на центральную базу.

Хаджи лежал на нарах, читая «Анну Каренину».

Увидев меня, он даже не пошевелился, и я понял: новостей по-прежнему нет.

Попросив дежурного узнать относительно обеда, я присел на нары рядом с Хаджи.

Вот тут и ворвался в землянку Сеня Скрипник. Его свежее, мальчишеское лицо было мокро от пота и волнения.

— Товарищ майор! Радиограмма от Горы! То самое, наверно!

Я схватил протянутый Сеней листок бумаги. Хаджи жадно заглядывал через мое плечо.

«13 июня, в одиннадцать ноль-ноль, на станцию Брест прибыл эшелон из Варшавы, — писал Михаил Гора. — В составе эшелона четыре пассажирских вагона и семнадцать платформ с грузом, тщательно укрытым брезентом. Поездная бригада немецкая. Со

станции перед прибытием эшелона были удалены все местные рабочие и служащие. Работу по смазке букс, проверке тормозов и т. п. выполняла немецкая паровозная бригада с помощью солдат. Эшелон усиленно охраняется. Во время его стоянки в Бресте к путям и станции никого не подпускали. Установить характер груза не удалось. Эшелон убыл в тринадцать пятнадцать направлением Барановичи. Принимаю меры установлению характера груза. Михаил».

— Когда получено? — спросил я у Сени.

— Только что, товарищ майор.

Хаджи Бритаев отложил книгу.

— Будем писать в бригады, Ваня?

— Да. Садись. Пиши... Сеня, подожди. Немедленно передашь нашим.

Мы составили текст радиограмм в бригады, требуя проследить за движением брестского эшелона и опреде-

лить характер груза, и тут же продиктовали Сене текст телеграммы в Центр...

Вскоре прибыл посланец из Милевичей. Ильюк просил пожаловать в баню часикам к семи.

— Передайте, что бани сегодня не будет, — сказал я. — Впрочем, стоп! Направьте в баню людей с восточной заставы. А мы — в следующий раз...

* * *

Радисты ошиблись. Грозы в тот день не было. Немного погромыхало и обнесло стороной. Зато из Москвы мы получили весьма категоричную телеграмму. Нас обязывали немедленно установить, что находится на платформах загадочного эшелона.

А проклятый эшелон приближался к Барановичам страшно медленно: поезд двигался только в дневное время.

Напуганные диверсиями, оккупанты в ту пору вообще уже отказались от ночных перевозок, а днем, опасаясь партизанских мин, вели составы на пониженных скоростях.

Загадочный же эшелон немцы тащили по железной дороге с еще большими предосторожностями. Продержав всю ночь на одной из станций, они отправляли его дальше, только убедившись, что новый перегон одолели несколько обычных составов.

Впрочем, долгие стоянки на станциях и вынужденное безделье притупляли бдительность солдат охраны.

И пока загадочный эшелон стоял, полз, снова стоял и снова полз от станции к станции, приближаясь к Барановичам, из

отдельных наблюдений разведчиков, из подслушанных разговоров, из скупых строк найденной в грязи немецкой газеты складывалось наше представление о том, что перевозят фашисты.

Первые успокаивающие сведения пришли со станций Колосово и Лесная.

Тамошние товарищи определили, что на платформах находятся не то танки, не то пушки.

Теперь следовало ждать, что сообщат разведчики из других точек и из самих Барановичей.

Информация из Бытеня поступила на следующий день. Хрищанович уточнил, что на платформах эшелона находятся не пушки, а танки. Его люди видели, как солдаты охраны перетягивали сдвинувшийся брезент, и ошибиться не могли. Танки выглядели приземистыми, у них были

[198]

длинные, крупного калибра пушки и необычно широкие гусеницы. Именно это обстоятельство единодушно отмечали наши разведчики.

Мы напряженно ожидали составы с ОВ и потому испытали некоторое облегчение.

Приняв к сведению, что эшелон задержался на ночь в Бытене, наш штаб вновь связался с разведчиками и потребовал уточнить технические данные перевозимых танков.

Как раз подоспело время связи с Москвой, и радисты Скрипника отстучали в ряду других сообщение о загадочном эшелоне.

Донесений об ОВ мы не дождались и спокойно легли спать.

Мы не знали, что нас ждет утром.

Не помню уж, кто из радистов принял эту телеграмму из Центра, но помню, что принес ее Юра Ногин.

Хаджи старательно брился, пытаясь выскрести жесткую щетину под подбородком. Зеркальце у нас было маленькое, мутноватое, и Хаджи никак не мог рассмотреть, достиг ли цели, когда в дверях появился Ногин:

— Товарищ майор, разрешите обратиться? Срочный запрос из Центра.

Я прочитал радиограмму, и пальцы непроизвольно стали застегивать распахнутый ворот гимнастерки.

— Ругают или хвалят? — спросил Хаджи, закинув голову и косясь в зеркальце.

— Танки, — сказал я.

— Что — танки?

— Прочти.

Хаджи вытер щеки полотенцем, пробежал глазами листок, и его широкие черные брови съехались к переносице.

— Понял? — спросил я.

— Не понял, — признался Хаджи. — Неужели напортачили?

— Об этом я и хотел у тебя спросить.

— Не может быть, чтоб ошибка, — огорченно сказал Хаджи. — Проверено же. Сам Гора работал!

— Мне идти, товарищ майор? — спросил Ногин.

— Да, идите. Пришлите ко мне Скрипника.

— Слушаюсь...

Хаджи быстро вытирал и складывал бритву.

— Вот черт! Надо же... Ты и сам видел — все доносили одинаково!

[199]

— Разберемся. Но уж если кто-нибудь напортачил!..

Радиограмма, принесенная Ногиным, озадачила и взвинтила нас. Центр запрашивал, убеждены ли мы, что танки, перевозимые по маршруту Брест — Барановичи, действительно имеют более широкую, чем обычно, ходовую часть и длинные пушки? Нам разъясняли, что выражения «длинные пушки» и «широкие гусеницы» практической ценности не имеют, что в донесениях следует указывать калибр орудий танков и точную ширину ходовой части, а заодно толщину брони, наличие пулеметов, а также состав экипажа. В заключение Центр требовал бросить все силы на выяснение этих данных.

Признаться, я чувствовал себя очень неуютно. Закралось подозрение: верна ли наша информация, не послали ли командованию дезориентирующее сообщение, положившись на впечатления наших людей и не уточнив данных?

Судя по последней телеграмме, Центр придал нашей информации серьезное значение. Надо полагать, что отныне не только мы, но и прочие разведывательные подразделения (такие существовали, конечно, в других районах вражеского тыла) станут искать немецкие танки с орудиями значительного калибра и особенно широкой ходовой частью.

А вдруг окажется, что таких танков нет в помине? Что они — плод воображения или досадной ошибки наших людей? Что тогда? Не принесет ли наше сообщение вреда хотя бы тем, что отвлечет разведку от наблюдения за ОВ и направит на розыск загадочных танков?

Поволновались мы все изрядно. Только новые сообщения разведчиков могли прояснить все вопросы. К счастью, ждать пришлось недолго. Дополнительная информация не только

успокоила, но и обрадовала нас.

Прежде всего для гитлеровцев не прошла безнаказанно ночная остановка в Бытене.

Именно тут разведчики рассмотрели танки поближе, а потом подобрали на путях обрывок немецкой газеты со снимком танка.

На снимке, судя по подписи, был изображен новый немецкий танк «тигр». На фоне танка фотограф запечатлел и экипаж машины — пять танкистов в шлемах. Танкисты весело улыбались в объектив, явно гордые тем, что им доверили грозную технику. Краткий текст сообщал, что германская армия получила новые, совершенно неуязви-

мые боевые машины. Их лобовая броня достигает 10, а боковая и задняя — 5–7 сантиметров. Танк вооружен пушкой калибра 88 миллиметров и пулеметом. Вес машины 60 тонн, но широкая ходовая часть позволяет ей преодолевать самые трудные участки местности и любые препятствия.

— Это уже конкретно, хотя фрицы и брешут о полной неуязвимости! — сказал Хаджи.

Да, это были конкретные данные, и мы тотчас вызвали Москву.

Вызвали Москву и сразу после того, как Дорошевич и другие товарищи из Барановичей подтвердили сведения, поступившие из Бытеня.

В срочной радиограмме Москва выражала благодарность личному составу отряда. В тексте подчеркивалось, что сведения о танках получены впервые, и указывалось на необходимость проследить маршрут следования «тигров».

— Точка, сработано! — сказал Хаджи. — Кажется, мы поймали что-то важное.

— Скажи точнее — поймал Миша Гора!.. А теперь бы не упустить!

— Согласен, командир!

Недаром говорят, что хорошая подготовка и организация — три четверти успеха. Гора и другие разведчики без напоминаний понимали, что от них требуется. Радисты штаба едва успели передать в Барановичи требование проследить, куда направлен эшелон с «тиграми», как уже пришло сообщение, что эшелон двинулся на Минск...

Москва запросила, сможем ли мы принять самолет и передать обрывки немецкой газеты с сообщением о «тиграх» в Центр?

Мы ответили, что можем.

Самолет приземлился в назначенное время вблизи

Ляховичей. Мы вручили летчику пакет с тщательно разглаженными обрывками газеты, и машина исчезла в предрассветном небе.

Днем нас известили, что пакет получен, и вновь поблагодарили за отличное выполнение задания.

Мы передали благодарность Центра всем подразделениям.

А вскоре началась битва на Орловско-Курской дуге,

[201]

где фашистское командование впервые применило танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд».

Как известно, появление этих танков не было неожиданностью для наших войск. «Неуязвимые» машины гитлеровцев заполыхали, словно факелы...

С гордостью за своих товарищей думаю я сейчас, что в своевременной информации, переданной главному командованию Красной Армии о «тиграх» и «фердинандах», в том, что козырь гитлеровского командования был беспощадно бит в первых же сражениях лета сорок третьего года, есть доля и нашего труда.

Совсем недавно, работая над книгой, я встретился с бывшим начальником разведки Воронежского фронта генерал-майором И. В. Виноградовым.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — вы получали в июне сорок третьего предупреждение из Центра о «тиграх»?

— Конечно, получали, — ответил он. — Нам приказано было установить, когда и на какие участки прибывают эти танки и самоходки.

— Установили?

— А как же? Специально выбрасывали в тыл фашистам группы фронтовой разведки, вели авиационное наблюдение. Засекли голубчиков как миленьких. Наши хлопцы проследили, где производилась выгрузка танков, подсчитали, что с первым эшелоном прибыл батальон «тигров», ну а потом точно установили, на какой участок фронта проследовал этот «тигровый батальон»... А почему вы спрашиваете, полковник?

— Наши товарищи тоже выследили «тигров».

— О!.. А знаете, какое решение приняло командование в связи с прибытием «тигров»?

— Нет. Слышал, что бойцов готовили, учили, как бороться с «тиграми».

— Это само собой. Но тогда же было решено зарыть в землю целую нашу танковую армию. Армию Ротмистрова. Случай вроде небывалый в истории танковых битв, но решение оправданное.

Орудия у «тигров» были мощные, но наши зарытые танки оказались им не по зубам. Зато наши танковые орудия и снаряды отлично прошивали боковую и затылочную броню «тигров». Так что заполыхали они, как пасхальные свечки!

Слушая И. В. Виноградова, я опять вспомнил своих боевых друзей...

[202]

19

Лето сорок третьего года вошло в историю Великой Отечественной войны грохотом и скрежетом небывалой танковой битвы на Орловско-Курской дуге.

Там, на орловских и курских полях, был эпицентр войны.

Насмерть стояли советские солдаты. Сдержав отчаянный порыв немецко-фашистских войск, выбрав момент, Красная Армия нанесла удар такой сокрушительной силы, что стало ясно: больше гитлеровцам не наступать, инициатива окончательно вырвана из рук противника, он сломлен, морально оглушен, и час освобождения советской земли от оккупантов близок.

Но мы знали: победа не приходит сама. Знали, гитлеровские войска не побегут к границам рейха, бросая оружие и не оказывая сопротивления.

Еще не были отброшены фашисты от Ленинграда, еще сидели они на Украине и в Белоруссии, в Крыму и на Кавказе. Перед нашими наступавшими войсками еще лежали тысячи верст пути. Еще продолжала литься кровь. Сотням тысяч матерей предстояло рыдать над похоронными извещениями.

Но мы наступали. Мы наносили удар за ударом. Столица все чаще салютовала своим солдатам, освобождавшим родные города.

* * *

Разгром гитлеровских захватчиков на Орловско-Курской дуге, успешные наступательные действия на Южном и Центральном фронтах в корне изменили обстановку.

Уже в июне Центр запросил наше мнение о перебазировании соединения дальше на запад.

Мы в штабе полагали, что разумнее всего было двигаться на Раву-Русскую, Люблин и Дрогобыч, однако в очередной телеграмме Центр сообщил, что намерен перебросить нас под Лиду.

Как говорится, сверху виднее. Мы были у Центра не одни, и Москва сама решала, кто и где принесет большую пользу.

Выполняя директиву Центра, мы подготовили для переброски под Лиду отряд Картухина в составе трехсот

[203]

человек. В задачу Картухина входили разведка и подготовка баз для основных сил соединения.

В связи с тем, что предполагалось уходить из прежнего района действий, следовало позаботиться о руководстве

остававшимися разведчиками.

Михаилу Горе пришлось посидеть под Барановичами и хорошенько прощупать там почву, прежде чем в июле он смог подготовить условия для засылки в Барановичи и легализации в этом городе радистки из Центра.

Гора с помощью Лиходневского и Паровозова выяснил, что радистке можно оформить документы на имя жительницы Барановичей Вали Соломоновой, которую в числе многих сотен других девушек фашисты вывезли в Германию и которая по состоянию здоровья была освобождена от работы на химическом заводе в Бреславле. Предполагалось, что радистка прибудет на центральную базу, затем ее перебросят в наши отряды под Брест, а уже из Бреста она явится в Барановичи...

К сентябрю мы получили возможность создать в Барановичах еще одну радиофицированную разведывательную группу. На этот раз мы просили прислать радистку с документами на имя уроженки города Ржева Веры Порфирьевны Мезенцевой, двадцатого года рождения, белоруски по национальности.

Радистка должна была знать, что паспорт она получила в 1939 году в Ржевском районном отделении милиции сроком на пять лет, что в 1940 году окончила школу и некоторое время работала счетоводом в коммунхозе, но к моменту оккупации Ржева находилась на иждивении родителей. В январе 1943 года ее увезли в Бреславль, там работала на заводе, по болезни была освобождена и в июле выехала к родственникам в Барановичи.

Мы сообщили Центру, какие регистрационные немецкие отметки должны быть проставлены в паспорте Веры Мезенцевой, и передали, что если нет возможности снабдить радистку пропуском в Барановичи из Германии, то можно дать ей пропуск из западных областей Белоруссии. Однако в любом случае пропуск в Барановичи должен быть у нее обязательно.

За июль — август наши разведчики наметили возможные конспиративные квартиры и в Барановичах, и в Бресте, и в Ковеле, и в Сарнах, и в Луцке, и в Пинске.

Мы сообщили Центру, что практически имеем неограниченные возможности для легализации радистов и раз-

ведчиков почти во всех городах, примыкавших к району наших действий.

Центр сразу запросил, нельзя ли готовить радистов на нашей центральной базе.

Готовить радистов на месте мы, к сожалению, не могли, но на всякий случай передали, что требуется для организации учебы.

Однако в дальнейшем этот вопрос больше не поднимался. Нас просили только продолжать поиски подходящих людей, биографические данные которых можно использовать для проживания направляемых Центром товарищей в тылу у гитлеровцев, и сообщать о возможностях организации конспиративных квартир.

Конспиративные квартиры интересовали и нас самих.

Далеко не каждый раз разведчик, работавший в городе, мог выйти на связь с руководителями, и далеко не всегда сами руководители могли прийти на встречу с разведчиками.

Мы уже имели горькие потери при организации личных встреч. Под Ганцевичами погибли замечательные товарищи Семенюков и Белобородько, пробиравшиеся на условленное свидание с одним из разведчиков и выданные предателем. Окруженные фашистами, Семенюков и Белобородько дрались до последнего патрона и в плен не сдались.

Мы не хотели терять людей, но нам необходим был постоянный контакт с разведчиками в городах. Поэтому наличие конспиративных квартир, где «жили» бы руководители, становилось просто необходимым.

И к осени сорок третьего года конспиративные квартиры были подготовлены. Только новый поворот событий не позволил нам использовать их...

* * *

Примерно в начале августа к нам на центральную базу прибыл представитель Центра Марк (Афанасий Мегера).

Накануне его вылета из Москвы нам радировали, что соединению присвоено наименование Оперативный центр и что нам предстоит организационная перестройка.

По мнению Москвы Оперативный центр должен был состоять из десяти групп разведчиков по двенадцать — пятнадцать человек каждая, из командира со штабом и оперативной группы из трех офицеров во главе с Михаилом Горой.

[205]

Меня озадачило и огорчило это сообщение.

«Ну хорошо, — рассуждал я. — Создадим группы разведчиков, оставим минимальное число людей в штабе... Но ведь тут не Москва! А кто будет нести охрану штаба? Кто будет выполнять хозяйственные работы? На чьи плечи переложим охрану населения? Есть-то что будем, в конце концов?!»

Сеня Скрипник и Михаил Гора разделяли мое недоумение.

Представитель Центра не стал тешить нас иллюзиями. Он прямо заявил, что прислан не только для оказания помощи,

советов и консультации, но также и за тем, чтобы проследить за выполнением директивы об организационной перестройке.

— У нас в бригадах и отрядах несколько тысяч человек, — сказал я. — Из директивы следует, стало быть, что эти бригады и отряды отберут у Оперативного центра?

— Весьма вероятно, — ответил Марк. — Вопрос окончательно не решен, но ваша догадка близка к истине.

— Значит, перестраиваться?

— Да, перестраиваться.

— Хорошо. Поживите у нас, приглядитесь к нашей жизни.

Марк провел у нас три месяца. За это время он многое увидел, многое оценил по-новому.

Я не упускал случая взять Марка с собой в очередную поездку по отрядам или по ближайшим деревням, если же не мог выехать сам — отправлял Марка в отряды с Горой или Хаджи Британевым.

Помню два забавных эпизода из наших совместных поездок.

Август. Утро. Кони неторопливо ступают по мягкой лесной дороге, взмахивают гривами, отфыркиваются, отгоняя мошку. Едем с Марком рядом, чуть впереди, а за нами — ординарец и Петя Истратов.

По просветам между стволами деревьев чувствуется близость опушки. Дорога поворачивает, деревья стремительно расступаются, в лицо дует ветер. Впереди поле. По этому полю навстречу нам идут человек двадцать косарей. Лезвия литовок так и сияют.

— Это кто? — интересуется Марк.

— Кто их знает, — лукавлю я. — Спросим...

Подъезжаем. Крестьяне улыбаются, останавливаются, снимают шапки, здороваются.

[206]

— Куда собрались, граждане? — обращается к ним Марк.

Крестьяне поглядывают на меня и на ординарца. Все они из Милевичей, нас хорошо знают, а Марка видят впервые.

Я сижу в седле с равнодушным лицом.

— Да вот, косить... — говорит один из косарей. — Время-то не ждет.

— На кого же косите? На себя, что ли? — спрашивает Марк.

— Зачем на себя? — удивляется косарь. — На государство.

— На государство? На какое же это государство?

— Как на какое, милый человек? На свое, стало быть. На Советскую власть.

— Вот оно что! А где у вас Советская власть?

Косарь щурит глаз, голос его полон тихого ехидства:

— Как же ты не знаешь, милый человек? Да ведь наша Советская власть рядом с тобой на коне сидит!

Все хохочут. Ординарец отворачивается и пригибается к луке седла.

Теперь настает и моя очередь.

— Видишь ли, чтоб коней кормить — сено нужно, — доверительно, как большую новость, сообщаю Марку. — А коней у нас только на центральной базе около пятидесяти. Вот народ и косит. Штабу, понимаешь, самому некогда...

Прощаемся с крестьянами, едем дальше.

— Купил? — полусердито спрашивает Марк. — Доволен?

— Ты это о чем? О сене? Так ведь коней действительно надо кормить...

— Ну ладно, ладно! — хохочет Марк. — Будет!

Или такая сцена.

Встречаются нам с Марком плачущая женщина и насупленный дядька.

Женщина, завидев меня, всхлипывает, бросается чуть ли не под копыта коня, цепляется за узду:

— Товарищ командир! До вас я! До вас! Рассудите!

— Что случилось? Успокойтесь, пожалуйста.

— Как же мне, с двумя малыми, успокоиться?! О, господи боже ж мой! Товарищ командир! Срам-то! Срам-то!

[207]

Насупленный дядька стоит в сторонке, помалкивает.

Надо спешиться.

Ординарец уводит коней.

Присаживаемся на кочки.

— В чем дело? Рассказывай.

Женщина, не глядя на дядьку, утирает слезы с измученного, когда-то миловидного лица, с надрывом говорит:

— Разводиться он со мной надумал, товарищ командир!.. Молодую нашел!.. А двоих детей куда?

— Развод Советской властью не запрещен, — угрюмо гудит дядька. — Молодую!.. Не в том дело. И детей не брошу... Бери алименты. А жить с тобой не хочу. Собака и есть собака! Только лает...

— Не пил бы — не лаялась! Люди в дом, а он из дому!..

— Но-но! — пытается пригрозить дядька.

— Помолчите, гражданин, — осаживаю я неверного мужа.

Он осекается, а ободренная женщина начинает выкладывать подноготную.

Ох, эти семейные дела! Кто из супругов прав, кто виноват —

черт не разберет. Одно ясно — как бы ни поступали родители, дети страдать не должны.

— Ладно, ясно, — прерываю женщину. — Сколько годков ребятишкам?

— Старшему шестой, а младшенькой четыре...

Сижу, думаю. Марк глядит растерянно. Наверное, не предполагал, садясь в самолет, что в глубоком тылу врага ему придется разбирать семейные неурядицы.

— Ну вот что, — говорю я, обращаясь к супругам. — Дело тут такое... Деликатное...

Дядька заметно веселеет.

— Силой мы не можем мужа заставить жить в семье, — объясняю женщине. — Не охрану же к нему приставлять?

Дядька расплывается в улыбке: мол, мужик мужика не выдаст. А женщина совсем оторопела, и выцветшие глаза ее наливаются ужасом.

— Значит, так, — подвожу итог. — Поскольку дети страдать не должны, он может от тебя уходить, а имущества брать не смеет. Все останется детям.

Молчание.

[208]

— Это... как же? — неуверенно кашлянув, осведомляется дядька. — К примеру, нельзя взять и порток?

— В каких на свидание бегал, в тех будешь и хорош. Ничего нельзя.

— Граждане командиры... — набычившись, говорит неверный супруг. — Тут не о портках, значит, речь. Ну, хату — ладно... А лошадь, значит? И опять же — хряка кормил... Это как?

— О лошади и хряке забудь, — говорю я. — Все — детям.

— Беги к своей Марыське голый! — советует женщина. — Больно ты ей, дурной, нужен без худобы!

— Так нельзя... — начинает было дядька, но я поднимаюсь, показывая, что беседа окончена.

— Ты, дорогая, сообщи нам, если что... — говорю я на прощание женщине.

А дядьке напоминаю:

— Если уйдешь, из дому ничего не брать. Возьмешь — пеняй на себя...

Отъехав, оборачиваемся.

Муж и жена стоят на том же месте, где встретили нас. Дядька, потупившись, скребет в затылке, а женщина что-то говорит ему.

— Вернется или уйдет? — вслух думает Марк.

— Вернется... Не расстанется со своей худобой. Детишек, подлец, еще бросил бы, но лошадь и хряка...

— Да, не простая у тебя работенка, как я погляжу, — качает головой Марк.

В сентябре он докладывает Центру, что план реорганизации соединения надуман, не отвечает требованиям обстановки. Реорганизованный Оперативный центр не сможет существовать в тылу врага. Не сможет обеспечивать своих людей, потеряет контроль над районом, перестанет представлять Советскую власть.

Доклад Марка принят к сведению. План реорганизации отменяют. Но тем не менее у нас забирают бригады Бринского и Каплуна. Их сливают в один самостоятельный «Оперативный центр» под командованием Антона Петровича и нацеливают новое соединение на обслуживание Украины.

Нас же ориентируют на разведку противника в районе Барановичи, Лунинец, Слуцк, поручают контролировать дороги Барановичи — Минск, Барановичи — Лунинец и Лунинец — Гомель, а также шоссе Варшава — Москва.

[209]

Одновременно Центр приказывает начать подготовку командиров разведывательных групп из местных жителей в Барановичах, Лунинце и Слуцке, обучить их руководству разведчиками и радиоделу, чтобы впоследствии эти группы имели самостоятельную связь с Москвой.

По всему чувствуется — скоро нас перебросят на запад. Мы ждем приказа, а пока продолжаем свою обычную работу. Если за три первых месяца сорок третьего года подрывники соединения уничтожили сто двадцать эшелонов врага, устроили восемь встречных крушений железнодорожных составов, сожгли четыре депо, взорвали водокачку и ангар, то теперь число уничтоженных эшелонов выросло втрое, сожжено еще шесть депо и еще два ангара, выведены из строя три водокачки на станциях.

Мы по-прежнему своевременно узнаем о любом передвижении войсковых частей противника, фиксируем номера прибывающих и убывающих фашистских частей и их маршруты.

По-прежнему захватываем пленных.

Один из них — капитан Майс. Партизаны взяли его в тот момент, когда капитан пожаловал на день рождения к своему переводчику Владимиру Бородичу, который одновременно являлся нашим связным.

Разведчики Самсонов и Мочалов, убедившись, что офицер изрядно подвыпил, вошли в хату Бородича, с его помощью

связали Маиса вожжами, вывели во двор, погрузили на телегу и помчались в деревню Рогачево, где размещалась разведгруппа.

Чтобы оградить от репрессий семью Бородича, его тоже связали и в одном белье вывели во двор. Володе Бородичу пришлось пережить несколько неприятных минут: партизаны крыли его на чем свет стоит, грозили свести с ним счеты как с предателем.

Спектакль удался. Соседи, видевшие, как «расправлялись» с Бородичем, сообщили обо всем немецким властям. Семья отважного связного осталась вне подозрений.

А капитан Майс рассказал немало любопытного...

20

Хлестали холодные сентябрьские дожди.

— Осенняя пора, очей очарованье... — сердито бурчал Хаджи, входя в землянку и выжимая разбухшую фуражку.

[210]

— Положим, это было сказано про октябрь... — возражал Сеня Скрипник.

— Подожди, дорогой, в октябре еще веселее будет! — зловеще предсказывал Хаджи.

Его пророчество сбылось. Октябрь, холодный и дождливый, не порадовал ни багряной листвой рощ, ни теплыми полднями.

— Утешься тем, что фрицам хуже, — успокаивал я Хаджи, тосковавшего по солнцу. — Вдобавок ко всему их еще бьют и в хвост и в гриву...

Противник отступал. Не выдержав могучих ударов Красной Армии, фашистские полчища катились на запад. Они еще пытались огрызаться, цеплялись за водные рубежи, бросали в бой резервы и все равно продолжали отступать.

Перемена обстановки ощущалась в наших краях очень остро.

Все крупные станции были забиты эшелонами. В Лунинце скапливалось до двадцати вражеских составов в сутки, чего раньше никогда не бывало.

Антипов сообщал из Барановичей, что там концентрируются немецкие войска, убывающие на Брест. Он отметил длительное пребывание в городе четырех фашистских генералов и четырех полковников. Такого количества «высоких чинов» до сих пор в Барановичах не наблюдали.

В Барановичи прибыли фельдкомендатуры из Смоленска, Орши, Бобруйска.

Гудело обычно не очень оживленное шоссе Варшава — Москва.

Разведчица Кудрявая (Евгения Кологрицкая) передавала: машины гитлеровцев движутся в основном на запад. По рассказам проезжавших венгров, их части отбыли из Могилева и Гомеля.

Цыганов приказал партизанам систематически нападать на небольшие группы противника и в результате установил: в Ганцевичах, Барановичах, Молодечно появились части с новыми полевыми почтами. Номера этих почт немедленно сообщили в Центр.

Из-под Пинска доносили, что прибывающие туда фашистские войска устраиваются на зимовку, что появилась новая

фельдкомендатура № 339, а старую перебросили в Брест.

[211]

В Лунинец прибыли венгерские фашистские подразделения, а стоявшая там войсковая часть № 36–905-А убыла в Луцк.

Примерно в двадцатых числах сентября стало известно, что гитлеровцы готовят облаву под Пинском. Чтобы не попасть под удар карателей, Виктор Сураев со своим отрядом отошел на север к Цыганову.

Из сообщений разведчиков можно было установить: в район выходят тылы и штабы отступающих соединений противника. Облава под Пинском подтверждала это. Было ясно: немцы хотят обезопасить свое командование, оградить от всяких случайностей.

По всему выходило, что мы вскоре окажемся чуть ли не в тактической зоне действий войск врага.

А в начале октября произошла встреча с группой фронтовой разведки штаба маршала Рокоссовского.

Командир группы прибыл на центральную базу соединения.

Нагнувшись, спустился в мою землянку, выпрямился, приложил руку к пилотке, чтобы рапортовать, и вдруг весь засветился:

— Иван Николаевич!

Память у меня была хорошая.

— Щербаков! Какими судьбами?!

— Наступаем, Иван Николаевич!

Щербаков был одним из моих учеников. Совсем молодым парнишкой пришел он к нам в отряд фронтовой разведки в Ельце. А теперь — поди ж ты! Командир спецгруппы разведки фронта! И какой вид! Взгляд!

Весь день не отпускали мы Щербакова. Делились новостями о противнике, жадно слушали его рассказы о действиях войск фронта.

Встреча со Щербаковым убедила — время не ждет. Пора сниматься и уходить на запад.

Трезво учитывая трудности перехода, мы решили, что разумнее всего было бы поначалу выдвинуть штаб соединения на восемьдесят — девяносто километров юго-западнее Пинска, а бригады дислоцировать несколько дальше, срочно послав группы разведчиков под Перемышль и Люблин.

Диверсионную деятельность эти группы могли начать немедленно, а разведданные потекли бы от них месяца через два-три.

[212]

Начать переход наметили не позднее 30 октября, собрав все соединение на центральной базе.

Соображения штаба послали в Центр. Оставалось только дождаться приказа на переход...

* * *

Приближение советских войск вызвало необычайный подъем не только у разведчиков и партизан.

Чувствуя, что дни фашистского господства сочтены, осмелели, захотели отомстить гитлеровским изуверам и те, кто до сих пор держался в стороне от активной борьбы. Партизанские отряды стали стремительно пополняться людьми.

Наши разведчики и подрывники называли руководителям групп имена все новых патриотов, готовых выполнить любой приказ.

Мы не отказывались от помощи.

Просматривая донесения разведывательных и диверсионных групп за то время, видишь, что оккупантам приходилось очень туго. У них в полном смысле слова горела земля под ногами.

Целую серию диверсионных актов провели наши товарищи в Барановичах.

Найда, применив ранее испытанный способ, уничтожил два самолета. Оба сгорели в воздухе вместе с экипажем.

Роговец подорвал магнитной миной авиабомбы на аэродроме. При взрыве пострадали аэродромные постройки, были повреждены несколько самолетов и планеров, уничтожена часть солдат охраны.

Воробьев подорвал магнитной миной паровоз серии СУ.

Антипов зажигательными снарядами спалил конюшню.

Дубец подорвал магнитной миной цистерну с бензином на заправочной станции Синявка.

Вскоре после этого Найда уничтожил еще один самолет — двухмоторный бомбардировщик.

Матов проник на склад смазочных веществ в самом городе и сжег тридцать шесть бочек смазочных материалов, по четыреста литров каждая.

Сокол при помощи магнитной мины и пяти килограммов ВВ взорвал центральную формировочную автоблокировку станции Барановичи. Станция не работала двое суток.

Геркулес такой же магнитной миной уничтожил на

станции Барановичи восемь цистерн с бензином, стоявших вблизи склада с горючим. Пожар длился семь часов. Сгорело

дотла три станционных склада.

Потом снова отличился Матов, сумевший в один прием вывести из строя шесть паровозов.

Иванов взорвал еще одного «фердинанда», спустив в его ствол немецкую гранату и заряд взрывчатки.

Найда, улучив момент, сунул в очередной «хейнкель» магнитную мину.

Так же ловко и беспощадно действовали наши подрывники в Ковеле, Ровно, Сарнах, Лунинце, Ганцевичах, Житковичах и на промежуточных станциях.

Тщательно готовили партизаны каждый взрыв, каждый поджог. Не случайно наши подрывники ни разу не навлекли на себя подозрения фашистских ищеек.

Люди действительно научились работать.

Гитлеровцы тщетно пытались обезопасить себя, установив на всех въездах в город контрольно-пропускные пункты.

Не помогло!

Партизаны каждую ночь минировали железные и шоссейные дороги, совершали налеты на мосты, на охрану промышленных объектов, на обозы и малочисленные колонны врага.

По всему району катилось эхо взрывов. Над станциями и городами вставали черные столбы дыма...

Сеня Скрипник, вернувшись с радиоузла после передачи очередной длиннейшей сводки о диверсионной работе, посмеивался:

— Тут-то она ему и сказала: за мною, мальчик, не гонись! Ну и развернулся народ, товарищ командир! Такого еще не бывало...

— Да ведь и такого наступления еще не бывало...

Красная Армия приближалась к государственной границе, чтобы перешагнуть ее и добить фашистского зверя в его логове, чтобы навсегда исчезла Германия империалистическая, Германия, угрожавшая миру в Европе, чтобы возникла на ее месте новая, свободная и миролюбивая Германия — наш друг и товарищ...

Предстояли еще жестокие бои. А следовательно, необходимо было знать замыслы врага. И разведчики должны были двигаться впереди наступавших войск, чтобы из глубокого вражеского тыла сообщать командованию о передвижениях противника, о концентрации его войск,

[214]

об оснащении оборонительных рубежей, о численности гарнизонов и дивизий, об их вооружении.

Разведчикам надо было идти впереди, чтобы парализовать вражеские пути сообщения, разрывать коммуникации фашистов,

уничтожать их транспорт и промышленные объекты...

* * *

Путь разведчиков лежал через Польшу.

Какая она, Польша? Что ждет нас на ее измученной, веками страдавшей земле?

— Понимаешь, командир, — говорит Хаджи Бритаев, — у поляков веками воспитывали мысль, что Россия заклятый враг. Царская сволочь постаралась укрепить эту репутацию. Сколько восстаний польского народа было потоплено в крови! На этом в свое время играл паразит Пилсудский. Боюсь, и теперь найдутся любители сыграть... Вспомни, как польские националисты нападали на наших под Ковелем и Сарнами.

— Ты что же — полагаешь, встретят нас неприветливо?

— Ай, командир, зачем так? Думаю, поляки убедились, что если кто сейчас и спасет их от немецкой колонизации, так это только советские люди! Факт! Польская компартия не зря кровь проливала в подполье и в партизанских отрядах. Думаю, поляки сами видят, кто им настоящий товарищ, а кто только кричит о верности Речи Посполитой, но на самом деле действует на руку фашистам, подымая оружие против нас. И все же могут найтись темные головы, командир!

— Знаю, Хаджи. Однако меня заботит не это. Я смотрю просто: тот, кто стреляет в наших, — враг, какую бы форму он ни носил, а с врагом разговор короткий... Но как будем работать? Там же совсем другие условия!

— Понимаю. Я тоже об этом думал. Некоторое время оба молчим.

На своей земле мы были представителями законной Советской власти, представителями своей Коммунистической партии. Люди на нас и смотрели как на представителей власти и партии. И шли в партизаны, шли в разведку.

А в Польше?

В Польше дело обстояло иначе. Мы не могли требовать, чтобы каждый разделял наши политические взгляды

[215]

и безоговорочно сотрудничал с партизанами. В Польше нам предстояло опираться только на добровольное сотрудничество народа в борьбе против общего врага — немецкого фашизма.

— Трудненько нам придется, Хаджи, — прерываю я затянувшуюся паузу. — И действовать будем деликатно, только убеждением.

Зовем начальника штаба Василия Гусева и Сеню Скрипника, начинаем «военный совет».

— Обстановка в Польше неясна, — говорю товарищам. — Надо быть готовыми к тому, что встретим и друзей и врагов. Какие там действуют партизанские отряды — бог их знает. Связи с ними нет. Во всяком случае — у нас. Да и Центр пока ничего не поясняет. Случиться может всякое. Но помнить надо одно — мы идем к друзьям, к братьям по крови и по оружию.

— Верно, — соглашается Гусев. — Только брать с собой нужно надежных людей.

— Поясни.

— А что пояснять? Сейчас, когда армия наступает, в партизаны всякая публика побежала. И вчерашние полицаи тоже. Всю войну, видите ли, они морально страдали, а работали на немцев. Теперь опомнились, срочно осознают ошибки...

Вася Гусев прав.

Всякий народ пошел в партизаны. Мы не отказывали людям. Решил, хоть и с опозданием, искупить свою вину перед народом — иди, искупай!

Но брать их в Польшу... Кто поручится, что новички окажутся на высоте положения, смогут достойно представлять на польской земле наш народ?

— Надо ближе с людьми познакомиться, — говорит Хаджи.

Все соглашаются с ним. В Польшу пойдут только самые надежные, самые испытанные, самые достойные.

Из Центра приходит телеграмма, подтверждающая, что у нас отбирают бригады Бринского и Каплуна.

Людей на центральной базе недостаточно, чтобы перебазироваться под Пинск с радиотехникой и остальным имуществом. Хотя мы и собирались перевозить технику на бричках, в партизанской жизни может случиться всякое, надо быть готовым к тому, что весь груз придется тащить на себе.

Поэтому из-под Пинска вызываем отряд Сураева и

три диверсионные группы из бригады Цыганова во главе с самим Цыгановым.

Цыганов и Сураев отлично знают местность в намеченном районе временного базирования, отлично знают и маршрут следования под Пинск.

Я ввел прибывших командиров в курс дела.

Еще раз просмотрели списки личного состава.

В бригаде Цыганова и отрядах оставили только партизан с большим стажем.

Чем вызвана такая «перетряска», личный состав не знает. План перехода в Польшу известен в соединении только мне,

Гусеву, Британеву, Скрипнику, Горе и Юре Ногину. Даже радисты, отстукивающие в Центр группы цифр, не догадываются, о чем идет речь.

Может, поэтому переформировка отрядов проходит без обид и осложнений.

Но почему молчит Центр? Почему не дает команды на переход? Октябрь уже на исходе.

* * *

Сначала мы получили из Центра радиограмму, подтверждавшую, что переход не отменен:

«К району вашего базирования, — сообщал Центр, — перемещаются штабы и тылы противника. Поэтому, не приостанавливая подготовки к переходу, организуйте подвижную, хорошо вооруженную группу под командованием опытного офицера, способную захватывать оперативные документы в штабах врага. На некоторое время группа должна будет после вашего выхода оставаться на центральной базе. Действовать группа будет по указанию Центра. Радиосвязь группы — с вами и с Центром.»

Затем пришло сообщение, что нам передается радиофицированная диверсионная группа Федора Степи и что мы должны дождаться ее прибытия на центральную базу из района Мозыря.

Ожидая людей Степи, мы сформировали подвижную группу, о которой писала Москва. Командовать ею я назначил Хаджи Британева. В его распоряжении оставалось пятьдесят человек, вооруженных карабинами, пятнадцатью автоматами, двумя ручными пулеметами и одним противотанковым ружьем.

Выполняя новую директиву, мы начали передавать своих разведчиков в Барановичах и Пинске соединению

[217]

Григория Матвеевича Линькова, который вновь появился в наших краях под фамилией Льдов.

Разведчиков в Барановичах принял прибывший от Линькова опытный командир Петр Герасимов, а в Пинске — сам Григорий Матвеевич.

Остальные разведчики оставлялись в подчинении Бринского.

Хоть и жаль было нам расставаться с некоторыми командирами разведгрупп, но дело требовало оставить их на центральной базе для бесперебойного руководства людьми.

Наконец все уладилось.

Не было только группы Степи.

Она прибыла уже в середине ноября: небольшой, хорошо

вооруженный, но еще малоопытный отряд. Федор Степь (Манзиенко) оказался подтянутым, но несколько мрачноватым человеком.

К этому времени мы получили и указания Центра о переходе.

Соглашаясь с нашими предварительными соображениями о перебазировании за Пинск и выброске вперед отдельных групп подрывников и разведчиков, Центр приказывал прибыть на новую базу за Пинском не позднее 10 декабря 1943 года.

Перед нами ставили несколько задач:

1. Организовать непрерывную разведку гарнизонов Брест, Ковель, Седлец, Люблин.

2. Развернуть разведывательную сеть на новом месте действия, но в первую очередь в Бресте и Ковеле.

3. Обеспечить срыв перевозок противника на магистрали Брест — Ковель.

Таким образом, нас нацеливали несколько севернее того района, где предполагали действовать мы сами, и пока не снимали с нас задачи разведки Ковеля.

Возможно, это было разумно, но я немедленно попросил Центр подчинить нам на это время бригаду Каплуна, хорошо освоившую Ковельский район, и получил согласие.

У меня отлегло от души. А вот Вася Гусев ходил с красными от недосыпания глазами и невпопад отвечал на вопросы — мы навалились на него, как на начальника штаба, требуя в кратчайший срок составить план перехода с учетом разведданных о новом районе базирования.

Василию приходилось соображать, как наладить бес-

перебойную связь с Центром и бригадой Каплуна во время движения, как сноситься с оставляемой группой Хаджи и выделенным ему в помощь отрядом Сураева, где сможем во время движения принимать груз с самолетов (этот груз обещала Москва), где лучше идти, где останавливаться на дневки...

В пути нас ожидало немало препятствий. Несколько речек, похожих на тихую Лань, нас не беспокоили: как-нибудь преодолеем, переходили и не такие. А вот магистрали Барановичи — Ганцевичи — Лунинец и Брест — Пинск — Лунинец, Днепровско-Бугский канал и река Западный Буг заставляли серьезно задуматься. Да и на территории Польши отряду предстояло как-то проскочить через железную дорогу и шоссе Владава — Хелм, а также через шоссе Владава — Парчев.

Одно дело перебираться через шоссе и железные дороги маленькой группой и совсем другое — крупным отрядом с

обозом.

К тому же мы были не рейдирующим соединением, готовым вступить в бой с противником и рвущимся к этому бою, а Оперативным центром.

Москва прямо приказывала избегать соприкосновения с противником. Поэтому надо было миновать все препятствия, где наверняка имелась солидная охрана противника, незамеченными. Враг не должен был знать наш маршрут.

Но крупный отряд — не иголка в стоге сена!

Как проскочить, как проскользнуть в Польшу незримыми и неслышимыми?

После раздумий и споров штаб сошелся на таком плане.

Весь путь следования в Польшу разбивался на два этапа. Первый — по своей территории до деревни Сварынь перед Западным Бугом. Тут намечалась временная база. Второй — форсирование Буга и бросок через железную дорогу Владава — Хелм и шоссе Владава — Парчев.

До деревни Сварынь простиралась территория, частично контролируемая партизанами, изрезанная привычными партизанскими маршрутами. С одной стороны, это облегчало движение отряда, так как можно было рассчитывать на поддержку населения, а с другой — затрудняло, так как на обычных партизанских маршрутах гитлеровцы наверняка держали свою агентуру.

[219]

Стало быть, обычные маршруты исключались. Мы выбрали такой путь, каким партизаны от нашей базы под Пинск почти никогда не ходили. Это в какой-то степени страховало от чужого глаза.

Идти собирались ночами. До перехода железной дороги Барановичи — Ганцевичи — Лунинец все дневки, кроме одной, наметили в лесах. Предупредили командиров и бойцов, что во время дневки впускать посторонних в села можно, а выпускать ни при каких обстоятельствах нельзя. Провизию и фураж наметили брать в хуторах, расположенных в стороне от нашего маршрута.

Дневки перед большими препятствиями, в частности перед железными дорогами, намечали километров за пятнадцать — семнадцать.

Пока отряд отдыхал, разведчики обязаны были найти удобные места для перехода железных дорог и рек, причем несколько в стороне от нашего маршрута. Место перехода, как ни старайся, не скроешь. Всегда останутся следы. Так пусть эти следы хоть немного сбивают с толку немецких охранников...

В отряде, уходившем с центральной базы, насчитывалось около двухсот человек.

Порядок следования был таков. В центре — колонна с техникой, справа и слева от нее в пяти-шести километрах — колонны, игравшие роль боковых заслонов. Впереди — нечто вроде головного походного дозора на конях, наша разведка, шедшая маршрутом центральной колонны и высылавшая группы на маршруты боковых колонн, то есть просматривавшая всю местность перед отрядом. Замыкать движение должны были две арьергардные группы на конях, двигавшиеся за отрядом примерно в полутора километрах.

С рассветом все колонны должны были сходиться в заранее намеченное место дневки. Такое «сжимание» отряда в кулак позволяло избежать демаскировки и в случае нападения фашистов ответить ударом на удар.

Конечную цель движения бойцам не сообщали. Ее не знали даже командиры групп. Маршрут движения был известен только штабу.

Мы надеялись, что план перехода не очень плох. Надеялись, что обманем противника. Но удастся ли это — должно было показать время.

Наконец настал день выхода.

[220]

Бойцы собрались в колонну. Выехал, пристал к отряду обоз.

Мы передали в Центр последние разведданные и сведения о новых диверсиях. Центр поблагодарил за сводку и дал новое указание группе Хаджи Бритаева: в связи с сокращением коммуникаций между немецкими штабами проводить налеты в основном на грунтовой дороге Житковичи — Лахва.

Сенины ребята свернули радиостанцию. Сеня тоже уходил от нас. Центр приказал ему направиться к Бринскому...

Оставшиеся на центральной базе сошлись на Булевом болоте.

Я дал команду трогаться. Заскрипел снег, забряцало оружие.

— Хорошая ночь, — сказал Хаджи. — Смотри, все небо в облаках...

Мы всячески старались не выдать друг другу своего волнения.

— Дойдем, — как можно спокойнее ответил я. — Держи связь. А как двинемся из-под Пинска — сразу за нами.

— Ясно, дорогой.

Ординарец подвел коня.

— Ну, Хаджи... Ну, Сеня...

Мы обнялись.

Конь, вскидывая головой, понес меня вдоль растянувшейся колонны. Булево болото оставалось за спиной. Мы покидали его навсегда. Ради победы...

21

То ли сильно везло, то ли наш переход действительно явился для противника полной неожиданностью, но железную дорогу Барановичи — Ганцевичи — Лунинец мы перешли за одну ночь, и без единого выстрела.

От центральной базы до линии этой железной дороги — километров двести. Колонны пробирались лесными дорогами, с ходу минуя хутора и деревни. Брички отчаянно грохотали на подмерзшей земле, собаки, потревоженные грохотом, загодя поднимали бешеный лай, но хутора и села не вздували огня, не скрипели ставнями и калит-

ками: затаившись, выжидали, пока минет неведомая напасть...

Перед самой линией железной дороги остановились на дневку в хуторах Мельниковцы, вблизи станции Люсино.

Брички загнали под навесы в крестьянские дворы, бойцам приказали сидеть по хатам. На обоих концах села и по огородам выставили хорошо вооруженную охрану.

Днем мы с Горой и Степью обошли хаты, поговорили с командирами и бойцами. Повозочным напомнили, что они при любых обстоятельствах не должны вступать в бой. Их задача — перевалить через насыпь железной дороги и как можно быстрей гнать в лес.

На всякий случай выделили группы для переброски повозок через насыпь: если застрянут, если коням будет трудно, поднять брички, перетащить на руках.

К вечеру вернулась разведка, доложила: километрах в одиннадцати южнее села есть удобное место. Насыпь низкая, каких-нибудь полметра, хотя место это и недалеко от станции, где имеется немецкий пост.

Мы посоветовались и решили идти там, где побывали разведчики.

Ночью, как следует смазав оси, обмотав колеса повозок тряпками и ветошью, отряд вышел из села.

На этот раз все три колонны двигались вместе.

Проклятые брички тарахтели так, что было слышно за сотню верст. Но не возвращаться же из-за этого...

Через три часа приблизились к железной дороге. Проводники предупредили: лес сейчас кончится.

И верно: поредело. А потом глаза различили темную полоску

насыпи, огни на станции справа, тощий скелет семафора.

Повозки ринулись по кочкастому полю к насыпи. Вот она уже рядом. Кони карабкаются по откосу, спотыкаются на рельсах, испуганно ржут. Им на подмогу спешат бойцы, подхватывают брички, тащат их через колеи. Сопение, глухой стук сапог, приглушенная брань...

Цыганов уходит вперед. Мы с Горой ждем, пока переправят радиоузел. Невольно посматриваем то направо, где светятся огоньки станции, то налево. Где-то там в черноте декабрьской ночи залегли заставы, обеспечивавшие переход. Не наткнется ли на них противник, привлеченный шумом? Не поднимется ли стрельба?

[222]

Но противник словно оглох и ослеп.

Вот уже перетащили последнюю бричку, вот перебегают насыпь бойцы арьергарда.

Теперь вперед, в глухой лес, прочь от дороги. Вперед! Чтобы растаять, раствориться в ночи, уйти за недолгие оставшиеся до рассвета часы как можно дальше. Вперед!

И растаяли, растворились, ушли.

Без приключений добрались до самой базы отряда Цыганова, где остановились на десяток дней, чтобы сменить брички на сани, напечь хлеба, набрать продуктов.

Места были хорошо известны еще с осени сорок второго года: Кривошин, Свентицы, Залужье...

Я не упустил случая, чтобы повидать старых знакомых, и в первую очередь, конечно, семью Морозовых.

Старик и его жена были живы и здоровы. Обрадовались встрече, закатили такую наваристую уху, что ложка стояла торчком.

Морозов поведал, что старый Дорошевич сильно сдал за лето. Похудел, осунулся, все сынка вспоминает. Но работает как надо. Что говорить, крепкая семья, настоящие люди. А горе... У кого его нынче нету, горя-то?

Мои поездки по деревням не остались незамеченными.

Партизаны сообщили: в деревнях говорят, что пожаловал сам Черный, — видать, по немцу ударит.

Я распорядился, чтобы всячески поддерживали этот слух, и приказал добывать хлеб и продукты не в деревнях и селах, а по глухим хуторам.

Во время заготовки продуктов партизаны несколько раз сталкивались с власовцами и другими предателями, но вышли победителями из всех стычек.

На базе Цыганова нас задерживали главным образом не заготовки и не потребность в длительном отдыхе, а необходимость передать своих разведчиков в Барановичах, Кривошине и других ближних местечках новому хозяину, как тогда выражались.

Закончив это дело, вновь заложили коней...

Теперь предстояло перебраться к деревне Сварынь, за Пинск.

Маршрут нарочно выбрали изломанный и поначалу пошли к Бресту, в края, где воевало партизанское соединение секретаря Брестского обкома партии Сергея Ивановича Сикорского.

[223]

Начинались незнакомые, порою безлесные, малообжитые партизанами места.

Партизанские отряды располагались довольно далеко друг от друга, во всяком случае дальше, чем в районе Булева болота. И контроль над селами был, естественно, слабее.

По округе бродили националистические формирования, в крупных селах сидели фашистские гарнизоны, хватало всякой сволочи и в деревнях...

Маршрут становился все опаснее. Нас могли выследить, могли установить, куда мы направляемся, могли навязать бои. А это никак не входило в расчеты штаба. Поэтому мы часто меняли направление движения, избегая показываться и останавливаться в партизанских районах. Во-первых, там, скорее всего, имелась агентура врага, во-вторых, именно у границы партизанских участков было больше всего шансов напороться на части противника, а в-третьих, нам не хотелось, чтобы слух о движении отряда покатился по краю, опережая нас самих.

Самым крупным населенным пунктом на пути нашего следования под Брест оказалось местечко Мотель.

По слухам, там имелся весьма крупный гарнизон, и мы намеревались обойти Мотель. Но уже на дневке, километров за пятнадцать от городка, узнали: гарнизон, напуганный слухом о приближении трех колонн русских, бежал в Пинск.

Я послал Михаила Гору с группой бойцов проверить подлинность этой вести.

Гора спокойно въехал в местечко. Враг и впрямь бежал. Вот уж поистине у страха глаза велики! Около пятисот человек, имевших на вооружении пулеметы и пушки, в панике бросились искать защиты, испугавшись трехсот партизан (на базе Цыганова наш отряд несколько увеличился).

Приветливо встретил Мотель уставших бойцов. Квартирьерам нигде не отказывали. Не прошло и часу, как все партизаны были

размещены.

Штаб расположился в доме местного попа.

— Поп-то все-таки православный, — рассудили квартирьеры. — Выходит, почти свой... А дом у него — дай боже!

Свой или не свой был поп — не скажу. Но держался он уважительно и не брезговал пить партизанский спирт.

[224]

Батюшку главным образом интересовало, веруем ли мы в бога.

Дом у него был вместительный, чистый, с избытком комодов, сундуков, перин, подушек. Дворик оказался тоже подходящий, с сараями и клетями, где непрестанно что-то крякало, хрюкало, блеяло и мычало.

— Вот живет, богов приспешник, — удивлялся Петя Истратов. — Ему, видать, и оккупация нипочем...

Мотель не был разорен войной. Сражения обошли местечко стороною, немецкие гарнизоны тут не стояли, а прихвостни оккупантов держали себя тихо.

Партизан поражало обилие домашней птицы.

— Ты скажи, везде она орет! — говорили бойцы. — И с дороги не сворачивает, проклятая, если встретилась... А гусаки свирепые, как черти!

Надо было кормить людей, предстояло запастись мясом на дорогу, и крестьяне, понимая это, собрали для нас с каждого дома в Мотеле по три птицы, а с домов ксендза, попа и осадников мы сами взяли по пять птиц. Это полностью обеспечило отряд мясом на всю дорогу до Бреста.

Простояли мы в Мотеле три дня, выдвинув в сторону Пинска сильные заставы. Предосторожность оказалась излишней: противник и не думал нападать. Видимо, фашисты, оправдывая свое бегство, наговорили своему командованию с три короба...

Живя в городке, мы соблюдали особую осторожность. Бойцам категорически запретили обращаться к командирам по званию. Запрещено было, конечно, говорить и о цели нашего похода, о том, куда идем, сколько нас и т. д.

Здесь, в Мотеле, меня разыскал посланец Сергея Ивановича Сикорского. Кажется, это был шурин секретаря обкома.

Сергей Иванович приглашал в гости. Мы приняли приглашение: не вредно было познакомиться, узнать обстановку.

Сикорский стоял со своим штабом в районе споровских болот. Высокий, чуть сутуловатый, он встретил нас на подъезде к базе. Из-под меховой шапки, надвинутой на высокий лоб, смотрели светлые, умные глаза. Широкий рот, обычно твердо

сжатый, смягчала обаятельная улыбка.

У Сикорского пробыли сутки. Командир соединения угощал зайчатиной (был страстный охотник), приготов-

[225]

ленной по какому-то особому рецепту, и торжествовал, слушая похвалы.

Сергей Иванович информировал нас, где фашисты держат более или менее крупные гарнизоны, предупредил, что железная дорога Пинск — Кобрин, которую нам предстояло перейти, усиленно охраняется, и порадовал сообщением, что под Сварынью, куда мы направляемся, действует группа его партизан под командованием майора Коваля.

Мы простились с Сикорским, договорившись поддерживать связь и в случае чего помогать друг другу.

Было условлено, что Сергей Иванович, так же, как и мы, будет говорить соседям, что Черный идет на запад через железную дорогу Брест — Барановичи. От предложенных проводников мы отказались, ссылаясь на то, что возьмем их, подойдя ближе к дороге.

Мотель покинули ветреным, метельным днем. Оглядываясь, радовались, что быстрая поземка заметает след. А Миша Гора шутил:

— Бросьте вы! Фрицы небось сами возле Пинска заслон в сторону Мотеля выставили, трясутся, как бы не ударила наша «армия»!

А наша «армия» — не густая и не больно-то длинная колонна, — пряча лица в воротники полушубков, прикрывая варежками обмороженные щеки, отворачиваясь от ветра, спокойно брела за санями.

* * *

Железную дорогу Пинск — Кобрин мы надеялись перейти так же, как перешли дорогу Барановичи — Ганцевичи — Лунинец.

Так же скрытно приблизились, так же остановились на дневку за пятнадцать километров, так же выслали разведку...

На линии, в том месте, где намечался переход, имелись три переезда. Посоветовавшись с работниками штаба, я решил двинуть колонну через один из них. Перебираться прямиком через насыпь не хотелось: она проходила по заболоченной местности, была высока и крута.

Командиру группы, двинутой на разведку и обеспечение перехода, показал по карте, на какой переезд он должен выйти, и просил, чтобы к трем часам ночи выслали

[226]

навстречу колонне проводников: похоже было, что ночь выдастся темная, — валил снег, ползли облака.

Дождались ночи и тронулись. Снегопад кончился, но темень стояла — хоть глаз выколи. Я радовался, но радость была преждевременной. Едва колонна выползла на чистое поле, выкатилась луна. Да не луна, а лунища! Этакое сияющее колесо с радужным ободом!

Вел колонну Михаил Гора. Он остановился, запрашивая, продолжать ли движение.

Я вылез из саней, приказал подвести коня, сел в седло, прислушался.

Тишина...

Искрится снег на поле, вытянулись длинные черные тени людей и коней, далеко впереди виднеется что-то темное, не то лес, не то насыпь.

Петя Истратов гарцует сбоку, ругается:

— Словно днем — высветила, сволочь!

Повозочные, пользуясь остановкой, занимаются упряжью. Скрипят их валенки.

Тишина...

Если бы гитлеровцы заметили нашу разведку — давно бы открыли огонь. А раз молчат, — значит, спят.

Идем дальше!

Проехал в голову колонны, сказал Горе:

— Веди!

Постоял, пропуская брички и пехоту, не выдержал, опять поскакал вперед.

Поехали с Горой стремя в стремя.

Насыпь приближалась. Мы уже видели ее черную, поднятую над полем ленту. И на этой черной ленте различали какой-то бугор. Черт его знает, что за бугор? Вообще-то похоже на немецкий бункер. Но вокруг по-прежнему тихо. Может, не бункер, а какой-нибудь штабель? Или бункер, но занятый нашими разведчиками?

Раскрыл на ходу планшет, сверился, верно ли идем. Верно. Прямо на условленный переезд. Значит, нечего толочься на месте.

— Связных что-то не видать... — тихо уронил Гора.

— В самом деле... Пошли кого-нибудь вперед.

Два конника вырвались вперед, зарысили к насыпи, чтобы найти обещанных проводников.

И почти тотчас ударил пулемет. От бугра в нашу сторону потянулись разноцветные ниточки трассирующих пуль.

Колонна сразу остановилась.

[227]

К первому пулемету присоединился второй, крупнокалиберный, знакомый по характерному низкому, тупому звуку: ту-ту-ту-ту-ту...

Крупнокалиберных пулеметов у наших разведчиков не было. Ясно: напоролись на немцев.

Пули визжали над головами. Новая очередь взрыла снег рядом с дорогой.

Спрыгнул с коня и, держа его за повод, сполз в кювет. Горячий жеребец рвался вперед. Моя рука, державшая повод, вдруг упала: в ней остался только обрывок кожаного ремня. Видимо, повод перерезало пулей...

А, шут с ним, с конем. Умный, далеко не уйдет... А что в колонне?

Приподнялся. Ржут лошади, трещат оглобли, несется брань, слышны крики.

Раздумывать некогда. Но вступать в бой нельзя: мало ли что может случиться с радиоузлом?

Кричу, чтобы дали другого коня, и быстро иду вдоль колонны.

— Михаил, положи цепь, пусть ответят огнем!

Передовые спешились, залегли, прикрывают сползающую с дороги, барахтающуюся в снегу колонну.

Истратов подводит моего жеребца.

Кое-как связываю поводья, закидываю на шею лошади, сам в седло, и дальше вдоль колонны:

— Спокойно! Спокойно!.. Будем отходить!.. Спокойно!.. Пешим разворачивать повозки!

Немецкий бункер словно осатанел. Может, пулеметчики напуганы до смерти приближением массы людей. Может, этих пулеметчиков ничего не стоило бы и смять. Да дело не в них! Дело в ближних фашистских гарнизонах. Услышат, поднимут тревогу, накроют из орудий, а главное — засекут...

— Радиоузел вперед! Отходить! Отходить!

Колонна кое-как разворачивается.

Ни связных от разведки, ни самой разведки...

— Истратов, передай Горе — отходить!

Мы отходим в лес, откуда только что вышли. Гоним коней по кривым лесным дорогам прочь от переезда, обратно к месту дневки. Только колеса и полозья стучат о корни...

Недоразумение разъяснилось в середине следующего дня, когда пришли бойцы из группы не дождавшейся нас разведки.

[228]

Оказывается, разведчики захватили и обеспечили нам другой переезд, километра за два от того, где стоял немецкий бункер. Они не поняли меня, и боковое прикрытие вышло не туда, куда нужно.

Сидеть лишний день на дневке не полагалось.

Наученные горьким опытом, мы оставили при отряде двух бойцов-разведчиков, чтобы вели колонну к условленному переезду, а трех человек отправили к командиру группы разведки с приказом ждать нас следующей ночью на втором переезде от Пинска.

Не знаю, что думали командиры частей противника, расположенных в том районе. Может, посчитали, что какой-то отряд партизан хотел сунуться через линию, но бежал, напоровшись на огонь.

Во всяком случае, немцы на дневке нас не беспокоили. Да и намеченный для нашего перехода переезд оставили без охраны.

Мы перетащили сани, переправили колонну и устремились, пока не рассвело, к Днепровско-Бугскому каналу. Поскольку леса поблизости не было, штаб полагал, что двигаться по льду канала будет удобнее, чем по чистому полю: и быстрей, и неприметней.

На заре достигли канала. Разыскали спуски, очутились на льду, погнали коней, но те с рысцы быстро переходили на шаг: пристали...

Между тем облака исчезли, взошло солнце. Оно поднималось в высоком, по-зимнему голубоватом небе.

— Плохо, — подъехав к моим саням и поглядывая на небо, сказал Михаил Гора. — Как бы не появились самолеты...

— Если появятся — сани и людей под берег...

Над левым берегом канала нависали пласты слежавшегося снега. От них на лед падали широкие синие тени.

— Боюсь, что даром нам тот бункер не обойдется, — сказал Гора.

— Знаю, Михаил, поторопи людей.

Не прошло и получаса, как опасения Горы сбылись. Сначала мы услышали рокот мотора, затем увидели немецкий самолет, летевший на небольшой высоте.

Это был пресловутый корректировщик — «горбыль», хорошо знакомый по сорок первому и сорок второму годам. Машина малоскоростная, но надежно защищенная снизу броней и оттого весьма пакостная. Повиснет, бывало, такая керосинка над боевыми порядками пехоты

или над позициями артиллерии и висит, направляя огонь вражеских орудий и минометов...

— К берегу! К берегу! — закричали в колонне.

Большая часть колонны уже втянулась под защиту нависшего снега, когда «горбыль» вынырнул над каналом.

Вынырнул, сделал крен и пошел прямо на нас.

Заметил!

Терять было нечего.

— Огонь по фашистскому самолету! — крикнул я.

Повторять команду не пришлось. Били из карабинов и автоматов, из ручных и станковых пулеметов, приладив их на спины тех, кто поздоровее.

И «горбыль» отвернул.

Покрутился, покрутился, попытался еще раз приблизиться, получил свою порцию свинца и ушел.

Но все-таки гитлеровцы нас обнаружили. Впервые за всю дорогу, но обнаружили.

— Теперь все равно, — сказал я Горе. — Командуй выходить на поле и как можно скорее к ближнему лесу. Давай!

Как мы выбирались на крутые берега канала — вспоминать не хочется. Как гнали измученных коней, не щадя голосов и кнутов, к далекому лесу — писать тошно.

Но до леса добрались, избежав бомбежки, которой боялись особенно сильно все из-за того же радиоузла.

В лесу, пропетляв несколько километров, отдохнули. А еще через день лесные дороги вывели на луга, за которыми виднелись тесовые, соломенные и черепичные крыши Сварыни.

Над крышами вились тихие дымки.

Петя Истратов, щуря покрасневшие глаза, вздохнул:

— Сейчас бы на печь — и поспать! Ох, и спать буду, товарищ командир!

А штабной повар Леша Жеребцов, поднявшись в санях, водил носом, словно к нему уже долетал запах чего-то вареного или жареного.

Было 11 января сорок четвертого года. С Булева болота мы вышли 6 декабря. Значит, переход занял более месяца.

Я проехал в голову колонны.

Бойцы, шедшие обочь саней, поднимали головы, улыбались.

Как сейчас, вижу их лица, обросшие многодневной

щетиной, их опаленные возле костров шинели, полушубки, ватники.

— Вроде дошли, товарищ командир?!

— Дошли, дошли!

* * *

В Сварыни простояли до конца февраля. Дней пять люди отдыхали, мылись, приводили в порядок истрепавшуюся обувь, чинили одежду, отсыпались.

Немцы нас не беспокоили. Только однажды совершили на деревню авиационный налет — на второй день после нашего прибытия. Прислали три «юнкерса». Часа два пикировали они на хаты, сбросили десятка три бомб, не причинивших людям вреда. А потом отстали.

Неприятно было, что нас обнаружили, но мы все же надеялись: гитлеровцы не догадываются, какой именно отряд засел в Сварыни. Видимо, так оно и было на самом деле.

Я разыскал майора Коваля, представителя Сергея Ивановича Сикорского. Коваль рассказал, что крупных фашистских гарнизонов поблизости нет, но в окрестных селах имеются полицейские и власовцы. По лесам ходят отряды националистов. С нашими партизанами, если они сильны и хорошо вооружены, националисты пытаются заигрывать, просят оружие и взрывчатку, а на небольшие группы партизан, случается, нападают.

— Ездить тут надо аккуратно, товарищ майор, — сказал Коваль простуженным голосом. — И если в хатах ночевать товарищи будут — пусть выставят надежные караулы. Иначе можно пропасть.

Мы учли советы майора Коваля.

Убедившись, что люди немного отдохнули, я уже в январе отправил группы выполнять задания Центра.

В Польшу, в район будущих действий, пошли несколько групп под командой Михаила Горы и Федора Степи. На разведку оборонительных сооружений противника на Западном Буге направился безотказный Анатолий Седельников. Разведав Буг, он должен был присоединиться к Михаилу Горе.

Помнится, перед уходом Седельников внезапно спросил:

— Товарищ командир! При первой встрече вы вроде сказали, что тоже в газете работали. Шутили или говорили правду?

— А я действительно говорил это?

— Точно!

— Ну и не врал. Перед армией дело было. В районной газете. По призыву комсомола.

— И не секрет где?

— Какие у меня от тебя теперь секреты, Толя? У себя на родине, в соседней станице, в Белой Калитве.

— Выходит, вы казак?

— Да считай как хочешь.

— Эх, и молчальник же вы, товарищ майор!

И вдруг Седельникова осенило:

— А родители ваши где?

Я помолчал, прежде чем ответить. Да и что мог ответить? Ничего не знал о стариках.

— Ясно, — мрачно резюмировал Седельников. — Вы извините, товарищ командир, что о таком спросил... Надо бы самому догадаться...

Никакого инструктажа на дорогу Седельникову я не давал. Он все прекрасно знал сам, сам мог отлично справиться. Я просил только постоянно информировать нас по рации о работе.

А с Михаилом Горой и Федором Степью перед отправкой их отряда беседовал долго и серьезно.

Шли они в совершенно незнакомые места, малочисленным отрядом.

Я просил сообщать не только о передвижениях противника, но и о политической обстановке в районе Люблин — Парчев.

Уже после ухода Горы и Степи мы приняли радиограмму Центра, требовавшую не только выяснять передвижение частей противника, но и устанавливать, какие части эвакуируются за Буг, угоняют ли немцы за Буг мирное население, а если угоняют, то какие при этом выдают документы и кто этим занимается.

Мы поняли, что нужно Центру. Вдогонку Горе и Степи полетели соответствующие указания по радио.

Особое внимание обращал Центр также на регистрацию перевозок по железной дороге Брест — Пинск и на выявление системы оборонительных сооружений в районе этих городов.

Указания по данным вопросам мы передали Григорию Патыку под Брест, Каплуну под Пинск и Седельникову, направлявшемуся на Западный Буг.

Вскоре Центр запросил, можем ли мы принять группу

с радиопеленгаторной установкой. Мы ответили согласием и получили указание — ждать новых товарищей.

Ну что ж. Нам так и так предстояло сидеть в Сварыни, пока не разберемся, что творится западнее нас.

* * *

Быстрой отдачи от группы Горы и Степи я не ждал.

И действительно, их первые радиограммы не внушали больших надежд.

«Находимся в тридцати пяти километрах северо-западнее

Люблина, — передавал Михаил Гора. — Дошли благополучно, но обстановка сложная. Район наполнен густо расположенными немецкими формированиями. Вынуждены маневрировать. Совершаем диверсии на дорогах. Разобраться в политической обстановке затрудняемся: тут множество политических группировок. Имеем данные, что немецкие учреждения из Люблина эвакуируются в Краков...»

Видно было, что Гора и Степь с трудом осваиваются в новом районе.

Однако опыт есть опыт. Не прошло и месяца, а нашим товарищам удалось проникнуть в Люблин и в Луков, завязать отношения с группами советских партизан и польских подпольщиков.

Сведения оттуда пошли уже более интересные.

Привлеченный разведчиками к работе, стрелочник люблинского депо под псевдонимом Машинист сообщал, что в депо насчитывается пятьдесят паровозов, а на дороге Люблин — Парчев строится вторая колея.

Он же дал информацию о бывшем автозаводе фирмы «Крапник», где немецко-фашистская армия производила ремонт автомобилей.

Разведчик Западный, найденный в Лукове, передал сведения о разместившейся там школе подготовки кадров для немецких частей. По его данным, в школе было шестнадцать офицеров, сто унтер-офицеров и тысяча двести солдат. Возраст новобранцев-немцев, согнанных в луковскую школу, не превышал семнадцати — девятнадцати лет.

Гора приписал к телеграмме, что сведения эти достоверны и что он уточняет, какому хозяйству принадлежит школа.

Проникли разведчики и на аэродром Бяла Подляска. Они выяснили, что там постоянно находятся девятнад-

цать штурмовиков и сорок бомбардировщиков типа Ю-88.

Начало было положено. Я имел все основания надеяться, что через Машиниста и Западного наши разведчики разыщут и других надежных людей и работа в скором времени закипит.

Порадовал Григорий Патык. Находясь под Брестом, он сумел раздобыть немецкий план города с точным указанием размещения воинских частей, учреждений, складов и даже контрольно-пропускных пунктов.

Патыку, правда, было полегче. Все-таки мы давно работали под Брестом, значит, связи с самим городом он мог установить без особого труда. И это незначительное преимущество Гриша

Патык умело использовал.

Седельников же еще шел к цели.

Нас интересовало, что с группой Хаджи Бритаева и Виктора Сураева. Как они там, на центральной базе?

К концу января или в самом начале февраля пришли хорошие новости и от них.

Напомню, что еще в октябре Центр потребовал выяснить, не появлялась ли в районе центральной базы 2-я немецкая армия.

Организовывая по приказу Центра засады и нападения на штабные автомашины противника, Хаджи и Сураев провели несколько успешных операций.

Сначала подбили машину, убив ее водителя унтер-офицера из полевой жандармерии № 581 (полевая почта № 17167).

При убитом были найдены списки личного состава жандармерии на сто семнадцать человек.

Затем в районе Лунинец — Микашевичи, на шоссе, был взят в плен оглушенный взрывом ефрейтор Осес.

Осес сообщил, что служит в интендантском управлении, а ранее воевал в артполку. В марте полк потерял материальную часть и был отправлен на переформировку в Германию.

По словам ефрейтора, в Лунинец прибыло какое-то главное интендантское управление.

Проверив документы, находившиеся при пленном, разведчики не поверили глазам: документы принадлежали штабу той самой 2-й полевой армии, местонахождение которой до сих пор не удавалось установить. Обнаружился и номер полевой почты 2-й армии — 45045.

[234]

Среди захваченных бумаг оказались также приказы по 2-й армии, письма солдат, газеты, ведомости...

За эту операцию Центр передал группе Хаджи и Сураева благодарность, а мы представили большое число партизан к наградам.

Впоследствии на шоссе Микашевичи — Лахва Хаджи и Сураев подорвали и захватили еще несколько автомашин противника, добыли новые документы, подтверждавшие, что штаб 2-й полевой армии находится именно в Лунинце, а его оперативная группа — в Петрикуве.

Каждый из нас хорошо понимал, чего стоило захватить эти документы, и мы искренне радовались за своих друзей.

* * *

Серым зимним деньком Юра Ногин принес телеграмму от Патыка. Тот просил приехать к нему под Брест на встречу с одним

из новых разведчиков.

Понимая, что просто так Григорий Патык беспокоить меня не стал бы, я с Петром Истратовым и еще с двумя партизанами отправился под Брест, на базу группы.

Патык сообщил, что у него есть разведчики с весьма большими возможностями. Он назвал Сокола и Зайцева.

Соколом оказалась двадцативосьмилетняя женщина, украинка, родившаяся в Мелитополе и вышедшая замуж за жителя Бреста. Женщина эта была членом партии. Работала она в товарной конторе станции Брест-Центральный. И хотя должность ее выглядела на первый взгляд очень скромной, она позволяла свободно ходить по железнодорожному узлу и подбирать в конторе различного рода «бумажки».

Разведчица уже совершила по совету Патыка удачный диверсионный акт, подорвав три цистерны с бензином. А главное, она регулярно доставляла сведения о движении поездов через станцию.

Муж разведчицы активно помогал ей.

Зайцев был помощником машиниста на той же станции. Поляк по национальности, он ненавидел гитлеровцев, мечтал о свободной рабоче-крестьянской Польше. Он не только давал сведения о движении поездов, но и совершил уже два взрыва на паровозах.

Зайцеву помогали отец и брат.

Но особое внимание Патык просил обратить на разведчика под псевдонимом Жук.

[235]

— Я его вызову, товарищ майор, он вам сам все расскажет, — говорил Патык. — А то в моей передаче получится бледно...

Жук оказался двадцатилетним юношей с тонким лицом и доверчивыми глазами.

Он сообщил, что имеет среднее образование, свободно говорит по-немецки, служит на брестском почтамте и имеет много знакомых среди немецких солдат и унтер-офицеров.

Выяснилось, что Жук постоянно доставляет Патыку сведения по гарнизону Бреста, сообщает номера всех новых полевых почт, попадающихся на письмах, а также передает сами письма солдат и офицеров.

— Если хотите, я могу еще где-нибудь устроиться, — просто сказал Жук. — В управе или переводчиком в какой-нибудь части... Мне уже делали предложения...

Мы условились, что Жук пока останется на почтамте. Я запретил Патыку использовать юношу для проведения диверсий.

Чутье подсказывало: Жук может совершить нечто большее, о нем надо сообщить Центру...

После ухода разведчика я поблагодарил Патыка за находку и вызвал по рации штаб в Сварыни, чтобы передать в Центр радиограмму относительно Жука.

Патык уговаривал остаться переночевать, но я отказался, велел седлать, а вскоре мы уже ехали обратно в Сварынь.

Одеты мы были тепло — в ватные брюки, меховые безрукавки и полушубки, но, подъезжая на заре после шестидесятикилометрового перехода к Сварьши, чувствовали себя вымотанными и промерзшими до костей.

Вот наконец и наша хата. В передней комнате на печи и на лавках спали партизаны. Я быстро прошмыгнул в боковушку, где жил с ординарцем и поваром, бросился на постель и тут же стал засыпать.

Стукнула входная дверь.

— Где майор? — громко спросил Юра Ногин.

— Тише! — зашипел Петя Истратов. — Только лег!

— Буди! — громыхнул Ногин.

— Говорят, только лег. И не ори, а то выставлю.

— Я тебе выставлю! Сказал — буди, значит, буди!..

— Иди, иди! Успеешь со своими телеграммами!

— Петька, буди! Майор не обидится. Точно говорю!

Я не выдержал, откинул одеяло.

— Ты, Юра?

[236]

— Срочные телеграммы, товарищ майор! Очень срочные!

— Ну что еще там?.. Лампу засвети, что ли...

Принесли лампу, чиркнула спичка. Хмурый Петя Истратов запалил фитиль.

— Таскаются тут ни свет, ни заря... — бурчал он, надевая на лампу стекло и зябко переступая по дощатому полу босыми ногами. — Не могут обождать до утра.

В руках у Ногина была толстенная пачка радиограмм. Он улыбался улыбкой блаженного.

Сонная одурь еще томила меня. С трудом разобрал первую телеграмму. Центр приказывал не использовать разведчиков на диверсионных актах.

— Давно бы так! Что в следующей?

— Сообщение о том, что выброска пеленгаторной станции задерживается.

— Ладно. Давай дальше. Ага, о группе Хаджи и Сураева... Так. А эта о Ковеле. А эта?

«Эта» была переписана рукой Ногина на большом листе бумаги.

Я прочитал первые строки:

«Передаю Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении звания Героя Советского Союза...»

Юра Ногин взволнованно шмыгал носом. Лицо его светилось широченной улыбкой.

Я быстро пробежал по строчкам, нашел имя, отчество, фамилию...

Меня словно обожгло. Рванул бумагу к глазам. Точно. Моя фамилия!

В передней комнате настороженно молчали.

— Товарищ майор! Поздравляю от имени всех радистов! — почему-то шепотом сказал Ногин.

Потом за стеной что-то грохнуло, кто-то спрыгнул с печи, а Петя Истратов, как был в исподнем, влетел в боковушку и что-то заорал, приплясывая и размахивая руками.

Мы все обнимались.

А Юра Ногин, перекрывая шум голосов, кричал:

— Слушайте! Слушайте! Тут есть еще... Вот: Указ о награждении наших разведчиков.

И громко прочитал Указ.

Михаил Гора и Анатолий Седельников награждались орденом Ленина, Хаджи Бритаев, Каплун, Караваев, Гусев и еще несколько человек — орденом боевого Красного

[237]

Знамени, а всего было перечислено более двухсот человек.

— Ура! — кричал Леша Жеребцов. — Я мигом... Я сейчас банкет... Я одной ногой!..

Он тут же исчез куда-то.

Хату заполнили командиры штаба, разведчики, и Леша, конечно, добыл все, что полагалось по такому случаю. Усевшись за чисто выскобленный крестьянский стол, мы подняли тост за нашу Родину, за нашу армию, за разведку и за то, чтобы скорее прийти с победой в Берлин.

* * *

21 февраля на поле вблизи деревни приземлилась группа радистов со станцией пеленгования. Радистов было семеро. Командовал ими капитан Чубов.

А 24 февраля в хату вбежал возбужденный Петя Истратов:

— Товарищ майор! Наши!

— Кто — наши?

— Да Витька Сураев и товарищ капитан Хаджи!

Я выскочил на крыльцо. Верно. К штабу приближалась группа партизан. Впереди шагали похудевший Сураев и ничуть не изменившийся, только обросший бородой Хаджи.

Хаджи подошел строевым шагом, вскинул руку к шапке:

— Товарищ Герой Советского Союза...

— Отставить! — смеюсь я. — Не по уставу!

Мы душим друг друга в объятиях.

Вот все и в сборе. Седельников тоже должен вернуться не сегодня-завтра. Значит, прощай Сварынь!

22

Первым ушел из Сварыни с группой бойцов Хаджи Британев.

Я отправил его к Михаилу Горе, в парчевские леса, куда должен был привести остальной отряд.

Разделение на две самостоятельные группы диктовалось сложностью обстановки и невозможностью пробираться одной большой частью по территории, насыщенной войсками врага.

[238]

Спустя неделю тронулся и я.

Шли к местечку Малорита, что южнее Бреста, не повторяя маршрут Хаджи Британева.

Обоз бросили, все имущество везли на вьючных конях и тащили на собственных спинах: по весне, в распутицу, обоз сковал бы нашу маневренность.

Между тем наступление советских войск создало в районе пинских болот изрядную «кашу». Поскольку сплошного фронта здесь не существовало, отдельные советские дивизии продвинулись так далеко вперед, что опередили нас, и мы иногда наскакивали на тылы и штабы собственных воинских частей.

Правда, мы наскакивали также на штабы и тылы немецкой армии.

Разведчикам приходилось туго.

Помню, отряд пробирался мокрым лесом, изрезанным, как все тамошние леса, осушительными каналами.

Ничто не предвещало опасности.

И вдруг сигнал — противник!

Залегли. Я пробрался к разведчикам. Выяснилось: вышли на огромный артиллерийский склад фашистов, замаскированный в чащобе. Отсюда, по осушительным каналам, наполненным по весне мутной талой водой, немцы скрытно развозили на лодках снаряды и мины своим частям.

Одну из таких лодок и заметили разведчики...

Пришлось дотемна отлеживаться на сырой земле в трехстах метрах от фашистской охраны. Только ночью, совершив обходный маневр, миновали опасное место.

На одной из дневок рация приняла приказ Центра о доставке в Москву пятерых польских товарищей, находившихся в расположении Михаила Горы.

Встречу с ними назначили возле Малориты. Москва запрашивала, сможем ли мы принять под Малоритой самолет. Мы ответили, что подготовим аэродром.

С большим трудом, израсходовав почти все запасы продовольствия, добрались наконец до малоритских лесов. Они стояли голые, черные. Снег уже стаял. Под ногами хлюпало и чавкало.

Остановившись возле лесничества Михерево, я сразу отправил людей выяснять, как обстоит дело с продовольствием.

Оказалось, что плохо: округа кишела фашистскими войсками, редко какой хутор не был занят ими. Бойцы

[239]

раздобыли всего полтора пуда муки, с килограмм сала да нескольких кур.

Надолго этого не хватило бы.

Зато одна из заготовительных групп натолкнулась в лесу на... бригаду Степана Павловича Каплуна.

Мне доложили: в район действия бригады Каплуна вышли советские войска и он решил двигаться на запад. Решение было абсолютно правильным, но сам Каплун, как передавали, тяжело заболел.

Все те дни я раздумывал, как буду со своими людьми готовить аэродром и перебираться за Западный Буг?

Элементарные арифметические подсчеты показывали, что при нашем количестве техники и при отсутствии обоза только для переброски радиоузла и пеленгаторной станции понадобится человек пятьдесят. Еще сорок человек были необходимы, чтобы переносить ВВ и боеприпасы. Выходило, что девяносто человек в отряде станут на время самыми обычными грузчиками. Но для них требовалась еще надежная охрана хотя бы в шестьдесят — семьдесят человек. Иначе говоря, нужны были сто шестьдесят — двести человек. А у меня в наличии было не более половины этого количества людей.

Решив отправиться за помощью к Каплуну, я предварительно связался с Центром, чтобы договориться о передаче нам ста человек из его бригады.

Ответ Центра был неожиданным: Москва приказала мне вновь принять бригаду Каплуна в свое подчинение.

Я отправился к Степану Павловичу, полный сомнений.

Каплун жил в большом, порыжевшем шалаше. Он не мог выйти навстречу, лежал.

Выглядел Степан Павлович плохо.

— Лечиться надо, — сказал я, пожав холодную руку Каплуна. — Этак и до могилевской губернии недалеко...

— Когда лечиться? — возразил Степан Павлович. — Видите, товарищ майор, опять в поход собираться... Я получил приказ

Центра. Вы, верно, тоже получили?

— Точно, — подтвердил я. — И признаюсь, озадачен. Не просил я твою бригаду, Степан Павлович. Зачем мне целая бригада?

— Я бы тоже не тащил всю бригаду в Польшу, — согласился Каплун.

— Послушай, — предложил я. — Давай так. Войдите в мое подчинение. Я отберу сотню человек, а всю бригаду двигать не станем. Оставайся здесь. Будете вроде пе-

[240]

ревалочной базы. За Бугом самолеты нас, может, и не найдут, зато вам всегда смогут выбросить груз. А уж вы переправите нам.

— Я не против, — сказал Каплун. — Тем более, признаюсь, не смог бы сейчас идти, товарищ майор.

— Решено.

Несколько дней партизаны Каплуна вместе с моими людьми расчищали и выравнивали большую поляну для приема самолетов из Москвы. Я же с помощью Каплуна отобрал за это время около ста двадцати человек для будущего броска за Буг.

Дела налаживались.

* * *

— Люди от Михаила Горы, — разбудили меня однажды утром.

Я выбрался из шалаша. Рассвет путался в молочном тумане. Возле шалаша стояли бойцы из группы Горы, а рядом с ними несколько человек в потрепанных штатских пальто и стоптанных сапогах.

— Добрый день!

— Дзень добры! Дзень добры!

Мы пожали друг другу руки.

Я заметил, что трое из пятерых ступают осторожно, словно боятся сделать лишний шаг. Догадался — стерты ноги...

На худых интеллигентных лицах незнакомцев жили одни глаза: благодарные, радостные.

Леша Жеребцов принес флягу спирту, приготовил хороший завтрак.

Через час наши гости, обогревшись у костра и позавтракав, заснули в шалашах отряда.

Доктор отряда Парнас, поляк по национальности, ходил по лагерю возбужденный:

— Понимаете, это видные деятели польского рабочего движения! Но как истощены! Им нужен режим, нужно усиленное

питание, товарищ майор!

— Товарищ доктор, главное, что мы можем сделать для наших друзей, — поскорее оборудовать аэродром.

— Так позвольте и мне взять лопату!

— Не позволю. Находитесь рядом с товарищами. Мало ли что...

Польские друзья прогостили у нас два дня.

С помощью того же Парнаса я расспросил, что проис-

ходит в Польше, более или менее уяснил себе расстановку политических сил в стране, смог представить, что ждет отряд за Бугом.

Аэродром закончили в ударном порядке. Уже на третий день прибыл самолет из Москвы. Польские товарищи разместились в машине, и мы долго махали им вслед.

* * *

Радиоузел не прекращал работу ни на марше, ни в малоритских лесах.

Особенно интенсивно велись переговоры с Михаилом Горой, который к концу марта, судя по всему, окончательно освоился на новом месте. 23-го числа он донес, что разведчица Фиска Негунда, жительница города Хелм, заложила мину в тамошнем офицерском клубе. Взрывом уничтожены ресторан и казино, а также помещения для охраны и прислуги.

Очевидно, доза взрывчатки была изрядной и диверсионный акт готовился не один день!

28 марта подрывник Бронислав Миколаевский организовал на железной дороге Люблин — Развадова крушение встречных поездов. Отважный патриот погиб при выполнении задания, но его смерть дорого обошлась фашистской армии.

На другой день Фиска Негунда совершила еще одну удачную диверсию, прилепив магнитную мину к вагону немецкого эшелона с боеприпасами. Эшелон направлялся из Хелма в Ковель. Ему удалось лишь переехать мост через Буг... В Хелм привезли раненого машиниста паровоза. Тот с ужасом рассказывал близким, что от эшелона не осталось даже щепки, и клялся, что никогда больше не поведет составы...

Начало апреля люди Михаила Горы ознаменовали новыми успехами.

Подрывник Чеслав из Люблина приладил на товарной станции магнитную мину под эшелон с боеприпасами. Взрывом были уничтожены три вагона и поврежден путь. Движение на дороге Люблин — Варшава прервалось на три часа.

Разведчики из Люблина Крук и Вацек сообщили, что 9 апреля из города убыл танковый полк фашистов и расположился под Хелмом, в лесу, что находится севернее города.

На следующий день пришло новое сообщение, на сей

раз с данными разведчика Тадека, контролировавшего железную дорогу Луков — Люблин. А 11 апреля Тадек подложил магнитную мину под цистерну сборного состава фашистов, сформированного на станции Оцеблин. Цистерна взорвалась на станции Менковице. Взрыв сильно повредил два вагона с солдатами.

Разведчик Вацлав 13 апреля передал сведения по местечку Бяла Подляска, сообщив, какие и где находятся склады боеприпасов, вооружения, продовольствия, обмундирования.

Новые, явно польские псевдонимы и имена разведчиков подтверждали: можно успешно работать и в Польше, есть и там патриоты, ненавидящие оккупантов, готовые сражаться бок о бок с русским народом, чтобы как можно скорее стереть фашизм с лица земли.

Из донесений самого Горы прояснялась и общая обстановка в тех районах Польши, куда он вышел.

Гора сообщал, что нашел несколько отрядов советских партизан, сформированных из людей, попавших в окружение и бежавших из плена. Среди них лучшим и самым крупным был отряд Серафима Алексеева.

> «Эти отряды вместе с подразделениями Армии Людовой, созданной польскими коммунистами, являются наиболее серьезной вооруженной силой, — писал Гора. — Кроме того, имеются в здешних деревнях подпольные организации Армии Крайовой, чье руководство спит и видит, как вернуть прошлую панскую Польшу. Многие рядовые аковцы искренне ненавидят немецкий фашизм и хотели бы сотрудничать с нами. Впрочем, руководители Армии Крайовой всячески натравливают своих подчиненных на русских, как они выражаются, заявляют, что Советам в Польше делать нечего, и тому подобное... По-моему, эти типы скорее согласятся сотрудничать с немцами или с польскими фашистами, чьи банды тоже попадаются здесь, чем станут воевать в одних рядах, с нами... Крупных вооруженных сил у аковцев нет. Считается, что в наших местах действует 27-я дивизия Армии Крайовой, но это

такая же «дивизия», как я — папа римский!..»

Далее Михаил писал:

> «Знаешь, из опыта видно, что в Польше нам лучше всего будет действовать группами по тридцать — сорок человек. И вот почему. Партизанские пятерки могут погибнуть при встрече с националистами, а более крупные, в тридцать — сорок человек,
> [243]
>
> группы смогут постоять за себя, если будут хорошо вооружены. Насчет формирования отдельных отрядов или бригад пока не берусь судить. Придете сюда, посоветуемся».

Я был очень благодарен Горе за эти сообщения и соображения...

После встречи с бригадой Каплуна мы приняли из Москвы радиограммы, требовавшие пристально следить за фашистскими войсками.

Москва писала, что развивается стремительное наступление Красной Армии в районах Проскурова и Тарнополя, и обязывала нас установить непрерывный контроль за движением войск противника через Седлец, Люблин и Брест к районам прорыва.

«Выясняйте цель переброски частей противника, их номера. Молнируйте ежедневно», — писал Центр.

Вскоре последовала вторая телеграмма:

> «Центр располагает данными, подтвержденными вами, что противник перебрасывает войска на восток. Направьте все силы на разведку перебрасываемых войск врага. Сейчас это главное. Данные сообщайте немедленно».

Мы отвечали:

> «В Хелм стали прибывать части 4-й полевой армии противника, ранее находившейся на берегах Ла-Манша... В район Бреста (деревни Макраны и Леховце) прибыли части 2-й пехотной дивизии немцев, находившиеся на финском фронте... Пеленгацией засечены три новые станции противника в районах Пинска, Ковеля, Бреста. Принадлежность станций уточняется...»

Однако работать становилось все труднее и труднее.

Концентрируя войска для контрударов, противник старался оградить себя от наблюдения партизан и от диверсий на железных дорогах.

Немцы начали большую облаву под Брестом, и группа Патыка вынуждена была временно отойти восточнее, причем в бою потеряла четырех человек.

А вскоре фашисты обложили наш лес.

Все хутора и деревни заняли подразделения немецких войск и националистических формирований, начался систематический минометный и артиллерийский обстрел отряда и бригады Каплуна.

Попытка сунуться в малоритские леса кончилась для противника плачевно: получил по зубам и убрался восвояси. Но это не давало нам возможности выйти из леса.

[244]

Мы голодали. Кончились запасы сала и муки. Осталось всего несколько мешков картофеля.

Кто-то надумал варить похлебку из заячьей капусты, которую в Белоруссии называют трилистником.

Трилистник — первая травка, что пробивается весной в лесу. Она кисловата на вкус. Может, в ней есть витамины.

Выбора не было, в ход пошел трилистник.

Котел с заячьей капустой заправляли картофелинами и какими-то сладковатыми корешками, заменявшими, по уверению партизан, соль. Пока сваренное месиво было горячим — мы его кое-как глотали. Но едва похлебка остывала, от нее поднимался такой гнусный запах, что самые непривередливые — и те крутили носом...

А с конями получилась настоящая беда. Человек умеет терпеть. Кони терпеть не могли. Они глодали кору берез и осин, обдирали тонкие веточки и непрерывно тоскливо ржали.

Немцы, заслышав ржание, открывали минометный и артиллерийский огонь на звук.

Пришлось привязывать коней в полутора километрах от лагеря. Смотреть на них стало страшно...

— Уходить надо, товарищ майор... — вздыхали коноводы.

* * *

Мы распространили слух среди партизан бригады Каплуна, что уходим на боевое задание и быстро вернемся.

Только Степан Павлович знал, что встретимся мы, если доведется, не скоро.

— Успеха, товарищ майор... Идите осторожнее, — сказал он

на прощание.

— Спасибо. А ты, Степан Павлович, не запускай болезнь. Постарайся поправиться.

...К ночи все было готово. Люди сидели и лежали возле мешков с грузом, тихо переговаривались. Пришли разведчики:

— Товарищ майор, есть проход!

Я подал команду строиться.

Как всегда — в центре колонны радиоузел и пеленгаторная установка, вокруг них — автоматчики.

— Пошли!

Следом за разведчиками, где тропой, где прямиком че-

рез лес, отводя хлещущие ветки, продираясь сквозь молодой ельничек, одолевая ручьи и овражки, помогая обессилевшим вьючным коням, шел отряд.

Опять выручала нас темная ночь. В одном месте прошли, слыша громкие голоса немецких солдат. В другом — метров за сто от неприятельских костров.

Поле. Опять лесок. Снова поле. Тут мы уже не шли, а почти бежали.

И вот так, бегом, буквально выскочили к Западному Бугу.

* * *

Река лежала перед нами, широкая, темная, и другой берег рассмотреть было пока невозможно.

Пришли мы без проводников, без предварительной договоренности с местными жителями, которые могли подсказать, где лучше переправляться.

Часы показывали половину одиннадцатого.

Ближайшая деревня находилась, судя по карте, в полутора километрах.

Я вызвал разведчиков, приказал взять коней, скакать в деревню и — кровь из носу! — привести двух надежных проводников. Группе Николая Коржа велел найти близ деревни лодки.

Через час разведчики вернулись с двумя малость испуганными дядьками в зипунах, которые, по словам жителей деревни, не раз переправлялись «на ту сторону», в Польшу, на рынок в местечке Сабибур.

— Переправу знаете? Где пристать на том берегу — знаете?

— Та знаем... Мы ж привычны тихонько, одни...

— Нас тоже проведете тихонько. Где переправляться?

— Та версты две от Сабибура... Он чуть пониже этого места. Буг поворот делает...

— Ясно. Немцы в Сабибуре есть?

— Кто их знает. Видно, есть. Фабрика там у них.

— Какая такая фабрика?

— Та якая? Обыкновенная немецкая... Людей жгуть.

Я не сразу понял:

— Что, что?

Дядьки подтвердили:

— Людей, людей жгуть... Привезуть на поезде, в ко-

лонны построить, в баню сводить, вещи отберуть и жгуть. Усих. И детишек вместе с матками, и стариков...

Я невольно посмотрел на скрытый темнотой западный берег Буга, туда, где находился Сабибур.

Похоже, все, кто стоял рядом, тоже посмотрели туда.

Мешкать было нельзя.

Доложили, что лодки добыты. Правда, всего две настоящие, а с ними два челна и одна плоскодонка.

С таким флотом перебросить двести человек казалось немыслимым. Но другого выхода не было, и мы начали переправу...

На первых лодках с дядьками поплыли двенадцать бойцов под командой Николая Коржа. Им ставилась задача закрепиться на противоположном берегу и принимать грузы.

Долго ждали мы возвращения лодок.

Наконец показалась первая, за ней вторая, третья...

Бойцы доложили:

— Течение здоровое, товарищ майор! Сносит... А на середине — стрежень, аж пена бурлит.

Лодки совершили еще один рейс.

Я засек по часам время: переправа и возвращение заняли около пятнадцати минут. Нет, с такими темпами мы окажемся на противоположном берегу только к утру и угодим как раз в лапы к немцам.

Надо что-то придумать!

Что, если забросить на тот берег связанные вместе парашютные стропы и перетаскивать лодки с грузом?

Попробовали: дело пошло быстрее. Однако и время тоже не стояло на месте.

— Кто хорошо плавает? — спросил я.

Нашлось человек двадцать — тридцать хороших пловцов.

— Берите вьючных коней и перебирайтесь с ними вплавь!

Бойцы раздевались, вешали на шеи автоматы, тянули упирающихся коней к воде, шепотом яростно ругались, обжигаясь

ледяной водой.

Кони плюхались в реку с шумом, поднимая брызги, пытались повернуть, но потом смирялись, вытягивали шеи с прижатыми ушами, исчезали в круговороте реки.

Я переправился вместе с частью радиоузла.

Было около часу ночи.

Последние лодки подошли только к двум часам.

[247]

Бойцы, преодолевшие Буг вплавь, никак не могли согреться, хотя товарищи отдали им свои ватники и полушубки.

Проверили переправленное имущество, пересчитали людей.

— Где проводники? — спросил я.

— Тут где-то...

Проводников не оказалось ни тут, ни там. Они, попросту говоря, сбежали. Отплыли на лодках обратно, пользуясь темнотой и неразберихой. Не иначе, испугались немцев.

Мы стояли на незнакомом пологом берегу сердито ворчавшей реки.

Обратно пути не было. А как идти вперед? Куда? Проводники знали, как пройти, а мы...

До рассвета оставалось часа три-четыре. Медлить мы не могли.

— Плащ-палатку! — приказал я. — Укройте!

Лежа под плащ-палаткой на сыром песке, раскрыл планшет, посветил фонариком на карту. Вот и Сабибур.

Дорога от берега ведет через местечко. Других дорог не показано. Если их поискать... Некогда! У нас только три-четыре часа, чтобы миновать Сабибур, уйти от Буга, пересечь железную дорогу и шоссе Владава — Хелм, а до них с десяток километров.

Не успеть! Никак не успеть! Останемся посреди поля, на виду у врага!

Я погасил фонарик. Встал. Бойцы молча ждали решения. А какое я мог принять решение? Дорога была одна. И я сказал:

— Пойдем через Сабибур... Радиоузел и пеленгатор в середину. Я буду в центре. Все пулеметы со мной. По флангам автоматчики.

С минуту колебался, посылать ли разведку. Потом решил: некогда. Если разведка, не дай бог, наскочит на гитлеровцев и завяжет бой, нам не уйти. А если навалимся все сразу — можем прорваться.

— Пойдем по азимуту. И вот что... Как подниму руку — строиться подковой. Края подковы — фланги, они сзади. А я пойду первым.

— Товарищ майор... — не удержался Петя Истратов.

— Коней вести в поводу и не бросать. Если что — сразу открывать огонь из всех видов оружия. И — вперед. Всем понятно?

[248]

Кажется, понятно было всем.

— Подниматься на берег!

Мы взобрались на крутой откос, построились.

— Марш...

Я шел с ординарцем и адъютантом. Темень — хоть глаз выколи. Местность, похоже, медленно повышается. Под ногами поначалу вроде был луг, затем пошла пахота. Вязкая, засасывающая ноги, липнувшая на сапоги пудовым грузом.

Земля опять потвердела, когда уже выбивались из сил. Похоже, началась стерня.

Я остановился как вкопанный: дома!

Но это были не дома, а стога сена. Что ж, пускай хоть стога, все-таки чувствуется близость жилья. Видимо, Сабибур рядом.

Минут пять отдыхали, вернее, пытались отдышаться. Потом опять двинулись по азимуту. И вот тогда в сереющем сумраке увидели настоящие дома.

Вот он, Сабибур!

Я поднял руки. Люди сходились ко мне, кольцо их становилось все плотнее. Тяжелое дыхание. Тяжелые шаги.

Пошли.

На этот раз счастье нам улыбнулось: мы вышли точно на один из переулков, пересекавших главную улицу Сабибура, вытянутого вдоль реки.

Надо было идти переулком.

Отряд без команды убыстрял и убыстрял шаг. Все теснее и теснее прижимались друг к другу люди, словно близость товарища могла защитить, оградить от огня, от гибели.

Миновали огороды.

Вот первый забор. Чуть покосившийся, серый, как все ночью. И смутные очертания первого дома.

Отряд торопливо втягивался в переулок.

Кто-то задел булыжник, кто-то оступился.

Впереди — широкая, неровная, пустынная улица Сабибура, и справа, на углу, — круглый бетонный дот.

Тишина стояла в Сабибуре. Могильная, ничем не тревожимая тишина. Ни разу не заржал конь, не лаяли собаки, не слышно было даже кур...

Это было верным признаком засады: фашисты, готовя засаду,

всегда заставляли жителей запирать животных, чтоб лучше слышать приближение партизан.

[249]

Бежать мы не могли. Нам ничего не оставалось, как идти вперед.

Я надеялся на одно: при первой пулеметной очереди на дот обрушится огонь всех пулеметов и автоматов, и мы все же проскочим.

Переулок оборвался. Мы ступили на улицу.

Дот молчал.

Перебежали к забору на другой стороне улицы. За нами продолжали бежать, тяжело топая, десятки людей-.

Дот молчал.

Я оглянулся.

Над дотом, хорошо видный отсюда, мирно свисал журавль.

Колодец! Бетонный колодец! Всего-навсего бетонный колодец, похожий на пулеметную точку!..

Отряд продолжал перебегать улицу. Я махал рукой, показывая: скорее вперед, в поле! Вместе с ординарцами тоже бросился в поле.

Но метрах в трехстах за деревней люди вдруг стали падать. Без команды. Без всякой видимой причины. Меня тоже потянуло лечь. Бросился ничком в грязь и лежал так минут пять, жадно вдыхая запах земли и перегноя.

Потом поднял голову:

— Почему лежим?

— Не знаю... — тихо ответил адъютант.

Что там было знать?.. Просто после встречи с «дотом» нужна была передышка.

Трудно было отрываться от земли.

— Встать, — приказал я. — До шоссе и железки еще десять километров. Погибнем. Встать!

И люди встали. Уже серело. Мы прошли Сабибур. Мы должны были успеть перейти шоссе и железную дорогу. За ними — я видел это по карте — лес. Лес укроет отряд...

* * *

Неудержимо светало.

Из расплывчатой мглы возникали, обретая твердые очертания, то щепотки дальних кустов, то черные будылья на полях, то первые борозды пашен.

Рассвет как бы заново лепил мир.

Вот он вылепил первый хутор: несколько домиков, заборы, хлевы.

А вот еще крыши, еще заборы.

От дальних заборов отделились силуэт лошади, за-

пряженной в плуг, и фигурка пахаря. Пахарь остановился, приложил руку к глазам: увидел нас.

Не останавливаясь, я отдал приказ: десять бойцов на конях — по хуторам. Собрать какой-нибудь еды.

Конные поскакали вперед.

Бойцы дышали хрипло, прерывисто. Иные шагали, не глядя по сторонам. По серым лицам стекал пот.

А Сабибур все еще виднелся вдали. Всего два-три километра отделяли нас от него, от немецкого гарнизона, от фашистской фабрики смерти.

— Не отставать! Не отставать!

На ходу расстегивали ватники, вороты рубах, встряхивали плечами, поудобней пристраивая врезавшиеся лямки мешков.

— Не отставать!

Возвратились первые конные:

— Хлеб, товарищ майор! Сало! Молоко!..

— Раздавайте людям, не останавливаясь!

Конные, перегибаясь в седлах, опускали в протянутые руки домашний хлеб, кувшины, бруски сала.

— Вперед! Не отставать!

Стало совсем светло, когда впереди показалась насыпь железной дороги.

Задыхаясь, я встал на обочине. Махал руками, не в силах кричать, — показывал на насыпь.

Бойцы поняли. Напрягая последние силы, убыстрили шаг.

Я помню эту насыпь, как сейчас: усыпанные щебнем откосы, пятна мазута на камнях, черные, выщербленные шпалы.

С насыпи мы увидели шоссе Владава — Хелм. Совсем близко. Метров за пятьсот.

И услышали первый немецкий грузовик. Он катил с севера.

Легли.

Вдавливая тела в землю, лежали, пока грузовик не промчался мимо.

Если бы он затормозил — конец шоферу, но и нам беда: выстрелы привлекли бы внимание противника.

Шофер не затормозил. Но за первым грузовиком могли появиться другие. Это понимал каждый.

Теперь люди бежали к шоссе сами, не дожидаясь команды. Падавшим помогали подняться, перехватывали у них груз и опять бежали.

Шоссе!

Широкое, щебенчатое, мокрое, с кучами песка по сторонам.

Заря полыхала в полнеба. В черных лужах на шоссе плавали розовые отсветы. И розовели черные, беловатые, серые стволы деревьев в лесочке за шоссе.

До него оставалось метров триста.

Только перебежать сырую луговину с вихрами белесой прошлогодней травы...

Нам не удалось перебежать ее сразу.

Шум автомобильного мотора приближался слишком стремительно. Теперь с юга.

Может, возвращался давешний шофер, заподозрив неладное?

Отряд был уже на другой стороне шоссе.

Мы падали под кучи песка, прижимались к ним, старались слиться с землей.

Грузовик прошел мимо, не снижая скорости.

Все! Не заметили!

Почва на луговине чавкала, словно стонала.

И вот — кусты, обрубки деревьев, пни, редкие, кривые березки.

Про такой лес поляки говорят: «Прошу пана, тут нема лясу, тут едни кшаки...»

То есть тут нет лесу — одни пни.

Но мы были рады и этим пням, этим редким кривым березкам.

Люди ложились под ними кто где успел.

Как-то само собой получилось (привычка брала свое!), что технику все же притащили в самую середину лесочка, а пулеметы выдвинули в сторону шоссе.

Я отдал команду без приказа не стрелять, открывать огонь в самом крайнем случае, если противник пойдет на лесок. Сейчас — не курить, не ходить. Можно только поесть. А спать — по очереди.

Опустился на влажную землю, припал к ней горячим лицом, закрыл глаза.

Все. Проскочили.

23

В шестом часу вечера солнце повисло над горизонтом красным кругом, вытянулись, сливаясь, синие тени редких кустов и деревьев, запахло сыростью.

[252]

Движение немецких автомашин по шоссе стало редким.

Шесть часов — партизанское время!

В лесочке протекал ручей. Мы умылись, напились. По команде отряд стянулся к западной опушке. За опушкой бугрилась бурая пахота, а за ней колебались мирные синие дымки, тянулась по взгорбку деревня.

Я нашел на карте ее название — Сухава.

До Сухавы напрямик метров пятьсот — шестьсот, пустяк, но свободна деревня или занята немцами?

На разведку отправились Володя Моисеенко, наш врач Виктор Лекомцев, знавший польский язык, и пятеро разведчиков.

Мы внимательно следили за удалявшимися товарищами. Володя имел приказ: в случае обнаружения противником немедленно отходить. Отряд был готов прикрыть разведчиков огнем.

Моисеенко и Лекомцев одолели половину расстояния до Сухавы, когда слева, со стороны Владавы, показались две женщины в белых платочках.

Невидимой нам тропкой они тоже шли в деревню.

Разведчики свернули с пути, направились к женщинам, остановились, о чем-то поговорили с ними. Через несколько минут женщины заспешили к Сухаве, а Моисеенко и его группа остались там, где стояли.

На околице женщины кого-то окликнули, одна сняла платок, обернулась к разведчикам, помахала...

Моисеенко, Лекомцев и четверо бойцов двинулись к Сухаве, а один разведчик побежал к отряду.

Все стало ясно...

Пока мы добрались до деревни, Володя уже разыскал местного солтыса — пожилого мужчину с растерянными глазами.

Виктор Лекомцев перевел солтысу мои слова:

— Советских партизан надо накормить горячей пищей.

— Добже, добже, — кивал солтыс.

— Пока готовится еда — запрячь в брички всех коней, какие есть в деревне, и выстроить брички на улице.

— Добже, — сказал солтыс без прежнего энтузиазма, с

покорностью человека, потерявшего веру в справедливость.

— Переведите, что ни коней, ни бричек не возьмем, — сказал я Лекомцеву. — Повозочными поедут хозяева коней.

Лекомцев перевел, и солтыс малость ожил.

[253]

Он забегал по дворам, отдавая распоряжения, и вскоре первые подводы стали выезжать на улицу.

— Товарищ майор, — сказал мне Лекомцев, — надо предупредить бойцов, чтобы много не ели. После голода, знаете...

— Правильно. Немедленно предупредите!

Сам я со штабом и группой охраны пообедал в доме солтыса. Съели по тарелке супа и немного кулеша. Хозяйка предлагала творог и молоко, но мы отказались: доктор был прав — после длительной голодовки нельзя наедаться.

Стали расспрашивать солтыса, где имеются немецкие гарнизоны.

Мигая, он сообщил, что крупные немецкие комендатуры есть в Парчеве, Хелме и Владаве, а по деревням немцы не стоят. Только учредили кое-где постарунки. Полицейские участки, значит...

— И много тут постарунков?

— Не знаю точно, панове. Может, десять, может, больше...

— Сколько полицейских в каждом?

— Да где как... Где по десять, где по двадцать... Воспользовавшись паузой, солтыс кашлянул и неуверенно произнес:

— Товарищ командир... Я должен донести, что в деревне партизаны.

Я удивленно смотрел на него. Впервые встречал солтыса, признающегося, что донесет.

Солтыс, прижимая руки к груди, заговорил торопливо и сбивчиво, мешая русские и польские слова.

Лекомцев перевел его тарабарщину:

— Если немцы узнают, что в деревню заходили партизаны, а им, фашистам, об этом не сообщили — сожгут деревню. Солтыса повесят, а остальных мужчин расстреляют. Таков приказ...

Мы переглянулись, помолчали. Бойцы и командиры ждали моего решения. А что тут было решать? Я понимал: солтыс все равно донесет немцам, как только мы уедем. Отговаривать его идти в ближайший постарунок — бессмысленно, глупо. Он же об односельчанах думает, а не только о своей шкуре. Немцы миндальничать не станут. Уничтожат всю деревню без долгих раздумий...

— Хорошо, — сказал я. — Можете донести немцам, что в Сухаве находились партизаны. Но доносить пойдете

[254]

через час после нашего отъезда и лишнего болтать не станете. Сколько нас, чем вооружены — вы не знаете, не видели, забыли с перепугу... Понятно?

— Понятно, понятно! — обрадовался солтыс. — Ничего лишнего сказано не будет.

— Вот и хорошо. А у вас, стало быть, бывают партизаны?

Солтысу уже ничего не оставалось, как говорить правду:

— Появляются, панове... Потому и приказ... Наши, польские, партизаны ходят вокруг, а теперь, говорят, и Советская Армия рядом. Первые отряды уже появились...

Однако ничего определенного о партизанах он сказать не мог.

Дав товарищам отдохнуть еще часок-другой, я приказал строиться.

Люди рассаживались на крестьянские брички. На передних ехали бойцы Парахина, на арьергардных — Валентина Хрястофорова. Несколько бричек с партизанами Моисеенко и Косенко отправлялись вперед, чтобы разведывать маршрут. Штаб, как полагается, поместился в середине «механизированной» колонны.

Солтыс до последней минуты суетился вокруг бричек — то поправлял сено, то что-то советовал возницам.

Обоз тронулся. Солтыс снял шляпу и склонился до земли в поясном поклоне...

* * *

Весенняя ночь моргала крупными звездами, булькала невидимыми ручьями. Мы ехали к парчевскому лесу, к деревне Лейно, где помещались Михаил Гора со своими людьми, а также подошедшие к нему Хаджи и Степь.

Зная, что ночью гитлеровцы редко появляются на дорогах, Парахин повел колонну прямо по шоссе Владава — Парчев. Это была, конечно, наглость, но я понимал Парахина: хотел оторваться от Буга, от Сухавы.

— Погоняй! — сказал я вознице, едва копыта коней зацокали по асфальту.

Повозочный хлестнул коня. Загремели кованые колеса, полетели искры из-под копыт и ободов, зашелестел ветер.

— Всегда бы так! — кричал над ухом Петя Истратов. — Лихо, товарищ майор!

Ехали рысью около двух часов. Вдруг — бледные пят-

на автомобильных фар! Пришлось свернуть на грунтовку. Однако тревога оказалась напрасной: машина сама вильнула в сторону. Тогда опять выбрались на шоссе.

Проехали деревню Колаче. Добрались до деревни Сосновицы.

Я посветил фонариком на ручные часы: начало второго.

— Спешиться!

Колонна остановилась. Партизаны прыгали с бричек, разбирали груз.

— Спасибо, граждане, — сказал я повозочным. — Теперь поворачивайте домой!

Мы дождались, пока брички отъедут, скроются в темноте.

Сосновица спала, только псы побрехивали, потревоженные шумом на дороге.

— Пойдем на деревню Липняки, — сказал я бойцам. — Отсюда километров пять-шесть. Там — дневка.

Липняки находятся на юго-востоке от Сосновицы. Мы намеревались вернуться немного назад. Это должно было сбить немцев.

Шли по азимуту. Впереди — разведчики Моисеенко и Косенко, за ними, отстав километра на полтора-два, отряд Парахина. За Парахиным — штабная группа. За штабной группой — отряд Христофорова. За Христофоровым, с интервалом в полкилометра, группа прикрытия под командой «старого» разведчика Григория Швецова.

В случае чего Швецов должен был обеспечить тыл колонны от внезапного нападения...

До Липняков отряд дотянул только в пятом часу утра: люди устали прошлой ночью, отдыхали мало, несли тяжелый груз, да и путь по азимуту выпал нелегкий — через пашни, буераки, разлившиеся ручьи...

Перед Липняками вышли на грунтовку. Возле самой деревни дорога тянулась по насыпи, поднятой над заболоченным полем. При въезде в Липняки виднелись раскидистые, приземистые деревья — не то вязы, не то ивы. Слева, на заболоченном, отсвечивавшем водой поле, угадывались кучи вывезенного навоза.

Я распорядился позвать Парахина и Христофорова.

— Валентин, — сказал Христофорову, — займешь со своим отрядом оборону тут, на дороге.

— Ясно, — отрубил коренастый Христофоров.

— А ты, Василий, — обернулся я к Парахину, — займи

противоположный въезд в деревню.

— Слушаюсь! — козырнул Парахин.

— Выставьте часовых, назначьте дежурные группы обороны, а ко мне вышлите связных.

Отряд втянулся в деревню. Разбуженная, она тревожно хлопала ставнями, скрипела калитками, перекликалась.

Партизаны успокаивали людей:

— Матка, не бойся! Советские партизаны!

— Отец, не гоношись! Советы пришли!

Я распорядился разводить людей по домам, а сам с ординарцами и радиоузлом поместился в стодоле, как называют в Польше наши русские риги.

Оставив ординарцев готовить ночлег, направился на обход.

Посты уже выставили. Отряды заняли оборону как полагалось.

— Да вы спите спокойно, товарищ майор, — устало сказал Христофоров. — Не подведем...

Я вернулся в стодол. Митя Гальченко застилал плащ-палатками соломенные постели. Петя Истратов резал пахучий, видно недавней выпечки, хлеб. Возле него стоял кувшин молока.

— С устатка — кружечку, товарищ майор!

— Спасибо. Не буду.

Мне хотелось только лечь, закрыть глаза, уснуть.

С наслаждением ослабил ремень, стянул планшет, присел, чтобы стащить с гудевших ног сапоги.

И тогда грянул первый выстрел.

Петя Истратов опустил кувшин, а Гальченко поднял голову.

В той стороне, где находился Христофоров, раздалось еще несколько выстрелов, потом застрочил автомат.

— Петя, одевайся, выясни, что там!

Но через мгновение стало ясно — надо идти самому: у Христофорова начиналось что-то серьезное.

Мы вышли из стодола. Задыхаясь, подбежал связной:

— Товарищ майор! Немцы! Два броневика и тринадцать автомашин с фрицами!

Бой уже гремел. Я выругался. Он был нам вовсе не нужен — этот бой, и, вдобавок, мы его не ждали.

Приказал Истратову:

— Послать к Христофорову группы Косенко и Шве-

цова. Перебросить ему противотанковые ружья. Парахина и Моисеенко — ко мне. Связные — за мной!

Укрываясь за хатами, откуда выбегали с детишками и узлами

напуганные крестьяне, я пробрался к дороге, обсаженной вязами.

То, что увидел, вызвало прилив злой радости.

Бойцы Христофорова подбили передний грузовик фашистов, и немецкая колонна застряла посреди узкой насыпи. Съехать с нее колонна не могла. А разворачиваться цепью по сырому, грязному полю «доблестные солдаты фюрера» почему-то не желали. Может, потому, что чувствовали себя увереннее возле колес. Они продолжали сидеть в кузовах и оттуда вели огонь. Лишь несколько солдат, возможно с подбитой машины, стреляли из-за деревьев.

Мимо меня, топая, пробежали петеэровцы, выдвинулись к угловым хатам, залегли. Длинные черные стволы противотанковых ружей вытянулись в направлении автомашин.

Державшиеся позади автоколонны броневики открыли огонь зажигательными снарядами. Снаряды взорвались и задымили где-то в поле.

Косенко и Швецов уже подвели бойцов. Люди бросались на землю, с ходу открывали огонь из автоматов и карабинов.

Ко мне приткнулся Парахин:

— Товарищ майор!..

— Вася, бери человек шестьдесят и заходи немцам во фланг. Полем, полем возьми! Прикрывайся навозными кучами — и заходи!

— Ясно... Мы им, гадам!..

Отряд Христофорова вел бешеный огонь.

Подбитая партизанами передняя машина беспомощно дымила посреди дороги. Гитлеровцы давно покинули грузовик. Трое неподвижно лежали возле колес.

Зажигательный снаряд броневика угодил в дальнюю хату. Она задымилась.

А бойцы Парахина уже разворачивались. Заметят или не заметят немцы? Не заметили! Парахин ударил из автоматов и карабинов вдоль всей колонны. Не прошло и двух-трех минут, как гитлеровцы начали прыгать из грузовиков и перебегать на правую сторону дороги.

— Пулеметы! — кричал я. — Пулеметы вперед! Вдоль дороги огонь!

[258]

Наши подтащили два ручных пулемета, быстро выдвинули их, и ливень свинца стал косить бежавших фашистов. Они залегли.

Я послал связного к Парахину с приказом заходить врагу в тыл.

Но Парахин и сам сообразил, что делать. С десяток партизан перебежками подобрались к хвосту колонны, открыли огонь по задним машинам.

Мы не атаковали. Мы только вели огонь. Но и этого было достаточно. Немцы панически боялись окружения. Всегда и везде. Испугались и на этот раз.

Я глазам не поверил, когда первыми развернулись и помчались прочь броневики.

За ними тут же покатили семь грузовиков, за борта которых на ходу цеплялись запоздавшие солдаты. А шесть машин остались на месте. Брошенные. Пустые.

После боя я прошелся по дороге. Насчитал шестнадцать трупов в мышиных мундирчиках.

— Там, в кюветах, лежат еще, — сказал Петя Истратов. — И на поле вон... Сосчитать, товарищ майор?

— Пускай ребята сами считают... Не забудьте собрать документы. Проверь, нет ли у нас потерь.

Убитых у нас не было, но несколько человек получили ранения. Лекомцев перевязал их.

— Пять машин целенькие! — доложил возбужденный Христофоров. — Хоть садись и поезжай.

— А мы так и сделаем.

Жители возвращались в деревню. Иные подбегали к бойцам, обнимали их, хлопали по спине, что-то восторженно кричали, размахивая руками.

Крестьяне этой польской деревушки впервые видели, как партизаны бьют немцев, и впервые убедились, что немцев тоже можно бить, да еще как!

Наступал день. Оставаться в Липняках было нельзя: гитлеровцы, опомнившись, могли вернуться с подкреплением.

Я приказал проверить немецкие грузовики и, если они исправны, начинать погрузку.

Поняв, что мы уезжаем, крестьяне забегали по домам. Один тащил свежеиспеченный хлеб, другой — молоко, третий — мясо, четвертый — мед...

— Возьми, товарищ! Возьми, совет!

Я разрешил брать продукты.

[259]

Проезжая деревню, мы махали жителям, стоявшим у домов. Они поднимали руки, кричали:

— Будьте счастливы! Возвращайтесь! Бейте немцев!

Забегая вперед, скажу, что мы не раз навещали гостеприимных, сердечных жителей деревни Липняки.

Выбравшись на дорогу, шоферы дали газ.

Я указал маршрут — грунтовками до деревни Ломницы, поближе к парчевским лесам.

От Ломницы оставалось рукой подать и до Лейно.

По пути не попалось ни одного немецкого поста, ни одной немецкой машины. Над головами пролетели только несколько фашистских самолетов. Они тянули своим курсом, не подозревая, что внизу, по дорогам, движется автоколонна советских партизан.

— Н-да, а край-то здесь «не того»! — сказал Петя Истратов.

— Что значит — «не того»?

— Голо кругом! Ни тебе леса настоящего, ни болота хорошего...

— Да, не то что в Белоруссии... Но ничего. И здесь воевать можно. Поляки помогут.

* * *

Пока мы отдыхали в Ломнице, разведчики Володи Моисеенко встретились с разведчиками Михаила Горы и привели их в штаб.

Как радовались люди, увидев друзей по оружию!

Объятия, смех, поцелуи...

— Мы прямо к вам шли, товарищ майор! — сказал командир отряда Вася Филатов.

— А как узнали, что мы здесь?

— Да слухом земля полнится. Тут все поляки в один голос: великая сила пришла; до зубов вооружены; немцев разбили, броневики их пожгли!.. Ну, майор Гора сразу догадался — вы идете.

— Значит, говорят, броневики пожгли?

— Точно... А разве не жгли?

— Не успели... Впрочем, неважно. Важно, что так говорят!

Нам и вправду было важно, что поляки так говорят об отряде. Видимо, нежданный и нежеланный бой под Липняками оказался нужным и полезным.

Мне не терпелось увидеть своих командиров, услышать от них новости, посоветоваться, как лучше вести

борьбу с врагом. Да и партизаны торопились встретиться с товарищами. Мы еле дождались вечера.

На окраине Лейно нас ждали Гора, Хаджи, Степь, несколько наших разведчиков и еще какие-то вооруженные люди.

Я решил, что это местные партизаны.

— Зачем «местные»? — ответил на мой тихий вопрос Гора. — Были местные, а теперь наши.

24

Чтобы яснее представить, где оказался наш отряд весной сорок четвертого года, взгляни, дорогой читатель, на карту Польши, найди реки Западный Буг и Вислу, города Варшаву, Демблин, Люблин, Хелм, Владаву и Луков.

Здесь, в огромном четырехугольнике, ограниченном на севере условной линией Брест — Варшава, на юге — линией Хелм — Люблин, на востоке — Западным Бугом, а на западе — Вислой, предстояло нам развернуть работу.

Центр приказал «обслуживать» железнодорожные магистрали Варшава — Брест и Варшава — Люблин — Хелм, ведущие к фронту, а также рокадные железные дороги Луков — Любартов — Люблин и Владава — Хелм.

Нас обязали проникнуть в города Варшаву, Демблин, Гарволин, Пулавы, Люблин, Парчев, Луков, Бяла Подляска, Седлец, Хелм, Владава и Брест, давать сведения о железнодорожных узлах, депо, гарнизонах, аэродромах и промышленных объектах противника, одновременно совершая диверсионные акты.

Чтобы выполнить этот приказ, надо было четко представлять себе политическую и военную обстановку в районах, куда мы вышли.

Кое-что я уже знал.

Польские товарищи, отправленные из малоритских лесов в Москву, являлись членами президиума Народною Совета в Варшаве. Они рассказали, что с января 1944 года все политические партии и группировки в Польше разделились на два главных лагеря.

В один лагерь слились ставленники так называемого «лондонского» эмигрантского польского правительства, бывшие пилсудчики, правое крыло ППС, так называемая

[261]

ВРН, правое крыло крестьянской партии, Партия труда и другие. Центральным органом этой группировки стала пресловутая Рада народного единства.

Рада народного единства создавала собственные реакционные вооруженные силы — небезызвестную Армию Крайову. Главнокомандующим Армии Крайовой эмигрантское польское правительство в Лондоне назначило генерала Комаровского, носившего подпольную кличку Бур и более известного под именем Бур-Комаровского. Начальником штаба

Армии Крайовой стал бывший начальник 2-го отдела бывшего генштаба буржуазной польской армии полковник Пельчинский. Их ближайшими помощниками были полковник Ванда и бывший адъютант Пилсудского майор Гроховский, носивший кличку Брохич.

Вся эта публика спала и видела, как бы возродить прежнюю буржуазную Польшу.

Однако они понимали, что народ идет за ними лишь постольку, поскольку они борются или хотят бороться с немецким фашизмом. Поэтому на словах и в официальных декларациях руководство Армии Крайовой провозглашало лояльность по отношению к наступавшей Красной Армии, к Советскому Союзу, хотя тут же проповедовало нейтральное отношение к Красной Армии, то есть, по сути дела, требовало от своих единомышленников уклоняться от какой-либо помощи советским войскам, что в боевой обстановке всегда равносильно прямому предательству.

Да эти люди и были предателями.

В чьих интересах действовали эти господа, отвлекая народ от борьбы с фашистскими оккупантами, стремясь повернуть оружие против советских людей, ломавших хребет гитлеровской гадины?!

Ясно, в интересах фашизма!

Группировке польского реакционного подполья противостояла Крайова Рада Народова, объединившая все левые, наиболее прогрессивные силы страны. В нее входили Польская рабочая партия, Польская рабочая социалистическая партия, левое крыло крестьянской партии и другие политические организации, ставившие целью создание подлинно народной, социалистической Польши.

Вооруженные силы Крайовой Рады Народовой носили название Армии Людовой. Командовал Армией Людовой генерал Михал Роля-Жимерский.

По информации, которой располагал штаб отряда, в

каждом польском воеводстве, в каждом повяте и в каждой гмине имелись польские подпольные организации.

Армия Крайова вела настойчивую агитацию и пропаганду, играя на чувствах национальной гордости польского народа, используя недоверие определенных слоев населения к Советскому Союзу, и, хотя отряды Армии Крайовой были малочисленны, некоторые жители хуторов, деревень и сел значились в ее списках, знали уже, к какому отряду они приписаны, кто их командир и т. д.

Армия Людова, пользовавшаяся симпатиями и поддержкой подавляющего большинства рабочих и крестьян Польши, тоже создавала свои подпольные организации, но в отличие от Армии Крайовой она уже имела весной сорок четвертого года крупные силы, активно боровшиеся с немецким фашизмом.

Вот, приблизительно, и все, что знал штаб нашего отряда, перешедшего Западный Буг.

Естественно, нам хотелось знать больше.

Поэтому первый вечер, вернее, почти всю первую ночь в Лейно мы, командиры, не спали.

Михаил Гора, Федор Степь, Хаджи Бритаев один за другим доложили о проделанной работе, о своих трудностях, уточнили обстановку.

— Если говорить об аковцах, — сказал Михаил Гора, — то самое большое влияние у них вот здесь и здесь...

Загорелой рукой он показал на карте районы Демблина, Лукова и частично район Хелма.

— Здесь находятся и подразделения той самой двадцать седьмой дивизии, о которой я сообщал. Вот так, примерно... От базы Каплуна, вдоль западного берега Буга и сюда, к Демблину, под Варшаву. Здоровенным глаголем вытянуты... Так что районы Гарволнна, Желехува, Седлеца, Бялой Подляски и местность возле самой Варшавы мы прямо называем аковскими.

— Как они держатся, аковцы?

— Силенки у них нет, товарищ майор, а то ясно, как держались бы. Ну, а силенки нет, так и не пикнешь. Увидите здесь двух «деятелей» аковских: Ведуту и Храматинского. Все улыбаются, зубы белые показывают... А ночами, бывает, наших кто-то обстреливает. Вот так.

— Постой, Михаил. Говоришь о влиянии аковцев, и тут же: нет силенки... Как это понимать?

— Влияют они в том смысле, что агитацию разводят. И подполье у них имеется.

[263]

— Вот так понятнее. Дальше. Действует их агитация? Были акты враждебности со стороны населения?

— Нет, товарищ майор! Наоборот! Да вот хотя бы взять случай в Ново-Орехове... Еще в феврале было. Прибрел я туда с пятью разведчиками. Усталые, голодные. Зашли в одну из хат, только завтракать сели — вдруг вбегает хозяйка: — Немцы! Полиция! — Хозяин показывает на чердак: скорее, мол... Ну, деваться некуда. Залезли на чердак пылью дышать. Выглядываю осторожно из окошечка: мать родная! Машин двадцать

понаехало! Увяли мои ребята. Да и я, признаться, думал, что пришел конец. Нас же вся деревня видела. Все знали, куда мы вошли... Приказал приготовить оружие, в гранаты запалы вставить: погибать, так с музыкой!.. Только зря мы беспокоились, товарищ майор! Хотя вся деревня про нас знала, но не нашлось человека, кто бы советских партизан фашистам выдал!

— Это хорошо.

— Вообще, дорогой, — вступил в беседу Хаджи, — народ очень приветливый. Как братьев встречают. Очень приветливый! Славянский народ! Сколько бы мы ни шли — везде как родных угощают, ничего не жалеют!

— Да и мы видели уже: радуются советским партизанам... Расскажите-ка про Армию Людову. Есть ее части здесь?

— А как же! — воскликнул Гора. — Тут, на Люблинщине, у них товарищ Метек верховодит. По-польски, он комендант АЛ на территории Люблинского воеводства. Полковник по чину. Я его просил приехать. Мировой парень! Коммунист.

— Где его отряды?

— Точнее — отряд, товарищ майор. Вот здесь, под Парчевом. Ну, а подпольщики — по всей Любинщине, как полагается... Между прочим, хозяин нашего дома, Николай, тоже старый коммунист. Через него я связь с Метеком и держу.

— Понятно. Как с немецкой администрацией?

— По обычной схеме, — сказал Хаджи. — Все, как у поляков прежде размещалось. Страна разбита на воеводства, воеводства на повяты, повяты на гмины, а в каждой гмине по десятку, по два полицейских постов... И везде сидят сволочи соответствующих рангов. Чем выше, тем сволочнее. Только раньше наверху были свои, польские жандармы, а теперь — немецкие.

[264]

— Чтобы ты поточнее представил, что к чему, — сказал Гора, — считай так: в гмине пять — двадцать пять тысяч жителей. Нечто вроде района, одним словом.

Постепенно я уяснил административную структуру оккупированной Польши, размещение немецких вооруженных сил и немецкой полиции, места базирования различных партизанских отрядов.

— Кстати, о партизанских отрядах, — обернулся я к Горе. — Встречали нас вместе с тобой незнакомые вроде люди... Ты сказал, теперь это наши... А раньше чьи они были?

Гора потер небритую серую щеку:

— Да они и раньше своими, советскими были... Понимаешь, тут по округе немало различных групп и отрядов бродило и

бродит. Из окруженцев, из бывших пленных. Прослышали о нашем появлении и потянулись. Каждый день, почитай, кто-нибудь объявляется.

— Из окруженцев ты сказал? Это что же, давно они здесь партизанят?

— Каждый отряд начинал по-разному и в разное время. Конечно, сам понимаешь, с оружием у них швах было, со взрывчаткой — тем более, а про связь с Большой землей и говорить не приходится. Но люди делали, что могли. Нападали на немецкие обозы, на полицаев, побеги пленным устраивали... Про Освенцим и Майданек слыхал уже?

— ?

— Вот и я сначала не знал. Это, командир, страшные гитлеровские лагеря в Польше. Это фабрики по уничтожению людей. Сотни тысяч в крематориях сожжены. Такое рассказывают про эти лагеря — волосы дыбом... Пристал ко мне один, Иваном Павловичем звать... Расспроси его на досуге.

— Что же, и из лагерей помогали бежать?

— Помогали. Конечно, тем, кого гитлеровцы на работах в поле или в городе использовали... Остальным не поможешь с нашими силами. Охрана велика.

— Понятно... Значит, тут много товарищей, воюющих в Польше не один год?

— Точно.

— У них должны быть великолепные связи с местным населением!

— А как же?! Я вызвал, товарищ майор, сюда, в Лейно, командира самого крупного местного советского от-

ряда Серафима Алексеева. Он на диверсиях, но завтра явится. Кое-что сообщит. А мы уже начали использовать связи партизан.

— Правильно сделали... Скажи, Михаил, и ты, Хаджи, и ты, Федор, скажите-ка, как у вас обстоит с солтысами? Бегают после вашего ухода в полицейские участки, доносят?

— Доносят, — сокрушенно сказал Хаджи. — Деваться им некуда. Попали между нами и немцами, как между молотом и наковальней. Худо им.

— Так. А снабжаетесь за чей счет?

— На немецкие гарнизоны не нападешь. Питаемся за счет местных жителей, конечно. Помещиков здешних ворошим.

— Так-так...

Долгим был разговор.

Слушая товарищей, я все больше убеждался, что одной из

самых первых, неотложных задач должно стать уничтожение немецкой администрации в сельских местностях. Существование бесчисленных полицейских постов вредило нашему делу. Власть немцев в польских деревнях и селах надлежало уничтожить, чтобы утвердить власть вооруженных сил Армии Людовой и советских партизан.

Отсюда вытекала необходимость поддержания теснейшего контакта с АЛ и встречи не сегодня-завтра с полковником Метеком.

Затем следовало дать понять руководителям Армии Крайовой, что всякого, кто не борется с фашизмом и попытается всадить нож в спину Красной Армии, мы будем считать своим врагом. Пусть учтут и сделают выводы. Будут держаться нейтрально — пусть, они перед своим народом ответят. Но на поддержку пусть не рассчитывают. Мы помогаем только тем, кто помогает нам.

Поскольку же руководство Рады народного единства и Армии Крайовой ведет антисоветскую пропаганду, натравливает своих людей на советских партизан и может срывать нашу работу — надо будет направить в районы наибольшего влияния АК достаточно сильные отряды наших партизан. Так сказать, для порядка. В частности, придется послать значительные отряды под Луков и Демблин и постоянно держать две-три группы у Хелма.

Тактику действий придется менять. Тут нет лесов,

[266]

организовать постоянную базу для штаба нельзя. Штаб будет рейдировать по всему району предстоящих действий, поддерживая связь с отрядами и группами с помощью раций.

Отряды же и группы, тоже «блуждающие», должны размещаться друг от друга на расстоянии от восьмидесяти до ста километров. Это необходимо по нескольким причинам. Первая: ввести врага в заблуждение относительно подлинной численности соединения. Вторая: дать каждому отряду возможность свободного маневра в случае опасности. Третья: иметь возможность постоянно поддерживать контакт не только по радио, но и через связных. Четвертая: иметь возможность в случае необходимости в короткий срок стягивать отряды и группы в одно место для нанесения мощного удара врагу или для отражения его нападений.

Мы тут же решили, что отряды должны состоять из шестидесяти — восьмидесяти человек, а группы — из пятнадцати — двадцати.

Наметили и районы действий для этих отрядов и групп.

Под Луков направлялся отряд Федора Степи, под Люблин и Парчев — отряд Анатолия Седельникова, под Хелм — группы Володи Моисеенко и Косенко, а под Демблином мы наметили усилить местный советский партизанский отряд Серафима Алексеева своими разведчиками Широковым и Басарановичем и опытными бойцами.

Отряды Парахина, Христофорова и Филатова должны были курсировать по всему району, проводя диверсии, устраивая засады, держа в постоянном напряжении гарнизоны врага.

Постановили: штабу и отрядам передвигаться на бричках, а группы разведчиков посадить на коней.

Был четвертый час утра, когда закончилось наше первое совещание. Вошел хозяин хаты Николай, тот самый коммунист, о котором говорил Михаил Гора. Сказал, что может постелить в доме. Я попросил, чтобы мне постелили в стодоле.

Николай вышел.

— Хороший мужик, значит? — спросил я Гору.

— Золотой!

— А оружие у него есть?

— Да нет вроде...

[267]

— Что же так? Ты бы, Миша, подарил ему свой кольт. Я вижу, что Николай так и глядит на эту игрушку.

— И то верно, — сказал Михаил.

— Вообще, надо вооружать местных жителей, идущих с нами, а здешних партизан — тем более.

— Сделаем, — сказал Гора.

Память о тех днях — это память о подсохших дорогах, об ослепительном солнце апреля, о первых ростках ржи и пшеницы на клочковатых полях крестьян, о раскрашенных личиках мадонн и бесчисленных распятиях на перекрестках, мимо которых мчатся наши партизанские брички с пулеметами...

Это память о тоненькой, сухонькой женщине лет пятидесяти из деревни Землинец, которую все зовут просто Марией. Мария — старая коммунистка, она самый верный и надежный помощник Михаила Горы. Это от нее повели ниточки в Люблин. По первому зову — днем ли, ночью ли — Мария готова идти на связь с разведчиками в городах...

Это память о старом крестьянине Франтишке Капитане, чернобородом и крепком, жившем большой семьей в Дроздувке. У Капитана для нас всегда распахнуты ворота. Он хорошо знает округу и людей. Про каждого может рассказать всю подноготную...

Это память о Романе Гоноре, обитавшем со старушкой женой на хуторе Бартошиха вблизи Уршулина. В прошлом Роман Гонора — солдат русской армии. В нем еще сохранилась былая выправка.

— Русские и поляки должны быть вместе, — говорит Гонора. — Если будем вместе — немец не страшен...

На хуторе Гоноры я получаю разъяснение по некоторым деликатным вопросам.

— Пан командир удивляется, откуда во дворах крестьян столько живности? — спрашивает Гонора. — Откуда куры и поросята?.. Прошу пана командира во двор.

Мы выходим во двор.

— Видите кабанчика? — усмехается Гонора. — А что у него в ухе, видите?

— В ухе у кабанчика металлическая бирка.

— Пан имеет точный глаз! Эта бирка означает, что кабанчик принадлежит германской армии, чтоб ей сдохнуть! Кормлю кабанчика я, а сожрут его фрицы... Пан видит кур?

— На куриных лапках тоже висят бирочки!

[268]

— Верно, куры тоже принадлежат германской армии, чтоб ей... На все повешены немецкие бирки, пан командир! Нам оставляют только-только, чтоб не умерли с голоду... Э! Лишь в помещичьих имениях скотина без бирочек ходит...

Память о тех днях...

Я вновь вижу высокого, могучего, чуть сутулого Серафима Алексеева, командира местного партизанского отряда, в прошлом — сержанта Красной Армии. Три года воюет здесь Серафим, попавший в окружение еще летом сорок первого года. Возле него собралось около сотни бойцов.

— Дисциплину мы держали, — глуховато говорит Алексеев. — Не хотели срамиться перед поляками...

Отряд Серафима крепок и боеспособен, мы не собираемся переформировывать его. Просто даем Алексееву радиста Николая Аванесяна и кое-что из оружия.

— Прилетят самолеты — получите взрывчатку и мины, — говорю я.

Алексеев долго молчит, тяжело дышит, в горле его ходит тяжелый ком. Потом встает, вытягивается и подносит руку к старой фуражке.

— Служу... Советскому... Союзу...

Глаза его влажно блестят от невыплаканных мужских слез.

— Спасибо... — добавляет он тише.

Ах, Серафим, Серафим! Это тебе и твоим людям спасибо за

вашу советскую гордость и советскую солдатскую честь! Тебе и твоим людям!

Память о тех днях...

В ночь на двадцать шестое апреля мы проводим операцию по уничтожению немецких постарунков. Двенадцать постарунков перестают существовать вместе с полицейскими. Из остальных постарунков полицейские бегут в города. Теперь солтысам некуда ходить с докладами о партизанах.

Следующее мероприятие — разгром гитлеровских складов, куда свозят отобранные у польских крестьян продукты.

Отряд не может существовать святым духом. Нам нужны хлеб, мясо, молоко. Перебиваться доброхотными подношениями народа, быть обузой для крестьян мы не хотим.

В немецких же складах есть и мука, и яйца, и молоко, и мясо, реквизированные у населения. Склады мы захватываем, продукты распределяем между отрядами.

[269]

Как-то целую неделю завтракали исключительно сырыми яйцами из складов: Лекомцев заявил, что они быстро восстанавливают силы.

Утром, после умывания, всюду одна и та же картина: бойцы сидят возле ведер, наполненных белыми отборными яйцами. Люди кокают их о края ведер, запрокидывают головы, пьют...

— После войны соединение не распустим, — глубокомысленно замечает Хаджи. — Будет у нас дело, командир.

Жду подвоха, но попадаюсь на удочку:

— Какое же?

— Организуем хор под управлением Черного! Столько яиц слопали — каждый Шаляпиным петь должен!

Шаляпиных у нас не появилось, но силы у людей восстанавливаются очень быстро. Я сам чувствую: воротник гимнастерки, ставший свободным после перехода Буга, снова тесен...

А партизанские брички с пулеметами летят и летят!

Они залетают во дворы помещичьих усадеб. Иные помещики, предававшие партизан, давно сбежали под крылышко немецких гарнизонов, в города. Другие быстро соглашаются, что кормить армию необходимо. Сами указывают, какого бычка лучше взять.

Берем мы живность и у крестьян. Все равно эта живность меченая, ее крестьяне должны сдавать бесплатно немецким властям. А мы берем не бесплатно. Мы платим по ценам гораздо выше рыночных. Деньги же для расплаты достаем в Люблине, в Парчеве, в самой Варшаве...

Бывший узник Освенцима Иван Павлович — тот, про которого поминал Михаил Гора, — человек, прошедший огонь, воду и медные трубы, взял на себя все коммерческие, как сам выражается, дела.

Одеваясь в крестьянское рядно, он запрягает бричку, едет в город на базар. На бричке какая-нибудь ерунда для отвода глаз полицейским, а у возницы под рубахой, за поясом брюк, кольт.

Оставив бричку на базаре, задав коням овса, Иван Павлович начинает обход лавок.

Следует строгой системе, соблюдает очередность.

Лавка колбасника.

— Дзень добры, пане!

— Дзень добры! Что прикажете? Колбасы, мяса?

— Я от советских партизан, — сообщает покупатель. —

[270]

Мне просто нужны деньги. Пан сотрудничает с гитлеровцами или пан честный поляк?

Пан хочет быть честным.

— Сколько? — спрашивает он.

Иван Павлович уже оценил лавку.

— Триста злотых, — говорит он. — Если нету сейчас, могу зайти позже.

— Зачем позже?!.

Не приходится заходить позже ни к зеленщику, ни к скупщику одежды, ни к торговцам мукой...

К обеду за пазухой у Ивана Павловича лежит несколько тысяч злотых. Эти деньги мы раздаем командирам отрядов и групп для расплаты с крестьянами за питание. Командиры платят щедро. Крестьяне довольны. Мы тоже. Не знаю, что думают по этому поводу торговцы, облагаемые «контрибуцией», но фашистам они не жалуются. А Иван Павлович, войдя во вкус, совершает и более рискованные комбинации. Например, продает колбасникам скот, отбитый у немцев. Выручка от сделок опять же идет в казну отряда...

Летят партизанские брички, летят!..

До разгрома постарунков немцы свободно разъезжали по всем дорогам, заявлялись в деревни втроем или впятером. Теперь они сидят в городах, а если и выбираются в села, то только крупными отрядами, в сопровождения танков.

Танковые визиты малоприятны. Мы минируем дороги. Несколько танков подрываются. После этого немцы перестают пускать их на проселки. А отряды гитлеровцев без танков нам не страшны. На автоколонны устраиваем засады. Горят немецкие

машины, а сами гитлеровцы часто бегут, даже не подобрав убитых. И теперь, только завидев партизанские брички, фашисты едут по шоссе своей дорогой, нередко прибавляя газку...

Брички летят по Люблинщине! Партизанские брички с пулеметами!

25

Двадцать второго апреля Николай Аванесян отстучал:

«Отряд Алексеева прибыл в Липины и приступает к действиям».

[271]

В штабе не сомневались, этот отряд справится с порученными ему диверсионными заданиями: не зря люди столько лет обживали здешние края!

Но ведь нашим товарищам предстояло наладить и разведывательную работу в районе, то есть охватить своей сетью весь треугольник, образуемый городами Гарволин — Демблин — Желихов.

Как это удастся?

Нас в первую очередь интересовали аэродромы в Демблине, Уленже и Подлудове, железные дороги Демблин — Варшава, Демблин — Луков и Демблин — Люблин, а также шоссе Люблин — Варшава и оборонительные сооружения немцев по западному берегу Вислы.

Особое значение приобрели в ту пору железная дорога Демблин — Варшава и шоссе Люблин — Варшава, так как именно по ним гитлеровцы резко увеличили перевозки войск и техники.

Командиру разведывательной группы Григорию Басарановичу пришлось работать исключительно на этих магистралях и на разведке оборонительных сооружений по западному берегу Вислы.

Разведка всех других объектов ложилась на плечи Николая Широкова.

Басаранович был достаточно опытен и искушен в наших делах, да и группа его состояла из старых разведчиков, ходивших еще под Барановичи, Пинск, Ганцевичи и Житковичи. Вдобавок Басаранович прекрасно знал польский. Уже на пятый день пребывания на северо-западе Люблинщины Басаранович привлек к работе стрелочника со станции Жичень, а в начале мая заполучил информаторов еще в семи важных пунктах.

У Широкова не было таких преимуществ. Польского языка он не знал, старых разведчиков у него почти не имелось.

Каково же было наше удивление, когда уже в конце апреля, то есть через неделю после прибытия под Демблин, Широков стал давать прекрасные сведения по Демблинскому аэродрому и по

движению вражеских составов по дороге Демблин — Люблин.

Он рассказывал:

— Помните, товарищ подполковник, Серафим при первой встрече про парнишку одного помянул, про Метека? Ну про того, чей приятель на Демблинском аэродроме электриком?.. Вот с этого Метека я и начал. А у

[272]

него, оказывается, еще друзья в отряде имеются. Все местные ребята. Помещиков своих и немцев ненавидят — не заговаривай. Как бешеные делаются. У одного дивчину фрицы испортили, у другого брата в Германии сгноили, у третьего батьку к стенке поставили... Я им говорю: хлопцы, надо все про гадов немецких разведать. Отвечают: только скажите, что надо, все сделаем. Ну, и стал я с ними гулять по деревням... Есть такой парнишечка — Русеком звать. Тот быстренько в Демблин смотался, потом вместе с Метеком на аэродром Демблинский наведался, к товарищам... У Хенека Войтеховского знакомых на станциях Леопольдов и Кшивда полно. Сводил он меня туда. А на аэродромы в Подлудове и Уленже Манек Медуховский нас вывел...

Замечательные польские юноши-патриоты, воевавшие в отряде Серафима Алексеева, оказали нашей разведке неоценимые услуги, а потом и сами сделались заправскими разведчиками.

Именно благодаря этим восемнадцатилетним парням смог Широков уже 29 апреля сообщить, что Демблинский аэродром является весьма значительной немецкой военно-воздушной базой, где, в частности, проходят обучение наспех набранные юнцы летчики.

На Демблинском аэродроме, как узнал Широков, в апреле постоянно находились восемьдесят пять «хейнкелей», двадцать «юнкерсов» и тридцать пять «мессершмиттов».

В охране и персонале аэродрома насчитывалось тысяча семьсот солдат и офицеров.

Впоследствии разведчики Широкова «освоили» аэродромы в Подлудове и Уленже, сообщив по ним такие же точные данные.

Повезло Широкову и с разведкой Варшавы. Впрочем, «повезло» — не то выражение. Ему не могло не повезти: население любило советских партизан.

Вышло так. По возвращении в Липняки Серафим Алексеев навестил польскую крестьянку Квашневскую, скрывавшую его в сорок втором году от преследований: Серафиму не терпелось поделиться со старым другом радостными вестями из Москвы.

Тут, у Квашневской, он неожиданно встретил своего верного товарища, племянницу Квашневской — Стасю.

Стася помогала тетке прятать русского солдата. Работала она санитаркой в немецком госпитале в Варшаве и впоследствии не раз привозила русским воинам медикаменты,

[273]

а когда Серафим собрал отряд, стала доставать и патроны к немецким автоматам. Патроны эти Стася добывала через знакомых на патронном заводе. Возила она боеприпасы в чемоданчике с красным крестом. И то ли этот чемоданчик, то ли красота двадцатишестилетней женщины, то ли удивительное самообладание при обысках, которым немцы постоянно подвергали пассажиров поездов, — но что-то всегда выручало Стасю Квашневскую.

Вынужденный отойти с отрядом за Буг, Серафим потерял молодую женщину из виду в ноябре сорок третьего года. И вот они снова вместе!

Алексеев рассказал о Стасе Широкову и добавил:

— Она хочет опять возить патроны.

— Ни в коем случае! — запротестовал Николай. — Незачем подвергать Станиславу риску. Она может принести гораздо большую пользу.

Широков познакомился со Стасей. Попросил запоминать опознавательные знаки на технике противника в Варшаве, посоветовал расспрашивать немецких солдат, лежавших в госпитале, о том, где они служили, как их ранило, откуда их привезли, выяснять настроения...

— Выказывайте им участие, — советовал Широков. — И слушайте, что они выболтают.

Станислава приезжала к тетке раз в неделю. И мы регулярно получали любопытную информацию о войсках противника в Варшаве.

Стало быть, под Демблином дела налаживались.

Налаживались они и в других местах.

Используя связи, нащупанные еще Михаилом Горой, Анатолий Седельников послал первых разведчиков в город Люблин.

Город этот никогда не был крупным промышленным центром, а в годы немецкого нашествия и совсем захирел: работали только три фабрики — обувная, спичечная и консервная, да было налажено производство стеариновых свечей.

Но Люблин был крупнейшим железнодорожным узлом. На станции Люблин имелись два главных пути и сто сорок восемь запасных (пять для пассажирских составов и сто сорок три для товарных).

Со стороны города Хелм на станции было сто три выходные стрелки.

Три водонапорные башни (одна на товарной станции и две на центральной), два депо с пропускной способ-

ностью от двух до пяти паровозов в день, десять маневровых паровозов, различные мастерские, где трудились около трех тысяч рабочих...

Тут стоило поработать!

Разведчики Седельникова в первые же недели выяснили: начальником станции Люблин является немец Гискрер, помощником у него поляк Рабинский. Станцию охраняют полицаи.

Комендантом станции Люблин давно уже является немец Миллер.

В депо и мастерских есть мастера-немцы, но их всего восемь человек. Остальные мастера — поляки...

От станции ниточки потянулись дальше, разбежались по люблинским улочкам и улицам, достигли немецких казарм и дома самого люблинского губернатора.

Губернатор Люблинского воеводства, группенфюрер СС доктор Вендлер, проживал на улице Спокойной в доме некоего Земецкого.

При особе обер-бандита состояли шавки: главный административный инспектор фольксдейч Мисяковский и замбургомистра Люблина фольксдейч Яковецкий.

Немецкие войска размещались в основном в бывших казармах 8-го пехотного полка бывшей польской армии и в западной части города.

На углу аллеи Пилсудского и улицы Нарутовича стоял в Люблине штаб неоднократно битой советскими войсками танковой дивизии СС «Викинг». Штаб охраняли сто пятьдесят солдат и двадцать зенитных орудий. Части же этой дивизии, прибывавшие с советского фронта, были расквартированы в ближних к городу селах и деревнях — Свидник, Вулька, Засибольнице, Абрамовице. Тут дивизия «латала прорехи», пополнялась за счет необстрелянных немецких сопляков и различного рода предателей, чтобы вновь быть брошенной в губительные для нее бои.

В Люблине содержался постоянный гарнизон. В нем было сто гестаповцев (главная квартира гестапо — улица Шопена, 5), триста шуцполицаев-немцев, около трехсот польских полицейских, двести солдат комендантской патрульной роты и

четыреста человек из охраны лагеря военнопленных и тюрьмы.

Кроме того, в частях ПВО Люблина, имевших сто двадцать зенитных точек, числилось на 20 апреля 1944 года до тысячи солдат и офицеров артиллеристов.

[275]

Все войска и подразделения полиции размещались в основном по улице Лещинского, аллее Длугоша, на улицах Веньянка и Чехувка.

Эти сведения Седельников получил ровно через неделю после нашего прибытия в Лейно.

Достались они Седельникову нелегко. Было похоже, что Анатолий все эти дни почти не спал, разъезжая по округе, беседуя с людьми, давая им поручения, самостоятельно подбираясь к селам, занятым фашистами.

Он уже мало походил на сумрачного, несколько замкнутого человека, каким показался мне при первой встрече. Это был веселый, умевший пошутить и оценить чужую шутку, жизнерадостный офицер, знаток своего дела.

Часто, разговаривая с Анатолием, я думал: какую огромную, преображающую силу имеет доверие к человеку! Какие клады духовной красоты способно раскрыть в нем!

— Товарищ подполковник, — сказал как-то Анатолий еще в апреле. — Надо бы наладить спасение заключенных из Майданека.

— Кого и как?

— Часть пленных немцы по-прежнему используют на работах вне лагеря. Иных посылают в город. Можно установить с этими людьми связь. Из города будем переправлять беглецов в деревни, в отряд... Если штаб не возражает, конечно.

Не хватало, чтобы наш штаб возражал!

— Вот что, — сказал я Седельникову. — Помогать заключенным будем. Но сначала найди надежные квартиры в Люблине и организуй крепкую цепочку для переправы людей в села. Когда доложишь?

— Через неделю, товарищ подполковник!

— Приступай!

Анатолий ушел возбужденный, счастливый от того, что кому-то вернет надежду, вернет жизнь...

Под Вялой Подляской, Луковом и Седлецом работал Федор Степь со своим верным помощником по разведке Володей Офманом, внешне почти ничем не отличавшимся от поляка. Псевдоним Ласковый соответствовал характеру и стилю работы Офмана.

Его разведчики нашли верных людей в лесничестве «Плянта», среди крестьян и горожан. С ними сотрудничали егерь Тадеуш Подгорецкий, Гаевой, носивший псевдоним Демб, секретарь лесничества Антон.

[278]

С их помощью мы привлекли к разведке десятки патриотически настроенных поляков.

Накануне первомайских праздников нам стали известны два важных факта.

1. Выяснилось, что в Бялой Подляске размещен полк фашистских войск, прибывший с юга на отдых. На Варшавской улице города стоят три немецких пехотных батальона, собранные из разбитых на фронте частей и пополненные выздоравливающими солдатами из трех здешних госпиталей. В городе имеются пять артиллерийских батарей. Число полицейских и жандармов близко к двумстам пятидесяти.

2. Поступили данные, что в городе Седлец стоит 7-й пехотный полк немецкой армии. В гарнизоне, кроме того, находятся пятьсот пятьдесят солдат из различных частей. По улице 13 мая размещена 365-я немецкая рота. Железную дорогу охраняют сто восемьдесят человек. Кроме того, в городе существует школа войск СС...

Узнали мы также, что под Бялой Подляской и Седлецом существуют большие аэродромы.

Разведчики прилагали усилия к тому, чтобы уточнить полученные сведения.

Неплохие данные шли и по Лукову. Гарнизон его, как мы выяснили, составлял двести — пятьсот человек, причем его усиливали бандиты из националистического формирования, шестьдесят семь жандармов и пятьдесят два польских полицейских...

Федор Степь с помощью Володи Офмана старался расширить круг разведчиков, получить более подробную и точную информацию.

Это было неплохим началом.

Никто в штабе не сомневался, что наши разведчики, обладающие железной хваткой, быстро поставят работу в Польше не хуже, чем она была поставлена в Белоруссии и на севере Украины.

— Помнишь, — посмеиваясь, говорил Михаил Гора, — еще перед выходом с Булева болота мы размышляли, как будем действовать в Польше. Опасались всяких трудностей. А ведь неплохо получилось!

* * *

В двадцатых числах апреля в районе деревни Лейно приземлились заброшенные из Центра майор Фальковский и радист Максим Шепель.

[277]

Оба в гражданском. У Фальковского — чемодан с хитроумным замком, у Шепеля, как полагается, рация.

Пожилой, худощавый Фальковский ничем не походил на военного — ни осанкой, ни манерой говорить.

Он доложил, вернее, вежливо известил, что будет выполнять спецзадание. Впрочем, я знал это из радиограммы, предварившей его появление, как знал и то, что нам надлежит легализовать Фальковского и охранять его, если будет необходимость в этом.

— Я бы хотел устроиться работать на железной дороге, ведущей в Варшаву, — мягко сказал Фальковский. — Пожалуйста, организуйте это.

Мы с Горой раскинули мозгами. Лучшие связи с местным населением были у Серафима Алексеева. Пожалуй, Серафим и сумел бы устроить Фальковского на дороге Демблин — Варшава или Демблин — Луков.

— Придется вызывать Серафима или Николая Широкова, — сказал Гора.

— Подожди. Вызови на тридцатое: нам как раз будут сбрасывать оружие и припасы... Кстати, вызови и Седельникова со Степью.

30 апреля почти все командиры групп собрались в деревне Ново-Орехов, куда перебрался штаб.

В ночь на первое мая прилетели пять наших самолетов. Они сбросили на костры, зажженные в 800 метрах от Ново-Орехова, десятки мешков с грузами: оружие, медикаменты, боеприпасы, продукты, обмундирование, газеты, журналы.

Подобрав мешки, мы свезли их в деревню, сложили в стодолах, потом распределили подарки Москвы по отрядам и группам.

Серафим Алексеев, ходивший по-прежнему в форме, снятой с немецкого офицера, получил в придачу ко всему новенький мундир. Огромный, медвежистый Алексеев страшно смутился. Держал мундир в вытянутых руках, мялся, краснел.

— Ты что, Серафим?

— У меня же нет офицерского звания...

— А мы считаем, что ты его заслужил. Надевай мундир и носи!

Я распорядился устроить праздничный обед. Конченая

колбаса, сыр, шоколад, коньяк, папиросы фабрики «Дукат» — это было настоящее пиршество!

[278]

После обеда познакомил Алексеева с майором Фальковским.

— Сумеете устроить майора на работу? — спросил я. — Не спеши с ответом. Устроить надо так, чтобы не было никаких подозрений.

— Устроим, товарищ подполковник, — твердо сказал Серафим. — Метек и Русек подыщут место.

— И помни, никто не должен знать о майоре. Ни одна душа. Не рассказывай о нем даже партизанам. Посвяти в дело только тех, кто будет искать майору пристанище и место. Ясно?

— Все ясно. Будет сделано.

Алексеев сдержал слово. Вездесущие Метек и Русек побродили по родным и знакомым, побеседовали с начальником станции Леопольдов, выяснили, что тому нужен кассир, а затем через знакомых подсказали начальнику станции, что подходящий человек вроде есть, живет тут у одних... Кажется, Фальковский выдавал себя за чиновника варшавского почтамта, уехавшего в деревню по состоянию здоровья. Начальник станции, служивший немцам, обрадовался находке: еще бы, подвернулся интеллигентный, образованный человек, которому можно доверить деньги!

Через два дня майор Фальковский работал кассиром на станции Леопольдов. Вскоре он стал навещать Варшаву...

Но за нами по-прежнему осталась обязанность охранять Фальковского и в нужную минуту прийти ему на помощь.

Радист Максим Шепель устроился у родных партизана Манека в деревне Липины.

Связь с Фальковским Шепель держал через того же Манека.

В эфир Шепель выходил только ночью, часто из гарволинского леса, чтобы дезориентировать немецкую службу пеленгации и радиоподслушивания.

Работали Фальковский и Шепель очень четко. Они продержались на своих местах до прихода Красной Армии.

* * *

Утром первого мая в Ново-Орехов пришел связной от полковника Метека.

Метек просил приехать к нему.

[279]

— Товажишу командир, у нас гости из Варшавы, — понизив голос, поведал связной.

— Кто же это?

— Приедете — увидите, товажишу...

Связной улыбался.

— Хорошо. Приедем.

Как было не навестить командующего отрядами Армии Людовой в Люблинском воеводстве Метека, чудесного человека, замечательного патриота? Да еще после намека на каких-то гостей из самой Варшавы!

Я поехал на свидание в село Землинец с Михаилом Горой. Ехали на тачанке с кавалерийским эскортом.

Землинец — красивейшее село, полукругом обступившее большое озеро. Все польские деревни купаются в садах и могут похвастать зеленью. Но Землинец буквально кипел молодой листвой буков и ясеней, бродил бело-розовой пеной цветущих яблонь и груш.

На въезде в село нас встречали жители.

А в центре, возле дома, где стоял штаб Метека, мы заметили польских партизан.

При нашем приближении прозвучала команда, бойцы взяли ружья на караул.

Правда, сделали это не очень умело, да и одеты были кто во что. Иные стояли даже без сапог. У одних были автоматы, у других советские винтовки, у третьих французские ружья... Но все бойцы держали строй.

На крыльцо выбежал кудрявый, сверкающий белозубой улыбкой Метек. Следом за ним вышел полноватый, в годах, но, видно, очень крепкий человек в белом плаще и фетровой шляпе.

Мы соскочили с тачанки.

— Знакомьтесь, — сказал Метек. — Это товарищ Роля-Жимерский.

Роля-Жимерский?! От польских партизан, от польских товарищей, переправленных в Москву из-за Буга, мы слышали об этом человеке.

Генерал польской армии Михал Роля-Жимерский еще задолго до войны славился левыми убеждениями. Рассказывали, что во время рабочих забастовок этот высокий воинский начальник приказывал... вывозить к заводам солдатские кухни, чтобы кормить голодных.

Роля-Жимерского ненавидели в правительстве и не раз пытались ему угрожать. Генерал пренебрегал угрозами.

Поражение в 1939 году польской армии, подлая поли-

тика бывшего польского буржуазного правительства,

бросившего страну на растерзание немецкому фашизму, заставили генерала задуматься о том, каким путем идти дальше.

Оставаясь в оккупированной Варшаве, он многое пережил и передумал. И когда к нему пришли представители Польской рабочей партии с предложением организовать народную армию для борьбы с немцами, генерал не стал колебаться. Он отдал себя в полное распоряжение партии и народа.

В Варшаве, наводненной гитлеровскими войсками и гестаповскими агентами, ежечасно рискуя жизнью, Роля-Жимерский создал офицерскую школу для подготовки командных кадров будущей Армии Людовой и вел в ней регулярные занятия.

Весной сорок четвертого года Роля-Жимерский был главнокомандующим Армии Людовой. Впоследствии он возглавлял все бои польских патриотов.

— Просим в дом, — сказал Метек.

В доме Роля-Жимерский снял свой плащ-балахон, вытащил из-за пояса брюк пистолет, положил его на лавку. Сели.

— Я рад приветствовать вас, — сказал Роля-Жимерский. — Это очень хорошо, что теперь мы будем сражаться бок о бок.

Он поведал о планах своего штаба. Основные силы Армии Людовой разворачивались тут, на Люблинщине, и отряд Метека был одним из крупных формирований. Роля-Жимерский, проведя инспекцию отряда, остался доволен Метеком и его бойцами. Он надеялся в самое короткое время создать под Люблином еще несколько отрядов.

— Бойцы найдутся, — говорил генерал. — Кроме того, нам близки батальоны хлопские, созданные крестьянской партией, хотя и есть у них этакая тенденция к автономии. Полагаю, руководство батальонов хлопских поймет все же, что действовать надо сообща.

Нас интересовала Варшава, немецкий гарнизон города, важные объекты, интересовало и то, как работает коммунистическое подполье.

— Есть люди, — коротко сказал Роля-Жимерский и улыбнулся, давая понять, что на большее он пока не уполномочен. Но тут же не удержался и рассказал о не-

которых диверсионных актах, проведенных Армией Людовой и партийным подпольем в самой Варшаве.

— Чем вам помочь? — напрямик спросил я. — Мы можем выделить некоторое количество оружия.

— Не откажемся, — сказал генерал. — Но самая главная помощь — это ваше присутствие здесь. Вы даже не представляете,

как действует на людей один факт появления советских войск. Это поднимает дух, вдохновляет!

После обеда мы с Горой, посоветовавшись, обратились к Роля-Жимерскому и Метеку с просьбой принять от нас в подарок два пулемета с запасом патронов.

Наш дар был принят.

— Теперь просим навестить нас, — сказал я генералу и Метеку.

— Так сказать, требуется отдать ответный визит? — улыбнулся Роля-Жимерский.

— Как же иначе? Приезжайте завтра, если вам удобно...

Выяснилось, что это удобно.

К приезду Роля-Жимерского и Метека мы приготовили стол из московских гостинцев и, кроме того, сделали им маленький сюрприз.

Едва наши дозорные завидели коней польских товарищей, они дали знак. Навстречу гостям выехала тачанка с конными разведчиками.

Конные изображали почетный караул, а в тачанке сидел с баяном разведчик Жора Маевский. Он развернул мехи и заиграл польский национальный гимн. Тот гимн, который в годы оккупации запрещалось не только исполнять, но даже слушать.

Наши партизаны были далеко не сентиментальными людьми. Но видя, как открыто плачут, слушая свой гимн, польские крестьяне, они покашливали, опускали глаза.

Гости подъехали к штабу.

Роля-Жимерский ступил на землю.

Тут Жора после минутной паузы вновь припал щекой к баяну. Зазвучала мелодия «Интернационала».

Все стояли навытяжку, взяв под козырек, и слушали гимн, который одинаково трогает сердца всех честных людей, к какой бы национальности они ни принадлежали...

Я познакомил Роля-Жимерского и Метека с работниками штаба, показал наш радиоузел и пеленгаторную станцию.

[282]

А на прощание мы торжественно передали отряду Метека в знак вечной братской дружбы автоматы, винтовки и два противотанковых ружья.

Роля-Жимерский и Метек остались довольны подарком...

* * *

Получив накануне первого мая большое количество взрывчатых веществ и различной подрывной техники, мы обрели наконец возможность ударить по коммуникациям врага и в

Польше.

— Фашистская сволочь тут еще не учена, — говорил Михаил Гора. — Да ты сам видел: ездят по железным дорогам, будто они и впрямь хозяева. И охрану держат только на станциях... Так что нашим ребятам представляется возможность врезать фрицам между глаз...

И наши «врезали».

4 мая на перегоне Демблин — Луков в 11 часов ночи громыхнул первый взрыв партизан Серафима Алексеева. Шедший на полных парах паровоз подпрыгнул и полетел с насыпи, увлекая за собой вагоны и платформы. Гитлеровцам, согнавшим на ремонт пути и растаскивание вагонов триста рабочих, только через сутки удалось восстановить движение. Вдобавок советские штурмовики, пролетавшие над железной дорогой, основательно проутюжили немцев-ремонтников.

10 мая минеры группы Илюкова на перегоне Сарны — Свидры уничтожили эшелон с восемью платформами, также перевозивший автомашины.

На следующий день Илюков поставил мины на перегоне Сарнов — Кшивда и опять свалил паровоз и семь вагонов с солдатами противника.

Группа Жидкова 16 мая на перегоне Соболев — Грабняк пустила под откос паровоз и семь платформ с танками и автомашинами. 17 мая Илюков на перегоне Сарнов — Кшивда подорвал паровоз и шесть вагонов с солдатами, а группа Басарановича на перегоне Ласкажев — Соболев разбила паровоз и восемь вагонов с военным грузом. 19 мая тот же Басаранович и группа Николая Кошелева взорвали еще два состава, вывели из строя два паровоза, шесть вагонов с авиамоторами и девять платформ с автомашинами.

Подвижные отряды Парахина, Христофорова, Николая Коржа, Швецова, Косенко и Володи Моисеенко вышли на

дороги Парчев — Люблин, Люблин — Хелм, Хелм — Владава, Седлец — Брест.

Пользуясь отсутствием постоянной охраны железных дорог, разведчики тряхнули стариной, вспомнили, как совершали налеты на железные дороги в Белоруссии в конце сорок первого — начале сорок второго года: все минеры были посажены на коней, и одна группа успевала за ночь «обслужить» несколько участков.

Конные группы минеров-разведчиков буквально обрушились на магистрали противника, и в течение нескольких дней

железные дороги в районе их действия стали неузнаваемы: ночное движение поездов противника прекратилось; днем фашистские поезда еле ползли, проталкивая впереди себя платформы с песком, чтобы предотвратить подрыв паровозов; вдоль всех насыпей, изуродованных мощными взрывами, валялись десятки исковерканных паровозов, сотни разбитых, сплющенных, опрокинутых, сожженных вагонов и платформ, а рядом с ними — перевернутые танки, орудия, разнесенные в щепы ящики с оружием и патронами, с обмундированием, продуктами.

В тех местах, где на мину налетал эшелон со снарядами и бомбами, вообще ничего не оставалось, кроме гигантской воронки...

Попытки противника двигаться только днем не дали эффекта. Огромный опыт наших подрывников позволил им ставить мины так, что регулярно взрывались и дневные эшелоны.

Достаточно сказать, что за май — июнь подрывники соединения уничтожили около сорока эшелонов врага. И это на таком небольшом, в общем-то, пятачке, каким был район действий отряда!

Такого «подарка» фашисты явно не ожидали.

Впрочем, они вообще не ожидали, что мы появимся у них в тылу, и никак не могли, кажется, сообразить, что за войска успешно разгромили их постарунки, выдержали бои с механизированными частями пехоты и парализуют теперь движение на дорогах.

Пугая самих себя и своих прислужников, фашисты распространили слух, что под Люблином и Варшавой появилось крупное соединение Красной Армии.

Помню, в середине мая штаб стоял в Заглымбоче. Охрана доложила: с противоположной стороны озера,

огибая его по южной дороге, движется к селу колонна автомашин врага.

Заложив коней, мы выехали по северной дороге и медленно стали огибать озеро, держа противника на дистанции и явно показывая, что не намерены уходить из села.

Гитлеровцы видели нас. Они, конечно, догадывались, с кем имеют дело. Но сунуться не рискнули... Зато мы не собирались давать спуску фашистам. Мы решили показать, кто является здесь настоящим хозяином, — и сделали это. Я приказал устроить засаду и выделил командиру засады два ПТР, пять пулеметов, три ротных миномета. Заминировав дорогу, засада дождалась, когда

подорвется передовая машина с немецкими солдатами, а затем уничтожила огнем четыре автомашины из девяти и, надо полагать, положила немало солдат фюрера.

В дальнейшем немецкие автоколонны вблизи Заглымбоча и других сел, слывших партизанскими, не показывались.

Так уже в середине мая сорок четвертого года мы прочно утвердились на новом месте.

26

Наши группы, отряды и штаб были вынуждены постоянно перемещаться, поэтому мы принимали все меры предосторожности, чтобы противник не обнаружил и не захватил нас врасплох на какой-нибудь дневке.

Направляясь в облюбованную деревню, мы никогда не ехали прямиком, делали крюки, заезжали по дороге в две-три другие деревни, на два-три других хутора. Добравшись до цели, никогда не распространялись о том, откуда приехали и куда будем держать путь дальше.

В районе действий соединения мы категорически запретили местным жителям какое-либо передвижение по ночам. Незнакомых людей, появлявшихся в деревне, занятой партизанами, тщательно проверяли. Подозрительных задерживали и не выпускали до тех пор, пока отряд или штаб не покидали деревню.

Особенно следили за тем, чтобы ни одна живая душа не могла наблюдать за нашими перемещениями.

[285]

Тут и выяснилось, что кто-то явно интересуется партизанскими маршрутами...

Петя Истратов обратил внимание на вспышки электрического фонарика за нашей спиной, когда мы выезжали из Лейно в Ново-Орехов.

— Сигналят, товарищ подполковник!

Немедленно отрядили бойцов на поимку сигнальщика, но того и след простыл. Зато не успел штаб приблизиться к Ново-Орехову, с окраины этого села тоже замигал электрический лучик.

— Ну, черти! — выругался Митя Гальченко. — Разрешите, товарищ подполковник?..

Но и тут тоже никого не нашли.

Я волновался, понимая, что нас кто-то «отправляет» и кто-то «принимает».

И к счастью, вспомнил тогда одну любопытную деталь. Товарищи из Президиума Крайовой Рады Народовой рассказывали мне еще на базе Каплуна, что у них существует нелегальная связь со всеми селами. Любой приказ из Варшавы могли передать через надежных людей от одной деревни к другой по цепочке в самое короткое время. Обычно товарищ из Варшавы добирался на велосипеде до ближайшего села или хутора,

передавал приказ известному ему человеку, а тот немедленно отправлялся в другую деревню, к новому связному. Таким же путем осуществлялась связь сел с Варшавой.

Говорили, помнится, и о световой сигнализации.

Я встретился с Метеком, который подтвердил, что их связные иногда пользуются световой сигнализацией. Он улыбался и не отрицал, что штаб Армии Людовой четко информирован о местоположении каждого партизанского отряда на Люблинщине, независимо от его принадлежности.

— Хуже, что такой же системой пользуются аковцы, — согнав с лица улыбку, сказал Метек. — Весьма возможно, что люди из Армии Крайовой тоже наблюдают за вашими переездами. А публика там имеется всякая...

После этого разговора мы стали еще осторожней. Выезжая из сел, оставляли на окраине группы прикрытия, которые покидали населенный пункт, лишь получив наш сигнал о благополучном прибытии в новый пункт.

Таким образом мы в какой-то мере страховали себя. Но только в какой-то мере. Мигание загадочных ночных фонариков не прекращалось...

[286]

Но, как говорится, нет худа без добра. После того как я рассказал товарищам о беседе с польскими друзьями еще на базе у Каплуна и о своей встрече с Метеком, мы решили взять на вооружение опыт польского подполья: тоже завели связных в каждой деревне, организовали передачу сведений по цепочке.

Однако эта связь по цепочке шла у нас только снизу вверх. По ней передавалась лишь информация от разведчиков к командирам групп и от командиров групп и отрядов к штабу. Эта информация не составляла секрета, так как содержала сведения о противнике.

Наши же собственные указания разведчикам, наши советы и приказы, естественно, по цепочке не передавались. Знать о них полагалось весьма ограниченному кругу лиц...

* * *

Появление нашего соединения под Варшавой, Люблином и Демблином, обусловленное успехами советских войск на фронтах, немедленно сказалось на численном росте партизан в районе действий.

Наши небольшие поначалу группы и отряды как магнитом притягивали к себе другие отряды советских партизан, не имевшие до сих пор связи с Большой землей. Они постепенно превращались в бригады, насчитывавшие по нескольку сот

человек.

Это сразу сказалось и на общей обстановке в районе. Мы стали силой, с которой вынуждены были считаться не только аковцы, но и немцы. Местное население теперь смелее помогало партизанам, а партизаны — фронту.

Поэтому начиная с конца апреля мы могли передавать Центру самую различную информацию о гитлеровцах.

Весьма большое место занимали в ней сведения об аэродромах фашистской армии, которых настойчиво требовал Центр: ведь первыми откатывались на запад именно авиационные части врага, а по ним можно было установить, какие именно армии противника и куда навостряют лыжи.

Кроме того, нельзя было позволить гитлеровцам безнаказанно перебазироваться на новые, пока неизвестные нашему командованию аэродромы!

Еще 19 апреля отряд Серафима Алексеева обнаружил в двух километрах западнее местечка Подлудова аэродром Уляж, где имелось двести двадцать двухмоторных самоле-

тов и около пятидесяти транспортных калош типа «Ю-52», а в лесочке рядом с аэродромом — склад авиабомб.

21 апреля аэродром Уляж подвергся внезапному и сокрушительному налету советской авиации.

8 мая разведчица Лиса передала, что в четырнадцати километрах северо-западнее Бялой Подляски, между деревнями Борджилувка Лесьня и Розкочи, находится посадочная площадка для легких самолетов.

На северо-западной окраине Варшавы разведчики обнаружили так называемый Млотинский аэродром. Было установлено: там постоянно находятся до сорока пяти самолетов. Прикрывают аэродром сорок зенитных орудий и десять прожекторных установок. Летный состав размещается в казармах Зелена Рымонска, там же находятся радиостанция, склады боеприпасов, учебно-формировочный пункт войск связи и зенитчики. Всего — тысяча двести человек. Возле казарм замечены двенадцать зенитных орудий и шесть прожекторов.

Был разведан также центральный варшавский аэродром «Окенты», располагавшийся юго-западнее города. Фашистское командование держало тут от двухсот пятидесяти до трехсот самолетов различных типов. Численность летного состава и обслуживающего персонала на аэродроме достигала почти тысячи человек, а охраны — ста пятидесяти. В четырех точках вокруг аэродрома находились двенадцать зенитных батарей.

Расположение этих батарей разведчики сумели отметить на карте.

Все обнаруженные аэродромы неоднократно подвергались ожесточенной бомбежке сразу после того, как о них сообщалось в Центр.

Удалось зафиксировать и изменения на Демблинском аэродроме, где в конце мая разместилась 4-я эскадрилья 55-го авиационного полка, прибывшего из Франции.

Советская авиация несколько раз бомбила аэродром, но он продолжал действовать. Нам приказали выяснить, в чем дело. Оказалось, что во время налетов немцы полностью затемняли настоящий аэродром и высвечивали ложное летное поле возле кладбища у шоссе Демблин — Бобровник...

Вскоре от самолетов 4-й эскадрильи 55-го полка остались только обломки.

15 апреля Володя Моисеенко пробирался с бойцами ночью на связь с хелмскими разведчиками, когда услышал внезапно возникший в небе страшный гул. Звук чем-то

напоминал рокот авиационного мотора и в то же время не походил на него. Моисеенко остановил бойцов. Гул внезапно оборвался. Минуту спустя высоко в небе полыхнуло пламя. Оно осветило длинный сигарообразный предмет, похожий на торпеду. Из хвоста его вырвался шлейф густого дыма. «Торпеда», клюнув носом, с раздирающим уши воем ринулась к земле. Последовал глухой удар. А после десяти томительных секунд тишины громыхнул колоссальной силы взрыв!..

Следом за первой пролетели еще две «торпеды». Два новых мощных взрыва потрясли землю. Полеты «торпед» продолжались в ночь на 16, 17 и 18 апреля.

Бойцам Моисеенко удалось подобраться к месту падения необычных снарядов. Разведчики оказались на краю глубокой воронки. Вокруг нее в диаметре около ста метров виднелись следы выжженной травы, кустарника, деревьев.

В те же дни из Хелма и из местечка Фысув нам сообщили о прибытии восьмидесяти немецких техников для наблюдения за полетами странных снарядов.

Походило, что речь идет о каком-то новом оружии или о модификации оружия, еще не применявшегося на фронте.

Ответ на нашу радиограмму в Центр гласил:

«Сведения о «торпедах» получены впервые и только от вас. Приказываем приложить все усилия для выяснения типа этих снарядов, их устройства и места производства».

Через две недели мы радировали в Москву:

«По точно проверенным данным воздушные торпеды, вернее, ракеты типа ФАУ, производятся на заводе Сталева-Воля. Завод построен до войны, а в настоящее время расширен, выпускает пушки и другие виды артиллерийского вооружения. Ракеты ФАУ действуют на жидком горючем. По словам рабочих и охраны завода, ракеты используются против Англии».

В мае — июне мы установили точное местонахождение крупнейших складов немецких боеприпасов в лесу Кренщана, севернее Лукова, на станции Ромберта, под местечком Коло. Все эти склады также подверглись бомбардировкам.

Много потребовалось сил и труда, чтобы определить точное расположение и характер строившихся немцами линий укреплений сначала по берегу Западного Буга, затем на западном берегу Вислы.

[289]

Красная Армия продолжала наступать, и эти сведения были очень нужны Центру. И хотя немцы старательно охраняли район строительства на берегу Западного Буга, ничто не укрылось от наших разведчиков — местных крестьян, которые добросовестно выполняли даже связанные с риском просьбы партизан.

Весьма важные сведения сообщил, между прочим, командир строительного батальона, захваченный в плен бойцами Серафима Алексеева.

Оказалось, что укрепленная полоса тянется от Демблина до Варшавы, имеет окопы полного профиля и деревоземляные точки, но не бетонирована. Довольно подробно осветил пленный и систему укреплений в самом городе Демблине.

Данные наших разведчиков подтвердили: капитан говорил правду.

О том, что делалось у немцев за Вислой, узнать было проще: здесь рыли окопы насильно согнанные на работу поляки. С их помощью мы довольно быстро смогли установить расположение всех траншей, что строились в двадцати километрах западнее Вислы.

Очень ценную информацию удавалось иногда получить от некоторых пленных.

От танкиста Шварцингера, солдата танковой дивизии «Викинг», мы узнали, что дивизией командовал генерал-лейтенант Гилле, что в феврале она была окружена на юге вместе со 112-й и 270-й пехотными дивизиями, что затем была отведена в Люблин на отдых и переформировку и что личный состав набирают не только из немцев, но также из националистов.

Когда пленного спросили о перевооружении дивизии, он, помявшись, вдруг выпалил:

— Мы получаем новые танки «фюрер». Они значительно крупнее танков «тигр» и имеют пушки большего калибра. Кроме того, получаем небольшие танки «кошат». При столкновении с вражескими машинами они взрываются...

Разведчикам в Люблине было дано указание проверить эти сведения и уточнить технические данные новых танков.

Центр высоко оценил переданную нами информацию и подчеркнул, что аналогичные сообщения поступили также из других источников, что убеждает в их достоверности.

[290]

На станции Бедна, что по дороге из Люблина в Луков, разведчики Федора Степи взяли сразу четырех пленных. Они оказались солдатами железнодорожного отряда № 503, принадлежавшего фирме Кассель, главное бюро которой располагалось в Кракове.

Пленные заявили, что отряд прибыл под Луков еще 3 апреля для строительства второй колеи железной дороги Люблин — Луков. По их словам, двухпутное движение по дороге должно было открыться 1 июля 1944 года.

В середине июня Серафим Алексеев со своими бойцами вновь устроил удачную засаду на шоссе Люблин — Варшава. Уничтожив несколько автомашин, партизаны захватили в одной из них подполковника. Он очень хорошо знал, какие именно части находятся в Демблине, кто ими командует, где они стоят. Это позволило подтвердить и уточнить прежние данные по Демблину, полученные от разведчика Дарьяна.

Весьма точно сообщали нам о переменах в составе гарнизона города Хелм тамошние разведчики Фиска Негунда, Скиба, Верба.

Так, на 2 мая, по данным Вербы, гарнизон города состоял из двадцати пяти тысяч немецких солдат и двух с половиной тысяч служащих немецкой администрации. 14 мая Сова и Скиба сообщили, что гарнизон пополнился остатками четырех фашистских дивизий, разбитых в последних боях на советско-германском фронте.

Центр заинтересовался этими данными. Нас попросили выяснить, верно ли, что «Гроссдейчланд», то есть пресловутый полк «Великая Германия», находится сейчас в Хелме?

Проверка подтвердила правильность первоначальных данных. Подразделения «Великой Германии» были обнаружены вдобавок и в Люблине, откуда о них доложил разведчик Следующий.

Вскоре пришлось провести еще одну проверку. Фронтовые

разведчики сообщили, что на одном из участков фронта замечены танки дивизии «Викинг», в то время как мы передали о дислокации этой дивизии в Люблине.

«Распутайте узел», — приказал Центр.

Разъяснения дал пленный унтер-офицер из дивизии «Викинг» Тюльсдорф, взятый разведчиками Анатолия Седельникова.

Тюльсдорф рассказал, что в Люблине постоянно находятся штаб дивизии и подразделения, которые не успели

[291]

пополниться людьми и техникой. Как только подразделение мало-мальски укомплектуется — его бросают в бой, а разбитые части вновь выводят в Люблин. Этим и объясняется одновременное присутствие частей дивизии «Викинг» и в Люблине и на фронте...

Чрезвычайно важным «языком» оказался солдат санроты 1/572, пойманный под местечком Крупки. Выяснилось, что санрота обслуживает ни много ни мало... штаб 4-й полевой армии немцев!

Во-первых, мы определили местонахождение штаба этой армии, а во-вторых, лишний раз убедились — количество битых гитлеровских частей все увеличивается.

В мае нам уже было известно от Лисы, что в Бялой Подляске готовят помещение под штаб какого-то фельдмаршала, едущего с центрального участка фронта. Некоторые офицеры штаба уже явились. В июне туда же прибыли три фашистских генерала.

Почти одновременно с получением сведений о подтягивании в район наших действий тылов немецких армий, отступавших на фронте, варшавские товарищи Анджей, Станислава Квашневская, Стахурский передали: гитлеровцы начали демонтаж и вывоз предприятий из столицы Польши.

Это были многозначительные сообщения. Значит, фашисты почуяли, что пахнет жареным. Значит, скоро наши войска будут тут, под Варшавой!

Партизан, собиравшихся на деревенских улицах послушать радиопередачи из Москвы, тесным кольцом обступали крестьяне. Многие понимали русский и на ходу переводили землякам содержание победных сводок Совинформбюро. А уж язык артиллерийских салютов Москвы понимали все...

* * *

Кто же были те люди, которые вели разведку в польских городах?

Кто скрывался под псевдонимами Лиса, Вацлав, Анджей, Словец, Оляж, под десятками других выдуманных имен?

Были среди них и крестьяне, и рабочие, и служащие, и бывшие военные, и даже советские военнопленные, принуждаемые работать на «великую Германию».

Сейчас, к сожалению, я не могу назвать подлинные имена всех наших разведчиков. Заботясь об их безопас-

[292]

ности, мы не хранили бумаг, тексты радиограмм сжигали сразу после передачи, а разведчики фигурировали в них только под псевдонимом, чтобы в случае перехвата немецкая служба радиоподслушивания не могла разыскать наших людей...

Имена товарищей мы хранили в памяти.

Увы! Сейчас, спустя два с лишним десятилетия, память подводит меня.

Я не могу с уверенностью назвать подлинные фамилии Лисы, Чеслава, Пальмы, Словеца, Следующего, Охотника, Вербы, Совы, Скибы и многих, многих других отважных польских патриотов.

Забыл и настоящую фамилию Лодзи. Помню только, что под этим псевдонимом действовал летчик польской армии, сбитый в первых боях с гитлеровцами. Инвалид войны, этот человек горел ненавистью к поработителям родины. Он и его сестра Сирота жили в Лукове. Их сведения о Луковском гарнизоне, о прибытии туда новых воинских частей всегда отличались точностью и своевременностью.

Только один псевдоним я могу расшифровать точно. Псевдоним Анджей. Под ним скрывался, как он сам говорил, Андрей Алексеевич Саелов, уроженец деревни Ижмот, Заметченского района, Пензенской области. Перед войной Андрей Алексеевич занимал должность главного ревизора Пензенского областного управления связи. В боях был ранен, попал в плен, несколько лет провел в фашистских лагерях. В сорок четвертом году немцы заставили Саелова работать на одном из крупных складов Варшавы, где отпускалось продовольствие для воинских частей. Через руки Саелова проходили различные документы, позволявшие точно устанавливать численный состав отдельных гитлеровских формирований. Кроме того, Саелов по роду своих занятий был знаком с размещением этих формирований, знал, где находятся различные склады.

Связь с Саеловым мы установили через бывшего жителя Варшавы Магаевского. Через него передали Саелову и двум товарищам, которые прослышали о партизанах и решили влиться в их ряды, чтобы оставались в Варшаве и добывали интересовавшую нас информацию о противнике...

Да, время многое стерло в памяти.
[293]

И все же верю, отзовутся Жолубь и Леон, Словец и Дембь, Казимир и Крук, все, кто не погиб, кто живет сейчас в подлинно народной, счастливой Польше, во имя которой они сражались бок о бок с советскими партизанами!

27

Лето сорок четвертого. Палящий июнь.

Войска Красной Армии, продолжая наступление, вплотную подошли к границам Польши, Восточной Пруссии, Румынии.

Уже никто не сомневался, что гитлеровская авантюра потерпела крах, что первое в мире государство рабочих и крестьян выстояло в схватке с алчным, до зубов вооруженным врагом, что конец «тысячелетнего рейха» — вот он!

Наши солдаты и офицеры считали версты, оставшиеся до Берлина...

В это время западные союзники, США и Англия, открывают наконец второй фронт. Под прикрытием мощных авиационных армад англичане и американцы форсируют Ла-Манш. На четвертом году войны с Германией преодолены тридцать километров водного пространства! Это, конечно, не густо, да и времени упущено много, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Мы внимательно слушаем сводки о боях в Нормандии.

А между тем английские самолеты время от времени появляются и над Польшей. Они кружат над районами, где имеются силы Армии Крайовой, сбрасывают над лесами и болотами контейнеры и мешки с грузом, листовки.

По иронии судьбы большая часть грузов попадает в руки партизан Каплуна и Седельникова. В контейнерах и мешках — винтовки, автоматы, пулеметы, гранаты, радиостанции, пистолеты, инструкции о пользовании оружием, напечатанные на польском языке. А в листовках — призывы поддерживать «лондонское» правительство Польши, бороться против Советов, не пускать Красную Армию в Польшу.

Первый английский «подарочек» Каплун принял еще 15 апреля в районе урочища Туров, что в трех километрах северо-восточнее Малориты.

[294]

Второй «подарочек» попал через шесть дней к Михаилу Горе.

А следующие доставались, как правило, Анатолию Седельникову.

Мы регулярно сообщаем в Центр об английских грузах и листовках.

Лето сорок четвертого. Палящий июнь. И — тревога. Все нарастающая тревога...

Мы не были столь наивными, чтобы полагать, будто немцы после разгрома постарунков, мощного удара по

железнодорожным коммуникациям и систематических нападений на их автомобильные колонны станут сидеть сложа руки.

Гитлеровцев должно было насторожить все учащающееся появление советских бомбардировщиков над хорошо замаскированными объектами, которые ранее не подвергались нападению с воздуха. Разрушение советской авиацией нескольких аэродромов, полный разгром крупнейших складов подсказывали, вероятно, фашистскому командованию, что кто-то наводит самолеты на цели.

А поскольку с прибытием наших отрядов эфир заполнили позывные десятка новых раций, противник мог установить прямую связь между этими радиопередачами и советскими бомбардировками.

Однако до поры до времени фашисты не принимали действенных мер против нашего отряда. Они ограничились лишь усилением охраны дорог, переходом на дневной график движения поездов и прекращением поездок по шоссе на одиночных машинах.

Это время бездействия противника кончилось в июне.

Напор Красной Армии нарастал. Полчища рейха отступали. Их тылы откатывались за Западный Буг. Сюда же перемещались штабы армий и корпусов. Наш пеленгатор все чаще обнаруживал в эфире позывные новых немецких радиостанций, появлявшихся на пеленге Бреста, Люблина, Демблина, Хелма, Парчева.

Данные пеленгатора подтверждались наблюдением разведчиков. Одновременно через Станиславу Квашневскую мы узнали об активизации варшавского подполья. В городе появились листовки, призывавшие бороться с оккупантами, подполье вооружалось...

По логике вещей гитлеровцы вот-вот должны были начать облавы, но дела у них были слишком плохи. Видимо, просто не доходили руки до партизан. И все же мы

[295]

приказали своим разведчикам в городах следить, не готовятся ли фашисты к нападению на партизан, чтобы обезопасить свои штабы и движение по дорогам.

Сделано это было весьма своевременно.

17 и 18 июня из Люблина, Хелма и Парчева поступили сведения о готовящейся немцами облаве.

В те дни противник выслал на шоссейные дороги танки и войска, усилил патрулирование железных дорог. Остатки разбитых под Ковелем 32-й и 34-й немецких пехотных дивизий, отведенные в деревню Ягодное, формировали какие-то отряды.

Отмечалось оживление в гарнизонах Демблина, Хелма, Парчева.

Наши силы к тому времени распределялись примерно так: Григорий Патык, оставшийся под Брестом, уже соединился с нашими наступавшими войсками и вышел из подчинения штаба.

Каплун оставался на прежней базе возле Малориты, но был отрезан от нас Западным Бугом и в случае острой необходимости не смог бы подойти на выручку: слишком много фашистских войск расположилось вдоль Буга.

У Федора Степи и Магомеда, курсировавших под Луковом, Седлецом и Бялой Подляской, собралось около трехсот пятидесяти человек.

Под Люблином действовал с пятьюдесятью бойцами Анатолий Седельников, а под Хелмом — Володя Моисеенко с группой из двадцати пяти человек.

Парахин с отрядом в шестьдесят человек блокировал шоссе Хелм — Владава, а Христофоров с таким же отрядом — шоссе Демблин — Луков — Любартов.

Двадцать пять партизан Косенко контролировали железные дороги Хелм — Ковель и Хелм — Владава.

Отряд Серафима Алексеева из шестидесяти человек вместе с группой Григория Басарановича совершали диверсии и вели разведку под Демблином, главным образом на железной дороге Демблин — Люблин — Любартов.

Восточнее реки Буг, вдоль железной дороги Владава — Брест, располагались шестьдесят бойцов Сазонова. Отряд Филатова и пять подвижных диверсионных групп (Николая Коржа, Мусина, Швырева, Назаренко и Цигикалова) рейдировали по всему району.

Михаила Гору в это тяжелое время я направил под Демблин, а Хаджи Бритаева — под Люблин и Хелм.

При штабе отряда оставалось максимум сорок пять — пятьдесят человек. Следовало позаботиться об усилении

штабной группы на случай боя. Вот почему в двадцатых числах июня, когда штаб разместился в местечке колония Воли Верещинской, к нам подтянулись со своими людьми Парахин, Володя Моисеенко и Филатов.

Колония Воли Верещинской в ту пору состояла из полутора десятка хат и фактически представляла собой выселки расположенной в полутора километрах деревни Воля Верещинская. Тянулась колония вдоль так называемого Коровьего болота, подпиравшего ее с востока. И хотя по вечерам на нас нападали мириады комаров, мы готовы были мириться с этим:

болото давало надежную гарантию, что с востока к штабу никто не подъедет.

Зато мы внимательно наблюдали за дорогой из Хелма, идущей через Уршулин мимо колонии в направлении к Воле Верещинской и далее к Сосновицам.

На ветряке, торчавшем близ перекрестка дорог, мы в первый же день оборудовали наблюдательный пункт. С ветряка была отлично видна и Воля Верещинская, где отдыхал в те дни отряд под командой Барановского, и парчевский лес, и Сосновицы, где стоял крупный отряд Армии Крайовой.

Близкое соседство других партизан нисколько не беспокоило нас. Однако, направляясь сюда, мы не знали, что отряды Барановского и Армии Крайовой находятся тут уже давно...

21 июня стало известно: лес вблизи деревни Ягодное под Демблином и лес под Луковом уже обложены карателями, а разведчики Седелышкова и Моисеенко донесли, что из Люблина, Хелма и Парчева против партизан выходят немецкие войска.

К исходу дня наши разведчики уточнили и предполагаемые маршруты противника: из Люблина — на Волю Верещинскую, из Хелма — на Уршулин, из Парчева — на Сосновицы, на Новый и Старый Орехов.

В шестом часу утра 22 июня прискакали польские крестьяне, подтвердившие, что немцы движутся на Волю Верещинскую тремя колоннами — со стороны Люблина, Хелма и Парчева.

Почти одновременно появились немецкие самолеты-разведчики.

Мы подняли отряд, привели его в боевую готовность.

Взяв с собой Петю Истратова, я поскакал к Барановскому договариваться о взаимодействии. Он заверил, что будет держаться до последней возможности.

[297]

Установили связь и с отрядом Армии Крайовой, предупредили аковцев о приближении немцев.

В восьмом часу партизан Василий Задорожный, дежуривший на ветряке, крикнул, что видит пыль над дорогами, ведущими в Хелм и Люблин.

Связные и разведчики, обследовавшие маршруты предполагаемого движения неприятеля, подтвердили: из Люблина фашисты движутся на Волю Верещинскую, из Хелма — на колонию Воли Верещинской, а из Парчева — на деревню Сосновицы, на аковцев.

Мы заняли круговую оборону. Меня беспокоила высокая рожь, колыхавшаяся вдоль дороги, занимавшая все пространство

между нами и отрядом Барановского. По ржи немцы могли скрытно приблизиться к обороняющимся партизанам. Будь это дома, мы бы сожгли рожь. Но мы находились на польской земле...

Вскоре пыльная дымка над дорогами стала видна и нам. Потом со стороны Сосновиц послышались выстрелы, ударило несколько автоматных очередей, стали взрываться гранаты.

«Началось!» — подумал я.

Но наблюдатель тут же закричал:

— Товарищ подполковник! Аковцы драпанули из Сосновиц!

— Как драпанули?! У них же сильный отряд!

— Точно говорю — драпанули, товарищ подполковник! Вон как коней нахлестывают!

Прискакали разведчики, подтвердили: отряд Армии Крайовой отошел, не приняв боя, на рысях уходит в парчевский лес.

— Герои, так их перетак! — не удержался Гальченко.

Я приказал передвинуть пулеметы в сторону дороги на Хелм, полагаясь на отряд Барановского.

Но через полчаса выяснилось, что отходит и Барановский. Его брички тоже запылили к парчевскому лесу.

Это удивило и огорчило.

Впоследствии я узнал, что немцы подползли по ржи к самой деревне и появились так внезапно, что Барановский едва не попал в плен: он отдавал приказания партизанам, когда увидел в двадцати метрах от себя поднимавшихся в рост солдат врага...

Так около девяти часов утра 22 июня 1944 года мы остались одни перед тремя наступавшими колоннами немцев.

[298]

Не в наших правилах было показывать врагу спину. Я решил дать бой. У нас насчитывалось несколько пулеметов, две трети бойцов имели автоматы, мы располагали тремя ротными минометами.

Бежать с таким вооружением, не намяв фашистам бока?! Ну, нет!

Я приказал вывести население колонии Воли Верещинской в ближайший лесок и убрать подальше к болоту обоз, а основные силы отряда сконцентрировать вдоль дороги на Хелм, где по опушке редкого лесочка прятались жители.

Колонны гитлеровцев сближались. Их острие нацелилось на наш отряд.

В девять часов утра немцы выскочили из ржи, что росла за дорогой на Хелм. Партизаны тут же положили их.

Так начался этот бой, закончившийся только в девять часов вечера.

Мы выдержали и отбили двенадцать атак.

Фашисты явно не ожидали столь яростного отпора. Подъезжали они на бричках, словно собрались на базар, и по ржи пошли в рост, надеясь, видимо, что сомнут нас так же, как смяли аковцев. Гитлеровцы уже привыкли, что аковцы не выдерживают открытых боев с регулярными частями.

Самонадеянность дорого обошлась фашистам в первые минуты боя и заставила их быть более осторожными.

Часа через два немецкие офицеры сообразили, что голыми руками — с одними автоматами и гранатами — нас не взять.

Наступило недолгое затишье.

Мы были начеку. Еще до боя я выслал разведку в сторону Хелма и Парчева. Разведчики сразу заметили пушку, которую немцы подвезли к Воле Верещинской и пытались установить на перекрестке дорог, возле ветряка.

Артиллерийский обстрел не входил в наши расчеты.

Приказав минометчикам следовать за мною, я побежал на окраину колонии. Отсюда хорошо были видны и перекресток дорог, и тупорылая пушка, уже развернутая в нашу сторону, и орудийная прислуга, суетившаяся возле орудия.

Для миномета необходима прочная опора. Такая опора нашлась — на краю колонии был бетонный колодец. Вторая мина угодила точно между станин пушки, еще не ус-

певшей сделать ни одного выстрела. Взрыв разметал орудийную прислугу.

Немцы вызвали на помощь самолет.

Где-то за полдень со стороны Люблина прилетел «костыль». Снизившись над лесочком, летчик в кожаном шлеме со стрекозиными глазами стал швырять пакеты с мелкими бомбочками. Высыпаясь из пакета, десятки этих бомбочек-гранат взрывались в воздухе. Осколки секли деревья.

Расшвыряв пакеты, самолет удалился. Как выяснилось, «на заправку». Вскоре он появился опять и принялся за свое.

После нескольких удачных выстрелов партизанских противотанковых ружей самолет сразу набрал высоту. Теперь бомбочки не причиняли никакого вреда.

Пользуясь появлением самолета, гитлеровцы снова предприняли несколько попыток ворваться в лесок, занятый отрядом, и потеряли еще порядочное количество солдат.

Вдобавок в полдень в тыл фашистам ударил Седельников, вызванный по радио и спешно прибывший к месту боя.

В третьем часу дня на дорогу за Волей Верещинской сел

самолет. Он прилетел со стороны Люблина и, очевидно, привез кого-то из фашистского начальства.

Я приник к биноклю. Прямо посреди дороги стоял небольшой самолет. Летчик копался в моторе. А невдалеке, жестикулируя, несколько немцев объясняли что-то тучному человеку в высокой офицерской фуражке.

Тучный человек был в коричневом полицейском мундире. Я не мог разглядеть погон, но ясно видел на правом рукаве повязку со свастикой.

Человек с повязкой отдал какое-то приказание. Офицеры козырнули. Двое побежали в рожь, а двое — к Воле Верещинской. Коричневый мундир стал прохаживаться по дороге, явно раздраженный и нетерпеливый.

«Приказал атаковать еще раз, — догадался я. — Ну хорошо, сукин сын!»

Опустив бинокль, распорядился вызвать бойцов с противотанковыми ружьями.

Гитлеровцы действительно ринулись в очередную атаку. Пока шла схватка, наши петеэровцы появились на окраине колонии.

— Видите самолет? — спросил я. — Подберитесь по

ржи как можно ближе к нему. Подбейте. Мы вас прикроем.

Бойцы скрылись во ржи.

Прошло минут пятнадцать. Атака немцев захлебнулась. Парахин доложил, что партизаны скосили еще несколько десятков фашистов.

— Чего-то наши мешкают! — нервничал Петя Истратов. — Улетит ведь!

Я посмотрел в бинокль. Летчик уже сидел в кабине, а тучный человек в коричневом мундире готовился подняться в машину. На прощание он что-то раздраженно говорил подчиненным. Те слушали с виноватым видом.

Наши петеэровцы выжидали. Прекрасно, молодцы! Трудно было переоценить выдержку бойцов и их опыт.

Едва машина, разбежавшись, стала подниматься, мы услышали один за другим три гулких выстрела.

Самолет клюнул носом, накренился на левое крыло, завалился на правое и, кувыркаясь, грохнул на дорогу. Столб пламени поднялся над рожью в месте его падения, послышался взрыв.

— Влепили! — закричал Истратов. — Как пить дать — влепили!

Немцы кинулись к месту происшествия.

— Сыпаните им! — сказал я минометчикам.

Загукали ротные минометы. На дороге вспухли клубы разрывов. Не остались в стороне, «сыпанули» и наши пулеметчики.

Вскоре на дороге в Волю Верещинскую не осталось ни одного человека. Только долго еще чадил, догорая, самолет.

Огонь немцев стал слабеть. Атаки потеряли прежнюю силу, сами по себе постепенно угасли. Не иначе как у неприятеля царило полное замешательство.

Возможно, этому способствовало то обстоятельство, что к вечеру к месту боя приблизились отряды Филатова и Христофорова, вызванные по радио, чтобы помочь Седельникову еще раз ударить в тыл фашистам.

Возможно, авиационная разведка противника заметила движение партизан и оповестила об этом своих солдат под Волей Верещинской.

Так или иначе, но едва стало смеркаться, гитлеровцы начали грузиться на брички, а в девять вечера поспешно укатили, бросив даже пушку.

Отходили они на Парчев. Впоследствии выяснилось:

[301]

немцы полагали, что на люблинской и хелмской дорогах их ждут партизанские засады.

Разведчики, направленные по следу врага, узнали от крестьян, что брички заполнены ранеными и убитыми, а уцелевшие фашисты топают пешком...

Так кончился этот бой.

Немцы прибыли на двухстах бричках. Если считать, что в каждой было всего по четыре человека, то и тогда противник численно превосходил нас почти в четыре раза.

И все же мы одержали верх. Победили мужество, опыт и воинская доблесть советского человека!

Наши потери были ничтожны: двадцать партизан получили ранения. Зато только вдоль дороги на Хелм мы насчитали около шестидесяти неподобранных трупов немецких солдат. Кроме того, через день-другой мы узнали, что на самолете, уничтоженном петеэровцами, находился начальник гитлеровской полиции всего Люблинского воеводства. Матерому бандиту устроили в Люблине пышные похороны. В речах над могилой палача гитлеровцы клялись, что уничтожат «советских бандитов».

О бое под Волей Верещинской много говорили в Польше. Узнали о нем и в Варшаве. Поздравления шли со всех сторон. Их вынужден был прислать даже начальник штаба 27-й дивизии

Армии Крайовой, батальон которой постыдно бежал из Сосновиц.

Пытаясь оправдать свое поражение, немцы трубили, будто дрались с регулярной частью Красной Армии, а не с партизанами.

28

Покинув под покровом ночи колонию Воли Верещинской, штаб расстался со вспомогательными отрядами. И вновь началась кочевая жизнь — нынче одна деревня, завтра другая, послезавтра — уединенный хуторок...

В те дни к нам прилетел капитан Бахметов — молчаливый светловолосый офицер лет двадцати восьми.

Его появлению предшествовала оживленная переписка с Центром. Я сообщил, что не могу принять самолеты на прежнем месте, под Лейно, и вынужден искать новую посадочную площадку.

[302]

В Центре были удавлены и запросили, что случилось под Лейно.

Под Лейно ничего не случилось, кроме того, что чуть ли не в человеческий рост выросла рожь. Раньше, в апреле, самолеты спокойно сбрасывали груз на поля — с ростками хлеба ничего бы не случилось, а теперь, в конце июня, груз мог погубить урожай.

Центр понял нас и попросил поторопиться с выбором площадки.

Капитана Бахметова назначили ко мне помощником. Дав ему немного «обжиться» в тылу врага, я сначала отправил Бахметова для стажировки к Седельникову, а через две недели — под Демблин, в отряд Серафима Алексеева. Району Демблина Центр в последнее время придавал большое значение. Бахметов мог помочь тамошним разведчикам, да и ему, наверное, приятно было получить самостоятельный участок работы.

Казалось, все вернулось на свои места: отряды не покинули районов действия, а штаб по-прежнему колесил в тех селах, откуда удобно было поддерживать связь с разведчиками в Варшаве, Люблине и других городах.

По-прежнему гремели взрывы на железных дорогах и в депо на железнодорожных узлах. Каждую ночь бойцы отряда пускали под откос два-три фашистских воинских эшелона. Не было дня, чтобы они не уничтожали вражеских автомашин. И, как всегда, устраивали засады, захватывали пленных.

По-прежнему удавалось добывать важные данные о гарнизонах врага, его аэродромах и складах.

Уже на следующий день после боя под Волей Верещинской штаб получил весточку от Анджея. Он сообщал, что в роще южнее Коло (северо-западная окраина Варшавы) разместились три

немецких батальона: 19-й отдельный пехотный под командой капитана Петеля, 74-й строительный под командой майора, чью фамилию установить не удалось, и батальон связи старшего лейтенанта Геера.

Личный состав 19-го ОПБ составляли четыре лейтенанта, два старших врача, семь фельдфебелей и двести тридцать один солдат. В 74-м стройбате было три капитана, пять лейтенантов, пять врачей с офицерскими званиями и пятьсот пятнадцать солдат.

Личный состав этих подразделений Анджей как всегда

подсчитал по количеству продовольственных пайков, так что ошибки быть не могло.

Сообщалось также, что стройбат занят укреплением одного из районов близ Варшавы и что в батальоне связи имеется сорок пять автомашин, а также склад средств связи.

Вскоре из лагеря под Луковом бежал к партизанам военнопленный. Григорий Швецов рассказывал потом, что бойцов удивило, как этот человек мог вообще выжить: он походил на чудом двигавшийся скелет.

Однако беглец двигался, говорил, ненавидел...

Он рассказал: в шести километрах севернее Лукова, возле деревни Крыньшак, немцы устроили склад боеприпасов. На складе двести пятьдесят штабелей, по три вагона боеприпасов каждый. В восьми штабелях сложены 75-миллиметровые снаряды, в трех — авиабомбы, а в остальных — 20-миллиметровые снаряды. К складу подведена колея железной дороги. Охраняется он тремя ротами солдат 5-го отдельного строительного батальона.

Военнопленный просил дать ему оружие. Для начала мы отправили его в госпиталь под надзор Лекомцева и фельдшера Климовича, нашего первого партизанского медика...

В последние дни июня разведчики заметили: на участке Брест — Владава немецкие саперы заготавливают деревянные фермы для мостов.

Не знаю, как прокомментировал это сообщение Центр, но мы, учитывая приближение фронта, решили: гитлеровцы хотят застраховать от неожиданностей свои войска на восточном берегу Буга, боятся, что мосты будут разрушены советской авиацией.

Крайне важные сведения добыли разведчики Басарановича. Они установили, что фашистские части в спешном порядке совершенствуют на западном берегу Вислы укрепленный район, построенный еще в 1940–1941 годах. На участке Демблин —

Гарволин, по всей линии Милосна — Рембартув — Зелена Яблонка — крепость Модлин восстанавливались доты, дзоты, блиндажи, рылись новые противотанковые рвы...

В начале июля благодаря точной работе Лисы, Охотника, Руса, Любы и других товарищей штаб получил новые, очень ценные сведения об аэродроме, обнаруженном у деревни Копин (в шестнадцати километрах от города Радзынь), об аэродроме вблизи фольварка Маринин, о

противовоздушной обороне городов Демблин, Бяла Подляска и Луков, о десятках ранее неизвестных крупнейших складов германской армии.

Все эти объекты получили свое от нашей авиации.

Славек установил, что войска, перевозимые через Люблин и Луков, оттянуты из районов Сокаля, Равы-Русской и Владимира-Волынского. Он выяснил это из разговоров с поездной прислугой и немецкими солдатами. Сообщил Славек и опознавательный знак перевозимых войск — круг с вписанной в него латинской буквой F, перечеркнутой полоской, справа от круга — цифра 98 и такая же буква P, за которой еще одна цифра — 507...

Текли сведения об усилении гарнизонов Демблина, Лукова, Парчева, Хелма и Владавы, об усиленном движении воинских эшелонов по всем маршрутам, и особенно по маршруту Демблин — Луков.

В двадцатых числах июля Серафим Алексеев совершил три удачные диверсии, в результате которых были разбиты три паровоза и тридцать вагонов.

Удачную засаду устроил Седельников на шоссе Любартов — Парчев. В шести километрах южнее деревни Черемники его бойцы захватили немецкий грузовик, убив одного и взяв в плен двух гитлеровцев.

Один из пленных, Шокутке — унтер-офицер рассказал, что штаб полка размещается в Люблине и перебрался туда недавно из Суховоли. Он сетовал на большие потери, понесенные полком в последних боях, говорил, что налеты советской авиации вызывают огромные разрушения, что прислугу зенитных орудий особенно угнетает то, что русским всегда известно, где стоят пушки...

8 июля засаду на шоссе Люблин — Варшава организовал Серафим Алексеев. Здесь партизаны разбили грузовую и две легковые машины противника. Семеро гитлеровцев было убито и четверо сдались в плен. Показания пленных помогли уточнить номера прибывших в Люблин частей.

Седьмого июля нам донесли: во Владаве появился новый батальон ПВО. В городе готовят к эвакуации немецкие учреждения. Прокладывают полевые телефонные линии. Все госпитали и даже частные дома забиты прибывающими с фронта ранеными.

Войска и раненые прибывали и в другие города и крупные села.

[305]

Красная Армия подходила к Западному Бугу. Чувствовалось, недалек день, когда наши прорвутся в Польшу.

Именно в это время Центр, как никогда ранее, настоятельно требовал от нас постоянной информации о войсках противника, находившихся в районе действий соединения или проходивших через него. Нужны были подробные данные о гарнизонах, аэродромах, оборонительных сооружениях, а также о том, какие части и откуда прибыли в район действий соединения. Выполняя требования Центра, мы нацелили все силы на выполнение разведывательных задач. Даже диверсии на железных дорогах совершали теперь, как говорится, на выбор, только там, где можно было нанести наиболее ощутимые удары по врагу...

* * *

Чувствую, что несправедливо мало пишу о наших пеленгаторщиках. А между тем они оказали соединению неоценимую помощь. Едва прибыв на очередную дневку, бойцы капитана Чуба сразу раскидывали свою палатку, настраивали радиостанцию и, надев наушники, принимались вращать рамочную антенну. Что-то там у них попискивало, подвывало, потрескивало, и, глядишь, через час-другой в штабе лежала сводка об изменениях в эфире.

Наложив пеленг на карты, мы видели, через какие села и города он проходит. По силе и чистоте звука радиоразведчики капитана Чуба нередко определяли, на каком приблизительно расстоянии находится тот или иной немецкий корреспондент. Благодаря этому все отряды, через участки которых проходил пеленг, немедленно получали указание проверить, не появилась ли возле них новая немецкая часть. А пеленгаторщики, имевшие в своем распоряжении различные таблицы из Центра, безошибочно предсказывали, радиостанцию какого штаба — фронтового, армейского, корпусного или дивизионного — надо искать. Столь же четко определяли они и полицейские радиостанции.

С появлением пеленгатора работа наших разведчиков стала более целеустремленной.

И вот теперь пеленгатор постоянно засекал все новые и новые

станции, работавшие на неизвестных ранее волнах и частотах.

В начале июля число таких станций стало расти еще быстрее. Было похоже, что фашисты то ли готовят район

[306]

к предстоящим упорным боям и стягивают сюда полевые войска, то ли наращивают силы жандармерии и карателей.

Стремительное приближение фронта создавало благоприятную, совершенно новую ситуацию для разведывательных групп и отрядов нашего соединения. Это хорошо понимали в Центре. И не случайно в начале июля нам приказали создать две бригады для форсирования Вислы и выхода в более отдаленные районы Польши, на запад страны.

Предполагалось, что одна бригада будет создана на базе отряда Серафима Алексеева, группы Басарановича и приданных им подразделений. Командиром бригады назначался Бахметов, а его заместителем — Николай Павлович Корж.

Вторая бригада под командой Михаила Горы должна была вобрать в себя отряды и группы, действовавшие в луковских лесах, а также рейдировавшие отряды и группы. Вместе с Михаилом шел, в частности, как оперативный офицер Анатолий Седельников.

Бригадам предстояло выдвинуться в район города Лодзь...

Мне со штабом и частью отрядов приказывали оставаться на месте.

Исходя из полученных указаний, штаб отдал соответствующие распоряжения.

Михаил Гора и Седельников ушли под Демблин. Магомед должен бы выйти в район действий отряда Серафима Алексеева, найти там Гору и поступить в его распоряжение.

* * *

Фашистское командование не собиралось мириться с хозяйничаньем партизан по всей округе.

Немцев беспокоили не только наши отряды. На юге Люблинщины, в яновских лесах держались крупное соединение польских партизан и отряды советских командиров Прокопюка и Карасева; в Землинце стоял штаб командира польского соединения на Люблинщине, коммуниста, бывшего воина республиканской армии Испании Кжегоша Корчинского; севернее и восточнее нас ходили партизаны Белова и Крота.

Потерпев неудачу под Волей Верещинской, гитлеровцы изменили тактику. Теперь они не пытались вызвать тот

[307]

или иной отряд на открытый бой, а принялись постепенно вытеснять партизан, вбивая свои клинья между отдельными отрядами.

Наши малочисленные отряды и группы были не в состоянии бороться с превосходящими силами врага, в особенности с немецкими танками. Тем более что впереди танков теперь обычно шли саперы, снимавшие мины.

Мало-помалу фашисты почти полностью окружили яновские леса и блокировали леса под Луковом, вынудив нас отходить к Парчеву.

Правда, мы еще держались в привычном районе, перескакивая из села в село, но это не могло продолжаться долго.

Все труднее становилось поддерживать личную связь с отдаленными группами и отрядами: дороги усиленно патрулировались не только ночью, но и днем, в воздухе висели немецкие самолеты — разведчики и корректировщики, от деревни к деревне ползли колонны вражеских войск.

А между тем разведчики, проверявшие данные пеленгатора, уточнили: вокруг нас работают главным образом новые радиостанции полевой жандармерии. Это их волны и частоты не числились в таблицах капитана Чуба.

Чувствовалось, вот-вот грянет облава.

Подтверждением тому было и известие о начавшихся тяжелых и упорных боях с карателями, разгоревшихся в яновских лесах. Польские и советские партизаны под объединенным командованием полковника Н. А. Прокопюка дрались там с превосходящими силами врага, мужественно отбивая атаку за атакой, нанося противнику неисчислимые потери...

Затем, словно их смыло, из района наших действий исчезли аковцы.

Немецкие подразделения с юга, из Люблина и Хелма, методично отжимали нас от деревни к деревне. В то же время на севере, во Владаве и Парчеве, противник усилил гарнизоны, установил круглосуточное патрулирование по дороге Владава — Парчев.

Замысел немецкого командования вырисовывался довольно ясно: блокировав нас с севера, тесня с юга, заставить войти в парчевский лес, а там окружить и уничтожить.

Так же, очевидно, предполагали поступить гитлеровцы и с нашими отрядами, находившимися в луковских лесах и под Демблином.

Время торопило!

[308]

Мы могли выиграть только в одном случае, если успеем опередить противника и, подыграв ему, сорвем четко разработанные планы.

Уже 8 июля я отдал приказ вывезти в парчевский лес всех раненых. Их насчитывалось к тому времени двадцать пять человек. Старшим по лазарету назначили фельдшера Климовича, а Лекомцев пока оставался со штабом.

Числа 10–11 к парчевским лесам подтянулся и весь отряд, остававшийся при штабе.

Наши брички въехали под кроны могучих деревьев.

Шедшие позади всех подрывники минировали просеки.

Парчевский лес тянется километров на десять с севера на юг и километров на пятнадцать — двадцать с востока на запад. Мы и остановились где-то в центре этого массива.

Оказалось, впрочем, что мы здесь не одни. Вскоре я увидел соседа — Кжегоша, командира соединения Армии Людовой на Люблинщине. Как всегда, улыбаясь, он поздравил с прибытием на новое место.

Следом за Кжегошем появился еще один партизанский командир — советский майор Белов. Он с отрядом тоже попал в облаву и тоже отошел в парчевский лес. Тут же объявился второй советский партизанский отряд, под командованием Анатолия Крота. Отряды у Белова и Крота были небольшие, человек по шестьдесят, вдобавок я был старше обоих офицеров по званию. Пришлось принять командование всеми советскими партизанскими отрядами, оказавшимися в парчевском лесу.

С отрядами Анатолия Крота, Косенко, Моисеенко и Белова нас набралось около двухсот пятидесяти человек.

С Кжегошем был уговор о совместных действиях в случае нападения немцев. Однако Кжегош предупредил, что сделает попытку прорваться.

Мы не знали тогда, что гитлеровские части, блокировавшие демблинские леса, повернулись к нам спиной. А Кжегош, пробиравшийся с отрядом на юго-запад, увидел это, нашел лазейку и выскочил из кольца блокады. Ему повезло! Ну а мы так и остались в парчевском лесу.

К 20 июля парчевский лес был полностью блокирован.

С юга немецкие войска оказались от нас всего в пятнадцати — двадцати километрах. На западе тоже шла облава против партизан. С востока нас поджимали войсковые соединения фашистской армии. А на севере, вдоль шоссе Владава — Парчев, гитлеровцы вели усиленное пат-

рулирование, явно готовясь встретить партизан, не дать прорваться на соединение с наступавшими войсками Красной Армии.

Мы окончательно убедились — противник будет наносить удар с юга, и решили прорываться на север, к Лукову, Бялой Подляске, Бресту.

Другого выхода не оставалось. Да и медлить было нельзя: начиная с 20 июля над парчевским лесом повисли немецкие бомбардировщики. Мы держались скрытно, не курили, не разводили костров, брички и коней укрыли под густыми кронами деревьев. Фашисты бомбили вслепую, но бомбили по нескольку раз на день, и кто мог поручиться, что десяток бомб не ляжет однажды в цель?

Наши разведчики доносили, что патрули вблизи Парчева ведут себя гораздо беспечнее, чем те, что находятся на полпути к Владаве. Да это было и понятно: рядом с парчевским лесом фашистские солдаты чувствовали себя в большей безопасности. Немцы наверняка полагали, что возле города русские не сунутся через шоссе.

Внимательно изучив обстановку и данные разведки, я наметил направление прорыва: на деревню Кшиваверба, восточнее Парчева. Переходить шоссе решили как можно ближе к городу.

Основные силы направлялись для удара по гитлеровцам, находившимся у шоссе, в районе движения нашего обоза. После того как мы собьем вражеское охранение, группе Белова предстояло прикрыть движение обоза со стороны Парчева. Группе Крота поручалось прикрыть обоз со стороны Владавы. Группа Хаджи Бритаева после прорыва должна была продвигаться вперед и обеспечивать обоз с фронта. Группе Федора Степи было приказано охранять обоз с ранеными. Тыл прикрывали группы Моисеенко и Косенко.

Порядок следования подразделений установили такой. До прорыва: впереди группы Бритаева, Белова, Крота; брички с ранеными; обоз; группы Моисеенко и Косенко. После перехода шоссе: впереди конные группы Моисеенко и Косенко, затем раненые, обоз и обеспечивающие тыл группы Бритаева, Белова, Крота. Сигнал о начале прорыва — пулеметная очередь трассирующими пулями в сторону города Парчев. После перехода обозом шоссе — две красные ракеты в сторону обоза.

Сбор назначили в лесочке у деревни Кшиваверба.

Мы отлично понимали, что бой и бросок через шоссе

нужно осуществить в самые сжатые сроки, чтобы противник не успел собрать значительные силы.

Поэтому повозочным приказали ни при каких условиях не ввязываться в бой, а только гнать коней по намеченному маршруту.

Для сопровождения лазарета выделили тридцать крепких бойцов. В случае необходимости они должны были выносить раненых на руках...

Два дня разведчики сидели на деревьях, наблюдая в бинокли за движением фашистских войск между Владавой и Парчевом, два дня ползали возле шоссе, слушали и высматривали...

В светлое время гитлеровцы двигались сплошным потоком.

С востока нарастал гул артиллерии, и было похоже, что фашисты бросают в бой последние резервы.

С наступлением сумерек движение немцев резко снижалось. У шоссе оставались лишь группы охраны с пулеметами, сидевшие по два-три человека в окопах, да патрули. Окопы были вырыты в четырехстах — пятистах метрах один от другого.

И еще одно, но неприятное открытие сделали разведчики: шоссе окаймляли глубокие и крутые кюветы. Вряд ли можно было переехать их на бричках, не переломав дышла и не опрокинувшись.

Тотчас последовала команда — готовить фашины, вязать охапки сучьев, пакеты сена, веток.

Пришлось внести в первоначальный план незначительную поправку. За группой прорыва должны были двигаться две брички с фашинами.

На всякий случай на каждую бричку с ранеными тоже уложили фашины.

Обходя наблюдательные посты, заставы, группы заготовки фашин, я всюду видел знакомые лица.

С этими людьми я пробирался когда-то под Барановичи, выходил из облавы на Булевом болоте, с ними проделал путь почти до самой Варшавы.

Вот Митя Тюрников, начинавший с диверсий еще под Лепелем. Вот Адам Заложник, превратившийся из неуклюжего деревенского парня в отчаянного минера и разведчика. Вот Вася Задорожный, работавший на разведке Пинска и десятки раз ускользавший от полицаев и полевой жандармерии. Вот Гриша Шелег, на счету которого не-

сколько пленных немецких офицеров, один из лучших подрывников отряда.

Каждый человек — живая повесть о трудных годинах партизанской войны, о славных делах нашего соединения. Такие не могли подвести.

Именно в те минуты я понял, какое большое счастье выпало мне на долю: счастье командовать этими замечательными людьми.

* * *

Под грохот очередной бомбежки радисты приняли донесения от Бахметова и Магомеда. Ни тот ни другой не смогли прорваться через боевые порядки противника. Михаил Гора молчал: связь с ним мы так и не смогли установить.

Я запросил у Москвы разрешение, чтобы Бахметов и Магомед сами выходили на соединение со своими. Той же радиограммой доложил, что ночью попытаюсь прорвать блокаду парчевского леса.

Центр пожелал нам успеха.

Итак, оставалось продержаться до ночи.

Солнце, как нарочно, не хотело закатываться за горизонт. Багровое, затянутое дымкой, словно запыленное, оно как-то особенно долго висело над нашими головами.

В третьем часу дня под шум немецких автомашин, двигавшихся по шоссе, мы подтянули обоз и отряды к северной опушке леса, километра за четыре от Парчева.

Завывание танковых моторов, лязг гусениц, грохот грузовиков фашистов сослужили нам неплохую службу: за этим шумом не слышны были стук и скрип бричек.

В пятом часу мы лежали на опушке и смотрели, как идут вражеские войска.

Немцы и не догадывались, как близко находятся партизаны, за которыми они долго и безуспешно охотились.

— Слышишь? — шепнул вдруг Хаджи.

Я прислушался, приподнял голову. В небе появились девять «илов». Снизились над шоссе, полоснули из пушек и пулеметов. Задымили два грузовика. От взрывов заколыхалась земля.

Вскоре штурмовики вернулись. Летчики заметили нас и приняли, видимо, за укрывшихся гитлеровцев... Трудно описать, что пережили партизаны за те полчаса, что «илы» утюжили опушку...

[312]

К девяти вечера шоссе опустело.

Мы видели огоньки сигарет немецких патрулей, слышали в ночной тишине перекличку солдат.

Но мы не спешили. Знали, лучшее время для нападения —

предрассветные часы.

Настала ночь. Зыбкая, темная, но короткая июльская ночь.

В третьем часу утра я отдал приказ:

— Вперед!

Поднялись с земли, бросились вперед бойцы группы прорыва. Тучный Хаджи бежал за первой цепью. Правее — Крот, левее — Белов. Я пошел за ними.

Бесшумно обрушились на немецкие окопы.

Вспыхнули, истерично застучали, но тотчас захлебнулись пулеметы, намеченные нами для уничтожения в первую очередь. Продолжали бить только пулеметы на флангах. Но скоро умолкли.

Я задержался возле шоссе, ожидая брички лазарета и обоза. Вот подлетели головные. Партизаны на ходу соскакивали с повозок, хватали фашины, забрасывали глубокий кювет.

В Парчеве взвились ракеты. Оттуда ударили пушки. Снаряды разорвались далеко.

Лошади храпели. Испуганные огнем и разрывами, они рвались на шоссе.

Одна бричка взобралась на дорогу, другая, третья...

Группы прикрытия уже залегли и перестреливались с немецким заслоном. Свистели пули. Над Парчевом бесновались ракеты. Было похоже, что город иллюминировали по случаю торжества. Снаряды стали ложиться ближе.

Какая-то лошадь, напуганная близким взрывом, рванула мимо фашин через кювет. Повозочный не смог удержать взбесившегося коня. Бричка хрястнула, передок соскочил со шкворня, лошадь унесла его вместе с отчаянно ругавшимся возницей. А бричка, набитая мешками овса, качнулась и перевернулась кверху колесами.

Наступило минутное замешательство.

— Бричку в кювет! — закричал я бойцам.

Меня поняли. Несколько человек подхватили злополучную бричку, уложили вдоль кювета. Образовался настоящий мастик. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!

Тут я увидел Володю Моисеенко.

[313]

— Последние подходят! — закричал он. — Идите, товарищ подполковник!

Я выскочил на шоссе. Петя Истратов искал меня, держа в поводу коня:

— Товарищ подполковник! Скорей!

Мы поскакали вслед уходившим лазарету и обозу.

Гитлеровцы продолжали бить из орудий по шоссе и парчевскому лесу.

Теперь оставалось только уйти.

За нашей спиной заливались пулеметы, ухали орудия, полыхало зарево ракет над Парчевом, а мы все гнали коней.

Поле летело из-под копыт и колес, поле плыло назад, к шоссе. Мы врезались в кусты, перемахнули канавы, опять поплыло поле, и вот наконец вдали замаячили хаты.

— Кшиваверба!

— В лес! В лес!

Лес темнел правее, выделяясь на фоне бледнеющего неба.

Я остановился, заворачивая брички к лесу.

На востоке, за лесом, небо на глазах становилось желто-розовым. Заря? Розовый свет, густея, залил полнеба. Воздух колыхнулся, и земля под конями вздрогнула от далекого ровного толчка. Послышался рев канонады.

— Наши пошли! — раздалось вокруг. — Наши пошли!

Мы скакали навстречу артиллерийскому гулу. Над головой со свистом проносились снаряды. Грохот разрывов долетал откуда-то из-под Кшивавербы.

Это шли наши!

В лесу, дожидаясь отставших, я остановил отряд, направил связных к Бритаеву, Белову и Кроту, выслал разведку.

Быстро подтянулись отставшие. Прискакали Моисеенко с Косенко.

— Убитые есть?

Убитых не было.

— Раненые, отставшие?

Отставших тоже не было. Но несколько человек получили легкие царапины...

Лес перерезали просеки и дороги. Мы выбрали дорогу, что вела на восток, к фронту. Обоз растянулся по ней. Выслав боковое охранение и разведку, мы с Хаджи двинулись следом за разведчиками.

За нашей спиной по-прежнему рвались снаряды. Вокруг все гремело. Низко пролетели советские штурмовики.

[314]

Опять заметили колонну, развернулись и пошли полосовать из пушек.

Все мы, наверное, родились в рубашках. Снаряды разнесли несколько бричек и зажгли лес. Убило двух лошадей. Осколками легко зацепило трех партизан. Но все остались живы.

Штурмовики ушли. Пока собиралась колонна, подоспели

оставленные Володей Моисеенко наблюдатели.

— Фашисты драпают! — кричали они. — По шоссе сплошным валом валят! Наши прорвались, факт!

По звукам боя определили: прорыв произошел возле Парчева и где-то вблизи Бялой Подляски.

Партизанам не терпелось скорее увидеть своих. Я и сам мечтал об этом, но не имел права отменять меры предосторожности. Снова выслал вперед разведку, а в стороны — боевое охранение.

Через несколько минут навстречу нам, пригнувшись к шее взмыленной кобылицы, вылетел один из разведчиков.

— Товарищ подполковник! Наши!

Мы с Хаджи, не сговариваясь, погнали коней и часа через два оказались в штабе одной из дивизий 47-й армии.

Это случилось 22 июля 1944 года.

А через месяц я уже был в Москве, на Арбате, в знакомом кабинете Патрахальцева. Доложил о выполнении задания.

— Спасибо, — сказал Николай Кириллович. — Спасибо тебе и твоим людям. Работали вы как надо. Разведчиков представить к наградам. А сейчас иди и пиши отчет...

Прежде чем приниматься за отчет, я отослал два письма. Одно — на Дон, родителям, а второе — моему бывшему начальнику полковнику Чекмазову, который когда-то отправлял меня с Брянского фронта в Москву. Мы ведь уговорились, что я напишу ему, как только смогу. А уговор — дороже денег.

* * *

Память о друзьях вечна, как сама жизнь.

Встречаясь с Семеном Яковлевичем Скрипником, мы всегда вспоминаем незабываемые годы войны и наших дорогих боевых товарищей. Многих, к великому сожалению, нет уже среди нас.

[315]

В боях с немецко-фашистскими карателями погиб за Вислой замечательный разведчик Анатолий Седельников. Нет больше Виктора Сураева. Попав из партизанского соединения в отряд фронтовой разведки, Сураев храбро воевал, был еще несколько раз награжден, но в одном из боев его сразила вражеская пуля. Степан Каплун умер в Грозном после тяжелой многолетней болезни. Трагическая случайность оборвала жизнь умного и бесстрашного офицера Горы — Михаила Глумова.

— А помнишь, как Михаил уходил под Барановичи? — спрашивает Сеня Скрипник, и мы долго молчим...

Сам Семен Яковлевич по-прежнему бодр, энергичен и продолжает служить своему любимому делу. Время пощадило

Сеню. Мне кажется, что и внешне он почти не изменился.

И по сей день находится в армии Юра Ногин.

Хаджи Британев сразу после войны ушел в запас. Инженер по образованию, он работает ныне экспертом в Государственном комитете по внешнеэкономическим связям. Характер Хаджи остался прежним: все такой же шутник и жизнелюб.

Находится в запасе и Герой Советского Союза Антон Петрович Бринский, автор нескольких прекрасных книг о партизанах. Кстати, он очень помог мне советами во время работы над воспоминаниями.

Федор Никитич Якушев — комиссар легендарного Константина Заслонова — вышел на пенсию и живет в Смоленске.

На пенсии и секретарь Пинского подпольного обкома партии, замечательный человек Алексей Ефимович Клещев, с которым меня познакомил в сорок втором году Василий Захарович Корж. Живет Алексей Ефимович в Москве.

Порой дают знать о себе Петр Истратов — мастер цеха на одном из московских заводов, Митя Гальченко — сталевар в Запорожье, Григорий Патык, обосновавшийся на Украине, Василий Гусев, осваивающий целину, Володя Моисеенко, работающий на железной дороге в городе Морозовске.

Федя Степь — Манзиенко обосновался в Одессе и стал работником торговли.

Разведчик Николай Павлович Корж — ныне директор школы в Кожановичах, неподалеку от Житковичей, где начинал подпольную деятельность. Директором школы является и Серафим Павлович Алексеев, командир парти-

занского отряда, что первым пришел к нам за Бугом, Зная скромность Коржа и Алексеева, я не уверен, слышали ли когда-нибудь ученики тех школ, которыми они руководят, об их подвигах в годы битвы с фашизмом.

Врач соединения Лекомцев живет под Омском. Ныне он — заслуженный врач РСФСР.

Я счастлив, что бывшие партизаны и в мирные дни верно служат своему народу: варят сталь, лечат людей, руководят предприятиями, водят железнодорожные составы...

Тем, кто с оружием в руках отстоял Отчизну в годы испытаний, кто продолжает по сей день честно трудиться на ее благо, не страшна седина. Жизнь, прожитая с пользой для Родины, всегда прекрасна, как песня. А песня не подвластна даже времени.

Иван Николаевич Черный
ДАННЫЕ ДОСТОВЕРНЫ

Редактор *М. Д. Конюшенко*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *Г. Ф. Соколова*
Корректор *Л. А. Рогова*

Г-40643. Сдано в набор 5.8.67 г. Подписано к печати 22.11.67 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 10. (Усл. печ. л. 16,4). Уч.-изд. л. 17,134.
Тираж 100.000 экз.
Типографская бумага № 2
Изд. № 3/8718. *Цена 67 коп.* Зак. 926.

Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-160
1-я типография
Военного издательства Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 67 коп.

comments

Комментарии

1

В печатном оригинале эпиграф предшествует номеру главы — V_E.